

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
БРЕСТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА БЕЛОРУССКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
ПО СОЦИОКУЛЬТУРНЫМ ПРОБЛЕМАМ ПОГРАНИЧЬЯ

ЭТНОСЫ И СУДЬБЫ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Коллективная монография
Ч. 2.

БРЕСТ 2023

УДК 316.3
ББК 60.52
Э91

Рекомендовано редакционно-издательским советом учреждения образования
«Брестский государственный технический университет»

Рецензенты:

Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории
белорусской литературы
А.И.Бельский

Доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философских учений БНТУ
В.П. Старжинский

Под редакцией

заведующей научно-исследовательской лабораторией по социокультурным
проблемам пограничья, доктора педагогических наук, профессора кафедры
белорусского и русского языков учреждения образования
«Брестский государственный технический университет»
М. П. Жигаловой

Э91 Этносы и судьбы в современном социуме : теория и практика : кол-
лективная монография. Ч. 2 / под ред. М. П. Жигаловой. – Брест :
БрГТУ, 2023. – 224 с.

ISBN 978-985-493-584-3.

Авторы данной коллективной монографии (Беларусь, Иран, ЛНР, Россия, Румыния и др.), многоаспектно исследовав жизнь и творчество писателей и современного социума, попытались показать, как представлены в творчестве белорусских, русских и зарубежных художников слова разные этносы и судьбы, их характеры и культура, язык и жизненная мудрость; как воспринимаются произведения славянских авторов иноязычным читателем; отметили пути решения проблем межнационального общения в современном образовательном пространстве, указав на то значимое, общечеловеческое, вечное, которое не подвержено времени и всегда объединяет народы – это желание быть счастливыми.

Статьи публикуются в авторской редакции и адресуются специалистам-литературоведам, педагогам, психологам, а также аспирантам, магистрантам студентам и учащимся.

УДК 316.3
ББК 60.52

ISBN 978-985-493-584-3

© Издательство БрГТУ, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Жигалова М.П. Когда народы, распри позабыв, в единую семью соединятся	5
ГЛ.1. ТВОРЧЕСТВО СЛАВЯНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И ВСЕМИРНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС: ВЗАИМОСВЯЗИ И КОНТАКТЫ	7
1. Борсук Н.Н. “Той, хто нічога не даў, той нічога й не мае”: партрэт лірычнай гераіні Настассі Нарэйкі (<i>Брест, Беларусь</i>)	7
2. Гарипова Г.Т. Петровский миф и русская историософия в русской прозе XX века (на материале романов Д. Мережковского «Антихрист (Петр и Алексей)» и Д. Гранина «Вечера с Петром Великим. Сообщения и свидетельства господина М.») (<i>Москва, Россия</i>)	15
3. Демидович Т. А. Психологический аспект восприятия пандемии в творчестве поэтов Брестчины (<i>г. Брест, Беларусь</i>)	29
4. Жигалова М.П. Философия жизни и её отражение в творчестве Т.А.Демидович (<i>Брест, Беларусь</i>)	35
5. Карими-Мотаххар Джанолах. Русский язык и литература в современном Иране (<i>Тегеран, Иран</i>).....	43
6. Рачевский С. Гр. Інтэрпрэтацыя мастацкіх дэталей – творчых знаходак В. Быкава ў аповесці “Сотнікаў” (<i>Брэст, Беларусь</i>)	47
7. Шафранская Э. Ф. Постсоветская проблематика в современной русской транскультурной литературе: роман «руки-реки» Лианы Шахвердян (<i>Москва, Россия</i>).....	54
ГЛ. 2. ОТРАЖЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В ИСТОРИИ И ПСИХОЛОГИИ МЫШЛЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ	62
1. Годуйко Л.А. Имена собственные анимационных фильмов как сложный феномен: социокультурный аспект (<i>Брест, Беларусь</i>).....	62
2. Медведская Е.И. Особенности мышления взрослых активных интернет-пользователей (<i>Брэст, Беларусь</i>).....	68
3. Можейко М. А. Этнос и идентичность: культурное наследие как эволюционный ресурс в эпоху глобализации (<i>Минск, Беларусь</i>)	76
4. Морозикова И. В., Кузьмина К. Е. Ментальные составляющие образа семьи и их значение для организации психолого-педагогической работы с современной семьёй (<i>Смоленск, Россия</i>)	86
5. Самуйлік Я. Р. Святы заступнік зямлі Берасцейскай Афанасій Філіповіч (<i>Брэст, Беларусь</i>)	92
ГЛ. 3. ПРАКТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ В КУЛЬТУРЕ СЛАВЯН.....	105
1. Беженару Л.Е. Многоликий <i>Владимир</i> : имя в устойчивых словесных комплексах и фразеологии (<i>Яссы, Румыния</i>)	105
2. Годуйко Л.А. Имена собственные анимационных фильмов как сложный феномен: номинативный аспект (<i>Брест, Беларусь</i>)	111

3. Игнатюк Т. Н. Картина мира в лексике пословиц сборника И.Иллюстрова и ее отражение на особенностях лексического состава паремий (Брест, Беларусь)	118
4. Лавреенко Л.В., Шикель Т.А. Вопросы компаративистики в пьесах А.С. Грибоедова «Горе от ума» и Ю.У. Немцевича «Возвращение депутата» (Брест, Беларусь)	126
5. Рачевский С. Гр. Прэцэдэнтны паэтычны тэкст А. Русака “Бывайце здаровы, жывіце багата!..”: лёс і лінгвакультуралагічная характарыстыка (Брест, Беларусь)	138
6. Синельникова Л. Н. Неделимое «мы» в поэзии как основа русского культурного кода (Луганск, ЛНР, Россия).....	145

ГЛ.4. ПРОБЛЕМЫ ОСМЫСЛЕНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА СЛАВЯНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ШКОЛ И ВУЗОВ

1. Акушэвіч А. А. Шляхі прэзентацыі асобы і творчай спадчыны Францыска Скарыны дзіцячай аўдыторыі (г. Мінск, Беларусь)	154
2. Габдулхаков В. Ф., Зиннурова А. Ф. Манкуртизм в этническом сознании участников образовательного процесса (Казань, Республика Татарстан)	162
3. Гетманская Е. В. Русская классика: проблемы изучения за рубежом (Москва, Россия)	173
4. Коханова В. А. Изучение романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» в полиэтнических классах в условиях цифровизации (Москва, Россия).....	179
5. Критарова Ж. Н. Осмысление произведений В. Быкова в современной российской школе (г. Москва, Россия)	186
6. Маранцман Е. К., Кузнецова Н. П., Золотова И. А. Российское гуманитарное образования в эпоху противостояния смыслов особенной славянской культуры и западной утопии посткапитализма (Санкт-Петербург, Россия)	192
7. Статкевич Е. В. Личностные образцы в формировании эстетических ценностей старшеклассников (Пинск, Беларусь).	200
8. Тоболевич Т. Л., Щерба О. В. Учитель тот, к которому идут (г. Брест, Беларусь)	207
9. Чагайда Ю. Н. Профессор М.П. Жигалова – педагог и ученый по призванию (Брест, Беларусь)	212

Жигалова Мария Петровна (M. P. Zhigalova)¹, доктор педагогических наук, действительный член Академии педагогических и социальных наук Российской Федерации, Заслуженный учитель Беларуси, зав. научно-исследовательской лабораторией по социокультурным проблемам пограничья, профессор кафедры белорусского и русского языков Брестского государственного технического университета (*Брест, Беларусь*); zhigalova@mail.ru

КОГДА НАРОДЫ, РАСПРИ ПОЗАБЫВ, В ЕДИНУЮ СЕМЬЮ СОЕДИНЯТСЯ

Давно известно, что люди, населяющие нашу планету, образуют множество разнообразных общностей и знать их историю жизни, характеры, быт, культуру – значит, учиться грамотно и перспективно выстраивать доброжелательные взаимоотношения, тем самым строить мирное будущее планеты.

Особое место в этом процессе, как по значимости в культуре, так и по устойчивости в истории, занимают общности, именуемые в повседневном русском языке *народами*, а в научной литературе – *этносами*, судьбы которых всегда складываются по-разному. Тематика нашей коллективной монографии тоже подтверждает это.

Нужно признать, что сегодня современный мир переживает период этнического взрыва, эпоху своеобразного – этнического – хаоса и возрождения одновременно. Его конкретными проявлениями выступают, с одной стороны, активная миграция и смешение этносов, а, с другой стороны, рост значимости этнической идентичности; повышение интереса людей к своим этническим корням, традициям, культуре, истории, которая в разные исторические периоды всегда проявляла себя по-разному.

В ситуации же сегодняшних серьезных социальных трансформаций, которую мы переживаем в настоящее время, имеет место всплеск этничности на разных уровнях, который является сейчас, пожалуй, не менее очевидным, чем нарастание глобализационных процессов.

¹ zhigalova@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-9406-8369 * Corresponding author

Мы видим, что там, где сфера общения этносов ограничена, местные традиции и ценности неизбежно укрепляются. А там, где идёт интенсивное общение с другими этносами, если оно не носит конфликтного характера, то снимает эту ограниченность, позволяет лучше понять, как свою собственную, так и чужую культуру. Культурные же контакты, не отменяя необходимости определенной этнической самоидентификации, облегчают преодоление чувства этнической исключительности и способствуют сближению народов.

Так сама жизнь опровергла господствовавшее с начала XX столетия в мировом общественном мнении убеждение, что вследствие процессов модернизации, индустриализации, демократизации, развития гражданского общества фактор этничности будет постепенно терять свое значение в жизни людей. Однако историческая практика показала, что этничность, а также связанные с ней различные формы этноцентризма и даже национализма не только не утратили, но и значительно усилили свою роль в современной социальной, политической и культурной жизни.

Чрезвычайно остро, как никогда, в настоящее время стоят этнические проблемы во многих регионах земного шара.

Авторы статей данной коллективной монографии (Беларусь, Иран, Луганская народная республика, Россия, Румыния, Татарстан), многоаспектно исследовав жизнь и творчество писателей и современного социума, попытались показать, как этносы, нации, люди и судьбы представлены в творчестве славянских, и не только, художников слова, и как эти литературные образы воспринимаются читателями в разных государствах; обозначили также и пути решения сложных проблем межнационального общения в современном мире.

Несмотря на то, что существует много критериев, отличающих одни этносы или этнические группы от других, всё же авторы монографии – представители разных государств и этносов – постарались увидеть в творчестве художников слова и социуме основные критерии и раскрыть их значимость в своих статьях. Это такие критерии, как: совместное проживание на одной или нескольких территориях разных этносов; типы этнической общности, черты характера и психологии общения; общие особенности быта и культуры; общая историческая судьба, языковое родство.

Авторам статей удалось раскрыть и те вечные морально-нравственные ценности, которые объединяют, а не разъединяют представителей разных национальностей, потому что все люди всегда были и будут близки в одном – желании быть счастливыми.

Гл.1. ТВОРЧЕСТВО СЛАВЯНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И ВСЕМИРНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС: ВЗАИМОСВЯЗИ И КОНТАКТЫ

Борсук Ніна Мікалаеўна (Borsuk N.N.), кандыдат філалагічных навук, загадчык кафедры беларускай і рускай моў Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь) (Brest, Belarus) borsnina@yandex.by

УДК 811.161.3

“ТОЙ, ХТО НИЧОГА НЕ ДАЎ, ТОЙ НИЧОГА Й НЕ МАЕ”: ПАРТРЭТ ЛІРЫЧНАЙ ГЕРАІНІ НАСТАССІ НАРЭЙКІ

Анотацыя. У артыкуле асэнсоўваецца вобразная палітра, жанравая разнастайнасць зборніка Н. Нарэйкі “Магдэбургскае права маёй душы”. Асаблівая ўвага надаецца паэтычным радкам інтэлектуальна-эмацыйнага ахопу жыцця, якія аб’яднаны скразной праблемай – адзінства лёсу гераіні з лёсам народа. Не застаюцца па-за ўвагай аўтара артыкула спосабы выяўлення пазіцыі аўтара ў тэксце.

Ключавыя словы: паэзія, жанр, вобраз, аўтарская пазіцыя, лірычная гераіня, вобразныя сродкі, тэматыка.

"THE PERSON WHO HAS GIVEN NOTHING, HAS NOTHING": PORTRAIT OF THE LYRICAL HEROINE ANASTASIA NAREIKO

Abstract. The article analyses the images, genre diversity of N. Nareiko's collection “Magdeburg Law of My Soul”. Particular attention is paid to the poetic lines of intellectual and emotional coverage of life, which are united by a cross-cutting issues – the unity of the heroine's fate with the fate of the nation. The author of the article does not ignore the ways of identifying the author's position in the text.

Keywords: Poetry, genre, image, author's position, lyrical heroine, figurative means, theme.

Берасцейская паэзія атрымала ў спадчыну багаты і разнастайны скарб. Штогод ён папаўняецца паэтычнымі набыткамі маладых таленавітых творцаў,

у прыватнасці, Настасі Нарэйкі. Яе паэтычная кніга “Магдэбургскае права маёй душы” (2013 г.) [2], за якую яна была ўзнагароджана прэміяй аблвыканкама імя Уладзіміра Калесніка (2017 г.), – яскравае сведчанне таго, што нацыянальная паэзія заўсёды жыла тымі думкамі і пачуццямі, якія хвалявалі беларускі народ у той ці іншы перыяд сваёй гісторыі. Маючы перад сабой узоры майстэрства папярэднікаў, паэты XXI стагоддзя імкнуцца знайсці новае слова ў літаратуры. Н. Нарэйка выводзіць сваю гераіню ў свет людскога жыцця з трывогамі, клопатамі, расстаннямі і сустрэчамі, бо пераканана: лірычная гераіня мае права на асабістае шчасце; на сузіральнасць, заспакоенасць – не мае. “Што бачыцца непрадузятым вокам? Не прыкметна ў творчасці Н. Нарэйкі фальшывага пафасу. Маладая жанчына асэнсоўвае нешта сваё і па-свойму” [5], – чытаем у зборніку крытычных артыкулаў пра сучасную беларускую літаратуру. Нягледзячы на тое, што у вершах паэтэсы часам сустракаюцца русізмы, словы ў адваротным значэнні, як заўважае М. Южын, дапускае творца і сістэмныя памылкі, крытык ставіць нашу зямлячку ў годны шэраг з такімі паэтамі, як А. Мінкін і А. Каско.

Ужо на першых старонках паэтычнай кнігі “Магдэбургскае права маёй душы” чытач сустракаецца з вобразам палыну (верш “Гарбата на злым палыне”). Але ў Н. Нарэйкі палын – гэта не спараджэнне цемры, чорных сіл, як, напрыклад, у вершы М. Шэлехава (“Абудзіўся Палын! І пайшоў, бо пачуў, / Што прывабна вядзьмаркі спявалі!”; “Гэта – Чорны Палын пахадзіў па зямлі!”). Прызначэнне гарбаты “на шэрым, сухім палыне”, палыну ў вязанках, што “вісіць і сыплецца долу”, – абараніць гераіню ад злых духаў, бяспамяцтва. Як тут не ўзгадаць радкі з народных песен: “Палын – трава бескарэнная, / А радзілася я бязродная”; “Ой палын, палын, / Трава горкая, / А доля мая / Яшчэ – горшая”.

“Кожны чалавек з’яўляецца вучнем якога-небудзь глыбокага слова”. Гэты выраз выкарыстаў М. Багдановіч у якасці эпіграфа да цыкла “Думы” зборніка “Вянок”. Актуальнасць гэтага пераканання адчула і паслядоўна рэалізуе ў сваёй творчасці наша сучасніца Н. Нарэйка. Духоўнае, творчае сталенне паэтэсы адбывалася пад уплывам творчасці Уладзіміра Караткевіча. Памяці любімага пісьменніка Н. Нарэйка прысвяціла верш “Ісці па галіне, якая спружыніць і гнецца”. У 2009 годзе яна прачытала раман “Нельга забыць”. Пасля гэтага адбыўся пералом: “Я стала пісаць так, як пішу цяпер”. Колькі разоў Настасся чытае гэты раман, столькі і плача. Яна пераканана, што калі-небудзь напіша нешта такое, над чым людзі будуць плакаць, тады і зразумее, што яе творчая праца была не дарма. Плануе напісаць акраверш, першыя літары радкоў якога складуцца ў любімую цытату У. Караткевіча “Чалавек носіць сваё неба з сабою” (з інтэрв’ю) [1].

Н. Нарэйка не жадае “ствараць сабе куміраў”, таму змест нават верша “Бітва мая. Прага мая. Смага мая”, да якога ў якасці эпіграфа выкарыстаны словы У. Караткевіча, падначалены раскрыццю агульнагуманістычных ідэй, духоўнага ўзвышэння асобы.

Вызначыць сэнс імгнення быцця – вось задача, якую ставіць перад сабой наша сучасніца. Пунктам адліку на гэтым шляху для яе з’яўляецца актыўная жыццёвая пазіцыя асобы: “Горкі палын забыцца – белы яблык смерці”. Пераасэнсаваўшы добра вядомую прымаўку “адзін у полі не воін”, М. Пракаповіч у вершы “Прашчур” сцвярджае, што і адзін здольны абараніць

сваю Радзіму ад духоўных чужынцаў, калі ён “душою сваёй і целаю зросся” з роднаю зямлёю: “Адзін у полі – не воін, / калі гэта поле – чужое. / Устану ў полі / адзін я, / калі гэта поле – / Радзіма” (верш “Прашчур”). Услед за сваім земляком Н. Нарэйка ўдакладняе сваю пазіцыю па гэтым пытанні: “Я – чалавек. І для бітвы народжаны я. / Вазьмі гэты меч, мой збраяр...”. “За сталь і Радзіму не шкода жыцця мне свайго”, – сцвярджае лірычная гераіня і ў вершы “Меч у зямлі”.

Удумаем ся ў апошні паэтычны радок верша “Бітва мая. Прага мая. Смага мая”: “Толькі зброя – смецце...”. Як бачна, з вышэйпрацытаванага радка лірычная гераіня не адмаўляе “бітву”. Але што прапануе паэтка ў якасці зброі? Слова! І бітву, якую збіраецца весці Н. Нарэйка, як сведчыць назва верша, стала для творчай асобы і духоўнай патрэбай, і памкненнем. Невыпадкава ў вершы “Аб рашотку каміна” Н. Нарэйка сцвярджае, што “лук мой – смык”. Смык – музычны інструмент, які павінен даць голас, відаць, не толькі паэтцы. У свой час Ф. Багушэвіч, ужываючы некалькі псеўданімаў, імітаваў наяўнасць актыўнага літаратурнага жыцця, прысутнасць на беларускім паэтычным Парнасе адразу некалькіх аўтараў. “Смык ёсць, а хтось скрыпку, можа, даробе, а там была “Дудка” – вот і мы зробім музыку” (з прадмовы за зборніка “Смык беларускі” Ф. Багушэвіча).

Настасся Нарэйка выразна ўсведамляе, што прадмет і сэнс любога віду мастацтва – абуджаць творчую энергію людзей, перш за ўсё мысліцельную. Таму вучыць чытача пільней ўглядацца ў душу чалавека, каб зразумець, хто ж мы такія ёсць.

Пазіцыя чалавека, што стаіць на мяжы з мінулага ў будучае, знаходзіць у паэзіі Н. Нарэйкі маральна-філасофскае асэнсаванне. Духоўная сіла чалавека, паводле канцэпцыі паэтэсы, – у яго самааддачы, стваральнай актыўнасці: “Бо той, хто нічога не даў, той нічога й не мае, / Бо толькі жабрак цэлы свет у далонях трымае”. У вершы “Ніякая вернасць мяне ля цябе не ўтрымае” яна лаканічна выражана ў слове “вернасць”. Па перакананні аўтара паэтычнага зборніка “Магдэбургскае права маёй душы”, смерць, дысгарманічныя працэсы ў грамадстве здольны спыніць, згарманізаваць каханне, вернасць, прыгажосць. Нельга забываць, што Настасся Нарэйка – перш-наперш Жанчына, а потым ужо творца. Таму тэмы жанчына і час, жанчына і лёс, жанчына і гісторыя... гарманічна ўплятаюцца ў асэнсаванне мастачкай слова трывог сённяшняга дня ў павязі часоў, дыялектыцы іх пераемнасці і абнаўлення: “І вернасць адна гэты жудасны свет скалане, / Узніме наверх каламуць, што ляжала на дне, / І той, хто ўзяў, намалое стралу на сцяне, / І вернасць адна ўтрымае цябе ля мяне”.

Меч – гэта не проста зброя, што ляжыць у зямлі, не проста сімвал годнасці продкаў, якія не абразілі свой род, годна абаранялі Радзіму са зброяй у руках (верш “Меч у зямлі”). Вобраз мяча перарастае рамкі канкрэтнасці. Чытач становіцца сведкам трагедыі лірычнай гераіні. Вобраз мяча персаніфіцыруецца ў вобраз здрадніка, які не захаваў жыццё каханага лірычнай гераіні (“Несправядліва? І што? Як мне быць справядлівай? / Мне, што так моцна, так шчыра кахала яго?”), не абараніў воя (“Як ты мог дапусціць да жахлівай, / Да жудаснай смерці воя святога майго?”).

У адносінах паэтэсы да вайны, змагання чуецца Яраслаўнін пачатак. У сваім доме лірычная гераіня Н. Нарэйкі чакае, калі вернецца вай. Плача, перажывае,

адсюль насычана сць паэтычнах радкоў (верш “Меч мой”) рытарычнымі пытаньнямі, яна верыць, не падае духам. Верш “Я, твая паланянка, ніколі не буду з табой” таксама вабіць той жыццёва-жаночай сілай, якая заўсёды была, ёсць і будзе здаровым фундаментам кожнай нацыі: “Я, твая паланянка, ніколі не буду з табой... / Калі б можна было залатыя сукенкі твае, / Падарункі, якія мне горш, чым вярыгі на шыі, / Пераплавіць на зброю, – о, я скарыстала б яе! / Каб павыпусціць чорную кроў! І ніхто не / адмые”. Пагадзіцеся, тут крыніца аптымізму паэтэсы.

Верай матулі, каханай у дапамогу вышэйшых сіл прасякнута верш Н. Нарэйкі “Уцягні мне нітачку ў іголку”. Маці ўспрымае ноч як час змаганьня добрых і злых сіл, час заклінаньня лёсу (“...цёплай ніткай белай / Працягну я лінію жыцця”). Таму і і выбірае гэты час сутак для рукадзельнай працы: “Вышывала з вечара да золку – / Вочы не маглі не прытаміцца”. Згодна з народнымі вераваньнямі, вышытая рукамі каханай і маці кашуля будзе ахоўваць сына ад смерці: “Апрані кашулю, калі ласка, / Вузел завяжы на паяску. / Ведаю: вайна – не сон, не казка. / Працягні мне з полымя руку”.

Шлях духоўнага адраджэньня беларусаў ад бязвер’я, бяспамяцтва, абьякавасці да будучыні Настасся Нарэйка, як у свой час і М. Багдановіч, звязваюць з адносінамі народа да роднай мовы (верш “Каласы, камяні і крыніцы...”). “Мова-казка”, “мова-загадка”, “мова-крык”, “мова-боль”. У гэтых вызначэньнях і гонар лірычнай гераіні за сучаснікаў, бо расце цікавасць моладзі да гісторыі народа, таму і лічыць Н. Нарэйка, што прыйшоў час для глыбокага, абноўленага вывучэньня мовы. Тут і перажыванні, і распач, і боль, і крыўда, і жах ад таго, што некаторыя дзеці, ды і дарослыя ў пачатку ХХІ стагоддзя на роднай мове могуць прачытаць ледзь-ледзь.

Некалі Н. Нарэйка пісала па-руску, атрымлівалася. Прачытаўшы факт з біяграфіі М. Багдановіча, якому казалі, што ўсе творы, напісаныя ім па-руску, не варты аднаго радка, напісанага па-беларуску, вырашыла пісаць толькі на роднай мове (з інтэрв’ю). Усведамленне раўназначнасці такіх паняццяў, як любоў, вечнасць, мова (“Між любоўю і вечнасцю кладка, / Наш адвечны, забыты пароль”) вядзе да разумення працэса выхавання маладых людзей на нацыянальных традыцыях, праз далучэньня да роднага слова. Шчымлівы роздум гераіні, дзякуючы таленавіта ўплеценаму ў паэтычныя радкі, пароля К. Каліноўскага (“Каго любіш?” – “Люблю Беларусь”) прасякнута аптымістычнымі ноткамі. Вывесці народ са стану забыцця, выхаваць любоў да роднай зямлі, якая атаясамліваецца для берасцейскай паэтэсы з такімі паняццямі, як “каласы, камяні і крыніцы... / Карагод, крыгаход, краявід...”, – гэта творчая місія мастака слова, па перакананні Н. Нарэйкі. Сведчанне гэтаму – апошні радок верша: “Божа мілы, як гэта ўзаемна!”

Н. Нарэйка жыве на Камянеччыне, куды прыехала пасля вучобы ў БДУ на факультэце журналістыкі па спецыяльнасці “Літаратурная работа. Журналістыка”. Зямля, якая прапітана “водарам гісторыі”, нашэптвае мастачкі слова нечаканыя вобразы: “Зоры Рагнеды”, “Зоры Ядвігі”, “Зоры Барбары”: “Я буду пісаць / Пад зорамі вашымі, / Сёстры. / Для думак і слоў / У душы не наладжу турму. / Хай месяц плыве, / Каляны, празрысты і востры. / Хай зоры палаюць, / Як сотні гадоў таму”. Зоры, высокія, уплеценыя ў косы Рагнеды,

Ядвігі, Барбары, свае і далёкія, – сведчанне таго, што паэтка тонка адчувае трывалую сувязь пакаленняў. Ці не прывабная суседка Белая вежа падказала Н. Нарэйка назву зборніка? Для паэта-гуманіста важна, каб наступныя пакаленні вучыліся на ўроках гісторыі, таму і ўваскрашае Н. Нарэйка свет мінулага на старонках зборніка. Ненавязліва спалучае вобразы Вежы, Турава, Гальшан, арбалета, лука, мяча, крыжакоў, пошчак тугіх капытоў, абломкаў даспехаў, байніц, магдэбургскага права..., якія ўмоўна можна аб’яднаць пад назваю “з прывідаў Бацькаўшчыны”, і ўводзіць у паэтычныя творы, эмацыянальна-інтымна-філасофскія.

Нельга не заўважыць, што часам паэзія Н. Нарэйкі тэматычна звужаецца да сферы прыватнасці, камернага лірычнага “я”. Лірычная гераіня зборніка “Магдэбургскае права маёй душы” ўсё шчыльней замыкаецца ў сваіх чыста індывідуальных настройах і перажываннях: “Над свечкай гарачай / Схілюся і плачу. / Жыццё і каханне – / На злом” (верш “Босыя ногі”) Дзякуючы такому тэматычнаму звужэнню, паэтэса паглыбляе і пашырае псіхалагічны партрэт сваёй гераіні. Для яе слова каханне сінанімічна такім паняццям, як высакароднасць, адданасць, чалавечнасць. Як бачна, абраннік лірычнай гераіні Н. Нарэйкі не адпавядае такім патрабаванням: “Страшна... Я сябе ўжо губляла? / Усё адно! Вар’ятка я? Наўрад... / Ува мне МЯНЕ занадта мала, / Ува мне ЦЯБЕ занадта шмат”. Нягледзячы на няспраўджанае каханне, перад чытачом прадстае вобраз светла-лірычны, які не выклікае настроі песімізму, безвыходнасці, непаўнавартаснасці: “... будзеш са мной шчаслівы, / Веру. Я веру! Верую...” – верш “Безгалоўе. Сілу бязмерную”); “Чакаю цябе. Як сон. Як дабро. Як ніколі!” (верш “Дровы згарэлі. Холаду – вольная воля”). Сутнасць духоўных адчуванняў гераіні, на наш погляд, выразна выяўляецца ў эпітэтах, якімі надзяляе яна свайго каханага – “раз’ятраны”, “пакрыўджаны”, “злосны”, “горкі”, “незабыўны”, “пракляты”, “суцэльны праклён”, але ні ў адным паэтычным радку не адчуваецца пратэст супраць насмешлівага лёсу (“Вы – сонца”; “Вы – шчасце”). Больш таго, гераіня Н. Нарэйкі з гумарам уступае ў дыялог з навакольным светам: “Мне ў слове “тыдзень” мроіцца “ты дзе?”... Выплакалася яна на сваю долю пажаночаму ціха (“Спі, мой пакутны. / Спі, мой атрутны. / Жыць і не ведаць / Лягчэй” – верш “Босыя ногі”). Разуменне таго, што кожнае імгненне, пражытае побач з каханым, змяшчае ўсю паўнату быцця, падштурхоўвае паэтэсу да ўжывання слова “Вы”, “Вас” з вялікай літары: “Я не скажу ніколі Вам: кахайце”; “Як бясконца мне Вас не стае!”; “Думаць пра Вас – вось мая горкая доля”; “Я малюся за Вас у пустэльні”. Для паэтэсы замена “Вы” на “ты”, “цябе” – гэта своеасаблівае ўказанне на аддаленасць закаханых, духоўнае непаразуменне: “Не першая наша сустрэча. / Не першы наш страшны бой. / І сэрцы, і вочы, і рукі, / І вусны, і думкі, і словы / Злучыцца не могуць, / Хоць лёсам / Зведзены здаўна ў адно” (верш “Не першая наша сустрэча”).

Як бачна, лірычная гераіня Н. Нарэйкі – чалавек мяккі, шчыры, самаахвярны, выразна ўсведамляе, што ў супрацьстаянні “мяне і цябе” няма, ды і не можа быць пераможцаў і пераможаных: “За цябе я аддам цэлы свет. / Клята будзь, магдэбургскае права!” Пра сябе ў адным з інтэрв’ю паэтэса сказала: “Я найўная, напэўна. Думаю, гэтая рыса карысная для паэта і пісьменніка. Яшчэ рамантычная. Гэтая якасць таксама часам дапамагае. І адданая: рабоце, Радзіме, справе, якая ў мяне ёсць” (з інтэрв’ю).

Думаецца, для паэтычнай кнігі паэтэса невыпадкова абрала назву “Магдэбургскае права маёй душы”. “Кніга прысвечана ўнутранай свабодзе чалавека, праву яго душы на самакіраванне” (з інтэрв’ю). Пра ўласную кнігу Настасся Нарэйка марыла даўно, а вось калі выпала такая магчымасць, чамусьці доўга сумнявалася. Шмат разоў перачытвала, нешта выкідала, нешта дадала. Паэтычны зборнік быў надрукаваны па прапанове Брэсцкага аддзялення Саюза пісьменнікаў па выніках праведзенага ў вобласці літаратурнага конкурсу.

Паэтэса жадае годна кроць па аднойчы абранаму шляху, дамагаецца рэалізацыі сваіх абсалютных правоў. Адсюль паэтызацыя жыцця і творчага працэсу: “Да нашай наступнай сустрэчы / Я БУДУ пісаць і жыць!” (верш “Не першая наша сустрэча”).

Невыпадкова скразной лініяй у зборніку праходзіць тэма роздуму пра існасць і сутнасць мастацтва і ролю творцы ў дысгарманічным соцыуме. Складваецца ўражанне, што паэтэса ўспрыняла шапэнгаўэраўска-ніцшэанскую думку пра мастацтва як адзіны гаючы сродак супраць песімістычнай канцэпцыі чалавечай экзістэнцыі: “Са мною няпроста. / Калі сярод ночы ўскочу. / І шпарка пішу / Дзе патрапіць жывыя радкі... / Калі я тану між папер, / Як у моры адчаю, / І рву, і палю, і пасля аднаўляю. / Наноў! / Калі я з Пегасам / У брудныя гульні гуляю, / А потым прашу прабачэння, / Бо гіну ізноў” (верш “Са мною няпроста”).

Н. Нарэйку як творцу хвалююць пытанні пра сваё месца ў свеце, пра адказнасць перад гэтым светам – не толькі за сябе, але за ўсю Айчыну. Яна разгублена пытаецца ў самой сябе: “Як нарэшце ўцяміць, / Што йдзе / Паляванне на нас?!; “Што зрабіла ты з намі, / Time, Zeit, Время?”; “Дзе знайду цябе, загадкавае выйсце?”; “Пад усіх табе падстройвацца сумленна / Ці заўсёды быць адным самім сабой?” У творчасці Н. Нарэйкі няма прыродаапісальных твораў, не характэрна паэтычнай манеры мастачкі слова адстароненае назіранне і эстэтызацыя жыццёвых з’яў і фактаў. Чытач становіцца сведкай экстрапаліравання лірычнай гераіні ў свет жывой прыроды, калі яна гатова пацютчаўску растварыцца ў ёй (“Плывуць бярозы ў сумным паланезе. / І вецер, нібы музыка, у цішы. / Я ведаю: на гэтым чыстым снезе, / Як пляма, чарната маёй душы” – верш “Чатырохрадкоўі”), ці ў перспектыву вечнасці (вершы “Белая зала”, “Часам бывае”, “Загарніце апошнія слёзы ў паперу”). Звяртаючыся да ўлюбёнай восені, яна кажа: “Восенню трэба на сцены і кнігі маліцца, / Восенню трэба блукаць па старых гарадах. / Восенню сны і пылле атрасае гісторыя, / Восенню бітва вякоў паўтараецца зноў...” (верш “Восень вярнулася”). Выкарыстаўшы лексічную анафару, Н. Нарэйка выяўляе сваё ўспрыманне восеньскай пары як сталасці чалавечага веку (напрыклад, у вершы “Восень вярнулася” слова “восень” восем разоў ужываецца на пачатку кожнага паэтычнага радка). Гэтая традыцыя ідзе з часоў Геракліта, Платона, адпавядае народнай філасофіі і эстэтыцы. Цяжка не пагадзіцца з сучаснай даследчыцай А. Хатэнка, якая пісала: “Восень мае сваю мелодыку, свае замовы і звароты да Неба: яна не просіць літасці і спагады, як вясна дзеля завязі, не бунтуе цягай зачыну, як лета, не песціць надзею на абуджэнне, як зіма. Восень рахункуе. Яна мудра і прасветлена бачыць, хто чаго варты на крыжы сусветных дарог” [3, с. 70]. Восень – любімая пара Н. Нарэйкі. “Калі на вуліцы холадна, асабліва адчуваеш цеплыню родных людзей, роднага краю. Менавіта восенню цягне

дадому і ў мінулае роднай краіны. Менавіта восенню хочацца чытаць гістарычныя творы. Асабліва У. Караткевіча, калі ідзе дождж, калі цёмна, калі навальніца. Тады “Дзікае паляванне караля Стаха” – тое, што трэба” (з інтэрв’ю).

Дарэчы, выкарыстанне такой стылістычнай фігуры, як анафара – харатэрная адметнасць паэтычнага стылю Н. Нарэйкі.

Красамоўным узорам выкарыстання гэтага прыёму з’яўляецца верш “Ты адзіны мой, Богам дадзены”, які ўспрымаецца чытачом як гімн каханню, любові. Колькі пяшчоты, шчырасці, самаахвярнасці, далікатнасці, высакароднасці ў кожным паэтычным радку верша. Колькі трапных узнёслых эпітэтаў!

Ты адзіны мой, Богам дадзены.
Ты радзінны мой, а не крадзены.

Ты спрадвечны мой, векапомны мой.
Ты бяспрэчны мой і нязломны мой.

Ты – жыццё маё, ты – мой снег сівы.
Ты – маё жніўё, ты – мой меч крывы.

Ты – вясла крыло, ты – вятрак стары.
Ты – нябёсаў шкло, гарадоў муры.

Ты – палёў абсяг, ты – зубрыны крок.
Ты – жыцця працяг, ты – жыцця ўрок.

Ты бяздонны мой, ты бяссонны мой.
Ты палонны мой, ты загонны мой.

Ты калючы мой, ты бяззбройны мой.
Ты балючы мой. Незагойны мой!

Ты адзіны мой. Сярод воўчых зграй.
Ты глыбінны мой... Ты – мой родны край.

На наш погляд, жанр паэтычных твораў Н. Нарэйкі можна вызначыць як творы інтэлектуальна-эмацыяльнага ахопу жыцця. Як нам бачыцца, менавіта спосаб мыслення мастачкі слова прадыхтаваў недзе на падсвядомым узроўні выбар гэтай жанравай формы. Сутнасць сваёй натуры Настасся Нарэйка даволі тонка вызначае ў вершы “Са мною няпроста”: “Я – чорны адчай / І белы, крыштальны спакой”.

Настасся Нарэйка нарадзілася ў невялічкім правінцыйным гарадку Маладзечна. Першыя паэтычныя радкі напісала ў дзесяць гадоў і адразу на беларускай мове (верш “Мая Беларусь”). Не дзіўна, бо вучылася ў беларускай гімназіі, выхоўвалася ў сям’і, у якой заўсёды размаўлялі па-беларуску, займалася ў літаратурным аб’яднанні “Узлёт” у педагога і паэткі Таісы Трафімаўны.

Публікацыі ў газеце “Раніца”, часопісах “Бярозка, “Першацвет” сведчылі: на паэтычным небасхіле нарадзілася зорачка са сваім бачаннем свету. Роднай гімназіі прысвяціла верш “Мая гімназія”. Гэты твор штогод гучыць у выкананні гімназістаў на урачыстым свяце “Прысвячэнне ў гімназісты”. Гады вучобы ў БДУ спрыялі творчаму сталенню маладой паэтэсы. Н. Нарэйка – аўтар адзінага паэтычнага зборніка. Безумоўна, шмат часу адбірае любімая праца ў газеце “Навіны Камянеччыны”. Прайшла шлях ад карэктара – карэспандэнта – загадчыка аддзела пісьмаў і сацыяльных праблем – да адказнага сакратара. Тым не менш, даволі часта публікацыі беларускай паэткі з’яўляюцца на старонках часопісаў “Полымя”, “Маладосць”, “Куфэрак Віленшчыны”, газет “Літаратура і мастацтва”, “Заря”, “Маладзечанская газета”, у калектыўных зборніках “Сила слабости» (жаночая паэзія Брэстчыны), «ЛітАўра”, “Кахаць і верыць” (апавяданні маладых пісьменнікаў Беларусі). Член Саюза пісьменнікаў Беларусі. Сёння Настасся Нарэйка вядзе гурток па журналістыцы ў аддзяленні дзённага знаходжання для людзей пажылога ўзросту пры мясцовым Цэнтры сацыяльнага абслугоўвання насельніцтва, расказвае пра тое, як трэба пісаць, як браць інтэрв’ю. Зацікаўлена кіруе літаратурным гуртком “Жарынка” ў Каменцы. “Чаму “Жарынка”? Ёсць у беларускай мове такое прыгожае слова, якое абазначае “гарачы вугалёк з вогнішча, які перадаваў адзін аднаму”. Так і я ў сваім гуртку хачу перадаць цяпло сваёй душы дзецям” (з інтэрв’ю). Па вечарах Настасся абавязкова звяртаецца да свайго дзённіка. Праводзіць над ім ад некалькіх хвілін да некалькіх гадзін, у залежнасці ад таго, як прайшоў дзень. З гэтых запісаў потым атрымліваюцца неаблігі апавяданні, як лічыць Н. Нарэйка.

Філасофія жыцця, зямная ў сваёй аснове, вельмі адчувальна ў вершах Н. Нарэйкі, якія прысвечаны тэме радзімы: гораду Маладзечна, куды яна вяртаецца ў снах, на яве, і Камянцу, якую пасля двухгадовай адпрацоўкі не змагла пакінуць Настасся, духоўна з’ядналася творца з берасцейскай зямлёй: “Два гарады. / Дзве радзімы маёй душы. / У адным мае – карані. / У другім – мае вершы”, – піша паэтка ў вершы “Трэба ехаць дамоў”. “Трэба дома бываць часцей...” – узгадваюцца знакамітыя радкі з верша Рыгора Барадуліна, калі чытаем вершы Н. Нарэйкі “Успамінаць не трэба”, “Калі ў Навагрудку” і інш. Родны дом, вуліца, горад – у кожнага яны свае. Маладзечна асацыіруецца для Н. Нарэйкі з дзяцінствам, бацькамі; Камянеччына – з вершамі, Вежай, гісторыяй, каханым. Паэтэса ўдзячна гэтым гарадам, якія “стварылі” яе, моліцца за іх пакой, росквіт: “Вы сумесна пісалі мяне, / Бы карціну ці верш”. У вышэйназваным вершы паэтка выкарыстала метафару (вобраз спарышоў) двух гарадоў, у свой час да гэтага вобраза звяртаўся П. Панчанка (верш “Спарышы”) з мэтай паяднання хлопца і дзяўчыны, М. Багдановіч – частак санета (нарыс “Санет”).

Аўтар прадмовы за зборніка “Магдэбургскае права маёй душы” Мікола Чарняўскі выказвае меркаванне, што “толькі чалавек, надзелены паэтычным дарам, здольны ад імя свайго лірычнага героя гэтак пранікліва-шчыmlіва, на мове шчырасці і даверу, а галоўнае – вобразна, паспавядацца перад чытачом і перад сабою, стварыць свой “паэтычны партрэт”, які, магчыма, некаму падасца не дужа прывабным, але з паэтычнага боку – зноў жа арыгінальным, па-свойму асэнсаваным, “намалюваным”, такім, якім атрымаўся ён яшчэ ў адным вершы Насці Нарэйкі лірычна-інтымнага плану: “Зноў вы прыходзіце...”: “Вецер у коміне / Вые адчайна. / Вы ля агню. / Я, канешне, у ім. / Я дагару, / Дагару, як звычайна. / Я – ваўчаныя / З поўсцю шэрай, як дым” [4, с. 7].

Па нашым перакананні, у паэтычнай кнізе Настассі Нарэйкі “Магдэбургскае права маёй душы” гарманічна яднаюцца два светы. Аўтарская свядомасць паэтэсы пераключаецца то з лірычнага, адасобленага “я”, “я” ў свеце на “мы” – дзеля падкрэслівання адзінства свайго лёсу з лёсам народа; то з “мы” на “я”, бо кожны чалавек “мае права на самакіраванне, самавыражэнне”, асабістае шчасце. Творчасць для Н. Нарэйкі – гэта адказ самой сабе на шчымлівы штодзённы запыт: што далей, як, чым жыць? Гэтыя пытанні можна назваць праблемай адаптацыі творчых людзей у сучасным мітуслівым грамадстве. Думкі паэтэсы глыбокія па змесце, лаканічныя, выразныя, у іх сканцэнтраваны жыццёвыя назіранні маладой жанчыны, таму не дзіўна, што паэтычныя тэксты Н. Нарэйкі сталі прасторай для афарызмаў: “Права выбару – дрэннае права”; “Кнігі жывуць і помняць / Болей, чым помняць людзі”; “Той, хто нічога не даў, той нічога й не мае”; “Толькі жабрак цэлы свет у далонях трымае”. “Паэтычная кніга “Магдэбургскае права маёй душы” – гэта крок нашай зямлячкі да пераадолення хаосу, спосаб спыніць разбурэнне хараства ў хуткаплынным асабістым і грамадскім жыцці асобы.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Дарафейчук, Л. Інтэрв’ю з Настассяй Нарэйкай (узятая вучаніцай СШ № 6 г. Брэста) / Л. Дарафейчук. Рукапісны варыянт.
2. Нарэйка, Н. Магдэбургскае права маёй душы : вершы / Н. Нарэйка. – Брэст : ААТ “Брэсцкая друкарня”, 2013. – 108 с.
3. Хатэнка, А. Зніч крыжовых дарог / А. Хатэнка. – Мн. : Польша, 1992. – 118 с.
4. Чарняўскі, М. “Я такая, як ёсць...” / М. Чарняўскі // Магдэбургскае права маёй душы : вершы / Н. Нарэйка. – Брэст : ААТ “Брэсцкая друкарня”, 2013. – С. 3–12.
5. Южын М. Зборнік крытычных артыкулаў пра сучасную беларускую паэзію / Ю.Южын // http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=51014.

Гарипова Гульчиря Талгатовна (G.T. Garipova), доктор філалагічных наук, доцент, прафесар кафедры рускай літаратуры ІГН МГПУ, прафесар кафедры рускай і зарубежнай філалагіі ВлГУ, Акадэмік МАНПО, Почетны акадэмік Акадэміі наук Турон (Інстытут народаў Сярэдняй Азіі ім. Махпірат) (Москва, Расійская Федэрацыя) (Moscow, Russian Federation); ggaripova2017@yandex.ru

ПЕТРОВСКИЙ МИФ И РУССКАЯ ИСТОРИОСОФИЯ В РУССКОЙ ПРОЗЕ XX ВЕКА

(на материале романов Д. Мережковского «Антихрист (Петр и Алексей)»
и Д. Гранина «Вечера с Петром Великим.
Сообщения и свидетельства господина М.»)

Аннотация. Автор рассматривает особенности функционирования Петровского мифа в романах Д. Мережковского и Даниила Гранина в контексте антропоцентрических художественно-философских концепции русской литературы XX века. Рассматривается антропоцентризм историософии Даниила Гранина в контексте прямых и не прямых референций с романом «Антихрист. Петр и Алексей» Д. Мережковского и религиозно-философским произведением Д. Андреева «Роза мира». Автор прослеживает и прямые соотношения хронологического художественного метакода «распавшегося пространства» как формы историософской бифуркации в романе Д. Гранина, функционально выстраивающей ряд «история петровской эпохи - история России XX века». Петр Великий определяется как историософский концентр для понимания исторических событий и личностей XX века. В частности, интертекстуальное прочтение «внутренних исторических рецептов» романа Гранина (Петр-Сталин-Хрущев-Брежнев...) в контексте семантики «Родомысл – Жругр» позволяет идентифицировать авторскую концепцию «исторической власти» как художественную фоновую традицию для российской культуры и истории XX века.

Ключевые слова: Петровский миф, русская историософия, Д. Мережковский, Д. Гранин, Д. Андреев, мессианская концепция, метакод, мифологизация.

PETER 'S MYTH AND RUSSIAN HISTORIOSOPHY IN THE RUSSIAN PROSE OF THE TWENTIETH CENTURY

(based on the novels by D. Merezhkovsky “The Antichrist (Peter and Alexei)”
and D. Granin “Evenings with Peter the Great. *Reports and testimonies of Mr. M.*”)

Abstract. The author examines the features of the functioning of the Petrovsky myth in the novels of D. Merezhkovsky and D. Granin in the context of anthropocentric artistic and philosophical concepts of Russian literature of the twentieth century. The anthropocentrism of Daniil Granin's historiosophy is considered in the context of direct and indirect references to the novel “The Antichrist. Peter and Alexey” by D. Merezhkovsky and D. Andreev's religious and philosophical work “The Rose of the World”. The author also traces direct correlations of the chronotopic artistic meta-code of “disintegrated space” as a form of historiosophical bifurcation in Granin's novel, functionally building a series of “the history of the Peter the Great era – the history of Russia of the twentieth century”. Peter the Great is defined as a historiosophical center

for understanding historical events and personalities of the twentieth century. In particular, the intertextual reading of the “internal historical receptions” of the novel Granin (Peter-Stalin-Khrushchev-Brezhnev ...) in the context of the semantics of “Rodomysl – Zhrugr” makes it possible to identify the author's concept of “historical power” as an artistic background tradition for Russian culture and history of the twentieth century.

Keywords: Petrovsky myth, Russian historiosophy, D. Merezhkovsky, D. Granin, D. Andreev, messianic concept, metacode, mythologization.

Русская художественная историософия XX века совершенно по-особому представляет петровский миф, соотнося его не столько с исторической концептуальностью, сколько с гносеологической, эпистемологической, онтологической и экзистенциальной. По мнению Ю. Лотмана, «на оценках петровского периода скрещивались шпаги всех, кто размышлял о судьбах русской истории» [1, С. 232]. Традиционной рецепцией сохраняется взаимосвязь петровского мифа и локального петербургского текста, но психологические картины художественного портретирования Петра Великого структурируются совсем по новым принципам. И сыграл свою роль в этих трансформациях имагопоэтики изображения Петра в первую очередь модернизм, предопределивший отмену миметической истории в пользу неомифологизации как принципа историософского миромоделирования в том числе.

Исследователь Елена Шерман пишет: «Петровский миф уникален прежде всего тем, что мифологизация реальной личности началась еще при ее жизни. Кроме того, Петровский Миф создавался не только параллельно – и сверху, как официальная идеологическая установка, и снизу, как реакция народа на петровские реформы, но и одновременно, и отличается необычайной широтой оценочной амплитуды: от “российского Геркулеса” и “второго Моисея” в одном лице (эпитеты из панегириков первой четверти XVIII века) до “подмененного царя” и Антихриста раскольников. Все заслуги (и все прегрешения) царствования возлагают только на самого царя. Здесь интересно отсутствие среди составляющих мифа о Петре народной мифологемы верховной власти, определяемой антитезой добрый царь - злые бояре (“жалует народ царь, да не жалует псарь”). Окружение Петра, все его сподвижники, столь интересные сами по себе, в контексте Петровского Мифа второстепенны, от них ничего не зависит. Миф о Петре, и в “позитивной”, и в “негативной” своей версии, оказал сильнейшее влияние на литературу, которая, в свою очередь, стала активной участницей процесса мифотворчества» [2].

На наш взгляд, в системе наиболее ярких «петровских мифов» русской литературы XX века, отличающихся неклассическими подходами в проектировании историософии петровской эпохи, могут быть названы произведения Д. Мережковского («Антихрист. Петр и Алексей»), В. Иванова (повесть «Ночь царя Петра»), Ю. Тынянова (повесть «Восковая фигура»), А. Толстого (рассказ «День Петра», роман 2Петр Первый), Б. Пильняка («Петербургские повести», «Его Величество Кнеев Piter Komandor», «Санкт-Питер-Бурх»).

В трилогии Д. Мережковского «Христос и Антихрист», в третьем романе «Антихрист (Пётр и Алексей)», выстраивается авторский мессеианский миф. Петр Первый в структуре этого историософского метамифа соотносится с идеей

прихода нового Христа-Антихриста – Мессии будущего «нового религиозного сознания». Антропософская концепция Мережковского акцентирует историософию России в парадигме взаимоотношений «отец–сын» и интерферирует петербургский и петровский мифы через важнейший образ-медиум – Тихон.

На наш взгляд, подчёркнутая «геометричность» исторически заданной «петровской эпохой» модели мира, в которой сын Петра Великого Алексей живёт в особой параллельной реальности, не пересекаясь не только со своим отцом Петром, но, в принципе, и со своим народом и страной, очень важна. Структура этого мира основана на параллельности непересекаемых «коллизий сознаний» быта и бытия, – человека и мира, истории и суетности, и главное Отца и Сына. Наиболее ярко можно выделить две бинарности: хронотопическую (*«идеальный град – город Петра»*) и образную (*«Отец-Сын»*).

Реальное пространство-время романа определено исторической действительностью «петровской эпохи», и оно художественно трансформируется в концептуальное пространство-время на уровне концептов мирообраза Петербурга как аналога всей России – *«бытие-Пётр-Антихрист»*. Переводим, основываясь на теории Канта, считавшего время и пространство как априорные формы чувственного созерцания, эти концепты в систему априорных форм чувственного восприятия и получаем некое общее «апокалипсическое» ощущение приближающегося конца мира и приближения Антихриста, ощущение, доказанное текстовым объединением образа Петра, образа его города и образа смерти, причём важно – отца Тихона, что значимо идеей разрушения в «петровом граде» связи «отец-сын», носящей в концепции автора глубокий религиозно-философский смысл. Именно в сознании Тихона возникает перцептуальное² пространство и время, не совпадающее ни с реальным хронотопом исторической действительности, ни с концептуальным хронотопом романа, в рамках которого и формируется (*естественно на уровне ощущений*) пространственно-временная «иллюзорная» модель образа Петра.

Предощущение сокрытого (подчёркнуто характерологической символикой *«тумана»*) в «призрачном» пространстве Петербурга окончательного конца мира соотносится в сознании Тихона с образом основателя Петербурга, мыслимого в романе как «царство зверя», образом Петра: «И точно так же, как и в Москве, на Красной площади, у Лобного места, где торчавшая на коле мёртвая голова отца его смотрела пустыми глазницами прямо в глаза этому самому человеку, – Тихон тотчас узнал его: это был Пётр. Страшное лицо как будто сразу объяснило ему страшный город: на них обоих была одна печать» [3, С. 370] – вполне очевидно «печать Антихриста».

В перцептуальном пространстве сознания Тихона модельное отображение города как «царства зверя» осуществляется на уровне не исторического образа Петра, а его рецептивной модели (*в восприятии Тихона Пётр и есть Антихрист*). Так что искажение исторической правды образа Петра не есть ошибка Мережковского, а определённая художественная задача – попытка вывести образно-символические «концепты» (*как критерии концептуального хронотопа*)

² Впервые дифференциация концептуального и перцептуального пространства-времени в призме истории философии была теоретизирована в работах Б. Рассела.

Антихриста в призме реальной исторической фигуры. Если в реальном времени Пётр – это историческая фигура русского царя определённой эпохи, а в концептуальном – некий герой, репрезентирующий авторскую модель Антихриста, то в перцептуальном пространстве-времени, совпадающем с пространством-временем чувственного созерцания ряда героев романа, и в особенности Тихона, Пётр есть многомерная модель синтетического плана. Сконструирована она на уровне художественного совпадения ряда концептов – «Пётр», «Антихрист», «Петербург» (как символ петровской России). Критика отмечает, что «художественный образ <...> может быть реализован только в рамках перцептуального пространства и времени (лучше сказать, перцептуального пространства-времени) субъекта, создающего или воспринимающего художественное произведение. Надо отметить, что в перцептуальном пространстве-времени индивидуума локализуются не только ощущения и восприятия, но также и представления, фантазии, настроения, включая образы сновидений, несущие, однако, вполне определённую символическую нагрузку. Художественный образ часто связан с изображением внешней реальности лишь опосредованно» [4, С. 15].

Художественный образ Петра, реализованный в романе в системе перцептуального пространства-времени «чувственного созерцания» Тихона, несомненно, отличается от его реально-исторических характеристик в сторону акцентации его «антихристовой» сущности. Пётр в романе представлен как жестокий правитель, на костях и крови собственного народа строящий свою империю. Именно эта характерологическая доминанта подчёркнута не только в фабульно-событийном аспекте, но, в первую очередь, в перцептуальном. Например, в «Дневнике фрейлины Арнгейм» представлен, в призме её «ощущений и восприятия, но также и представления, фантазии, настроения, включая образы сновидений» (как условий перцептуального пространства-времени), именно такой, художественно заданный авторской концепцией, образ царя Петра, развёрнутый, как и в рецепции Тихона, в системе символических отождествлений с Петербургом: «Подумаешь настоящий город. Но тут же рядом – бедные лачужки, крытые дёрном и берестой; Дальше топь да лес, где ещё водятся олени да волки. <...> Всё светло-светло, ослепительно и бледно, и грустно. Как будто нарисованное, или нарочно сделанное. Кажется, спишь и видишь небывалый город во сне. <...> У царя страсть к прямым линиям. Всё прямое правильное кажется ему прекрасным. Если бы возможно было, он построил бы весь город по линейке и циркулю. <...> При этой Сизифовой работе две трети несчастных погибло <...> Сооружение одной лишь крепости на острове Весёлом – Lust-Eiland (хорошо название!) стоило жизни сотне тысяч переселенцев, которых сгоняли сюда силою, как скот, со всех концов России. Воистину, этот противоестественный город, страшный Парадиз³, как называет его царь, основан на костях человеческих!» [3, С. 397–398].

Оксюморонный образ Петербурга, как «рая на костях человеческих», в романе Мережковского как нельзя лучше выражает тот особый художественный образ Петра, который лежит в перцептуально заданном подтексте романа. За счёт

³ Парадиз (paradisus – лат.) – рай.

этого образы Петра и Петербурга довольно противоречивы внутренне, при кажущейся внешней односторонности (жестокий тиран и деспот – город смерти). С одной стороны, Петербург представлен как реальная модель для конструирования «идеального» пространства, пусть даже утопического в своей основе, новой России, и Пётр в этом случае выступает в роли *Homo faber* (Человека творца), а с другой, образ Петербурга развёрнут как некий художественный миф о «царстве зверя», обречённого антирая («**Враги царя предсказывают, что когда-нибудь весь город провалится**» – [3, С. 397]), и тогда Пётр однозначно выступает в роли Антихриста.

Подобная односторонняя трактовка образа Петра, возможно, оправдана художественными задачами Мережковского, но не может быть приемлема в качестве гаранта исторической правды. Говоря о роли царя Петра I, Даниил Андреев в «Розе мира» (глава «*Родомысл Пётр и демоническое искажение его миссии*») подчёркивает важность учёта всей суммы противоречий в оценке его роли в истории развития России: «Среди загадок, заданных XVII веком исторической мысли, не последнее место занимает странный факт рождения именно в царской семье, именно в качестве царского сына такого человека, который по своим духовным масштабам, дарованиям, уму, характеру и даже физическому темпераменту в точности соответствовал идеальному образу государственного деятеля, какого требовали тогда Россия, её метакультура, её миссия, её судьба. <...> Невероятные задачи царствования потребуют от него неслыханных, чудовищных, почти неосуществимых форм поведения. <...> Жругр заботливо потрудился над тем, чтобы внедрить в Родомысла свою тираническую тенденцию. <...> Из этих качеств проистекли те промахи государственной мысли, которые привели Петра к деяниям, с точки зрения метаистории – а, пожалуй, также и истории – ошибочным и вредным: к неоправданной ничем жестокости в отношении бояр, стрельцов, раскольников, собственного сына, а главное – собственного народа...» [5, С. 432–437].

Даниил Андреев, подчёркивая предначертанность исторической миссии Петра, видя в нём родомысла⁴, оправдывает его деспотизм неким фатумным демоническим началом, которое есть проявление не личностных «природных» качеств, а неких мистических антисил извне – сил Абсолюта зла (Жругр). Создание Петербургской империи Петром определяется философом как метаисторическая миссия сотворения нового «мирового пространства».

Так в романе обозначен герменевтический круг понимания не только смысла мира, но и самой концепции Мережковского – знание и вера. Для Мережковского отношения «отец – сын» в третьем романе трилогии концептуально важны именно в силу невозможности преобразования Хаоса в Гармонию без некоего синтетизма знания и веры. Нарушенная симметрия их гомотетического отражения в сознании Петра, верившего и поклонявшегося только знаниям, потребовала от Мережковского создания иного уровня взаимопересечений отца и сына – религиозно-гносеологических. Именно катарсическая необходимость принять решение о помиловании или убийстве сына заставила отца-палача обратиться к вере,

⁴«Родомыслы» – исторические деятели, оказавшие могучее и благотворное влияние на судьбы народа или государства в своей деятельности инспирацией народовольствующих иерархий».

к попытке познать её смысл: «Стал на колени и начал молиться. Икона была такая привычная, что он уже почти не видел её, и сам того не сознавая, всегда обращался с молитвой к Отцу, а не к Сыну – не к Богу, умирающему, изливающему кровь Свою на Голгофу, а к Богу живому, крепкому и сильному во брани, Воителю грозному, Победодавцу праведному... <...> Но теперь, когда поднял взор на икону и хотел, как всегда, обратиться с молитвою мимо Сына к Отцу, – не мог. Как будто в первый раз увидел скорбный Лик в терновом венце, и Лик этот ожил и заглянул ему в душу кротким взором; как будто в первый раз понял то, о чем слышал с детства и чего никогда не понимал: что значит – Сын и Отец» [3, С. 617].

Для Петра на самом деле именно вопрос о вере есть вопрос о России, о её пути. Мережковский разворачивает две призмы предательства Отцом Сына – библейское и историческое, и в их призме принципиально трансформирует концепцию предательства-убийства Петром царевича Алексея – разворачивает его как искупительную жертву отца во имя России. Причём библейский сюжет принесения Авраамом сына своего в жертву во имя Бога становится отправляющей точкой в системе череды предательств в понимании Мережковского – «жертва во имя Бога», «жертва во имя Людей», «Жертва во имя России». Интересно, ни сын Авраама не противостоял отцу, ни сам Иисус Христос не бунтовал против своей жертвеннической миссии, покорно принося свою жизнь добровольно в жертву, исполняя отцову волю. И только сын Петра, при всей своей кажущейся трусости, при своём страхе пред отцом, не захотел быть жертвой – и он предал отца и взбунтовался против него. Мережковский даёт новую версию – предательство отца как следствие предательства сына. И тогда жертва отца становится равной жертве сына. Мережковский не даёт однозначного ответа – оправданы ли все эти жертвы, но именно этот вопрос становится для Петра катарсическим: «Это лишь земной прообраз ещё более страшной жертвы небесной. Бог так возлюбил мир, что не пожалел для него Сына Своего, Единственного своего, и вечно изливаемую Кровью Агнца, Кровью Сына Отчий гнев утоляется.

Тут почувствовал он какую-то самую близкую, самую нужную тайну, но такую страшную, что не смел думать о ней. Мысль его изнемогала, как в безумии. Хочет или не хочет Бог, чтоб он казнил сына? Простится или взыщется на нём эта кровь? И что, если не только – на нём, но и на детях его и внуках, и правнуках – на всей России? <...> – Да падёт сия кровь на меня, на меня одного! Казни меня. Боже, – помилуй Россию!» [3, С. 617].

На метафорическом уровне Мережковский моделирует в романе библейский уровень взаимоотношений «Отец – Сын». Ведь подобно тому как Бог и Иисус возлюбили человечество и пожертвовали во имя него самым дорогим – сыном единокровным в первом случае и жизнью земной во втором, так и Пётр и Алексей любили Россию и пожертвовали так же – один сына, другой жизнь. И именно смерть сына привела Петра к пониманию и принятию Бога и его воли: «И в неподвижном лице Петра что-то задрожало, задвигалось, как будто открывалось с медленным, страшным усилием – наконец, открылось – и мёртвое лицо ожило, просветлело, точно озарённое светом от лица усопшего.

Пётр склонился к сыну и прижал губы к холодным губам его. Потом поднял глаза к небу – все увидели, что он плачет – перекрестился и сказал:

– Буди воля Господня во всем.

Он теперь знал, что сын оправдает его перед Вечным Судом и там объяснит ему то, чего не мог понять он здесь: что значит – Сын и Отец?» [3, С. 720].

Царевич Алексей, в интерпретации Мережковского, пошёл на предательство отца во имя любви к России в первую очередь, пусть даже не совсем понимая бессмысленность своей жертвы: «Царевич едва удерживал слёзы. Никогда ещё, казалось, он так не любил Россию, как теперь. Но он любил её новою всемирною любовью, вместе с Европою; любил чужую землю, как свою. И любовь к родной и любовь к чужой земле сливались, как эти две песни, в одну» [3, С. 541].

Именно на уровне подтекста оппозиции отца и сына решается противопоставление двух вариантов модели будущего России. Причём в обоих инвариантах моделирование осуществляется на синтезе Европы и России, но при резкой дифференциации внутренней идеологической сути этого синтеза: «Так оба они, и беглый навигатор, и беглый царевич, смутно чувствовали, что та Европа, которую вводил Пётр в Россию – цифирь, навигация, фортификация – ещё не вся Европа и даже не самое главное в ней; что у настоящей Европы есть высшая правда, которой царь не знает. А без этой правды, со всеми науками – вместо старого московского варварства, будет лишь новое петербургское хамство. Не обращался ли к ней, к этой вольности благой, и сам царевич, призывая Европу рассудить его с отцом?» [3, С. 548].

Тоска Алексея по свободе личной стала основой понимания необходимости исторической свободы для России – свободы, обретенной Европой и задавленной Петром в России. Именно в обретении Россией этой свободы видит Алексей путь России как *«прообраза ещё неизвестного, грядущего соединения России с Европой»* [3, С. 548].

Возможно, именно в этом единении, составляющем основу историософии Мережковского, и видится ему спасительное будущее России и христианства. К концу третьего романа трилогии писатель выводит ключевую концепцию своей развёрнутой историософской системы «нового религиозного сознания» – «В первом царстве – Отца, Ветхом Завете, открылась власть Божия как истина; во втором царстве – Сына, Новом Завете, открывается истина как любовь; в третьем и последнем царстве – Духа, в Грядущем завете, откроется любовь как свобода» [6, С. 362].

«Власть Божья как истина», «истина как любовь», «любовь как свобода» – таков путь преодоления Антихриста и обретения нового Христа в себе для героев трилогии. Метафорически все ключевые фигуры – Пётр и сын его Алексей – являются воплощением «власти», «истины», «любви» и «свободы» на уровне двух, прямо противоположных, координат и их этических составляющих в системе «божественного – сатанинского» и «земного – небесного». Мережковский пытался найти новые варианты синтеза двух начал на уровне интерференции двух мифообразов Христа и Антихриста, – интерференции, в результате которой образовалась бы новая субстанция божественного (спасительного и освободительного) Абсолюта, преодолевающего неизбежные противоречия и ведущего к сотворению «нового мира», мыслимого писателем как «вечная, вселенская Церковь Грядущего Господа, Церкви св. Софии, Премудрости Божией, Церкви Троицы нераздельной и неслиянной, – царства не только Отца и Сына, но Отца, Сына и Духа Св.» [6, С. 362].

Несомненно, система «отец-сын» знаковая для русской литературы и неизменно восходит к двум символическим составляющим – религиозно-мифологической (**Бог-Отец** и **Христос-Сын**) и синкретической идее преемственности поколений или родовой кармической связи, суть которой и составляет высшая духовность – царство Духа Святого.

В системе историософского романа Даниила Гранина «Вечера с Петром Великим. *Сообщения и свидетельства господина М.*» идея преемственности исторических поколений и времен разворачивает совершенно иную модель «духовного пространства» – «психейной» онейросферы Петербургско-советского хронотопа.

В романе прослеживаются прямые соотнесения хронотопического художественного метакода «распавшегося пространства» как формы онейросферической бифуркации, функционально выстраивающей ряд реального хронотопа «история петровской эпохи – история России XX века». Даниил Гранин очень активно структурирует в свою художественную методологию выстраивания историософской концепции еще и приемы постмодернистской поэтики. Это интертекстуальность и деструктуризация. Основным приемом становится двойная нарративная стратегия – рассказчик пересказывает речь Петра. Это становится по сути речевым портретом героя Молочкова, в системе которого представлена психосемантика образа Петра, но и оценивание по принципу «герой о герое»: «Нас больше влекло прошлое, когда Россия мужала, поднималась как на дрожжах... Молочков рассказывал о том времени горячо и странно. Странность же заключалась в том, что все, что происходило с Петром, происходило как бы в присутствии Молочкова. Он являлся к нам из другой эпохи и торопился сообщить новости.

Как-то, когда Молочков вышел, Серега Дремов произнес:

– Очевидец!

Ничего удивительного в этом для Челюкина не было, он считал, что самый неизученный феномен – это Время. Каждый живет в своем времени. Например, Антон Осипович остался жить в Советском Союзе. Сам Челюкин обитал в том быстротекущем времени, в каком жили его сезонные букашки, а то и однодневки» [7].

Характерная для большинства концепций многозначность образа Петра у Д. Гранина вырастает в систему многозначности оценок Петра. Так, характерные, например, для повести «Восковая фигура» Ю. Тынянова «десакрализация» Петра и Д. Мережковского «метафизичность» Петра вырастают у Гранина в некий интегрированный феномен рассмотрения Петра в системе «сакрального метафизического» образа с четко прописанными элементами психоанализа: «Словно небесные силы принимали участие в русской истории, судили, освещали и благословляли действия россиян. Гений Петра сложный, тайники его души не исследованы, да они, как утверждал Молочков, и не поддаются анализу, из них вырываются решения неожиданные, порой фантастические. В Петре нет ничего от заурядного человека. Он велик во всем, и в благородстве, и в веселье, и в безобразиях, поступки его непредсказуемы. О нем рискованно судить по результатам. То и дело он опровергает свой характер. Детские выходки можно отнести к непосредственности, к игре нерастратченных сил, все было бы ясно, если

бы игра не переходила в задуманный спектакль, а спектакль в жестокость. Петр совмещает в себе многих разных людей, каждый из них то появляется, то исчезает, и никак не выяснить, кто же главный» [7].

Ощущение этого поддержано на уровне внешнего хронотопа романа – некий санаторий и отдыхающие в нем – рецептивно соотносимый с «психейным» локусом – чеховская палата № 6, выявляющим состояние социофилософского безумия + элитный санаторий для власть предержащих в советскую эпоху, коррелирующий с состоянием «культличностного» безумия Великих: «Прибрежный корпус санатория стоял заколоченный. В нем жили летучие мыши, просто мыши и привидения. После ужина, раздвинув доски, мы поднимались по широкой мраморной лестнице, мимо разбитых ваз, шли через залы на галерею. Под ногами хрустели осколки бутылок, валялись бумажные стаканчики, окурки. Линолеум был содран, перегородки разобраны, углы завалены железными кроватями, обои висят лохмотьями. Разруха обнажила старый дворец. В большом зале остался ломаный камин, весь заваленный бутылками. Пахло пометом, мочой, тленом.

Мы выходили на галерею. От парка поднималось тепло. Был виден залив, над темным обрывом горизонта в небе горело розовое зарево вечернего Петербурга.

В парке шумел водопад.

Молочков рассказывал, кто тут гулял при Петре, при Екатерине. Он их всех знал.

Привидения иногда спускались в парк, их видели в каменных беседках» [7].

Петр Великий определяется как историософский концентр для понимания исторических событий и личностей XX века. В частности, интертекстуальное прочтение «внутренних исторических рецептов» романа Гранина (Петр-Сталин-Хрущев-Брежнев...) в контексте семантики «Родомысл – Жругр» (историософские концепты «Розы мира» Даниила Андреева) позволяет идентифицировать авторскую концепцию «исторической власти» как художественную фоновую традицию для российской культуры и истории XX века.

Характерная для большинства концепций многозначность образа Петра у Д. Гранина вырастает в систему многозначности оценок Петра. Онейросфера «психейного» хронотопа Гранина многоуровневая – санаторий становится местом сосредоточения разных исторических эпох и пространств, центрируемых в системе хронотопов-сознаний нескольких философствующих персонажей. Гранин, совмещая время, пространство, сознание в системе модели «параллельных миров», выводит характеристику образа Петра в системе «спектра сознаний», и тем самым изначально вся внутренняя система концептов данной модели автоматически становится задействованной в создании микромодели «портрета» Петра как центрации русской истории и Великой личности. Это и является, на наш взгляд, ключевой историософской задачей Гранина – он рассматривает Петра Великого в двух аспектах – как конкретную историческую личность реальной исторической эпохи и как психологический фокус культурной и исторической эволюции, в системе которой выстраивается историософия «влияния» Личности на историю. Но сама концепция при такой специфике построения выводит и другой важнейший историософский вопрос – влияния Истории на личность.

Пространство санатория в «мироподобной» романной системе Гранина может быть обозначено как гносеологическое, а собственно историческая модель «петровской эпохи», центрирующая остальные исторические локусы (советская эпоха-современная), как онтологическое пространство. Промежуточное состояние слияния жизни и смерти, сознания и подсознания, реальности и ирреальности, стирание граней между сознанием мира и человека детерминировано смешением-замещением реальностей, – есть следствие этих страдание и результат того, что личность Петра вдруг оказалась в новых перевёрнутых историей мировоззренческих, социокультурных, экономических условиях. И Гранин пытается показать внутренний кризис человека не как следствие крушения нравственных ценностей, а как «психодинамическую, даже психофизиологическую проблему смены режима функционирования, которая выражается в наложении, смешении реальностей» [8, С. 9].

Сюжетное время и пространство романа Гранина также нелинейное: оно смоделировано по принципу лабиринта с многочисленными поворотами и тупиками – эквивалентами различных онейрических форм ИСС, пересекающихся на уровне эстетической структуры текста, которая совпадает с пространством всеобщего бытия. При помощи этого совпадения писатель и создаёт некое пространство Коллективного сознания, смыкающего эстетику искусства и реальную жизнь в единый образ бартовской модели (*миромифокультурологеми*) «мир как текст». Важную роль в этом играет 28 глава «Сны», в которой онейросферическая доминанта и создает это Коллективное сознание, в которое герои настоящего и исторические личности втянуты через сферу сновидческого сознания героя Гераскина: «Сны – это было по части Гераскина. У него ни одна ночь даром не пропадала. Он смотрел сны, как телевизор. Всякий раз ему снилось что-то чрезвычайное, потрясающее, всякие ЧП, аварии, свидания, бабы. До появления учителя его сны заменяли нам устные рассказы. Сны у него были подробными, все в них было связно, толково. Последнее время ему снилась выпивка. Гераскин любил пиво. Он разбирался в сортах, в пивзаводах, накопленная за болезнь жажда прорывалась во снах видениями тяжелых кружек с пышной, льющейся через край, легкой пеной» [7].

Личностное время «сна» Петра у Гранина получает онтологическую трактовку за счёт сюжетного расширения онейросферы при помощи метафизического приема «сон-в-сне», экзистенциального усложнения семиотического «зеркального коридора» – «герой видит сон о герое, который видит сон» – Гераскин видит «психейные» сны о Петре, который видит разные сны в снах Гераскина: «К своим снам Петр относился внимательно, можно сказать, – всерьез. Упорно пытался разгадывать смысл второй жизни, что приходила по ночам. Просыпаясь, звал дежурного денщика, диктовал ему сновидение. Были сны, которые повторялись, чаще всего кровавые кошмары. Во сне он плакал <...> Были сны запутанные, но что-то означающие <...> В снах таились предупреждения <...> Некоторые сны Петр разгадывал сам <...> Вещие сны появлялись редко <...> В сновидениях бывало и весело, и больно и звучали какие-то умные, даже мудрые слова. Он там озорничал, пил, танцевал, был ребенком...» [7].

Вполне уместно вспомнить теорию М. Хайдеггера о том, что «время экзистенции – ограниченное по своей обозримости время и эта ограниченность пре-

одолима только лишь с помощью другого, в зримостном смысле неограниченного времени – с помощью сюжетного времени языка и речи» [9, С. 391–406]. Сны для Гераскина становятся формой преодоления ограниченности сознания. «Психейная» онейросфера важна возможностью погрузиться в сознание Другого Я, а потому носит гносеологический характер. Эстетическая проекция исторической действительности петровской эпохи осуществляется через сюжетное время языка и речи сновидящего Гераскина.

Структура «онейросферы» романа Гранина выстраивается в системе взаимопересечений локусов настоящего (*непосредственные фабульные события жизни героев санатория*), истории как формы мифа (*многочисленные внесюжетные мифы, притчи, легенды; система архетипических образов, оживляющих бытийно-мифологическую историю развития сознания человека*) и сознания (*система поэтических строк, культурологические образы-символы, комплекс литературных мотивов*).

Сны Петра и сны Гераскина в совокупности являются художественным аналогом целостной модели бытия прошлого и настоящего времени. Важнейшей категорией, в призме которой моделируются эти измерения, становится пространство. Сознание в восприятии Даниила Гранина является самой важной ипостасью пространства. И, на наш взгляд, вполне можно говорить о некоей модели *сознательной пространственности* (по аналогии с «временной пространственностью» М. Хайдеггера), которая экзистенцирует сознание как самостоятельно существующую субстанцию. Сознание перестаёт быть лишь атрибутом – определением (человека, мира, истории) и приобретает статус *existensia*... В этом случае важна не способность сознания воспринимать мир (а затем через слово отражать его), а пересотворять его заново, то есть, моделировать текстовую онтологическую модель «возможной истории». И онейросфера «психейного» хронотопа есть способ подобного миромоделирования: «Рассказы о Петре вызвали у Гераскина серию снов, в которых Петр по его совету поворачивал Россию на пивной путь. <...> – Тому, кто снов не видит, объяснять бесполезно, – отбивал его выпад Гераскин. – Подхожу я к Петру Алексеевичу, так и так, мол, Ваше Величество, предлагаю я перестроить все питейное дело. <...> – Аминь! – повторил Гераскин, и откуда-то из кармана у него появилась бутылка с темной жидкостью, которую он мгновенно разлил по чашкам. Противостоять искушению было невозможно, несмотря на строжайшие запреты врачей. Бывают моменты, когда дьявол обретает силу неодолимую» [7].

Литературоведческая рефлексия позволяет нам соотнести хронотопическую модель Гранина с архитектуроникой романа Мережковского «Антихрист. Петр и Алексей».

Петербург, в романе Мережковского, во всей сумме своих противоречивых характеристик, представлен как символический атрибут своего Создателя – Антихриста сотворившего своё «царство зверя», но в тоже время град Петров воспринимается как несколько «идеальное» пространство, параллельное исторической реальности, но не историческим пространственно-временным реалиям, и репрезентирующее концепцию авторской космогонии.

Энтропийное влияние на историю «культличностных» героев обозначено Граниным как психологический феномен Одиночества, как экзистенциальная

данность Великой личности, мыслимой Граниным не как реформатор или разрушитель, а именно как Homo faber – Творец. Он всегда создает новый мир, но он может быть идеалистическим или нет. Мы бы выделили в стратегии выстраивания особой историософии Гранина принцип психоаналитического перевертыша классического канона рассмотрения образа Петра как «несущего страдания» в принцип «претерпевающего страдания»: «Историки, по его словам, из века в век винят Петра за жестокость, показывают, как он лютовал над стрельцами, чуть ли не самолично рубил головы и бояр заставлял рубить. Никто не видит чуда в том, как искалеченная душа его смогла все же выправиться. Другой на его месте превратился бы в истерика, изувера, его жалели бы, оправдывали. Петра же никто не жалеет»; «Ему тяжелая смерть выпала. Не на скаку, не в седле, не в бою. Когда подумаешь о его муках физических, несколько дней криком кричал. Утихнет боль, подступали муки душевные. Знал, что умирает. Смерть стояла над ним и медлила, заставляла молиться. Каялся за Алексея? Как все сошлось, одно к одному. Кому теперь передать престол, на кого положиться?» [7].

Исследователи отмечают противоречивость в оценке историософии петровской эпохи не только в XX веке, но и во весь период художественного обращения к теме петровского мифа: «Неудивительно, что вектор развития образа царя не является ни прямой, ни спиралью: это скорее вечные колеблющиеся весы, вечные качели. Вопреки законам земного притяжения свое вращение эти качели начинают с самой высокой точки: в XVIII веке царь - воплощение добродетелей, идеальный герой и даже сверхчеловек. Потом начинается спад (не в художественном отношении, конечно) - добродетелей все меньше, пороков все больше, перед изумленным читателем предстает то оборотень-Антихрист, то хронический алкоголик; пиетет исчезает, лодочка качелей чиркнула по земле, раз, другой - и вовсе остановилась на низшей точке, чтобы в тридцатые годы XX века снова взмыть вверх.

Выработке адекватного и трезвого подхода к изображению личности первого императора помешали не только ее масштабы. Он перешагнул через 1917 год и продолжал развиваться в то время, когда образы прочих монархов либо были изъяты из обращения, либо подавались плоско-отрицательно. Петр - символ важнейшего переворота во всех сферах российской жизни надолго заслонил фигуру Петра-человека, вопрос психологической достоверности или реалистической типизации превратился в ключевую историософскую проблему» [2].

В современном литературоведении системное исследование историософских концепций в русской литературе XX века практически невозможно без создания референциального интертекста, поскольку анализ конгениальных авторских трактовок и/или антиномичных художественных рецепций дает возможность создать некий интегральный мифотекст (или *метатекст*), в нашем случае – это метатекст «петровский миф». С опорой на современные методологические концепции референциального интертекста (см. подробнее [10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17, 18; 19]), по которым методика интертекстуального исследования историософского шифра писателя (*в частности его авторских мифокодов, проявленных в текстовых полях художественных произведений в референциальной парадигме*), направлена не только на поиски прямых переключек, но, в первую оче-

редь, на выявление ментальностных миромоделирующих референций, мы пришли к выводу о важнейшей моделирующей роли петровского мифа в русской литературе XX века в формировании общелитературной традиции репрезентации образа Петра Великого и его исторической эпохи.

Список использованной литературы:

1. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 1994– 399 с.
2. Шерманн Е. Эволюция петровского мифа в русской литературе. URL: https://pda.netslova.ru/e_sherman/petr.html (дата обращения: 12.11.2022).
3. Мережковский Д.С. Собр. соч.: В 4 т. – М.: Правда, 1990. – Т. 2. – 763 с.
4. Зобов Р.А., Мостепаненко А.М. О типологии пространственно-временных отношений в сфере искусства // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. – Л.: Наука, 1974. – С. 11–25.
5. Андреев Д. Роза мира. – М.: Эксмо, 2007. – 800 с.
6. Мережковский Д.С. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. – М.: Сов. писатель, 1991. – 491 с.
7. Гранин Д. Вечера с Петром Великим. Сообщения и свидетельства господина М. URL: http://rulibs.com/ru_zar/prose_history/granin/0/j28.html (дата обращения: 12.02.2020).
8. Пронина Е. Фрактальная логика Виктора Пелевина // Вопросы литературы. – 2003. – № 4. – С.5 – 30.
9. Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – 445 с.
10. Гарипова Г.Т. Художественная модель бытия в литературе XX века: Монография. – Ташкент: MUMTOZ SO‘Z, 2012. – 352 с.
11. Гарипова Г.Т. Полилингвизм и транслитературность в контексте метафигиональных стратегий Хамида Исмайлова // Полилингвиальность и транскультурные практики. – 2020. – Т. 17. – № 1. – С. 78–87.
12. Гарипова Г.Т. Принципы миромоделирования в русской прозе XX века (неклассическая парадигма художественности): дис. ... д-ра филол. наук. – Владимир, 2021. – 612 с.
13. Гарипова Г.Т. Философская референция как способ художественного миромоделирования в прозе «поколения сорокалетних» (А. Битов, А. Ким) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14. – Вып. 2. – С. 259–263.
14. Гарипова Г.Т., Шафранская Э.Ф. Сравнительное литературоведение: Методология и практика изучения русской литературы в системе компаративного анализа. – Владимир: Владимирский гос. ун-т им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, 2022. – 107 с.
15. Шафранская Э.Ф. «Маленький человек» в контексте русской литературы конца XIX – начала XX в. (Гоголь-Достоевский-Сологуб) // Русская словесность. – 2001. – № 7. – С. 23–26.
16. Шафранская Э.Ф. Каразин и Лесков // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. – № 2 (2). – С. 340–344.

17. Шафранская Э.Ф., Гарипова Г.Т., Смирнова А.И. Метафоры остановившегося времени в современной литературе // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2022. – № 4. – С. 132–42.

18. Жигалова, М.П. Типология анализа произведений русской литературы: Монография / М.П. Жигалова. – Брест: БрГУ, 2004. – 300с.

19. Жигалова, М.П. Интерпретация и анализ в литературе: теория и практика: монография. / М.П.Жигалова; Брест. гос. ун-т имени А.С.Пушкина. – 2-е изд., доп. – Брест: БрГУ, 2011. – 269с.

Демидович Татьяна Анатольевна (Т. А. Demidovich), член Союза писателей Беларуси, председатель Брестского отделения Союза писателей Беларуси (г. Брест, Беларусь)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВОСПРИЯТИЯ ПАНДЕМИИ В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТОВ БРЕСТЧИНЫ

Аннотация. В статье автор представил интерпретацию и фрагменты анализа стихотворений поэтов Брестчины, связанных с осмыслением пандемии в социуме.

Ключевые слова: восприятие, поэты Брестчины, пандемия, психология

THE PSYCHOLOGICAL ASPECT OF THE PERCEPTION OF THE PANDEMIC IN THE WORKS OF THE POETS OF THE BREST REGION

Annotation. In the article, the author presented the interpretation and fragments of the analysis of the poems of the poets of the Brest region related to the understanding of the pandemic in society.

Keywords: perception, poets of Brest region, pandemic, psychology

В момент потрясений у поэта особая и важная роль – положиться на слышимость своей души, перехлестнуть словом и рифмой боль и страх, пламенем живого слова поднять флаг надежды над земным хаосом.

Человек по своей сути одинок, а в момент страшных испытаний, войн, эпидемий, природных стихий он остро нуждается в понимании и прежде всего, того,

что происходит внутри него самого. Разобраться со своими мыслями, эмоциями, несущимся потоком сознания непросто. И вновь колет в сердце распирающее чувство непонимания того, что происходит, ощущение безысходности и невозможности вырваться из пут обстоятельств. В такие минуты лучшим собеседником становится поэт, тонко и чутко угадывающий ритмы грусти, мгновения исканий и тихих дум.

Со времён Гомеровской «Илиады», где Аполлон насыляет на греков чуму, чтобы освободить похищенную ими Хрисеиду, эпидемии считались карой небесной, эдакой точкой перезагрузки, переосмысления дальнейшего существования разумной цивилизации.

С той самой далёкой эпохи писатель метафорически определяет болезнь, как момент всеобщего очищения от грехов, огромной работы души, жёсткой борьбы со злом.

В XXI веке, в эпоху прогресса и великих технических достижений, не утрачена ценность художественного слова! Тема пандемии нашла своё отражение и в творчестве брестских писателей. Интересно, что литераторы не стали ограничиваться темами страдания, драматично и долго описывая ход болезни, каждый из них зримо и понятно указывает на источник света в конце выпавших испытаний. Поэты уверены, что болезнь, слабая и недолгая, обязана остаться лишь суровым уроком по дороге к счастью.

Лауреат литературных премий журнала «Нёман» (1991г.), «Москва» (1997г.), премии Союза писателей Беларуси «Золотой купидон» (2011г.), Национальной литературной премии в номинации «Поэзия» (2020г.) и других престижных наград, пинский поэт Валерий Гришковец сам тяжело пережил болезнь и посредством ярких образов передал гнетущее состояние забвения, интуитивного поиска солнца.

В начале стихотворения по-блоковски лаконично и обрывисто звучит «Предзимье. Пригород. Больница». Пространство будто замыкается, заполняется темнотой. Поэт сравнивает болезнь то с чёрным пламенем, что «волною валится на грудь», то «с глухой стеной».

* * *

Предзимье. Пригород. Больница.
Гнетущий – сон, не сон – покой.
Какую ночь опять не спится?..
И чернота – глухой стеной.
И, кажется, не сердце – камень:
Не повернуться, не вздохнуть
Глаза откроешь – чёрный пламень
Волною валится на грудь.

Но вдруг сквозь реалии ада просачивается она, надежда – ясная, несмелая, как весенний вздох ветерка. Поэт находит в себе смелость и иронизирует над своей болезненной слабостью:

Крепиться, говорят, крепиться,
Терпеть, иначе... швах, хана!
Уснуть, уснуть!.. Да всё не спится.
И далеко – придёт? – весна... [2, с.300].

Во втором стихотворении В. Гришковца дорога выступает символом преодоления, переосмысления. Пассажирский вагон – это тоже замкнутое пространство, где человек – заложник внешних коллизий. Но в момент чаепития он будто замедляет свою жизнь, погружается в собственные думы, размышления. И вот снова больница, где виден лишь узкий переход... И внешнее, и внутреннее пронизано тревожностью: «камнем подушка», «холодные звёзды», а дальше прорыв, как в тяжёлом бою за жизнь:

На воздух! На воздух! На воздух!
Вдохнуть полной грудью, а там!
Пусть рушится небо! И звёзды
Падут, словно камни к ногам...

* * *

Дорога за насыпь – до леса.
Натужно гремит товарняк.
Как много в пространстве железа,
И воздух гудит, что наждак.
Добраться до станции... Чаю
Покруче залить кипятком.
А там пассажирский подчалит,
Покатим домой с огоньком!..
...Больница. Ковид. Перегрузки.
И низкий в крови кислород.
Глаза закрываешь – и узкий
Встаёт впереди переход.
На воздух! На воздух! На воздух!
Вдохнуть полной грудью, а там
Пусть рушится небо!
Но... камнем подушка. И простынь,
Сползая, чернеет в глазах.
И всё, что запомнилось, – звёзды,
Холодные звёзды... И мрак.
И гул в голове, словно поезд
Куда-то свистит над тобой!..
Ковидная скорбная повесть.

Больничный тревожный покой. [2, с.301].

Поэтический цикл заканчивается стихотворением «Выздоровление».
«Пригород. Больница. Выйду за ворота...».

Пригород. Больница. Выйду за ворота,
Воротник ослаблю, шарфом запахнусь.
И отступят тучи, и хлестнёт свобода,
И простором горним –
Словно захлебнусь.
Родина! Полесье. Взгорки да болото.
Лес у кромки неба. Поле и река.

Всё куда-то ехал, всё искал чего-то,
Всё мудрил-судачил: горе да тоска...
Но не надо счастья, только бы вот эти
Колеры простые, воздух, зелены,
Птицы и деревья, облака и ветер,
И простая радость – ощущение дня. [2, с.303].

Это произведение похоже на песнь победителя, мудреца, который одолел черноту, пройдя через самоочищение. Человека, который боролся с болезнью силой мысли, слова, сумел найти в себе духовную опору, которую можно по праву назвать великой любовью к родине, к жизни, «где простая радость – ощущение дня».

В описании родного Полесья – удивительная живительная мощь, частное наполняется философским обобщением, поднимает читателя над мелочами. Возникает ощущение объёмности, контрастности, полёта, радости, возможности видеть шире и глубже, а главное легко и свободно дышать. «Колеры простые, воздух, зелены, Птицы и деревья, облака и ветер». Поэт предельно честен и открыт перед читателем, а значит способен раскрыть тайны бытия.

Интересное по ритмике, точной образности стихотворение молодой брестской поэтессы, преподавательницы воскресной школы прихода собора Воскресения Христова г. Бреста, победительницы конкурса «Мы рождены для вдохновения» (2017г.) Анны Окало. В своём произведении она попыталась раскрыть мудрую любовь Создателя к человеку. Соединяя прошлое и настоящее, сохраняя духовное богатство и морально очищаясь, человек тянется к звёздам, к вере, через боль и страдание постигая истинную Любовь.

Пустые соборы,
Закрытые маской уста
Молчат, не кричат...
Про себя тихо шепчут молитвы.
Бессмысленны споры,
Уже обстановка не та
Делить меж собой драгоценные ризы Христа.
А гвозди в ладонях острее, чем лезвие бритвы.
Какой небосвод голубой!
Из-под длинных ресниц
Глаза, что немало в сей жизни уже повидали,
Как будто ослепли от белого цвета больниц...
Но радуется сердце цвет красных Пасхальных седмиц!
И непреходящая радость сильнее печали!
И это пройдёт...
Утечёт, как вода в решете.
Урок бы усвоить, который действительно нужен!
Чем ночью темнее – тем ярче светиться звезде.
И только любовь, что распялась за нас на Кресте,
Спасёт этот мир...
И мою беспокойную душу. [2, с.316].

В своём творчестве поэт, лауреат премии имени В. Колесника в номинации «Поэзия» (2019г.) Георгий Томашевич рассказывает о коронавирусе событийно, просто и понятно.

В стихотворении «Эра воздержания» поэт называет коронавирус пришельцем и мастером маскировки. А в начале стихотворения описывает смену поры года: сковывающая холодом зима сменяется весенней надеждой, – время воздержания, рассуждений и осмыслений.

Автор уверен, что, трезво соблюдая правила и духовного, и физического смирения, человек победит напасть:

Мы будем помнить жизненный удел:
С природой согласовывать желанья.
Пришла весна, чтоб мир с ней посветлел
Спасённой эрой воздержанья. [2, с.303].

В стихотворении «Укрепим иммунитет!» Г. Томашевич не просто изображает жизнь «ковидных» месяцев, иронизирует, но и пытается взбодрить читателя, приводит конкретные примеры, которые могут укрепить здоровье, а значит и поднять дух.

Год прошёл... Не расслабляться –
Рядом вируса следы.
С гигиеною нам, братцы,
Уклониться от беды. [2, с.304].

Поэт, прозаик, известный музыкальный педагог Ирина Морих в стихотворении «Фотомиг» рассуждает о первопричинах «кары небесной», называя наш век – веком больших открытий и маленьких людей. А в акrostихотворении «На выход» описывает коронавирус как «тень потерь, что опустилась летучим плащом, «крохой с крысиным оскалом». Причём, часто переходит на назидательный тон, показывая, насколько важно в это время жить по строго установленным правилам:

«Смотри в небо, лови краски...
У вируса, как у разлуки, нет вдоха.
Храни свои дни – ходи в маске...
«Выходи только вечером – по указке
И помни – вьётся кругами горе...» [2, с.306].

Но, рисуя мрачные картины, призывая к аскетическому образу жизни, поэта всё равно выводит читателя к всепрощению.

«Вирус не вечен. Расправьте крылья!
Он рассыплется в прах. Он скоро уймётся.
Не воскреснет. И никогда не вернётся.» [2, с.307].

Кстати первые буквы стихотворения выстраиваются в слова-требования «От нас уходи вирус вон».

О том, что нет ничего страшнее вируса души, рассуждает в своём творчестве кобринский поэт Зинаида Новосад (стихотворение «Несётся вирус»).

У зла в плену ослабевает
Людской единый организм,

Огонь душевный угасает.
В стремленьи ввысь – несёмся вниз. [2, с.313].

А в стихотворении «Давно пора...» Зинаида Новосад философствует о месте человека в мире, вспоминает события, которые предшествовали наступлению мрака:

Мы так зависим друг от друга!
Толкая в пропасть жизни бег,
Согнулись вдруг перед недугом.
Как слаб бывает человек! [2, с.314].

Жизнеутверждением и глубокой благодарностью к врачам наполнены строки стихотворения поэтессы из г. Кобрин Наталья Кондрашук.

В стихотворении «Ода врачам» поэт сравнивает коронавирус с существом со змеиными повадками, которое ползёт на трон, но оно будет обязательно побеждено. Ведь «Бойцы невидимого фронта пошли в атаку в полный рост». Наталья Кондрашук показывает медиков самоотверженными и бесстрашными борцами, настоящими героями сегодняшнего дня.

Ведь вирус вновь ползёт на трон
И коронованной особой
Он нагоняет страх особый...
Но будет вами побеждён! [2, с.308].

Поэт Надежда Момлик из агрогородка Дивин Кобринского района нашла свои слова признательности героям в белых халатах:

Склонился мир, застыл в поклоне
За труд святой ваш, доктора.
Пребудет светлая пора:
Уже заря на небосклоне. [2, с.315].

Читая строки благодарности врачам, мы ещё раз убеждаемся, что волшебное слово способно в леденящую пору согреть душу, поддержать не только медицинских работников, но и пациентов, которые верят в профессионализм врачей.

В строках о стойкости и героизме людей в белых халатах тоже заложена вера во всеобщее излечение и благодарность всех пациентов.

К больному приходит понимание, насколько нелёгок труд медиков. А ещё у него появляются душевные силы от убеждённости, что он не брошен на произвол судьбы, что за его жизнь идёт борьба и на земле, и на небесах. А значит, и сам он не может просто так сдаться, подчиниться болезни, предать и этих самоотверженных людей, и свои будущие планы, и любовь родных и близких. В стихотворении учителя английского языка Елены Котовой «НАДЕЖДА-2021» позитив тоже побеждает уныние. Поэт видит людей на планете вечными детьми, верящими в чудеса, в силу улыбок, в доброту и Любовь.

Но будет чудо – снимем маски
И станем жить мы без опаски.
И улыбнётся вся планета...
Ведь главное – поверить в это! [2, с.310].

Таким образом, заглянув в поэтический мир современных поэтов Брестчины, живущих в сложное и тревожное время эпидемий, общемировой нестабильности, технического прогресса, ещё раз убеждаешься, что слово лечит, потому что психологически точно, с яркими конкретными деталями поэты описывают духовный рост человека от упадка до взлёта, от болезни до радости исцеления. А значит, поэтическое слово даёт возможность читателю пристально всмотреться в противоречивость нашего мира, помогает найти в происходящем причинно-следственные связи, побороть уныние и подарить веру в то, что он не одинок, что любим и что испытания, выпавшие на его долю, обязательно повлияют на выбор дальнейшего пути...

Список использованной литературы:

1. Гомер. Илиада / Пер. с древнегреч. Н.Гнедича. – М. : Правда, 1985.- 430 с.
2. Берасцейская скарбніца : альманах / Брэсцкае абласное аддзяленне ГА "Саюз пісьменнікаў Беларусі". – Брэст : Альтернатива, 2018 – Вып. 4 / [рэдактар-укладальнік С. С. Мартынюк]. – 2021. – 335 с.

Жигалова Мария Петровна (M.P.Zhigalova), доктор педагогических наук, действительный член Академии педагогических и социальных наук Российской Федерации, Заслуженный учитель Беларуси, зав. научно-исследовательской лабораторией по социокультурным проблемам пограничья, профессор кафедры белорусского и русского языков Брестского государственного технического университета (*Брест, Беларусь*) (*Brest, Belarus*) zhigalova@mail.ru

УДК 821.161.3-3

ФИЛОСОФИЯ ЖИЗНИ И ЕЁ ОТРАЖЕНИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ Т. А. ДЕМИДОВИЧ

Аннотация. В статье впервые анализируются произведения Т. А. Демидович, взятые из сборника «Соломенный дом», отражающие философию жизни, те морально-нравственные ценности, которые человек пронесит с детства через всю сознательную жизнь.

Ключевые слова: философия жизни, рассказы, Т.А. Демидович, анализ

PHILOSOPHY OF LIFE AND ITS REFLECTION IN THE WORK OF T.A. DEMIDOVICH

Annotation. The article analyzes for the first time the works of T. A. Demidovich, taken from the collection "Straw House", reflecting the philosophy of life, those moral values that a person carries from childhood through his entire adult life.

Keywords: philosophy of life, short stories, T.A. Demidovich, analysis

Известно, что основой бытия и мышления человека конца XX – начала XXI века является диалог и полилог по самым значимым и вечным проблемам человеческой жизни.

Он рассматривается и сегодня как всеобщий способ освоения духовно-ценностных основ жизни, как форма поиска самого себя в мире общечеловеческих ценностей: истины, добра, красоты, любви, счастья.

Это и способ познания мира, способ "самовоздвличивания", самоосуществления, самоопределения, самовоспитания.

И потому сегодня, как никогда, важно каждому человеку научиться жить и вести диалог и полилог в условиях множества культур, типов сознаний, логик, точек зрения [1, с.133].

Давно замечено, что региональная литература в этом процессе играет важную роль, так как проблемы времени, отражающиеся в ней, помогают читателю определить свою философию жизни и сформировать такие морально-нравственные качества, которые будут служить консолидации общества, увидеть проблемы времени и найти пути их решения.

Значимое место в этом процессе занимает творчество брестского писателя Т. А. Демидович, в котором успешно реализуется диалог и полилог культур. Оно может рассматриваться сегодня и как способ освоения духовно-ценностных основ жизни через разные культуры, и как форма поиска своей идентичности, самого себя.

В своей статье мы впервые попытаемся целостно взглянуть на личность и творчество писателя, в котором отразилась философия жизни людей поликультурной Брестчины.

В начале XXI века Татьяна Анатольевна Демидович, член Союза писателей Беларуси, председатель Брестского отделения Союза писателей Беларуси (по образованию учитель белорусского языка и литературы, истории), ранее работавшая собственным корреспондентом информагентства «Интерфакс», заявила о себе как о писателе, не похожем на других, со своей особой широтой творческой тематики и проблематики, индивидуальным стилем и прозаической манерой, сразу обратив на себя внимание читателя.

Вышедший в 2017 году сборник рассказов Т.А. Демидович «Соломенный дом» восхитил читателя своей искренностью и глубиной суждений о философии и быстротечности жизни, её наполненностью смыслом и морально-нравственными ценностями.

К тому времени работы Т. А. Демидович были уже представлены в ряде белорусских («Западная Двина»), российских журналов («Викинг – Великий Новгород», «Александрь»), на международном сайте «Остров Андерс» (с 2007 года)

и потому стали доступны широкому кругу читателей разных стран, которые высоко оценили её произведения, потому что в них отразились судьбы и характеры разных этносов, их философия жизни.

О высоких оценках деятельности писателя свидетельствуют и страницы её творческой биографии. Она – Лауреат республиканского литературного конкурса молодых писателей «Слово.DOC», 2009г.; участница форума молодых литераторов, организованного Союзом писателей Беларуси и интеллектуальных программ (Силичи, 2010). Лауреат конкурса рассказов газеты «Звезда» по результатам 2010 г., международного литконкурса “Экофэнтези 2010” газеты “Эколог и я”, республиканского литконкурса “Мы рождены для вдохновения”, 2011г. Малая проза.; лауреат литературного конкурса, посвящённого 70-летию журнала “Вожык”. Победитель литературного конкурса “Молодая Беларусь”. (Первое место в номинации “Детская литература” 2012г.); международного литературного конкурса “Литературная Вена – 2012“ в номинации «Литература для подростков». В 2013 году от европейского конгресса литераторов Т. Демидович по результатам международного конкурса “Живое слово – живой природе” была награждена дипломом “За вклад в развитие современной литературы» (Чехия, г. Прага). В 2014 году стала лауреатом международного литературного конкурса “Семья – всему начало”. А в 2015г. она – финалистка «Корнейчуковской премии», конкурса журнала «Север», «Северная Звезда». В 2016 году – дипломантка четвёртого международного конкурса прозаических миниатюр “Колибри, 2016г.».

Она – соавтор и коллективных сборников рассказов для детей “Карусель” (Брест, 2010 г.), поэзии и прозы “Сила слабости» (Брест, 2013г.), “Литавра” (Брест, 2016г.); фестивальных сборников ”Созвучье слов живых» 2011г. (Брест, 2012г.); литсборника ”Живое слово – живой природе” (Минск, 2013 г.), сборника прозы “Любить и верить” (Минск, 2013 г.), сборника произведений для детей «100 самых известных стихов и рассказов о любви и дружбе» (Москва, “Малыш”; 2016 г.).

Всё это свидетельствует о значимости, актуальности тематики и проблематики произведений автора, о популярности её произведений у читателя-современника. Вот как о Т. Демидович и её работах говорит руководитель проекта «Остров Андерс» Валерия Андерс: «Помимо литературного таланта, г-жа Демидович обладает способностью к состраданию и раскрывает в своих произведениях их надежды и чаяния, успехи и проблемы. Её работы пронизаны доброжелательностью, а острый и зоркий взгляд подмечает характерные детали, позволяющие проникнуть в души людей, понять их мотивацию и поступки. Автор одинаково успешно создаёт образы как пожилых, так и детей, подростков; как простых работяг, так и обличённых властью лиц» [2, дизайн обложки].

Уже само название сборника «Соломенный дом» обращает внимание читателя на зыбкость и недолговечность жизни каждой отдельно взятой и неповторимой личности, её веры в достижение своей цели. Читатель понимает, что жизненные перипетии могут очень быстро лишиться человека «соломенного домика», который каждому, кто в нём живёт, кажется всегда, особенно в детстве, таким надёжным и крепким укрытием. Но чем больше живёт человек и чем больше познаёт окружающую действительность, разнообразные процессы, происходящие

вокруг, тем больше убеждается в зыбкости и недолговечности «соломенного дома», хотя в воспоминаниях героя он до конца жизни так и остаётся «надёжной крепостью».

Автор справедливо подмечает, что только в детстве каждый из нас искренне верит в осуществление своей заветной мечты, потому что не знает, с какими трудностями придётся столкнуться в жизни при её реализации, не знает, хватит ли у него для этого сил.

Читая детские рассказы писателя на белорусском и русском языках, читатель сразу же понимает, что они написаны от имени женщины и в то же время – о детях и женщине, которая в одно и то же время выражает себя изнутри и наблюдает за собой и окружающими людьми уже со стороны, видит происходящие события и движения, которые свидетельствуют о серьёзных, значительных переживаниях каждого из своих героев.

И тем ценнее становятся советы автора, которые скрыты в подтексте произведений, представленных в сборнике: в детских рассказах, рассказах о жизни простых людей и родни; миниатюрах, раскрывающих проявление морально-нравственных ценностей человека в разных жизненных ситуациях; в рассказах о женском счастье и исторических событиях 90-х; о тяжёлом перестроечном времени; в сентиментальной прозе и записках путешественницы, сказочных историях, собранных в книге.

Сборник состоит из нескольких разделов, объединённых одной идеей – разнообразие и неповторимость жизненных и судьбоносных этапов («Рассказы о детях: «Дети белых облаков»; «Первое поколение», «Назад в 1990-е», «Миниатюры. Просто о жизни»), целей («Леночка», «Белые стены, узкий коридор», «Женское счастье», «Параллели», «Записки путешественницы») и человеческих судеб («Рассказы», «Сентиментальная проза», «Сказочные истории»).

В своих рассказах Т. Демидович поднимает актуальные проблемы времён перестройки, связанные с выживанием людей, особенно в приграничных регионах. Её волнуют проблемы рода и родины, условия проявления человеческих пороков и достоинств, способов связи поколений и их разрыва, проблемы чёрствости и корысти в человеческих отношениях, искренности общения.

Следует заметить, что Т. Демидович создала некий свой прозаический мир, в котором важное место занимают человеческие судьбы и их характеры, а иногда и вопросы материального мира. Такой интерес автора к вещам и всему материальному – это вовсе не мещанство, а лишь тот предметный мир, которым часто окружены её персонажи и за которым они прячут свою душу, свой внутренний мир, обиды, горечь, боль или радость.

Персонажи рассказов Т. Демидович часто причиняют боль друг другу по разным причинам: иногда по неосторожности, сами того не желая (рассказы «Проклятие Велеса», «Тайны тётенки Баржи» и др.), иногда умышленно (миниатюра «Плохое к плохому»), иногда в силу непонимания случившегося и его реальной оценки (миниатюры «Ворюга», «Крылья и хвосты», «Выигрыш», «Свобода» и др.).

Обратимся лишь к некоторым произведениям указанного сборника рассказов и заметим, что для творчества писателя характерно удивительное умение связать воедино нити судьбы, то случайное, фрагментарное, и вечное, значимое.

Например, в рассказе *«На краю»* [2, с.52] героини Юлька и Наташа вспоминают детство и то место на границе, с которого они наблюдали когда-то за жизнью соседей-поляков. Теперь наступили тяжёлые 90-е годы, и они стали «челночницами», людьми, перевозящими купленный на родине товар через границу и торгующими там каждый своим, подвергая тем самым свою жизнь большой опасности и риску.

Автор подмечает самое главное, что погоня за длинным рублём лишает жизни молодую девушку Юльку, которая отказалась продавать дёшево свой товар и решила поехать в соседнюю деревню, чтобы продать его подороже. Что случилось с ней по дороге, автор не пишет, но указывает, что «...Юлька не приехала ни завтра, ни послезавтра, ни через неделю! Её истерзанное тело нашли в одном из лесных массивов только в первых числах весны. Рядом стояли нетронутыми её вещи...» [2, с.55].

Т.А.Демидович умышленно оставляет очень много недосказанного, чтобы заставить читателя вглядываться и вчитываться в текст, понимать его детали, стараться осмыслить прочитанное.

В рассказе *«Другие берега»*, например, Т. Демидович подмечает, как в период перестройки гибнет человеческий талант, не найдя применения в своей стране. Спившийся народный умелец Рафаэль Викторович «не смог перестроиться на новую жизнь и оказался за бортом суровой повседневности» [2, с.58]. Ни он, ни его творчество, не нужно ни жене и семье, ни стране. В беседе с журналистом-посетителем Рафаэль Викторович беспокоится о том, чтобы его последнюю работу, миниатюрный корабль -клипер, увидели когда-нибудь и оценили люди: «Миниатюрный клипер должен был выйти из длительного заточения и, видимо, только я могла теперь помочь ему покинуть остров печали и одиночества...» [2, с.60].

Автор указывает читателю и на то, как часто человек не умеет ценить то счастье, которое имеет и, только столкнувшись с трагедией, постигшей другого человека, начинает понимать, как счастлив он сам.

Так, в рассказе *«Под парусами чужих грёз»* автор повествует о юной Светке, неизлечимо больной и рано ушедшей из жизни, и её соседке по больничной койке, которая начинает понимать свою реальность, только увидев всю горечь происшедшего: «Я теперь часто думаю о Свете и радуюсь каждому часу своей жизни, и боюсь обидеть счастье... Светкины мечты словно растаяли в моей реальности, навсегда вырвали из сердца жало уныния, подняли паруса надежд и желаний» [2, с.63].

Т.А.Демидович умеет быть лаконичной, когда в нескольких предложениях ей удаётся показать проявления очень сильного чувства и значимой жизненной ситуации.

В рассказе *«Алик – детектор лжи»* повествуется об Алике, больном юродивом, родившемся недоношенным ребёнком, который всегда говорил, что думает, а значит, был очень неугодным даже для своих родных. Его прогнали из семьи. Он поселился при церкви и стал молиться за всех: «И за соседей, и за мамку свою горемычную, и за всю деревню, и за весь народ» [1, с.76]. Будучи абсолютно

честным и наивным человеком, он раскрыл аферу с продажей топлива председателем колхоза, который поделился деньгами с председателем райисполкома, а потом, чтобы скрыть следы, сделал умышленный поджог. Этой честности Алику власти не простили. Через два дня его нашли грибники мёртвым в лесополосе. А в милиции сказали, что его загрызли голодные волки. Это была, конечно, ложь, в которую никто из сельчан не поверил. На похоронах плакали и молились за него, повторяя слова, которые любил повторять Алик: «То, что человек знает, ничтожно с тем, чего он не знает...» [2, с.77].

Говорит Т. Демидович и о человеческой чёрствости даже среди самых родных людей, о связи поколений, о том, что каждый из нас рано или поздно понесёт ответственность за свои слова и поступки.

Автор рассказов хорошо видит в окружающей жизни тревожные, беспокойные стороны в характерах наследников, связанные с проявлением безразличия к своим предкам. Писатель, кажется, постоянно напоминает читателю, что счастье человеческое непрочное, что сломать благополучие легче, чем построить. Автор уверен, что при таком отношении к предкам и самим наследникам ждёт суровая, а вовсе не радостная, не весёлая жизнь.

В рассказе «*Наследники*» автор описывает жуткую картину жизни, которую невозможно читать без содрогания.

У главной героини рассказа Лёльки умер дедушка, с которым она жила давно, так как мама вышла замуж за немца и уехала навсегда за границу. С дедушкой студентка, теперь уже выпускница, не совсем ладила, так как он был очень болен, лежал после инсульта, а ей приходилось за ним ухаживать и воспринимать его как обузу.

Свой университетский выпускной решили отметить у Лёльки, в соседней комнате с той, где лежал покойник. Молодых людей, однокурсников Лёльки, это не смутило. Наоборот, речь под активную выпивку спиртного за «помянутое девяностолетнее деда», за анекдоты о смерти и дикий хохот, за удачу в получении наследства, которое получит внучка, сопровождалась ещё и игрой внучки под гитару и пением романсов: «А через полчаса всё равно молодость да алкоголь взяли своё. Лёлька брэнчала на гитаре и пела романсы, Шут разбавлял музыкальные номера анекдотами, Марго и я потешались над Шуттом и смеялись над каждой его репликой. Это была бы обычная студенческая встреча, если б не Лёлькин дедушка в гробу в соседней комнате...» [2, с.83].

Закончив застолье, совсем пьяный Шут с Марго, приглашая прокатиться и Адэльку, сели в машину и уехали. Правда, недалеко... Шут погиб, а Марго оказалась в реанимации. Сама же Аделя, как оказалось, была тяжело больна. У неё СПИД. В разговоре она указывает не на проклятие, а на стечение обстоятельств: «Эх, думала первая уйду... Ты думаешь война закончилась, и нам в наследство достался мир, труд, май? Это глупости, Адэля... Война и теперь идёт, война бурлит в каждом из нас, и никто не знает имя победителя... Враг сидит внутри каждого из нас. И мы его возвращаем день ото дня, и наступает миг, когда бороться с ним невозможно...» [2, с.84].

Лёлька умерла через два года... А Аделя через некоторое время родила девочку и попросила у Господа прощения за всех: «Господи, счастье-то какое... Будет нам теперь с Марго на двоих одна радость в жизни! – размазывая по лицу слёзы, думала я. – Господи, прости ж нас всех грешных... И Шута, и Марго, и Лёльку, и меня... Всё поколение наше прости... А то ведь все мы так и выйдем, по одному, как неразумные мамонты... А так ведь хочется жить...» [2, с.86].

Мотивы беды, гибели, погубленного счастья, горечи и горя звучат во многих её рассказах, миниатюрах, уводящих читателя в мир нечестного бизнеса и неблагодарного отношения потомков к своим предкам, мир невозможного обретения счастья в эмиграции, для которого характерна погубленная любовь, счастье, суровое равнодушие, холодность близких.

О человеческой ненасытности и добыче денег нечестным путём и неминуемой ответственности за содеянное говорит Т. Демидович в рассказе «Гоша», где главный герой, Иван Фёдорович, проводит параллель между жизнью животных и человека, обнаруживая при этом много общего. Он наблюдает за ненасытностью Паука, который ел Мух до тех пор, пока не лопнул от перенасыщения. Вот так и человек... Параллельно со свершившейся на подоконнике мухо-паучьей драмой, Иван Фёдорович слушает по телевизору подобные новости-драмы о человеческой жизни и понимает, как ненасытен и порочен человек в своих бесчестных деяниях и зависти: «Во время экскурсии по местному спортивному комплексу был убит директор ведущей строительной компании ООО «Рожки да ножки», известный политик, глава Фонда «Отмыть и себе в карман положить» товарищ Пауков Нестор Валерьянович... который имел в... городе сеть магазинов и ресторанов. В политике был жёстким и входил в тройку самых богатых людей нашего региона...» [2, с.89].

Автор сборника раскрывает и *проблемы миграции*, порой вынужденной, а не желательной, потому что отсутствие работы и будущего в деревне обрекает молодёжь не только на безденежье, но и на отсутствие такого места, где каждый мог бы реализовать себя, быть успешным в своём деле и счастливым в семье.

Об этом рассказ «Грай, Гануля, грай» [2, с.91]. Главная героиня рассказа Анна (Анюта) после окончания школы, в том числе и музыкальной, куда ходила она учиться каждый день за десять километров, решает уехать работать за границу гувернанткой: «А мне тут тоже ловить нечего. На всю деревню – один жених, и то сорокалетний выпивоха!» [2, с.92], – заявляет она своей тёте. Такое решение ей далось нелегко: «В уголках Анютиных глаз теснились слёзы. Грусть постучалась в сердце, и решительность под натиском воспоминаний рассыпалась на тысячи горьких «прощай» [2, с.92].

Используемая автором анафора «Грай, Гануля, грай» звучит в рассказе как воспоминание о прожитом, таком милом и дорогом её сердцу: о музыкальной школе, где научилась играть на баяне, о беззаботной юности; о прошлом, которого уже не вернуть.

Это и тёплое воспоминание о маме, которая умерла так рано, испытав столько трудностей: «Перекосившаяся дряхлая избёнка, руки в мозолях, голова в колхозном песке да муж пьяница...» [2, с.92]; о соседях, которые «...коротают зимние

вечера в компании «гарэлкі» ... А многих уже нет в живых... Вымирает деревня – пятнадцать дворов да три здоровых мужика на всё хозяйство» [2, с.92].

Это и требовательный учитель, и тот шумящий лес, в ветвях которого она могла всегда спрятаться от невзгод, и её любимый и преданный друг – баян, которого она «грела своими маленькими ладошками», «...выплёскивая музыку души в просторы родного края», с которым «...она чувствовала себя богатой и сильной, свободной и лёгкой...» [2, с.93].

Герои рассказов, автор и читатель, анализируя текст, как будто видят себя со стороны, как будто смотрят на себя в зеркало и по своим ощущениям, впечатлениям, высказываниям, догадываются о переживаниях друг друга.

Об этом свидетельствуют и миниатюры «Просто о жизни», помещённые в сборник.

Миниатюры «Ворюга», «Крылья и хвосты», «Выигрыш», «Свобода», «Хороший человек», «По-соседски», «Детовщина», «Время», «Поздравление», «Катавасия», «Идиотка» ещё раз подчёркивают мысль автора о том, что иногда человек в своей сытости, не замечает красоты жизни, которая его окружает, и, находясь в состоянии постоянной житейской скуки, жалуется на безысходность: «Я посмотрела на трещащего упитанностью Жорика, который зевал от житейской скуки, и наконец-то поняла, зачем Всевышний устроил странный спектакль. Незнакомка заметила красоту в куче мусора, а нам в безбрежности красоты мерещится одна неприглядность... И -ди-о-ты!..»

Ярко в книге Т.Демидович звучит и мотив противостояния судьбе, обидам и ударам, посылаемым жизнью. Многие герои рассказов, помещённых в раздел «Сказочные истории» (рассказ «Испытание счастьем», «Тит», «Ангел и человек», «Три орешка и орёл!») стараются стойко переносить и неразделённую любовь, и тяготы судьбы, понимая, что, как бы ни было трудно и тяжело человеку, он живёт жизнью, которая ему дана Богом, и Бог слышит человека и его мольбы.

Может быть, потому, знакомясь с рассказами сборника Т. Демидович «Соломенный дом», у читателя и создаётся ощущение встречи с добрым и отзывчивым человеком, который всегда готов прийти на помощь в трудную минуту, понять и простить...А тонко описанные автором образы и характеры героев, раскрывающие вечные общечеловеческие ценности, вселяют читателю оптимизм, связанный с желанием сделать в современном мире человека более ответственным и благородным, добрым и чутким, помочь ему создать такую философию жизни, которая помогла бы стать счастливым.

Как видим, творчество Т.Демидович отличается глубокой философией жизни, чувством ответственности каждого человека за содеянное, гармонией того национального и общечеловеческого, без которого нет настоящего понимания жизни и счастья.

Список использованных источников:

1. Бобков, И. Этика пограничья: транскультурность как белорусский опыт// Перекрёстки, № 3-4. – Минск, 2005. – С. 133.
2. Демидович, Т.А. Соломенный дом : сборник рассказов / Татьяна Демидович. – Брест : Альтернатива, 2017. – 184.

Карими-Мотаххар Джанолах⁵ (Karimi-Motakhhar Janolah), профессор кафедры русского языка и литературы Тегеранского университета, председатель «Иранской Ассоциации русского языка и литературы» (Тегеран, Иран); jkarimi@ut.ac.ir

УДК 372.882

РУССКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА В СОВРЕМЕННОМ ИРАНЕ

Аннотация. В статье представлен материал, рассказывающий об изучении русского языка и литературы в иранской университетской аудитории; показано творческое взаимодействие вузовских преподавателей с Иранской ассоциацией русского языка и литературы; отражено сотрудничество иранских, российских и белорусских учёных по созданию учебных пособий, направленных на постижение русской культуры иранским читателем.

Ключевые слова: русский язык и литература, Иран, университет, читатель

RUSSIAN LANGUAGE AND LITERATURE IN MODERN IRAN

Annotation. Russian Russian and literature studies in the Iranian university audience are presented in the article; the creative interaction of university teachers with the Iranian Association of Russian Language and Literature is shown; the cooperation of Iranian, Russian and Belarusian scientists on the creation of textbooks aimed at understanding Russian culture by the Iranian reader is reflected.

Keywords: Russian language and literature, Iran, university, reader

Прежде всего, я хотел бы приветствовать и искренно поздравить вас, участников конференции. Позвольте мне выразить мои самые лучшие пожелания и надежду на то, что Конференция окажется эффективной и успешной.

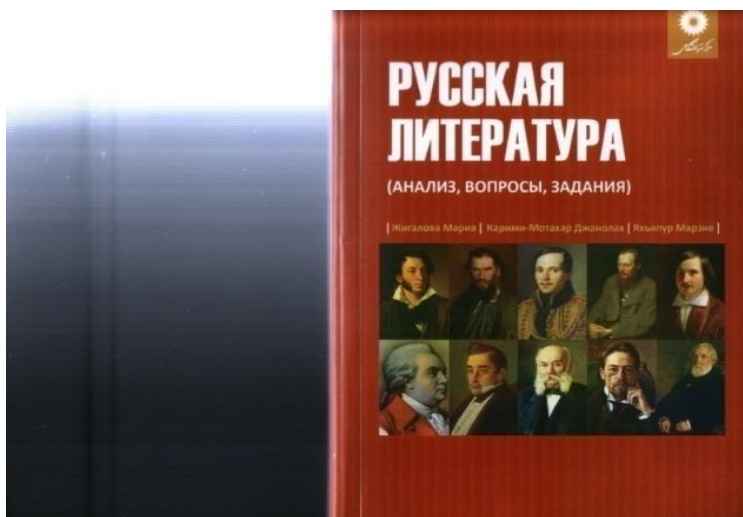
Для меня было высокой честью получить приглашение кафедры белорусского и русского языков Брестского государственного технического универси-

¹ E-mail: jkarimi@ut.ac.ir; <https://orcid.org/0000-0002-6072-5797>; Scopus ID: 57270830600.

тета принять участие в этой важной Конференции, которая предоставит специалистам полезную площадку для обсуждения ключевых вопросов русского языка и литературы.

Считаю эту конференцию очень важным мероприятием, в ходе которого специалисты-филологи смогут обменяться своими взглядами, и я надеюсь на дальнейшее сотрудничество и взаимодействие между учеными кафедры белорусского и русского языков с профессорами и преподавателями «Иранской ассоциаций русского языка и литературы».

Раньше у нас уже был такой опыт эффективного сотрудничества. В 2011 году мы совместно с профессором кафедры теории и истории русской литературы Брестского государственного университета имени А.С.Пушкина (сейчас это профессор кафедры белорусского и русского языков Брестского государственного технического университета) Марией Жигаловой выпустили в Иране очень хороший учебник на русском и персидском (фарси) языках по истории русской литературы под названием «Русская литература: анализ, вопросы, задания: учебное пособие для иранской аудитории» [Жигалова Мария, Карими-Мотаххар Джанолах, Яхьяпур Марзие, 2011: 385с.].

Я хотел бы здесь, пользуясь случаем, выразить профессору, уважаемой Марии Жигаловой, свою благодарность и признательность за сотрудничество и помощь иранским студентам, преподавателям русистам – филологам, которые успешно используют это пособие в учебной деятельности университетов Ирана. Мы надеемся на продолжение такого сотрудничества.

Русский язык в Иране является одним из тех языков, потребность в изучении которого возрастает с каждым днем с учетом сложившихся экономических, политических и культурных интересов.

Преподавание русского языка в Иране имеет давнюю историю, так как осуществляется в Тегеранском университете уже более 85 лет. Тегеранский университет, называемый матерью всех университетов Ирана, был основан в 1934 году. «Русский язык стал одним из первых предметов, который начал преподаваться одновременно с открытием университета» [Яхьяпур 2002:164].

В настоящее время в более чем 14 университетах Ирана открыта кафедра русского языка и литературы. И сегодня ежегодно в университеты Ирана поступают

на бакалавриат приблизительно 270 студентов. И более 50 поступают в аспирантуру и магистратуру по специальности *«Русский язык и литература»*.

Для систематизации обучения русскому языку и литературе в иранских вузах в конце 2012 года в Иране мы открыли «Иранскую ассоциацию русского языка и литературы» (www.iarll.com). «Она представляет собой неправительственный институт и ведёт свою работу в научной и исследовательской сферах. Цель нашей Ассоциации – систематизировать обучение русскому языку и литературе в иранских вузах и способствовать любой научной деятельности в этой области в Иране. В уставе также отмечается, что Ассоциация создается для научного роста, расширения и развития русского языка и литературы в Иране, повышения уровня подготовки специалистов и оптимизации образовательных и исследовательских вопросов в этой сфере» [«Слово Ирана», 2013:11].

«Иранская Ассоциация» провела в 2014 году при поддержке Фонда «Русский мир» и Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого Первый форум под названием *«Современные направления, методы и приемы в практике обучения русскому языку как иностранному в персоязычной аудитории»*. Он проходил в городе Тегеран на площадке трех иранских университетов – в Тегеранском университете, в университете «Тарбият Модарес» и в университете Аль-Захра.

А в мае 2018 года мы проводили очень крупную Международную конференцию по русскому языку, в которой приняло участие много стран. Это был Второй международный форум «Иранской ассоциации» под названием *«Русский язык и литература в современном мире: проблемы и перспективы»*.

В этих конференциях приняли участие преподаватели-русисты из 10 университетов Ирана, а также специалисты по русскому языку из Афганистана, Беларуси, Болгарии, Грузии, Казахстана, Литвы, Таджикистана, Польши, Украины и Хорватии. И, конечно же, приехали представители университетов и научных центров России – из Москвы, Петербурга, Ростова-на-Дону, Екатеринбурга, Магнитогорска и Тулы.

Третий форум на тему *«Русский язык и литература в современном мире: проблемы и перспективы»* мы планируем проводить в Тегеране в феврале 2023 года.

«Иранская ассоциация» выпускает научный рецензируемый журнал на русском языке (главный редактор журнала – профессор Тегеранского университета Марзие Яхьяпур; она была награждена медалью Пушкина в 2021 году).

Специалисты-русисты из разных иранских вузов получили возможность публиковать в этом журнале свои статьи, рассказывать о своих достижениях в области русского языка и русской литературы. Мы печатаем их, и ещё, конечно, приглашаем к сотрудничеству специалистов из России, Беларуси, чтобы они в качестве авторов принимали участие в работе нашего журнала.

Следует отметить, что во всех университетах Ирана, где есть кафедры русского языка, очень внимательно изучают жизнь и творчество русских писателей. Творчество русских писателей, особенно «творчество Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и А.П. Чехова тщательно изучается в иранских университетах и уже больше века производит глубокое впечатление как на читателей, так и на иранских авторов» [Карими - Мотаххар 2008:104].

Можно согласиться с суждением А.З. Розенфельда о том, что «многие проблемы, оказавшиеся в центре внимания русской классики XIX – XX веков, нашли благоприятную почву в Иране и в той или иной форме легли в основу ряда оригинальных и самобытных произведений национальной литературы» [Шифмон 1971: 332-356].

В произведениях Ф.М. Достоевского иранцев больше всего привлекает духовная напряженность – художественная, философская, религиозная, свойственная мысли великого русского писателя. Произведения Достоевского не только расширили представления иранцев о русской литературе, но и обогатили духовную жизнь иранского общества. И это притом, что многие переводы его книг сделаны не с русского, а с французского, английского и немецкого языков, и далеко не все тонкости мысли Ф.М. Достоевского переводчикам удалось донести до читателя.

В произведениях Л.Н. Толстого иранцев привлекают религиозно-нравственные проблемы общества. Титанизм мысли, грандиозность идей нравственной философии Л.Толстого имеют огромное значение для всего человечества. Что касается иранского общества, то можно с уверенностью констатировать: Лев Толстой стоит в ряду двух-трех русских писателей, которые заняли особо важное место в духовной жизни современного Ирана.

А рассказы Чехова иранские читатели любят в первую очередь за их маленькую форму. «Чеховские новеллы оказались в Иране тем образцом, который соответствовал их национальным интересам и литературным вкусам. В них они обнаружили близкую Ирану злободневную тематику: трагедию «маленького человека», осмеяние обывателей, лгунов и лицемеров, чиновничество и корысть. В Чехове привлекает ненавязчивый, но действенный юмор, лаконичность, изящество и легкость письма и в тоже время суровое осуждение пороков общества» [Комиссаров 1982: 108-121].

По справедливому замечанию иранского писателя и переводчика Керима Кешаварза, «рассказы Чехова, в которых он отражает уродливые стороны социальной жизни, знакомы не только ученым Ирана, но и всем образованным персам, которые, читая его, повторяют нашу народную поговорку: «Дорогой, ты говоришь на нашем языке» [Карими – Мотаххар 1998: 100].

В заключение, я еще раз хотел бы от всей души пожелать всем вам удачи в Вашей очень нужной и важной работе.

Желаю конференции успехов, и благодарю вас за внимание.

Список использованных источников:

1. Жигалова Мария, Карими-Мотаххар Джанолах, Яхьяпур Марзие. Русская литература: анализ, вопросы, задания: уч. пос. для иранской аудитории. – Иран-Тегеран, Издательство: «Марказ – е нашр - е данешгахи» (при министерстве наук, исследований и технологий Ирана), 2011. – 385с.
2. «Иранская Ассоциация русского языка и литературы» // Слово Ирана, № 18, Тегеран: «Фонд Исламской мысли», 2013. – С.10-13.
3. Карими – Мотаххар Дж., «Каштанка» А.П. Чехова и «Бродячая собака» Садека Хедаята // Русский язык за рубежом. – 1998. – № 4. – С. 100.
4. Карими – Мотаххар Дж., Перевод русской литературе в Иране // Вестник МГЛУ, выпуск 551. – Москва : ИПК МГЛУ «Рема», 2008. – С.100-105.

5. Комиссаров Д.И. Русская классика в Иране // Русская классика в странах Востока. – М.: Наука, 1982. – С. 108-121.
6. Розенфельд А.С. Проза Пушкина на персидском языке // «Пушкин и мир Востока». – М.: «Наука», 1999.
7. Шифмон А.И. Толстой и Иран // Лев Толстой и Восток. – М.: Наука, 1971. – С.332-356.
8. Яхьяпур Марзие. К вопросу об учебниках и преподавании русского языка в Иране // Современный учебник русского языка для иностранцев. – М., 2002.

Рачэўскі Станіслаў Рыгоравіч (Stanislaw Rachewski), кандидат філалагічных навук, дацэнт кафедры прафесійнага развіцця работнікаў адукацыі ГУО «Брэстскі абласны інстытут развіцця адукацыі» (Брэст, Рэспубліка Беларусь) (*Brest, Belarus*)

УДК 821.161.3

ІНТЭРПРЭТАЦЫЯ МАСТАЦКІХ ДЭТАЛЕЙ – ТВОРЧЫХ ЗНАХОДАК В. БЫКАВА Ў АПОВЕСЦІ “СОТНІКАЎ”

Анацыя: У артыкуле раскрываецца майстэрства В. Быкава ў стварэнні мастацкіх дэталей, якія дапамагаюць паказаць праўду вайны і чалавека на вайне.

Ключавыя словы: аповесць, мастацкая дэталё, інтэрпрэтацыя, кантраст, маўленне.

INTERPRETATION OF ARTISTIC DETAILS – V. BYKOV'S CREATIVE FINDS IN THE STORY "SOTNIKOV"

Annotation: the article reveals the skill of V. Bykov in the creation of artistic details that help to show the truth of war and man in war.

Keywords: novel, artistic, detail, interpretation, contrast, speaking.

У навуковых працах, і ў прыватнасці – у манаграфіях М.П. Жыгалавай і яе артыкулах [1; 2; 3], прысвечаных аналізу і інтэрпрэтацыі мастацкіх твораў, паслядоўна сцвярджаецца і даказваецца: у высокамастацкім тэксце звычайна ёсць моцныя пазіцыі, якія не толькі з’яўляюцца носьбітамі тэмы і ідэі твора, але і дапамагаюць чытачу распазнаць характары герояў, выйсці на глыбокія філасофскія абагульненні, узбагаціць інфармацыйны канал [3, с. 93].

І гэта не раз згадваецца, калі з зацікаўленасцю філолага ўчытваешся ў аповесць В. Быкава “Сотнікаў”. Менавіта як моцныя пазіцыі заўважаеш мастацкія дэталі, што заслугоўваюць аднясення да творчых адкрыццяў аўтара: яны, як і напружаны сюжэт ці вобразы, моўныя сродкі выразнасці, спрыяюць спасціжэнню, як сцвярджае М. Жыгалава, “истории жизни, людей, характеров в столкновениях, взаимоотношениях, развитии” [3, с. 93].

Найбольш значныя з дэталей, выяўленых у аповесці, вартыя асобнага разгляду, вытлумачэння як своеасаблівых коды і нашага этнасу, і падзей часоў Вялікай Айчыннай вайны на зямлі Беларусі. Інтэрпрэтуючы іх, будзем кіравацца азначэннем, паводле якога мастацкая дэталі (фр. detail – частка) – выразная падрабязнасць, што дапамагае стварыць мастацкі вобраз ў яго непаўторнай індывідуальнасці і перадае значную колькасць інфармацыі [4, с. 10].

Пісьменнікі, характарызуючы сваіх герояў, раскрываючы сутнасць падзей, асаблівасці пэўнага асяроддзя, акцэнтуюць рознае: адны канкрэтызуюць чалавека ці эпоху праз быт, акалічнасці дзеянняў, другім творчае азэрэнне падказвае, што ў партрэтнай характарыстыцы мэтазгодна выдзеліць рукі, вочы ці твар або адзенне, іншыя дабіваюцца раскрыцця чалавечай сутнасці персанажаў праз іх маўленне. В. Быкаў жа ў аповесці “Сотнікаў” асаблівае значэнне надае нагам і хадзе двух асноўных герояў, што зразумела: сюжэтнай асновай твора стаў выхад Рыбака і Сотнікава з лесу, каб здабыць у бліжэйшых вёсках харчоў для партызанскага атрада, і працяглы ўцёкі ад паліцэйскай пагоні.

Прасочым, як і чаму паступова змяняецца дэталізаванае апісанне ног і хады абодвух персанажаў, якім аўтар надаў у тэксце ролю антыподаў (грэч. antipodes – павернутыя нагамі да ног).

Тое, што Рыбак і Сотнікаў – розныя па фізічнай прыродзе людзі, выдаюць іх ногі і хада з першых старонак твора, дзе апавядаецца пра іх наведванне некалькіх хат:

Рыбак	Сотнікаў
<p>... амаль подбегам адолеў некалькі крокаў; ... рупна шастаў ботамі ў снезе; ... далёка выскачыў наперад і доўга шыбаваў па касагоры; ... даволі ўпэўнена крочыў наперадзе; ... спорна крочыў з ношай.</p>	<p>... ледзь прыкметна варушыўся ззаду; ... стомлена гробся па схіле; ... Сотнікаў адставаў; ... прымушаў сябе ісці, не спыніцца і не ўпасці; ... Сотнікаву стала і зусім кепска: млелі ногі; ... дашкандыбаў да яго, ужо не пільнуючыся следу.</p>

Гэты відавочны кантраст узмацняецца ў апісаннях паліцэйскай пагоні, ранення Сотнікава і аблавы ў хаце Дзёмчыхі:

Рыбак

Сотнікаў

<p><i>... ногі яго адразу падужэлі, цела, як заўжды ў хвіліны небяспекі, набыло лёгкасць і спрыт; ... каторы ўжо раз за вайну яго ратавалі ногі..., менавіта яны, а не што іншае, абяцалі яму паратунак; ... ногі спраўна неслі яго; ... Рыбак лёгка збег з пагорка да нерухомае на снезе постаці Сотнікава; ... настойліва імкнуўся наперад.</i></p>	<p><i>... зноў далекавата адстаў і знямогла гробся ў суцёмку; ... стомлена гробся па схіле; ... Сотнікаў не спраўляўся за сябрам, а часам і зусім заміраў у снегавой баразне; ... надта асядаючы на параненую ногу, ступіў два крокі; ... дужа асядаючы на параненую ногу, з усяе моцы стараўся ступаць шырэй; ... памагаючы сабе вінтоўкай, з натугай пераступаў нагамі.</i></p>
---	---

Істотныя змены ў паказе ног і хады абодвух герояў наступаюць у драматычных сцэнах расправы з партызанамі, калі на вяршыню мужнасці ўзыходзіць ледзь жывы стоік Сотнікаў і слабее духам – аж да здрады – Рыбак:

Рыбак

Сотнікаў

<p><i>... вяла пераступаў нагамі, не зашпільваючы паўшубка; ... ён памалу хістаўся з боку ў бок; ... ён зрабіў крок убок, падсвядома імкнучыся адасобицца ад іншых; ... ён хуценька скочыў на вуліцу і стаў ззаду за ўсімі...; бяздумна ступіў у такт з іншымі; ... у бязлюдным цягучым одуме, ад якога блыталася, цьмела свядомасць, Рыбак датупаў з калонай да знаёмых варот паліцыі.</i></p>	<p><i>... з усяе сілы ён намагаўся ісці сам; ... з натугай узгробся на ногі і выпрастаўся ў сваім пакамечаным, скрываўленым шынялі; ... і ён адабраў у Рыбака руку – хацеў дайсці сам; ... здаровым каленам дацягнуўся да зрэзу-тарца; ... Сотнікаў, каб апырэдзіць непазбежнае, здаровай нагой штурхануў ад сябе цурбан.</i></p>
---	---

У кантрастным паказе хады двух партызан, пасланых на заданне, В.Быкаў аддае перавагу даўно аблюбаванаму граматычнаму сродку – дзеяслову, лексічнае значэнне якога часта ўзбагачаецца прыслоўем. Хадзе Рыбака дзеясловы надаюць адценне бадзёрасці, дынамізму (*рашуча зашыбаваў; упэўнена крочыў; спорна крочыў; хутка крочыў; кінуўся хуткім крокам; лёгка збег; шпарка шыбаваў; імкнуўся наперад*); поступу Сотнікава – уражанне нядужасці, натужнасці, крокаў з апошніх сіл (*ледзь прыкметна варушыўся; стомлена гробся; павалокся следам; стараўся ступаць з усяе моцы; пераступаў з натугай; прымушаў сябе ісці намаганнем волі*).

У кульмінацыйных эпізодах аповесці – у руху бязвінных палонных і пры пакаранні менавіта дзеясловы ў В. Быкава – паказчыкі карэнным чынам змененай хады Рыбака ях хрыстапрадаўцы, здрадніка, які вязне ў балоце самаапраўдання, і рухальных паводзін мужага, да скону вернага доўгу Сотнікава:

Рыбак

Сотнікаў

<p><i>Вяла пераступіў; хістаўся з боку ў бок; стаў ззаду; бяздушна ступіў; ... збіўся з нагі, спалохана падскочыў, прапускаючы крок; ... зноў ступіў не ў лад.</i></p>	<p><i>Узгробся на ногі і выпрастаўся; дацягнуўся да зрэзу тарца; штурхануў нагой ад сябе...</i></p>
--	---

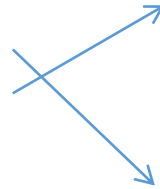
Дзеясловы тут яшчэ і выразнікі пэўнай істэрыі ў паводзінах Рыбака пасля карнага дзеяння, што відаць з некалькіх прыкладаў: ... *перасіліў у сабе*

збянтэжанаць..., азірнуўся; апаныў душой; апаноўвала разгубленаць; кідаў наўкола здзічэлыя позіркi і не ведаў, куды падацца.

Мастацкую дэталю “хада – ногi”, разгрупаваную па тэксце аповесці (усяго – у звыш 50 фрагментах), можна ўявіць як дзве паралельныя лініі, што пры завяршэнні рэзка разыходзяцца на два полюсы, пра што В. Быкаў піша: “Ідучы разам, яны ўжо сталі па розныя бакі той рысы, якая раздзяляла людзей на сяброў і ворагаў [5, с. 479].

Рыбак _____

Сотнікаў _____

Незаўважную, але толькі на першы погляд, мастацкую дэталю ўяўляе сабой маўленне і псіхалагічныя паводзіны яўрэйскай дзяўчынкі Басі, укінутай ў склеп да арыштаваных. Спачатку дзяўчо асцярожна і коратка адказвала на пытанні: “Я”, “Бася”, “Трынаццаць”, “Ну”, “Каб сказала, у каго хавалася...”. Далей яна, піша В. Быкаў, *зацялася, нібы і не дыхала, абмерла і маўчала*. Асвоіўшыся сярод сакамернікаў, дзяўчынка разгаварылася, яе *сцішаны шапоткі* *расказ* перарос у разгорнуты маналог з падрабязнасцямі: як хавалася ў лазняку ля рэчкі; як баялася ваўкоў; як хацелася есці; як балеў живот; як хацела памерці, *прасіла і маму, і Бога*; як яе потым білі.

У параўнанні з маўленнем дарослых партызан, старасты і Дзёмчыхі, якія ў змроку склепа выказваюцца сцісла, баючыся вымавіць лішняе, сінтаксічная паўната Басінай споведзі выглядае незвычайна. Яна, аднак, зразумелая: дзяўчынка назбірала ў сваіх уцёках ад немцаў і ў выжыванні столькі ўражанняў і пачуццяў, так не па-даросламу нацярпелася, што імкнецца расказаць пра перажытае як мага паўней, падрабязней. Невыпадкова сітуацыя са шчырым яе расказам аб прыгодах і завяршаецца ацэнкай Рыбака ў яго няўласна-простай мове: *Толькі ж гэта дзіця. Што дзееца на свеце*.

У тэксце аповесці ёсць яшчэ адна важкая мастацкая дэталю, звязаная з маўленнем і размеркаваная па сюжэтнай лініі, - гэта рэплікі паліцаяў-калабарацыяністаў:

– *Прывет, фрава! Як жысць?*; – *Я цябе зараз шпюкну і атвячаць не буду!*; – *Эй, ідрыт тваю мутар! Тожа ваяка!*; – *Што такое? Пачаму зноў грубасць? Пачаму на пол? Пачаму без мяне?*; *Яволь у склеп! Бітэ, прашу!*; – *Аддасі! Дабравольна, але абязацельна, вантробы з цябе вон!*; – *Генуг спаць!.. Выходзь: ліквідацыя!*; – *Якія вёскі радам?*; – *А хлопцы і награнулі!*; *Туды і дарога бандыту. І табе тожа!*; Ану, выскоквай! *Дабравольна, але абязацельна!*; – *Спасобны, падла!*; – *Яволь, а не ёсць. Прывыкаць трэба; А ўранку грос алес капут – во што? Фарштэйн?..*

Знявечаныя няправільным вымаўленнем, русізмы і германізмы ў адным рэчышчы з беларускай мовай актывізуецца ў сцэнах затрымання партызан у Дзёмчыхі і асабліва ў сцэнах допыту ў паліцэйскім участку – месцы “гнездавання” тых, чыімі рукамі захопнікі каралі, палілі, нішчылі. Разглядаючы іх у кантэксце, нельга абысціся толькі вывадам пра аўтарскую перадачу акцэнта,

бо ў розных вуснах іншамоўныя словы набываюць розныя стылістычныя адценні: рускамоўныя *жысць* (жизнь), *атвечаць* (отвечать), *тожа* (тоже), *пачаму* (почему), *абязацельна* (обязательно), *радам* (рядом), *гранулі* (грянули), *спасобны* (способный) успрымаюцца як казыранне пэўнай вывучанасцю да вайны, інакшасцю або нетутэйшасцю; нямецкамоўныя *фрава*, *мутар*, *бітэ*, *гэнуг*, *яволь*, *фарштэйн* – як жаданне паказаць нібыта валоданне нямецкамоўнымі формуламі зносін, хоць на самай справе гэта пакланенне мове гаспадароў, якім служаць паліцаі з мясцовага люду. У міжрадкоўі нескладана ўлавіць больш чым іранічную – здэклівую аўтарскую ацэнку такога гаварэння. Менавіта таму побач з падобнымі іншамоўнымі лексэмамі В. Быкаў дапускае дысфемізацыю – агрубленне, наданне паводзінам паліцаяў негатыву праз дзеясловы: *Стась... гаркнуў у шчыліну; паліцай ва ўсё горла зароў; паліцай рагатнуў коратка і агідна; гаспадар пакоя набычыў... лоб.*

Кранае развітальны позірк Сотнікава з-пад шыбеніцы на месчачковую вуліцу: *Ішлі апошнія секунды жыцця, і Сотнікаў, прыткнуўшыся на цурбане, прагным апошнім позіркам міжвольна ўбіраў у сябе несамавітую аздобу звыклай з дзяцінства месчачковай вуліцы з гаротнымі постацямі людзей, хілымі дрэўцамі, паламаным штыкетнікам, гарблячком намёрзлага лёду пад жалезнай калонкай. Праз настылае голле сквера праглядвалі аблупленыя сцены недалёкай царкоўкі з абадраным счарнелым дахам, без крыжоў на двух аблезлых зеленаватых купалах. Некалькі яе вузкіх акенцаў былі нядбайна забіты неакоранымі аполкамі...*

Гэтым позіркам змучаны выпрабаваннямі ваяр-партызан нібы хоча ўвабраць святую раскошу самога жыцця, хай сабе і звужанага да зімовай месчачковай вуліцы. Усё тут дорага яму, любая драбніца на мяжы жыцця і небыцця. Падкрэслім: у апісанні таго, што паўстае перад вачыма Сотнікава ў апошнія імгненні, пераважае амаль бясколернасць прадметаў, блізкасць іх прымет і абрысаў, суладных рэальнасці. У тэксце няма нечаканых эпітэтаў, запамінальных метафар, рэзкіх кантрастаў; моўныя мазкі Быкава як мастака-рэаліста ў слове скупыя, канкрэтныя, дакладныя: *вуліца звыклая; постаці гаротныя; дрэўцы хілыя; штыкетнік паламаны; голле настылае; сцены царкоўкі аблупленыя; дах абадраны счарнелы; купалы аблезлыя; акенцы вузкія; аполкі неакораныя.* Але і гэтае звыклае, будзённае ўспрымаецца Сотнікавым як апошняя міласць, “якую, бы ўзнагароду, – піша аўтар, – даравала яму жыццё”. Дэталізаваны выгляд вуліцы настолькі пранізлівы праўдзівасцю апісання, настолькі фатаграфічны, што, па сутнасці, заслугоўвае аднясення да гатовай мізансцэны ў кіно, як В. Быкаў, і ў каторы раз, – да майстра мастацкай дэталі. Дарэчы прывесці ўражанне аднаго з чытачоў аповесці ў Інтэрнэце, што пажадаў застацца невядомым: “Усё да болю наша. Людзі. Снег. Холад. Дрэвы. Паветра. Пакуты страшэнныя. І падзенне. І ўзыходжанне.”

Інтэрпрэтуючы “моцныя пазіцыі” ў тэксце аповесці, варта згадаць эпізод стасункаў Рыбака ў хаце старасты Пётры Качана:

У бярозавай раме на сцяне сярод паўтузіна розных фота ён выглядзеў маладога, чымсь падобнага да гэтага дзеда, хлопца ў гімнасцёрцы з артылерыйскімі эмблемамі ў пятліцах і трыма значкамі на грудзях. Было ў яго поглядзе нешта грунтоўна спаважнае, упэўненае і ў той жа час на-маладому наіўнае.

– *Хто гэта? Сын, можа?*

– *Сын, сын, Талік наш, – ласкава пацвердзіла гаспадыня. Цераз плячо Рыбака яна таксама зазірнула на фота, трымаючы ў руках міску.*

У выпісаных умела мастацкіх дэталях *цераз плячо Рыбака і трымаючы ў руках міску* выразна праявілася назіральнасць В. Быкава, падобная да ўслухоўвання майстроў сцэны ў інтанацыі жывога гаварэння, што пры патрэбе аднаўляюцца ў ролі, або да мімікі, што падгледжана артыстам на чымсьці рухомым твары, а пасля таленавіта перадаецца на экране ці сцэне. Мацярынскі – лішні раз – погляд *цераз плячо чужога чалавека на дарагі здымак – своеасаблівы “штрыхкод”* любавання кабеты сынам, што недзе на фронце, а трыманне міскі ў руках – сімптом звыклага бытавога дзеяння. Дэталі (такія, здавалася б, нязначныя) у сваёй меры тыпізуюць паводзіны сялянскай жанчыны-маці.

На наш погляд, найбольш важкая мастацкая дэталі – сапраўднае творчае адкрыццё В. Быкава – фігура хлопчыка, выхапленая Сотнікавым з натоўпу ў апошнія хвіліны жыцця:

... ягоная ўвага вылучыла цесненька загорнутую ў чужую, без гузікаў, адзежыну танклявую постаць хлопчыка гадоў дванаццаці з насунутай на галаву старой армейскай будзёнаўкай. Хлопчык азябла ўбіраў счырванелыя рукі ў рукавы, адсюль было бачна, дрыжаў ад сцюжы ці, можа, ад страху і з баязлівай дзіцячай цікаўнасцю ўзіраўся ў жывых яшчэ вісельнікаў. Сустрэўшы ягоны позірк, хлопчык скрывіў у балючай грывасе свой хваравіта-белы тварык, на якім раптам адбілася столькі спачувальнай жаласці, што Сотнікаў не ўтрымаўся і ціха, аднымі вачыма ўсмінуўся малому – нічога, браток!..

Думаецца, што сабраны ў некалькі радкоў тэксту вобраз хлопчыка – глыбока прадуманы сімвал. Сотнікаў да павешання вынес мукі, якія не грэх параўнаць са страццямі Хрыста па дарозе на Галгофу і на крыжы. Усё, што зрабілі з ім каты, выглядала пад пятлёй так, што ў малога сведкі пакарання выклікала балючую грывасу і натуральнае спачуванне ў вачах. Усмешка Сотнікава, адрасаваная азябламу малому, чытаецца не толькі як падбадзёрванне: трэба перажыць тое, што зараз убачыш. Гэта яшчэ і перадача эстафеты жыцця, што павінна працягвацца, пераможнага жыцця, дзеля якога мужны чалавек пераадолеў сябе, зрабіў, што мог. Ці не пра такую эстафету – аўтарскае адступленне Ч. Айтматава ў рамане “Плаха”: “добро и зло передаются из поколения в поколение в нескончаемой памяти, в нескончаемом времени и пространстве человеческого мира” [6, с 446].

Як вядома, тэкст аповесці перажыў рэінтэрпрэтацыю: стаў мастацкім фільмам “Восхождение”, які паспела зняць таленавітая Л. Шэпіцька. Уважлівы прагляд апошніх кадраў пацвярджае вылучаную намі думку пра ўсмешку Сотнікава хлопчыку *ціха, аднымі вачыма* як пасыл жыць і помніць: у кіналенце падлетак, нібы прыняўшы гэты пасыл, стрымана ўсміхаецца ў адказ, а ў яго позірку – няное захапленне тым, як з апошніх сіл, годна трымаецца незнаёмы яму чалавек на эшафеце. У сучасным інфармацыйным сеціве можна знайсці і адпаведнае прызнанне Шэпіцька-рэжысёра: “Я хотела доказать, что мы не конечны...”.

Дэталі, пра якую гаворка, вымагае параўнання з яе адлюстраваннем у фільме яшчэ з адной пазіцыі: В. Быкаў у апісанні будзёнаўкі на хлапечай галаве абыходзіцца характарыстыкай *старая армейская*; у кадрах жа кіналенцы на

будзёнаўцы – кідкі контур адпоратай чырвонаармейскай зоркі, ён цямнее на фоне вышвілай тканіны. Наўрад ці такі адыход ад тэкставай асновы палепшыў твор пры рэінтэрпрэтацыі; армейскі савецкі сімвал у рэальнасці быў бы заўважаны паліцаямі, на міласць якіх нельга разлічваць.

Такая дадатковая дэталізацыя ўспрымаецца як празмернасць, але і права іншага мастака на сваё прачытанне аповесці і неабходны візуальны рад у фільме. Дарэчы, у кінакарціне па аповесці бачым новую і мэтазгодную мастацкую дэталю, якой няма ў В. Быкава: пасля хлопчыка з будзёнаўкай позірк Сотнікава прабіваецца далей, за ваколіцу мястэчка, на поле і лазняк – як на прастор усёй вялікай Радзімы, і як да нас, сённяшніх.

Майстэрства В. Быкава ў стварэнні мастацкіх дэталей выяўляецца яшчэ ў адным эпізодзе, да якога падыходзіць біблейскі выраз “перст Божы” :

... у скверыку наводдаль стаяла некалькі падлеткаўі з імі тоненькі хваравіты хлопчык у будзёнаўцы. Разявіўшы рот, ён усё сморгаў носам і ўглядаўся ў шыбеніцу, падобна было – яго здзівіла там лішняя, пятая пятля. Спакваля, відаць, ён зразумеў нешта і пальцам з даўгога рукава паказаў якраз у яго на тратуары. Рыбак з непрыемнасцю ценнуў плячамі і ступіў убок, каб схваціць за паліцаямі...

Выраз *перст Божы* (рус. *перст указующий*), як вядома, азначае знак перасцярогі, указанне на тое, што яшчэ можа здзейсніцца ў лёсе чалавека. Прадвесце непазбежнай кары для здрадніка аўтар аповесці ўкладвае ў жэст малога сведкі страшнай расправы, накіраваны на пустую пятую пятлю і пераведзены на паліцэйскага “навабранца” Рыбака, – своеасаблівае *temento togі* (лац. *памятай пра смерць*). Чытачу даецца свабода дадумаць, калі і якім будзе гібельнае псеўдажыццё і расплата для таго, хто ўпотаікі ад Сотнікава разважаў: *... у той гульні, якая завецца жыццём, з большым выйгрышам аказваецца той, хто ўмее хітраваць, хто дбае пра свой лёс, а не пра свой не заўсёды здаровы гонар; ... фашызм – машына, якая здратавала сваімі калясьмі паўсвету і бадай усю Еўропу, хіба можна ўвесь час бегчы ёй напярэімы і размахваць голымі рукамі...*

У заключных абзацах тэксту аповесці ёсць сімптоматычны эпізод:

... раздумваць не было калі, ён хуценька скочыў на вуліцу і стаў ззаду за ўсімі, побач з нейкім высокім, у чорнай аўчыннай папасе дзецюком, які непрыязна пакасіўся на яго. – Шагам марш! – і гэта было і зразумела, і звыкла. Рыбак бяздумна ступіў у такт з іншымі...

Нязначны мастацкі штрэх *ступіў у такт з іншымі*, выражаны традыцыйнымі часцінамі мовы, па сутнасці, паказчык канчатковага зліцця здрадніка з поступам паліцэйскай зграі.

Дэталі, з якіх, як у “Сотнікаве”, праступае чалавечае, назаўжды велічнае, самаахвярнае і змагаецца з нялюдскім, бездухоўным, разам з іншымі праявамі ідыястылю В. Быкава робяць яго прозу нязменнай праўдай пра перажытую вайну і партызанства, надаюць яго тэкстам сілу уздзеяння на чытача гэтай праўдай, што, як адзначае Л. Васюковіч, “спрацоўвае непрыкметна, але моцна” [7, с. 106], не дае забыць тое, што забыць нам нельга, бо – небяспечна.

Спіс выкарыстанай літаратуры:

1. Жигалова, М.П. Типология анализа произведений русской литературы: монография / М.П. Жигалова. – Брест: Брест. гос. ун-т имени А.С.Пушкина, 2004. – 300с.

2. Жигалова, М.П. Интерпретация и анализ в литературе: теория и практика: монография / М.П.Жигалова. – Брест: Брест. гос. ун-т имени А.С.Пушкина. – 2-е изд., доп. – Брест: БрГУ, 2011. – 269с.

3. Жигалова, М.П. Художественное произведение как культурный код этноса и эпохи: интерпретация и анализ /Социально-психологические проблемы ментальности/менталитета: сборник научных статей XII Международной научной конференции/ под ред. К. Е. Кузьминой, И. В. Морозиковой, Н. И. Сенченкова; Смоленский госуниверситет. – Смоленск: Из-во СмолГУ, 2016. – Выпуск 12. – 288с. – С. 93-99.

4. Добин, Е. Сюжет и действительность. Искусство детали / Е. Добин. – Л.: Сов. писатель 1981.

5. Быкаў, В.У. Альпійская балада. Дажыць да сьвітання. Сотнікаў: аповесці / В. У. Быкаў. – Мінск: Маст. літаратура. – 2021.

6. Айтматов, Ч.Т. Буранный полустанок. Плаха: романы / Ч.Т. Айтматов. – М.: Профиздат, 1989.

7. Васюковіч, Л.С. Быкаў Васіль Уладзіміравіч / Л.С. Васюковіч // Беларуская мова: энцыклапедыя. – Мінск: “Беларуская энцыклапедыя імя Петруся Броўкі. – 1994.

Шафранская Элеонора Фёдоровна (E. F. Shafranskaya), доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской литературы Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета (Москва, Россия) (Moscow, Russian Federation); shafranskayaef@mail.ru

УДК 821.161.1

ПОСТСОВЕТСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ТРАНСКУЛЬТУРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: РОМАН «РУКИ-РЕКИ» ЛИАНЫ ШАХВЕРДЯН

Аннотация. В статье обосновывается правомерность употребления термина «транскультурная литература» взамен распространенного и алогичного «русскоязычная литература». В качестве примера представлен роман писательницы Лианы Шахвердян «Руки-реки». Роман вписывается в актуальный вектор современного литературного процесса – архивный. Обозначены узловые темы романа и приемы их воплощения.

Ключевые слова: транскультурная литература, «русскоязычная» литература, Лиана Шахвердян, сталинские репрессии, ковер как метафора рода.

**POST-SOVIET PROBLEMS IN MODERN RUSSIAN TRANSCULTURAL LITERATURE: THE NOVEL “HANDS-RIVERS”
BY LIANA SHAKHVERDYAN**

Annotation. The article substantiates the legitimacy of the functioning of the term “transcultural literature” instead of the common and illogical “Russian-language literature”. The author of the article presented an analysis of the novel by the writer Liana Shahverdyan “Hands-Rivers” as an example of this phenomenon. The novel fits into the current vector of the modern literary process – archival. The research reveals the conceptual themes of the novel and the techniques of their implementation.

Keywords: transcultural literature, “Russian-language” literature, Liana Shahverdyan, Stalinist repressions, carpet as a metaphor of the genus.

В литературном процессе второй половины XX века (советский период) появились писатели, которых упорно стали называть *русскоязычными*. Термин неудачный, нелогичный (как будто русский писатель не русскоязычный), однако прижился и до сей поры в активном употреблении в литературоведческом дискурсе.

Для большинства «русскоязычных» авторов родным языком с детства был вовсе не русский, их картина мира была сформирована не в зоне русской культуры. Социокультурная ситуация подвигла их к освоению русского языка, ставшего языком их творчества, которое обогатило русскую литературу иноэтнокультурным содержанием и мифопоэтикой. Об исторических процессах, приведших к рождению такого «русскоязычного» творчества, написано множество исследований, наиболее современные принадлежат У.М. Бахтикереевой (см, например, : [1; 2]), собственно, этой исследовательнице и ее ученикам принадлежит более адекватный термин, взамен «русскоязычной» литературы, – *транслингвальная*, или *транскультурная*.

Писатели нового поколения из бывших советских республик (конец XX и начало XXI века), чье творчество складывается в несколько иной культурной и языковой ситуации, по инерции могли бы называться «русскоязычными», но таковыми не являются. Часто характеристика «русскоязычные» сопровождается довеском «так называемые» [1, с. 15]. Это русские авторы (родной язык для них – русский). Таким образом, термин «русскоязычные» к сегодняшнему дню и в применении к писателям нерусского происхождения теряет свою историческую значимость. (Однако, к сожалению, многие исследователи упорно продолжают использовать этот термин не по назначению.)

Это уже *другая русская литература*. Инонациональные писатели – медиаторы между двух культур. Они – составляющая литературного процесса XX–XXI веков, они – трансляторы между двух культур: понимая обе, доводят до реципиентов инокультуры наиболее значимое в своей культуре и отличное от русской.

Анализируя подобную ситуацию в творчестве Хаида Исмаилова, пишет литературовед Г.Т. Гарипова: «Человек рассказывающий обретает себя в системе

любого национального миробытия, сохраняя свое генетическое национальное само- и мирознание, которые он способен средствами любого иноязыка и иноэстетики воссоздать в художественном тексте. В нем – как в человеке и как в писателе – воплотилась сама идея синтеза: наций, языков, культур, творческих методов и стилей» [3, с. 77].

Этническая тема никогда не теряла своей актуальности ни в социуме, ни в искусстве и литературе, за исключением звучания сопровождающих ее обертонов: советский период окрасил эту тему официозным пафосом; постсоветские десятилетия поменяли вектор на противоположный: официоз, скорее, безмолвствовал, зато в повседневности процветал разной степени агрессивности ксенофобный дискурс. Многие писатели поспешили отмежеваться от русской литературы, «встроив» себя в нишу какой-либо национальной литературы. Но языком их творчества по-прежнему является русский. Это больше говорит не о писателях, а о русском языке: он вне границ; никакое государство не вправе считать его своей собственностью, язык безграничен, он в моральном и этическом плане выше политики, деяний и чаяний чиновников; язык – некая субъектность, находящаяся на высшей ступени условной гуманистической шкалы.

Так, по-русски пишет стихи и прозу Лиана Шахвердян, *тбилисская армянка*, которая, после ряда опубликованных сборников в Ереване, активно вошла в российский мейнстрим публикациями в журналах «Дружба народов»: рассказ «Белое платье» (2017, № 7), роман «Руки-реки» (2021, № 9) – и «Нева»: стихи (2020, № 3). Что заставляет этого автора писать по-русски? С одной стороны, это ее частная судьба и личное дело, с другой – она (и ее предки), как и миллионы людей, наследница бремени империи (сначала Российской империи, затем СССР), и еще не один век эти процессы не будут соответствовать месту проживания и этнической графе. Прошло совсем мало времени: постсоветские процессы пока находятся в агонии, до их угасания в тумане времени еще очень далеко. Однако это и радует, подтверждая высказанную мысль: язык – вне границ и чиновных циркуляров, он сам себе господин и хозяин. По поводу выбора писателем языка творчества заслуживает внимания фигура Хамида Исмаилова, литературное творчество которого – яркий пример транскультурной литературы. Исследователь Г.Т. Гарипова пишет: «Хамид Исмаилов может быть представлен как русский писатель (пишет на русском языке и активно печатается в российских журналах), узбекский писатель (пишет на узбекском и является фактом узбекского литературного процесса в системе векторов виртуального узбекского андеграунда и культурного зарубежья/эмиграции), пишет на английском, французском языках, несколько лет пребывал в статусе английского писателя-резидента. Художественное сознание Хамида Исмаилова предопределено социокультурным размыканием границ языковых и художественно-национальных картин мира, коды которых в полной мере представлены в его творчестве» [4, с. 433] (см. также научные работы о прозе Х. Исмаилова: [5; 6]).

Лиана Шахвердян не встраивает свое творчество ни в какую парадигму, она пишет так, как ей удобно и как для нее органично, искренне делится с читателями волнующими ее проблемами. Так случилось, что эти проблемы роднят Лиану Шахвердян с другими коллегами-литераторами. Возможно, здесь вступает в свои права метатекст – полумистическая субстанция, как бы «диктующая» писателям, порой никак друг с другом не связанным, одни и те же темы, ставит перед

ними одни и те же вопросы, в частности: что стало с моими дедушками и бабушками, жившими при Сталине, почему и за что тиран уничтожил миллионы?

В 1990-е стали открываться архивы, подрастало новое поколение, не зашоренное советской пропагандой и страхами, и – как результат – уже в XXI веке в литературном процессе стал складываться новый литературный жанр – архивный роман. По поводу активного обращения литераторов к архивным документам замечает писатель и критик Евгений Абдуллаев: «Роман, в начале нулевых несколько потесненный нон-фикшеном, затем синтезировал его в себе. И не только в чисто документальном романе, но и во вполне вымышленном» [7, с. 119]. В статье «Архивный вектор в современной русской литературе» [8] рассмотрен ряд текстов, вписывающихся в этот вектор, писателей Натальи Громовой, Сухбата Афлатуни, Саши Филипенко. Совершенно органично этот ряд должен быть продолжен романом «Руки-реки» Лианы Шахвердян.

Ошельмованные, запятанные, замученные граждане СССР, как правило, яркие и талантливые личности, уничтожались в 1930–1940-х годах «промышленными» масштабами – работал сталинский конвейер. Как это было в реальности – уже описано в статье, которая основана на следственных делах советских художников, расстрелянных в Бутове [9]. Об этом трагическом этапе в истории XX века надо писать, не останавливаясь – столько безвестных судеб, столько безвинных жертв, не найдены места захоронения, не восстановлены честные имена: если у приговоренного к расстрелу сталинскими «двойками» и «тройками» не было родственников, то этих людей редко и реабилитировали. Воссоздание их биографий могло бы стать глобальным проектом постсоветской истории, достойным высшего проявления человечности.

Современная писательница Лиана Шахвердян включилась в этот необъявленный проект: она стала исследовать жизнь своего рода, делая для себя открытие за открытием: дед, бабушка, дяди, их близкое окружение – все попали под сталинский каток. История семейного рода превратилась в роман о Дануше, или Даниеле Александровиче Шахвердове, ее прапредке.

«Все события, которые происходили в роду, – взаимосвязаны, поэтому имеют общий “узел”, который надо распутать, чтобы отпустила реальность, которая стучится. <...> Тогда сердечные нити, как руки, переплетаются и тепло согревает душу» [10, с. 48], – говорит старая женщина, Ханум, одна из собеседниц (и «информантов») главной героини романа.

Метафора *узел* запущена автором романа еще в экспозиции – во время сцены ковроточного качества: Люсик, двоюродная тетка героини, завязывала «узелки коротеньких разноцветных нитей... <...> – А теперь мы впишем твое имя, точнее, первую букву, в этот рисунок, вот сюда: между ромбом и дугой спирали... <...> – О, да! Я хочу, чтобы мое имя здесь было... Ведь тут имена всех наших! <...> – Конечно, ведь этот ковер – особый. В его зигзагах имена детей этого дома. Это как родословное древо. <...> – Тут имя Ханум, – Люсик указала на дальний угол. – А рядом Кали, мать Дануша. Тебе они приходится прабабками. И так далее, и так далее... Все имена связаны. В этом прелесть жизни. <...> – Ушедшие нас не покидают. Живут с нами...» [10, с. 10–11].

Прабабушка навсегда
вплела имя мое
в зигзаги узоров ковра
рода...
народа...
С тех пор все прапра...
мне смотрят в затылок:
я слышу их голоса... [11, с. 9] –

это стихи Лианы Шахвердян, написанные в 2014 году и свидетельствующие, что мысль о роде, народе давно занимает писательницу, в итоге родился роман.

Ковер как родовой «штрих-код», как домашний архив – не вымысел автора, это давняя традиция, нашедшая отражение во многих ковроткаческих культурах. Вспомним «Джан» Андрея Платонова: «По вечерам Айдым <...> набирала ковер из старых тряпок и мешочных ушивок...» [12, с. 486]; на базаре лежали «темные ковры, вытканые руками женщин в долгом одиночестве, с изображением всей участи человека в виде грустного повторяющегося рисунка» [12, с. 489].

Вытканная и зашифрованная в коврах история жизни, рода подтверждается исследователями – историками и этнографами: «Изучение орнамента ковров Ирана и Центральной Азии дает возможность выявить не только исторические корни современных орнаментальных традиций, но проследить этногенетические связи народов достаточно обширного региона с глубокой древности и до наших дней» [13, с. 3]; «Известный русский археолог Елена Антонова уверена, что все эти стилизованные орнаменты и узоры есть письменные знаки, несущие определенную смысловую нагрузку. А значит, специалисты могут читать ковры, как книги» [14].

Американский писатель Генри Джеймс (1843–1916) создает интригу в своей повести «Узор на ковре» («Фигура на ковре»), сопрягая ковровую метафору – *complex figure* – с литературным творчеством: прочитав ковер – равно разгадать скрытый мотив в литературном тексте, и тогда узоры «выступят из мнимого хаоса беспорядочных переплетений не потому, что критик привнес туда что-то извне, а потому, что найдет правильную точку зрения и на ковер, и на литературное произведение. Если изменить критическую перспективу, посмотреть на текст издали, с расстояния, которое позволит охватить взглядом весь ковер целиком, есть шанс увидеть на нем повторяющиеся формы и отметить их сходство или отличие, а значит, уловить те особенности, частички узора, которые критик стремится найти» [15, с. 6–7], – так расширяет *ковровую* метафору французская исследовательница Паскаль Казанова, поднимая ее, метафору, на новый уровень, отталкиваясь от замысла Г. Джеймса: теперь и мировая литературная словесность – это ковер. Однако мы ограничимся задачами статьи, останемся на том уровне метафоры, которая предложена Лианой Шахвердян: ковер – это закодированная карта рода. «Узлы», которые она пытается распутать-разгадать в продолжение всего повествования, – это ее предки и те, которые спасали их или вредили им. Карта рода предстает не только в виде ковра, но и стены в древнем доме Дурмиши, увешанной фотографиями: «Эта стена была знаменита на весь

Лорийский район. Ее придумала Люсик. Так она хранила память о тех, кто жил в этом доме и был в него вхож...» [10, с. 23]. От фото к фото ведет свой опрос героиня, встраивая судьбы прямых предков в общий узор рода. «Оставаясь наедине со стеной, я скользила по лицам, радостно узнавая одних, внимательно исследуя незнакомых... Прабабки, прапрадеды, троюродные тетки, дядья и так далее» [10, с. 27]:

«Неподалеку от портрета Дануша виднелся еще один – фотография “отца народов”, Сталина.

– Люсик, а что, Сталин тоже бывал в доме? – не задумываясь, спросила я.

– Не совсем... – многозначительно ответила Люсик.

– Это как?

– Да так. Он сам лично не был, но его слуги – да.

– Какие слуги?

– Те, которых он послал за Данушем... Весь дом перевернули, ничего не оставили...» [10, с. 25];

«– Люсик, кто такой этот человек в гимнастерке? Микоян? <...>

– Да, Анастас Микоян.

– Он тоже, как “отец народов”, перевернул дом? <...>

– Не совсем... Он спас Сергея, сына Дануша...» [10, с. 26].

Основанная на документальных фактах сюжетная линия романа встроена в притчевую раму – о змеях и птицах. Эти персонажи фауны появляются то в преданиях и былях, то в виде метафизических знаков судьбы, то в метаморфных образах (Рипсимэ, Гаянэ, Нина), то в виде метафоры или сравнения, то в названиях глав и частей романа. Остановимся на сюжете одной лорийской были: трехметровая змея ползла по откосу стены в сторону гнезда с птенцами ласточки. Люди заметили эту змею и ее жертв – птенцов можно было спасти. Но Люсик скомандовала: не трогать. Змею убить было сложно – высоко, но птенцы были бы спасены, а змея могла потом вернуться и отомстить. И люди молча наблюдали, как змея заглатывала одного за другим птенцов, как они медленно передвигались вдоль и внутри ее тела. «Больше на той стене птицы не гнездились» [10, с. 22]. Героиня, она же рассказчица, не пытается комментировать этот сюжет, но он выполняет функцию чуть ли не экспозиции в сюжете. Это аллюзия к сталинским репрессиям и безмолвному и безропотному наблюдателю – советскому народу, парализованному страхом.

В другом фрагменте романа опять всплывает змея: «...вести об арестах приходили отовсюду: из Тбилиси, Еревана, Кировакана, да и здесь, в селе, начался суший ад. На нас объявили охоту. Это – как та ползучая змея... Она поглощала одного за другим» [10, с. 29].

Все персонажи из семейной и одновременно всеобщей истории империи разными нитями, руками-реками, тянутся к главному объекту разысканий рассказчицы – ее двоюродному прадеду Данушу, замученному в сталинско-бериевских застенках. Даниел Александрович оказался редкой *птицей*: он не дал себя огово-

ритель, его не сломили пытки. По словам рассказчицы, в судьбе деда ее «волновали, с одной стороны, его противоречивость, с другой – как ровно и уверенно он скользил, словно орел, плавно держащий высоту в небе над пропастью, не боящийся жала удерживаемой в когтях змеи... Схватка птицы и змеи была очевидна, и в ее трагическом исходе был урок...» [10, с. 47].

Будучи ребенком, рассказчица спросила у Ханум-таты, что означает завораживающее слово революция. Малограмотная, но мудрая Ханум ответила иносказательно: революция – это змея в когтях орла. Не очень поняв эту метафору, рассказчица выросла, не забыв так и непонятый смысл этого образного толкования. Возможно, роман «Руки-реки» и стал дешифровкой этой бабушкиной сентенции, а руки-реки – так названы душевные нити, связующие прошлое с настоящим. О том и стихи, вплетенные в повествование романа:

...руки тянутся к птицам,
птицы тянутся к рукам...

Небо соединяет нас!
Каждый раз вздрагиваю при мысли,
что разучилась летать... [10, с. 93].

Руки-реки – это сердечные нити, *руки-реки* «в сердце сцепились – не распели...» [10, с. 94] – эта стихотворная строка из романного фрагмента как знак: русское слово *сердце* родом из армянского слова *сирт*, так сплелись руки-реки не только из прошлого и настоящего, но и из стихий двух языков.

Возвращаясь к транскультурности литературного текста, подведем итоги. В русском романе «Руки-реки» представлен не только корпус политических имен и личностей армянской истории сталинского периода, но и ландшафт Армении, особенности армянского быта и домашних ремесел, взаимоотношения между членами армянской семьи: между старшими и младшими поколениями. В русский текст вплетены слова-армянизмы (например, *кари-глуха* – главное место в армянском селе, его место силы; имена персонажей из фольклорных преданий), усвоенные с детства рассказчицей, говорящей на русском языке.

По мнению Г.Т. Гариповой, именно культурная память вобрала всю «историю “умирания” и “возрождения” художественного национального сознания, которая определила литературный облик столетия» [16, с. 106] – именно восстановлению культурной памяти и служит роман Лианы Шахвердян.

Список использованной литературы:

1. Бахтикиреева У.М., Валикова О.А. Истоки транслингвальной русскоязычной литературы / У.М. Бахтикиреева, О.А. Валикова // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2017. – Т. XIV. – Вып. 1. – С. 14–19.
2. Бахтикиреева У.М. Русофон – русофонный – русофония – русофонная литература – слова глобальные или локальные? / У.М. Бахтикиреева // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2021. – Т. XVIII. – Вып. 1. – С. 11–17.

3. Гарипова Г.Т. «Археология письма» или сложноорганизованный смысл метасознания Х. Исмайлова / Г.Т. Гарипова // Вопросы филологии. – 2020. – № 3. – С. 77–84.
4. Гарипова Г.Т. Принципы миромоделирования в русской прозе XX века (неклассическая парадигма художественности): дис. ... д-ра филол. наук / Г.Т. Гарипова. – Владимир, 2021. – 612 с.
5. Гарипова Г.Т. Полилингвизм и транслитературность в контексте метафигициальных стратегий Хамида Исмайлова / Г.Т. Гарипова // Полилингвиальность и транскультурные практики. – 2020. – Т. 17. – № 1. – С. 78–87.
6. Гарипова Г.Т. Календарь Москвы: «Собрание утонченных» и пространство Лондона в метасознании Хамида Исмайлова / Г.Т. Гарипова // *Genius loci* в литературе, искусстве, культуре: Сборник научных статей. – Санкт-Петербург: Свое издательство, 2018. – С. 71–86.
7. Абдуллаев Е.В. Как убить литературу: очерки о литературной политике и литературе начала XXI века / Е.В. Абдуллаев. – Москва: Эксмо, 2021. – 352 с.
8. Шафранская Э.Ф. Архивный вектор в современной русской литературе / Э.Ф. Шафранская // *Przegląd Rusycystyczny*. – Польша, 2022. – № 4 (180). – С. 25–38.
9. Шафранская Э.Ф. Бутовский полигон vs Нукусский музей имени И.В. Савицкого / Э.Ф. Шафранская // Знамя. – 2021. – № 7. – С. 180–205.
10. Шахвердян Л. Руки-реки: Роман / Л. Шахвердян. – Ереван: Ван Арьян, 2022. – 160 с.
11. Шахвердян Л. Многоточие: Стихи и рассказы / Л. Шахвердян. – Ереван: Ван Арьян, 2015. – 104 с.
12. Платонов А. Джан: Повесть / А. Платонов // А. Платонов. Избранные произведения. – Москва: Экономика, 1983. – С. 396–506.
13. Каннадан Ш.М. История орнаментальных традиций в ковроткачестве Ирана и Центральной Азии: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ш.М. Каннадан. – Душанбе, 2013. – 26 с.
14. Канаева Н. Ковер можно читать как книгу / Н. Канаева // *Голос Армении*. – 2013. – 7 февраля. – URL: <https://www.golosarmenii.am/article/17371/kover-mozhno-chitat--kak-knigu> (дата обращения: 28.10.2022).
15. Казанова П. Мировая республика литературы / П. Казанова; пер. с фр. М. Кожевниковой и М. Летаровой-Гистер. – Москва: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. – 416 с.
16. Гарипова Г.Т. Специфика социокультурной модели узбекской литературы в постсоветскую эпоху / Г.Т. Гарипова // Проблемы распада и наследия СССР в современном публичном пространстве: Сборник научных статей всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Москва, 19 апреля 2021 г. – Москва: Книгодел, 2021. – С. 105–116.

Гл. 2. ОТРАЖЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В ИСТОРИИ И ПСИХОЛОГИИ МЫШЛЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

Годуйко Людмила Алексеевна (L. A. Goduiko), кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и русского языкознания Брестского государственного университета (Брест, Беларусь) (Brest, Belarus); god_lusi@mail.ru

УДК 81'367.622.12=133.1(045):811.161.3

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ АНИМАЦИОННЫХ ФИЛЬМОВ КАК СЛОЖНЫЙ ФЕНОМЕН: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация: В статье на материале имен собственных анимационных фильмов подтверждается, что онимы – это многогранный, сложный феномен. Фильмонимы разнообразно объективируют не только языковую, но и социальную, культурную, в т. ч. национально-маркированную, информацию; апеллируют к базовым культурным кодам.

Ключевые слова: фильмоним; культурно-маркированное имя, культурный код.

PROPER NAMES OF ANIMATED FILMS AS A COMPLEX PHENOMENON: SOCIO-CULTURAL ASPECT

Abstract: In the article based on the material of proper names of animated films, it is confirmed that onyms are a multifaceted, complex phenomenon. Filmonyms objectify not only linguistic, but also social, cultural, including nationally labeled information in a variety of ways; they appeal to basic cultural codes.

Keywords: *filmonym; culturally marked name, cultural code.*

Онимная подсистема имен собственных (ИС) мультфильмов, созданных белорусскими художниками (см. выше «Имена собственные анимационных фильмов как сложный феномен: номинативный аспект») кумулирует, бережно хранит гетерогенную информацию о социуме, культуре, в первую очередь – белорусской.

Национально-культурная информация в фильмонимах представлена по-разному. Ряд анимационных фильмов (АФ) и, соответственно, их названий функционирует на языке титульной нации: «*Беларускія прымаўкі*», «*Каму чорт дзетак колыша*» (по сказке В. Короткевича «Чертов клад»), «*Шэрая лашадка*» (по мотивам народной сказки «Старый конь»), «*Якія сны сніць мядзвездзь*» (сюжет основан на белорусские народных обрядах) и др. Обращает на себя внимание, что часть фильмов (особенно выпущенных до 1991 г.) экранизирует белорусскоязычный материал по-русски; это обусловлено, в определенной мере, ориентацией на зрителя из республик СССР / постсоветских стран: «*Музыкант-чародей*» (по мотивам белорусской народной сказки) и др. А в целом фильмонимы коррелируют с языковой ситуацией в нашей стране, с доминированием в ряде сфер – при официальном билингвизме – русского языка. Но национальная культура, как тонко замечает Н. Б. Мечковская, «не сводится к текстам и коммуникации на белорусском» [1].

Фильмонимы включают в свой состав маркированную белорусской культурой лексику, так называемые реалии:

1) ономастические реалии, а именно: а) антропонимы – личные имена в народных формах, прозвища, фамилии: «*Піліпка*», «*Вася Буслик и его друзья*» (выбор сценаристом Е. Кобец-Филимоновой антропонима объясним культурными смыслами, ассоциациями, которые вызывает птица *ауст*, ее особой «белорусскостью») и др. Особо остановимся на персонаже АФ «*Тошка и его друзья*», «*Тошка спешит на помощь*» (имя любознательного мальчика-картошки национально не столько по форме, сколько по мотивирующей базе) и др.; б) космонимы: «*Миловица*» (так белорусы, другие славяне называли звезду Венеру. В АФ, поставленном по лирической сказке В. Дубовки, простой деревенский парень влюбился в сестру Солнца; но та ответить взаимностью не может) и др.; в) топонимы: «*У Палессі на балоце*» (анимационный цикл из четырех АФ знакомит с фольклором самобытного региона Беларуси); г) мифонимы: «*Малимон*» (эта огромная рыба, по преданию, живет в подземном море-океане и держит на себе все Полесье, влияя на разливы и засухи) и др.; д) артионимы: «*Ладья отчаянья*» (по повести В. Короткевича) и др. Мультфильмы, находясь на стыке разных видов белорусского искусства, а также мифологии, фольклора, вербализуют эти связи в своих заголовках, отсылают к ИС текстов из упомянутых сфер творчества: «*Як служыў жа я ў пана*» (по одноименной народной песне), «*Як сінячок да сонца лётаў*» (по одноименной сказке В. Дубовки) и др.

Среди киноминаций отмечены прецедентные феномены, различные по типу, сферам-источникам, степени известности: а) ПФ-имена: «*Пчелка*» (социумно-прецедентное ИС. Фильм посвящен звезде белорусского балета *Пелагее Азаревич*, также известной под прозвищем *Пчелка*. Крепостная танцовщица начала свою карьеру в Шкловском театре, а вскоре ее талант покорила и Москву, и Европу); «*Як Несцёрка скарб знайшоў*», «*Як Несцёрка на кірмаш збіраўся*», «*Як Несцёрка гаршкі прадаваў*», «*Як Несцёрка з кірмашу ехаў*», «*Як Несцёрка пярсцёнак шукаў*», «*Як Несцёрка нявесту сваю шукаў*», «*Як Несцёрка небыліцы расказваў*» (национально прецедентное ИС народного героя, весельчака, балагура, защитника бедных и слабых от жестоких помещиков); «*Марк Шагал. Начало*» (универсально-прецедентное ИС) и др.; б) ПФ-высказывания: «*Я тайну*

ў глыбіні душы хаваю» (АФ выпущен к 130-летию М. Богдановича. В качестве фильмонима выбрана строчка из сонета поэта, выбор которой комментирует режиссер-аниматор Е. Петкевич: «Кстати, *anima* – в переводе ‘душа’. Пожалуй, главное слово в судьбе песняра чистой красоты» [2]; в) ПФ-тексты (их «символы»): «*Аповесць мінулых гадоў*» (серия историко-познавательных АФ про гербы белорусских городов отсылает к одному из наиболее ранних, XII в., дошедших до нас летописных сводов), «*Песнь о зубре*» (зрителя обращают к значимому памятнику Высокого Возрождения – одноименной эпичной поэме М. Гусовского (XVI в.) о жизни простых людей, о противостоянии татарской орде, о мужестве белорусского народа) и др.;

2) реалии белорусской природы, материальной, духовной жизни: «*Ерш и воробей*», «*Муха*», «*Листопадничек*», «*Сказки леса*», «*Меч*» и др.

Фильмонимы наглядно иллюстрируют **открытость белорусской культуры**, ее включенность в мировую цивилизацию, интерес к жизни других народов, к проявлениям их культуры: «*Моцарт и...*», «*Икариада*» (ироничная отсылка к античному мифу об Икаре, с которой создатели АФ сравнивают героиню последнего – ворону, погрузившуюся в приятные сновидения и свалившуюся с дерева), «*Сказки братьев Гримм: Гусятница у колодца*», «*Легенда о леди Годиве*» (старинную английскую легенду воспроизвел в своей поэме А. Теннисон), «*Корзина с еловыми шишками*» (по рассказу К. Паустовского), «*Лягушка-путешественница*» (по сказке В. Гаршина) и др.

Фильмонимы вербализуют **культурные коды (КК)** Беларуси. Коды как «таксономический субстрат» текстов культуры являют собой, по дефиниции В. Н. Телия, «ту или иную совокупность окультуренных представлений о картине мира некоторого социума – о входящих в нее природных объектах, артефактах, явлениях, выделяемых в ней действиях и событиях, ментофактах и при-сущих этим сущностям их пространственно-временных или качественно-количественных измерений» [3]. Обратимся к кодам, наиболее ярко представленным в исследуемой онимической подсистеме.

Антропоморфный КК репрезентируют семиотизированные номинации (апеллятивные/онимические) людей в биологическом статусе, в семейных, родственных отношениях, в социальных ролях, видах деятельности и т. д.: «*Сестра и брат*», «*Как дед за дождем ходил*», «*Лиса, медведь и мужик*», «*Косарь-богатырь*» (деревенский мужик Федор Набилкин одолел несметное войско Змея Горыныча. К слову, «в отличие от российской анимации, богатыри которой выглядят очень мощными, крупными и сильными..., белорусские богатыри более слабые, внешний вид у них не соответствует богатырскому “имиджу”, и победить врагов они способны лишь с помощью своего ума и врожденной хитрости» [4, с. 116]), «*Отшельник и роза*», «*Про девочку Женю 2. В розовом цвете*», «*Как Василь хозяйничал*», «*Аленкин цыпленок*» и др.

Субстантивный (вещный) код вербализует различные, обретающие в нашей культуре особую символику артефакты (музыкальные инструменты, одежду, предметы домашнего обихода и т. д.): «*Паданне пра гуслі*», «*Сказка о синей свитке*», «*Ложка для солдата*» (по мотивам рассказа Янки Мавра «Деревянная ложка». В письме с фронта сын рассказывает матери, что в одном из боев потерял ложку. А как без нее? Из белорусской деревни отправляется необычная посылка; а поскольку полк ее адресата продвигается на восток, ложка начинает путешествовать

через фронт), *«Тошка и компьютерный монстр»* (ЭВМ стал маркером современной жизни, превратившись в персональный портал в цифровой мир и в то же время выступая, по оценке культурологов, аналогом средневековой площади – места, где все собираются и с чем-то / кем-то взаимодействуют [5]) и др.

Биоморфный КК отражает представления белорусов о животном и растительном мирах, а также о находящемся на пограничье с ними мире бестиариев [6, с. 247]: *«Про вола»*, *«Сова»*, *«Легенды и сказания Беларуси. Аист»* (в основе АФ – история появления птицы, которая стала одним из символом нашей страны), *«Песня жаўрука»* (согласно верованиям белорусов, это «чистая» птица символизирует небо, свободу, рост, жизнь; жаворонка считают первым певцом весны. АФ рассказывает, как птенец искал себе *песню*, а фактически – и предназначение в жизни), *«Про Егора, про ворону...»* (ворона, верили наши предки, птица умная, вещая, а черный окрас ее ассоциируется с бедой. Вот и в АФ хитрая, завистливая ворона чуть было не завладела престолом глупого царя Егора; ср. с *объегорить*); *«Жило-было дерево»* (философская притча о том, что жизни человека и дерева нелегки и во многом похожи. Это подчеркивает и кольцевая композиция АФ: он «начинается со щебетания и карканья птиц на дереве, продолжается криками петухов, живущих в ближнем дворе, и заканчивается прилетом маленькой птички к одинокому дереву» [7, с. 33]); *«Краснолюдки»*, *«Крыжатики»* (в белорусских преданиях *краснолюдками* называют карликов, защищающих человеческое жилища; *крыжатики* (от бел. *крыж*) – духа, охраняющего кладбище) и др.

КК не остается незыблемым – под влиянием изменений в обществе, в окружающем мире он трансформируется, что демонстрирует, к примеру, ИС *«Бежал мышонок по траве»* (мама-мышь отправила из большого города к бабушке в деревню маленького сына, чтобы тот вырвался из мира компьютерных игр): в наши травы по-прежнему «лечит», а также символизирует единение с природой, правильный образа жизни.

Фильмонимы демонстрируют (порой и несколько иначе «прочитывают», расставляют акценты) сложившиеся стереотипы. Так, в АФ *«Волк и баран»* (у славян *волк*, плотоядный, сильный, быстрый, опасный, вызывал противоречивые чувства; *баран* же считался невинным, но упрямым, глупым животным, безропотно подчиняющимся судьбе) хищнику, который состарился, ослаб для охоты и попытался напасть на своего соседа барана, последний дал отпор, проявив осторожность, находчивость и незлопамятность. В ИС *«Чертополох»* актуализируется внутренняя форма мотивирующего фитонима (традиционно репейник использовали для отпугивания *черта* и иной нечистой силы): герой сказки-фэнтези, не знающий страха, приезжает к самым запуганным людям, вступает в борьбу со злым чародеем – и *переполох* в королевстве превращается в *чертополох*...

Пространственный КК связан с членением окультуренного мира: *«На заре во дворе»* (петух потерял голос – и размеренная жизнь в хозяйстве нарушилась: животные не хотели просыпаться, заниматься привычными делами), *«Ночь в театре»*, *«Волшебная лавка»* (накануне Нового года папа и сын попали в необычный магазин, в котором стирается грань между сказкой и былью), *«Чего на свете не бывает»* и др.

В фильмонимах вербализована оппозиция «свой–чужой», пронизывающая, по мнению исследователей, всю пространственную модель мира: *«Про девочку»*

Женю 3. Черта» (маленькая героиня, не спросив разрешения, взяла помаду сестры; а та, разошлись, разделила комнату чертой, за которой вскоре пропадает рыжий кот...), «*Океаны*» (Юра и Катя оказываются в необыкновенной стране знаний, где нет никаких границ, и решают узнать об океанах), «*Полет в страну чудовищ*» и др.

В пространственном КК семиотируются также космический и сакральный миры (их элементы): «*Приключения реактивного поросенка. Приключение второе. Как починить небо*», «*Куда пропала луна?*», «*Месяц*» (бел. 'луна'), «*Райский сад*» (повествование о драматической судьбе художницы Алены Киш, рисовавшей ковры на библейские сюжеты) и др.

Темпоральный КК, фиксирующий членение временной оси, движение по ней человека, кодирующий бытие последнего в материальном и нематериальном мире [16, с. 240], представлен киноминациями: «*Было лето...*», «*Вясна увосень*» (по рассказу В. Короткевича; приход весны в хмурый, дождливый день символизирует надежду, прилив сил, приносит выздоровление маленькому Янке), «*Optimus mundus 14. Осень*», «*Сновидения поздней осени*» (жизнь героя АФ, пожилого человека, была трудна, а одинокая старость подобна одному из самых трудных, нередко депрессивных периодов года), «*Удивительный ужин в сочельник*», «*Чудеса в день рождения*» и др.

Акциональный КК характеризует действия, состояния, поведение человека, его отношения к окружающим/окружающему: «*Не убий. Шестая заповедь Моисея*», «*Как лиса волка судила*» (мужик прячет от охотников волка, который пообещал ему за это лисий воротник. Когда опасность миновала, неблагодарный хищник собрался съесть своего спасителя, аргументируя тем, что у него «законы волчьи»). Мужик с ними не согласен. В поисках ответа на вопрос «Есть ли правда на свете?» герои АФ обращаются к коту, лисе. Плутовка под видом следственного эксперимента отправляет хищника в мешок, добавляя: «Из тебя, волк, тоже неплохой воротник выйдет»), «*Музыкальная шкатулка 2. Хотела ж меня мать замуж отдать*», «*Черепаха, которая заставила себя уважать*», «*Марафон*» (АФ был снят в 1988 г. как подарок Микки Маусу на его 60-летие: ребенок подходит к экрану, где видит свое отражение, а волшебная кисть превращает его в Микки Мауса. Мультгерой и ребенок начинают танцевать, а вверху кадра бегут цифры. Малыш – подросток, юноша, взрослый человек. Цифры доходят до 60. Уже старый человек, немного отдышавшись, садится в кресло. Теперь за неизменившимся, по-прежнему веселым мышонком наблюдает другой малыш... А в целом фильм манифестирует продолжение рода человеческого, вечность искусства), «*Сны*» (сновидения главного героя навеяны трагичной реальностью русских революций), «*Тошка и его друзья. Тошка и героический поступок*» (и это – неравный бой с Жужей Колорадским) и др.

Фильмонимия выразительно реализует атрибутивный, эмоционально-характерологический коды: «*Глиняная Аудотка*» (название демонстрирует игру с омономией имени жадной бабы, которая повезла на базар глиняные горшки, не дождавшись даже обжига, и апеллятива: *авдотками* называют свистульки в виде птичек, которые лепит дед-гончар и которые воодушевляют его на работу), «*Лучшее место на свете*» (маленький мышенок, услышав о волшебном амбаре, полном зерна, отправляется туда из родной норки. Вначале в амбаре он пирует, пребывает в эйфории... Но, когда приползает удав, пожирающий самых толстых, ленивых и абсолютно равнодушных мышей, герой АФ сбегает, чтобы строить

простую, наполненную трудом и семейными радостями жизнь), «*Глупая пани и “разумный” пан*», «*Квака-задавака*», «*Фантазерка*», «*Неудачник*», «*Вясёлыя літары*» (маленький зритель не только запоминает буквы, но и смотрит занимательные истории с их участием), «*Иллюзион*» (в ИС актуализируется оба значения исходного слова – ‘кинематограф’ и ‘обман чувств, мнимость’: у героя АФ появилась возможность прогуляться по длинному коридору, понаблюдать за разными этапами своей жизни; но за дверями ждут не только радостные воспоминания, но и совершенные им некрасивые поступки) и др.

Нередко КК переплетываются, делают фильмоним поликодовым, превращают его в языковую/культурную «матрешку»: «*Колдовское колесо*» (в основе кинотекста – сказка о трех братьях, которые бродят по свету в поисках счастья, подвергаясь разным соблазнам – испытаниям на духовную прочность. Олицетворением круговорота времени, его восприятия человеком становится обыденная вещь – *колесо*) и др.

Более того, все коды фактически «работают» на духовный КК (и в религиозном, и в светском аспектах его понимания), выстраивая аксиологическую систему, оценивая с позиций «добро–зло», «хорошо–плохо», «плюс–минус», «верх–низ»: «*Притча о Рождестве*» (*Рождество* – не просто точка на временной оси, не просто праздник, хотя и один из важнейших в христианском мире; это волнующая встреча со Спасителем, поскольку его рождение дарит тепло и веру, пробуждает в душах милосердие, сострадание, любовь); «*Хлеб*» (для белорусов данный продукт питания выступает также объектом сакрализации, символом достатка, благополучия. АФ рассказывает о цене хлеба, о том, каким нелегким трудом он достается), «*Тошка и его друзья*» (для коллективистской культуры белорусов дружба обладает несомненной ценностью), «*Гісторыі ад кірыліцы*» (как отмечается в аннотации к АФ, это первый шаг по стране белорусского языка, который поможет дошкольникам, первоклассникам выучить буквы родного алфавита) и др. Нельзя не подчеркнуть, что белорусские анимационные произведения фильма заметно отличаются нравственностью, духовностью, вдумчивостью, а их создатели размышляют о взаимоотношениях человека с другими людьми, с природой, о нашем месте в этом сложном мире, говорят о мире и войне, о прошлом и настоящем...

Таким образом, имена собственные белорусских мультфильмов еще раз подтверждают, что они – это многогранный, сложный феномен. В семантической структуре кинономинаций присутствует экстралингвистическое содержание, которое независимо от воли номинаторов отражает социальную жизнь, обслуживаемую языков культуру. Как знаки последней фильмонимы апеллируют к фоновым знаниям (прецедентные феномены, фразеологизмы и др.) своих адресантов и адресатов, выводят их из собственно языка в общество, в сложный мир человеческих поступков, эмоций, поисков ответов на вечные и актуальные вопросы. Имена собственные разнообразно объективируют национально-маркированную информацию, апеллируют к базовым культурным кодам. Да и сами фильмонимы, стоящие за ними произведения киноискусства стали интересной, самобытной частью нашей белорусской культуры.

Список использованной литературы:

1. Н. Мечковская. Почему в постсоветской Беларуси все меньше говорят на белорусском языке [Электронный ресурс] // Н. Мечковская / Интелрос [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.intelros.ru/readroom/nz/>

neprikosnovennyu-zapas-80-2011/12776-pochemu-v-postsovetskoj-belarusi-vse-menshe-govoryat-na-belorusskom-yazyke.html. – Дата доступа: 05.12.2022.

2. Мультфильм о Максиме Богдановиче презентовали в минском музее / [Электронный ресурс] / Общенациональное телевидение. – Режим доступа: <https://ont.by/special/list-data/pervyj-multfilm-o-maksime-bogdanoviche-prezentovali-v-minskom-muzee>. – Дата доступа: 05.12.2022.

3. Телия, В. Н. Очередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В. Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. – М. : Языки русской культуры, 1999. – С. 13–24.

4. Голикова-Пошка, Е. В. Анимационное кино в контексте мировой анимации / Е. В. Голикова-Пошка // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўн-та. – 2009. – № 53. – С. 114–118.

5. Сальникова, Е. Пострелигиозному человеку нужно ощущение высшей реальности. Его дает компьютер [Электронный ресурс] / Е. Сальникова // Реальное время. – Режим доступа: <https://m.realnoevremya.ru/articles/96879-kulturolog-o-svyazi-kompyutera-i-srednevekovoy-ploschadi>. – Дата доступа: 15.11.2022.

6. Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2002. – 284 с.

7. Гаврукович, В. В. Анимационное кино в зеркале белорусской критики (на примере журнала «На экранах» / В. В. Гаврукович // 79-я научная конференция студентов и аспирантов БГУ: материалы секции «Белорусская журналистика – 2022», Минск, 18 апр. 2022 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: О. М. Самусевич (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2022. – С. 31–35.

МЕДВЕДСКАЯ ЕЛЕНА ИВАНОВНА (E. I. MEDVEDSKAYA), кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры социальной работы БрГУ имени А.С. Пушкина (*Brest, Беларусь*); EMedvedskaja@mail.ru

УДК 159.95

ОСОБЕННОСТИ МЫШЛЕНИЯ ВЗРОСЛЫХ АКТИВНЫХ ИНТЕРНЕТ-ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ

Аннотация. Статья посвящена проблеме изменения познавательных процессов как психологического последствия интернет-воздействия. Уровень обобщения мышления измерялся посредством методики «Понимание смысла метафор,

поговорок и фраз». Установлено, что мышление взрослых активных интернет-пользователей отличается от мышления взрослых, сохраняющих привычку к традиционному чтению, меньшей абстрактностью ($p \leq 0,01$). Выявленный феномен ухудшения мышления в его высшем звене реализации (абстрагирование) предлагается обозначать как когнитивную деформацию, выступающую эффектом интернет-воздействия.

Ключевые слова: Интернет-пользователи, мышление, знаковая система, сравнительный анализ, когнитивная деформация.

FEATURES OF THINKING OF ADULT ACTIVE INTERNET USERS

Abstract. The article is devoted to studying of a transformation of cognitive processes as a psychological consequence of the Internet use. Whereas to measure the level of generalization of thinking, “Understanding of metaphors and phrases with figurative meaning” method was used. According to the results of the studies, the thinking of the Internet users less abstract ($p \leq 0,01$) compared to the one of the control group. The author proposes to designate a phenomenon of the deterioration of thinking in its higher levels of implementation (abstraction) as a cognitive deformation resulted from the Internet use.

Keywords: Internet users, thinking, coding system, cognitive deformation, comparative analysis.

Регулярность практик обращения к Интернету, объективно увеличившаяся в условиях пандемии COVID 19, ускоряет формирование новой социокультурной ситуации жизнедеятельности, которая обозначается как реальность онлайн [1], смещенная реальность [2] и др. И в этой новой реальности изменяются и параметры познавательных процессов пользователей. Причем изменяются настолько заметно, что российские клинические психологи несколько лет назад обозначили в качестве проблемы необходимость пересмотра нормативных показателей в патопсихологической диагностике [3]. Применение классических методик исследования мышления («Классификация предметов», «Пиктограмма», «Толкование пословиц») в группе из 50 здоровых человек в возрасте от 20 до 39 лет обнаружило у них такие характеристики мышления, которые авторы по аналогии с известной работой З. Фрейда охарактеризовали как «патопсихологию обыденной жизни». К таким характеристикам относятся: снижение критичности к результатам своей деятельности, нейродинамические расстройства (усталость, сложность вработываемости, трудности концентрации на заданиях и др.), непоследовательность и разноплановость мышления, а также его эгоцентричность.

Не менее интересные данные получены и в другом клиническом исследовании [4], в котором посредством методики «Четвертый лишний» было установлено отсутствие отличий в выборе признаков для классификации в группах молодых людей (17–25 лет) мужского пола, имеющих шизотипическое расстройство и являющихся здоровыми. Последние продемонстрировали ориентацию на второстепенные, нестандартные свойства объектов, которая традиционно рассматривается в качестве диагностического показателя «расстроенного» мышления. Обнаружен-

ную специфику мышления исследователи характеризуют как псевдопатологические феномены, понимая под ними нарушения мышления, аналогичные патологическим (при шизофреническом синдроме), но имеющие культурно-историческую природу [5]. На высоком уровне статистической достоверности установлена высокая степень распространения этих феноменов у молодых людей по сравнению со взрослыми, выросшими в доцифровую эпоху. Если мышление взрослых соответствует конвенциональной иерархии родовых и видовых признаков, то в мышлении молодых людей они равнопорядковы.

Таким образом, результаты существующих исследований (пока единичных) свидетельствуют, что мышление молодых людей (или поколения Z – ровесников Интернета) отличается от мышления взрослых. Однако можно предположить, что мышление последних также изменяется в результате веб-воздействия. Судя по жизненной фактологии, которая не демонстрирует массовый рост интеллектуальных способностей у взрослых, являющихся активными интернет-пользователями, сомнительно, что эти изменения имеют позитивную валентность. Наиболее последовательно идею о наличии в ИКТ некоторого патогенного фактора отстаивает А.Ш. Тхостов с коллегами [6]. Отказ от идеи о принципиальной нейтральности интернета ученые объясняют ее существенными отличиями от более ранних технологий: если предыдущие технологии расширяли функции человека вовне [7], то информационные «способны заменять или подменять его высшие психические функции» [6, с. 46]. Последствием широкого использования различных заменителей когнитивных функций человека (калькуляторов, программ проверки орфографии, навигаторов и др.) в широком социальном контексте выступает ситуация «неосредневековья, когда неграмотность населения компенсировалась визуальными иллюстрациями» [6, с. 46].

Л.С. Выготским в рамках генетического закона предельно ясно сформулированы направления изменения высших психических функций «...развитие идет снизу вверх, а распад – сверху вниз» [8, с. 173]. Относительно обсуждаемой проблемы данный закон можно конкретизировать следующим образом: если Интернет оказывает некоторое деструктивное воздействие на мышление взрослых, то наиболее уязвимыми для него окажутся самые сложные, наиболее поздно формирующиеся в онтогенезе компоненты данной психической функции. Поэтому целью настоящего исследования является установление специфики обобщения мышления у взрослых активных интернет-пользователей.

Организация исследования

Исследование осуществлялось на протяжении 2020–2021 гг. Всего в нем приняло участие 385 респондентов, отвечающих следующим критериям:

- возраст старше 35 лет, т. е. завершение основных циклов когнитивного развития в доцифровую эпоху;
- наличие высшего образования;
- профессиональная деятельность в сфере интеллектуальных профессий (педагоги, инженеры, экономисты, библиотекари и др.);
- выполнение функциональных обязанностей, связанных с получением, обработкой и трансляцией информации в разных формах: бумажной и цифровой.

Эти критерии обеспечивают необходимый для получения обоснованных выводов контроль по выборке исходного, довольно высокого уровня сформирован-

ности мышления у испытуемых. Из этой общей выборки посредством анкетирования, направленного на выявление информационных привычек респондентов, было организовано две выборки для сравнительного анализа:

1) читатели ($n = 50$; возраст $46,5 \pm 5,3$; 19 мужчин и 31 женщина), т. е. лица, сохраняющие в своей жизнедеятельности привычку традиционного бумажного чтения (именно их незначительным количеством и объясняется некоторая переизбыточность общец выборки);

2) активные интернет-пользователи ($n = 50$; возраст $45,7 \pm 4,4$; 19 мужчин и 31 женщина), лица, обращающиеся к печатному слову только под давлением обстоятельств.

В настоящем исследовании использовался стимульный материал, предлагаемый С.Я. Рубинштейн в методике «Понимание смысла метафор, поговорок и фраз» [12, с. 119–123]. Он представляет 6 метафор и 10 пословиц, к которым предлагаются объясняющие их наборы из 14 фраз, часть из которых является избыточной, что и обнаруживает возможные слабости мышления.

Результаты и их обсуждение

В таблице 1 отражено количество неправильного толкования метафор в группах читателей и активных интернет-пользователей (усредненное для каждой метафоры).

Таблица 1. – Количество ошибок в понимании метафор

Группа	Метафора						М
	Золотая голова	Железный характер	Ядовитый человек	Каменное сердце	Зубастый парень	Глухая ночь	
Читатели	0,04	0,04	0,08	0,1	0,08	0,04	0,06
Активные интернет-пользователи	0,06	0,08	0,48	0,5	0,72	0,68	0,42

Анализ данных таблицы 1 демонстрирует, что меньшее количество ошибок допущено в группе читателей. Сравнение профилей оценок подтверждает достоверность различий: $t=3,3$ при $t=3,17$ для $p \leq 0,01$.

Наименьшее количество ошибок было допущено респондентами относительно метафор «золотая голова» (1) и «железный характер» (2). Вероятно, это объясняется не только их широкой известностью (особенно среди интеллигенции, каковой и являются участники исследования), но и наличием совершенно разнородного, можно сказать, непересекающегося содержания, относящегося к разным личностным характеристикам (интеллекту и характеру). Ошибки в двух группах имеют одинаковый характер, заключающийся в буквальном понимании смысла, а именно «Художник сделал статую с золотой головой» и «Железо тверже меди».

Большие затруднения, особенно у активных интернет-пользователей, вызвали интерпретации двух близких по смыслу метафор «ядовитый человек» (3) и «каменное сердце» (4), имеющих явно выраженную негативную коннотацию

личности. В группе активных интернет-пользователей обе метафоры фактически одинаково часто толковались как «Человек, имеющий камень за пазухой», что говорит о неточностях и соскальзываниях мышления. Но также одинаково часто фиксировалась и невозможность постижения переносного смысла метафоры. Эта конкретность мышления, неумение вычленить главную мысль выражались в ответах «Его укусила ядовитая змея», «Больной вместо лекарства глотнул яду» (для метафоры «ядовитый человек») и «Человек высек на скале каменное сердце» (соответственно, для выражения «каменное сердце»).

Еще более существенные проблемы у активных интернет-пользователей вызвали две последние предложенные для толкования метафоры «зубастый парень» и «глухая ночь», которые не имели соответствия в предлагаемом списке фраз. Участники из выборки читателей также допустили некоторые ошибки, заключающиеся в толковании «зубастого парня» как человека с сильным характером (соскальзывания) и одну ошибку в ассоциировании «глухой ночи» с железной дорогой. Ошибки активных интернет-пользователей имели более разнообразный характер. Здесь присутствовали как нецеленаправленность и диффузность мышления, состоящие в трансформации инструкции на соотнесение смыслов (для метафоры «зубастого парня» это ответы «Он всегда с камнем за пазухой», «Сильный характер», «Злой человек»; для метафоры «глухая ночь» это ответ «Черствое сердце»), так и буквальность мышления («У Ивана были крепкие и здоровые зубы»).

Иллюстрацией нарушений обобщения может выступать протокол представителя выборки активных интернет-пользователей (рисунок 1).

Содержание представленного протокола свидетельствует, что респондентка правильно истолковала смысл почти всех метафор. Исключением является метафора «зубастый парень», к которой, помимо неверного переносного значения, приписывается и конкретное значение. Но при этом только к первой метафоре безошибочно подобрана фраза «Умная голова».

Ко второй метафоре «железный характер», помимо правильного переносного значения «Сильный характер», приписывается также и конкретное «Железо тверже меди».

К третьей метафоре «ядовитый человек» подобрано выражение «Он всегда с камнем за пазухой». Следующая метафора близко по смыслу, но ошибочно трактуется как «Злой человек». Допущенные ошибки могут свидетельствовать также о некоторой персеверации мышления, проявляющейся в неразличении нюансов смысла.

К двум последним метафорам, представленным в протоколе на рисунке 1, которые не имеют правильных трактовок из предлагаемого списка выражений, респондентка подбирает следующие. Для «зубастого парня» конкретные предложения: «Человек высек на скале сердце», «У Ивана были крепкие и здоровые зубы». Метафора «глухой ночи» интерпретируется как «черствое сердце».

Таким образом, у данной участницы исследования фиксируются как снижение обобщения (выражающееся в понимании смысла метафор буквально, через аналогичные предметы), так и искажения обобщения (закрывающиеся в нелепых, паралогичных заключениях).

Метафора	Номера фраз	Объяснение сходства
Золотая голова	1	Умный человек
Железный характер	5, 6	Может пройти через любые испытания, со всем справиться
Ядовитый человек	12	Человек от которого можно ждать чего плохого
Каменное сердце	9	Не способен к состраданию, способен к мщению!
Зубастый парень	14. 4.	Парень с зубами короля. Смож сделать то что не все и по зубам!
Глухая ночь	11.	Глух к чужой беде

**Рисунок 1. – Пример бланка «Понимание смысла метафор»
(женщина, 43 года, активный интернет-пользователь)**

Результаты обработки второй части методики, состоящей в анализе понимания взрослыми пословиц, представлены в таблице 2

Таблица 2. – Количество ошибок в понимании пословиц

№	Пословица	Группа	
		Читатели	Активные интернет-пользователи
1	Куй железо, пока горячо.	0,48	0,68
2	Цыплят по осени считают.	0,2	0,54
3	Нечего на зеркало пенять, коли рожа крива.	0,32	0,46
4	Не красна изба углами, а красна пирогами.	0,38	0,84
5	Лучше меньше, да лучше.	0,3	0,66
6	Взялся за гуж, не говори, что не дюж.	0,6	0,9
7	Тише едешь, дальше будешь.	0,16	0,6
8	Не в свои сани не садись.	0,2	0,76
9	Не все то золото, что блестит.	0,16	0,54
10	Семь раз отмерь, а один раз отрежь.	0	0,58
М		0,28	0,59

Анализ данных таблицы 2 показывает, что группа читателей с данной частью задания также справилась лучше, чем группа активных интернет-пользователей. Достоверность различий в правильности выполнения подтверждается при сравнении усредненных профилей допущенных ошибок ($t_{эмп}=5,4$ при $t_{крит}=2,88$ для $p \leq 0,01$).

Необходимо также отметить, что максимальное количество ошибок представителями двух групп допущено по отношению к пословицам 1, 4 и 6, которые не имели адекватной трактовки в списке предлагаемых фраз, т. е. изначально представляли собой тот самый избыточный материал, провоцирующий испытуемых на нецеленаправленное и диффузное мышление.

Таким образом, анализ материалов толкования метафор и поговорок продемонстрировал наличие ошибок в понимании их переносного смысла в двух группах участников исследования. Однако статистически достоверно лучше с предложенными заданиями справились читатели, что позволяет сделать общий вывод о присутствии у них более высокого уровня абстрактности мышления, целенаправленности и дифференцированности суждений по сравнению с активными интернет-пользователями. В целом выявленные в настоящем исследовании особенности мышления взрослых активных интернет-пользователей (ассоциативность, нецеленаправленность, эгоцентричность и др.) соответствуют установленным в других исследованиях [3–5] характеристикам мышления представителей поколения Z. Следовательно, активные веб-практики нарушают процессы мышления не только у молодых людей, но и у взрослых.

В качестве объяснения зафиксированных у активных интернет-пользователей нарушений мышления можно предполагать изменения знаковой системы, заключающиеся в вытеснении письменного кода образным. Указанные тенденции стали заметны уже несколько десятилетий назад благодаря распространению ТВ-технологии, преемником которой является Интернет. Эти изменения позволяют считать технически сконструированный, мультимодальный образ (или медиаобраз) ведущим культурным знаком в современных социокультурных условиях. Соответственно, медиаобраз становится основным посредником в реализации пользователем различных видов интернет-активности.

Итоги проведенного автором теоретического анализа, направленного на выявление особенностей ведущих знаков в традиционной/печатной культуре и современной/смешанной реальности, отражены в таблице 3.

Таблица 3. – Сравнительная характеристика ведущих знаков

№	Основание для сравнения	Культурный знак	
		Письменное слово	Медиаобраз
1	Способ производства	различный (как технический, так и «ручной»)	технический
2	Скорость	индивидуальная, регулируется читающим/пишущим	высокая, навязывается устройством
3	Функция в познании	обобщение	конкретизация, наглядность
4	Характер информации	пропозиционный	репрезентативный, иконический
5	Форма информации	стабильная, устойчивая	изменяющаяся, непостоянная
6	Режим мозговой активности	бета-ритм	альфа-ритм (ТВ); тета-ритм (кибер-игры)
7	Ведущий психический процесс обработки информации	мышление (селективный отбор материала, анализ и др.)	восприятие (распознавание паттернов)

Данные сравнительного анализа, содержащиеся в таблице 3, позволяют предполагать, что печатное слово и медиаобраз обладают разной силой в качестве именно культурных знаков, позволяющих субъекту «овладевать» своими натуральными функциями. И печатное слово продолжает поддерживать окультуренную функцию взрослого на достаточно высоком уровне ее реализации. А медиаобраз ее в прямом смысле расслабляет, «растренировывает», что и вызывает ее «распад» в соответствии с генетическим законом Л.С. Выготского.

Заключение. Проведенный сравнительный анализ показывает, что у активных интернет-пользователей статистически достоверно зафиксированы снижение и искажение обобщения, выражающееся в трудностях вычленения главной мысли во фразе конкретного содержания.

Выявленные различия подтверждают верность высказанной гипотезы о наличии деструктивного влияния интернет-практик на мышление его активных пользователей. Обнаруженный феномен ухудшения мышления в его высших звеньях (логичность и абстрагирование) можно зафиксировать как когнитивную деформацию. Эта деформация заключается в изменении структуры высшей психической функции, а именно, постепенном вытеснении более сложных ее компонентов (связанных со словом, выполняющим обобщающую функцию) более простыми, генетически ранними компонентами (преимущественно связанными с образами, выполняющими функцию наглядности и конкретизации).

Список использованной литературы:

1. Floridi, L. 4-TH revolution: How the infoshere is reshaping human reality / L. Floridi. – Oxford : Oxford University Press, 2014. – 248 p.
2. Milgram, P. Taxonomy of mixed reality visual displays / P. Milgram, A. F. Kishino // IEICE Transactions on Information and Systems. – 1994. – № E77-D (12). – P. 1321–1329.
3. Султанова, А. С. К проблеме нормативных показателей в патопсихологической диагностике [Электронный ресурс] / А. С. Султанова, И. А. Иванова // Клини. и спец. психология. – 2017. – Т. 6, № 2. – С. 83–96. – Режим доступа: https://psyjournals.ru/files/86348/Sultanova_Ivanova.pdf. – Дата доступа: 20.10.2019.
4. Кобзова, М. П. О некоторых особенностях вербально-логического мышления в норме и при шизотипическом расстройстве [Электронный ресурс] / М. П. Кобзова, Н. В. Зверева, О. А. Щелокова // Клинич. и спец. психология. – 2018. – Т. 7, № 3. – С. 100–118.
5. Грекова, А. А. Особенности мышления представителей «цифрового поколения» / А. А. Грекова // Вестн. ЮУрГУ. Сер. «Психология». – 2019. – Т. 12, № 1. – С. 28–38.
6. Тхостов, А. Ш. Психическое здоровье в контексте информационного общества: к вопросу об изменениях в патогенезе и патоморфозе заболеваний (на примере нарушений цикла «сон – бодрствование») / А. Ш. Тхостов, Е. И. Рассказова, В. А. Емелин // Консультатив. психология и психотерапия. – 2019. – Т. 27, № 3. – С. 44–60.
7. Маклюэн, М. Понимание медиа: внешние расширения человека : пер. с англ. / М. Маклюэн. – М. : Жуковский : КАНОН-пресс-Ц : Кучково поле, 2003. – 464 с.

8. Выготский, Л. С. Психология и учение о локализации психических функций / Л. С. Выготский // Собр. соч. В 6 т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии. – М. : Педагогика, 1982. – С. 168–174.

Можейко Марина Александровна (М. А. Можейко), доктор философских наук, профессор Белорусского государственного университета культуры и искусств (г. Минск, Республика Беларусь) marina-mojeiko@yandex.by

УДК 130.2

ЭТНОС И ИДЕНТИЧНОСТЬ: КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ЭВОЛЮЦИОННЫЙ РЕСУРС В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В развитии мировой системы наступил новый этап, в рамках которого глобализационные процессы порождают новые вызовы и риски. В условиях современного этапа глобализации идентичность социального организма обретет статус его эволюционного ресурса, что делает актуальным выявление базовых механизмов ее сохранения в реалиях современных глобальных вызовов. В свете этого в статье показана роль культурного наследия этноса в деле сохранения этно-национальной идентичности, обосновывается необходимость опоры на этнокультурное наследие в системе образования и воспитания.

Ключевые слова: современный этап глобализации, эволюционный ресурс, этнокультурная идентичность, культурное наследие этноса.

ETHNOS AND IDENTITY CULTURAL HERITAGE AS AN EVOLUTIONARY RESOURCE IN THE ERA OF GLOBALIZATION

Abstract. A new stage has begun in the development of the world system, in which globalization processes give rise to new challenges and risks. In the conditions of the current stage of globalization, the identity of a social organism will acquire the status of its evolutionary resource, which makes it relevant to identify the basic mechanisms for its preservation in the realities of modern global challenges. In light of this, the article shows the role of the cultural heritage of an ethnos in the preservation of ethno-

national identity, substantiates the need to rely on ethno-cultural heritage in the system of education and upbringing.

Keywords: modern stage of globalization, evolutionary resource, ethno-cultural identity, cultural heritage of an ethnos.

1. Ценность традиции: образование и формирование техногенной цивилизации

Феномен обучения выступает одним из базисных феноменов культуры европейского типа, фундируя своими характеристиками самый способ ее организации, и в самом возникновении своем образование как таковое изначально было связано с ценностями традиционной культуры.

Само формирование техногенной цивилизации фундировано возникновением феномена образования. Становление цивилизации нового образца связано в европейской истории с существенными изменениями способов передачи культурного наследия от поколения к поколению.

Для ранних стадий развития мифологического сознания характерен именной тип наследования социального опыта, предполагающий жесткое сопряжение знаний о социальных ролях того или иного типа (а также соответствующих им правах и обязанностях индивида в общине) с именем, которое даётся субъекту при рождении (детское имя, соответствующее сценариям поведения ребенка) и – позднее – при обряде инициации (имя взрослого, наделяющее субъекта статусом полноправного члена общины). В традициях, культивирующих данный способ передачи исторического опыта, не возникает необходимости в обучении как особом виде деятельности: вся необходимая информация о свойственном такому обществу социальных ролях имплицитно заложена в наборе используемых имен.

Формирование семейно-профессиональной модификации этого механизма фактически ничего не меняет: он по-прежнему имеем своим адресатом конкретного субъекта – носителя имени, данный субъект лишь становится коллективным: имя апплицируется не на индивида, но на семью. Например, династии врачей-целителей, именующие себя *сыновьями Асклепия* (асклепидами) или кузнецов (гефестидов) в Греции Крито-микенского периода. Данный вариант культуры также не нуждается в институте обучения: освоение профессиональных технологий и соответствующих им социальных ролей осуществлялось имплицитно – благодаря непосредственному включению ребенка в систему семейно-производственных отношений

На смену именному механизму передачи исторического опыта от поколения к поколению приходит образовательный способ трансляции социальной информации, предполагающий дистанцирование транслируемой технологии деятельности или программы поведения, с одной стороны, и социально детерминированных, ситуативных аспектов – с другой. Это связано с тем, что в отличие от традиционных сельскохозяйственных систем Древнего Востока, древнегреческий тип хозяйствования основывался на дифференцированной ремесленной деятельности.

Если веер возможных социальных ролей субъекта традиционного восточного общества ограничивался чрезвычайно узким набором вариантов (крестьянин,

подданный, сын, отец, муж), то для античной культуры характерна существенная его версификация. – Грек, как правило, не мог прокормить семью сельскохозяйственным трудом и вынужден был испробовать несколько профессий: он мог быть и корабелом, и мореходом, и ремесленником, и торговцем, и мн. др. (наглядные иллюстрации этой ситуации дают «Труды и дни» Гесиода).

Аналогично, в общественном плане гражданин полиса мог в течение своей жизни быть избран и стратегом, и архонтом и т.п.

Как та, так и другая ситуация предполагают необходимость освоения соответствующих профессиональных и социальных технологий, что и порождает необходимость возникновения обучения как целенаправленной деятельности и образования как специального института. (Классическим примером могут считаться школы софистов, обучающие риторике тех, у кого возникала необходимость реализации себя на поприще полисной политической жизни.) В эпоху Солона был даже принят закон, согласно которому взрослый сын не был обязан содержать престарелого отца, если последний в свое время не отдал его в обучение ремеслу. Таким образом, образование как социальный институт изначально сформировалось не только на основе традиционной культуры и ее ценностей, но и с целью сохранения и трансляции последних – как в технологическом, так и в ценностном планах.

2. Традиционные ценности в системе образования

Образование обретает в культуре западного образца атрибутивный статус: без этого социального института культура не только не может существовать, но даже не может себя и помыслить. Даже в тех сферах, где их имманентные характеристики, казалось бы, не предполагают возможности обучения, последнее конституируется и играет не просто существенную, но доминирующую роль.

Двоякая культурная отнесенность западноевропейской традиции (по оценке Тертуллиана,) конституирует христианскую традицию Европы как *между Афинами и Иерусалимом* аксиологически амбивалентную: «Иерусалим» задает требования сокровенности, потаенности, глубины иносказания (проявляющиеся в теологии апофатической, или отрицательной,), «Афины» – системности знания, его рациональности и логической прозрачности (что находит свою реализацию в катафатической теологии, пытающейся построить рациональное учение о Боге).

Соответственно этому, с одной стороны, богословская традиция Европы характеризуется ярко выраженной теистической ориентацией, предполагающей остро личностно артикулированную персонификацию Бога. Этому соответствует, например, интерпретация феномена Откровения как явления истины страждущему ее – по воле Божьей. Бог понимается как субъект, отношение к которому (отношения с Которым) переживаются как сугубо личные и при этом – внерациональные, открывающие возможность перехода непроходимой грани между дольным и горним мирами (перехода, который, в свою очередь, не подвластен рассудку и не может быть рационально осмыслен).

Однако, с другой стороны, наследуя традицию античного рационализма, христианская культура Запада порождает в своем контексте теологию как рационально организованную теоретическую дисциплину. В теоретическом плане эта

тенденция наиболее полно проявилась в развитии схоластики, в организационном – в создании теологических факультетов в средневековых европейских университетах (начиная с открытия теологического факультета в Парижском университете в I-й половине XIII в.) – со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Так, Фома Аквинский, рассуждая о предмете теологии, полагает, что в качестве такового выступает Бог в аспекте своей божественности (сущности, но не проявлений): *deus sub ratione deitatis*. Аналогично *Doctor Subtilis* – Тонкий Доктор – Иоанн Дунс Скот обосновывает заключение о том, что теология есть самая сложная из образовательных дисциплин, на основании такого критерия, как сложность ее объекта: чем сложнее объект той или иной дисциплины, тем более сложной должна считаться, с точки зрения Иоанна Дунса Скота, и сама дисциплина, – в силу этого дисциплиной наиболее сложной, разумеется, должна быть признана теология, поскольку ее предмет – Бог – является наисложнейшим.

Однако, в контексте теизма рассмотрение персонифицированного личного Бога в качестве предмета по меньшей мере кощунственно. Более того, в рамках теистической парадигмы богопознание в принципе не может артикулироваться как субъект-объектный процесс – созерцание как когнитивная процедура оказывается взглядом в очи Господни, а потому, по Библии, познание Бога есть трепетное и вдохновенное «искание лика Божьего» [Пс, 23, 6]. – Принципиальная непредметность Бога эксплицитно зафиксирована уже Ансельмом Кентерберийским («одно дело, когда вещь есть в разуме, а другое – если разум мыслит ее как то, что есть»), пафос протестантской диалектической теологии (К.Барт, Р.Нибур и др.) питается радикальной критикой предметного знания о Боге, etc.

Сколь ни называй теологию «*doctrina sacra*» (Фома Аквинский), дисциплинарно организованное спекулятивное учение об откровении и вере, в сущности, не имеет соприкосновения с самим сокровенным актом откровения и с живой верой. Подход к сакральной тайне как к интеллектуальной головоломке (равно как и превращение интимного акта Откровения в предмет публичного учебного диспута) есть, с точки зрения теизма, профанация великой мистерии богопознания.

С культурологической точки зрения аксиологическая амбивалентность христианской теологии как дисциплинарно организованного концептуального учения о неконцептуализируемом акте откровения есть, может быть, наиболее интимно значимое, а потому самое экспрессивное выражение амбивалентности социокультурных корней христианской культуры в целом. Последняя дихотомично артикулируется в бинарных оппозициях эллинистического Запада и византийского Востока, рационального знания и иррациональной веры, античной философии и библейской мифологии, наконец – Ветхого и Нового Заветов.

Иными словами, абсолютность ценности образования как такового для европейской культуры приводит к тому, что законы формально-логического рационального мышления апплицируются на религиозный опыт как принципиально внеконцептуальный (не говоря уже о сугубо социальных проблемах, которые породила данная ситуация: проблема поступления и критерия отбора абитуриентов; проблема *симонии*, то есть взяточничества, в средневековых университетах и т.п. – все это в применении к факультетам теологическим обрисовывает новое изменение: нарушения социально-правовых норм оборачиваются смертными грехами).

Кроме того, отношение к теологии как к системе рационального знания имплицитно предполагает возможность знания ложного. Цена же – грех – непомерно велика, ибо впадение в ошибку чревато впадением в ересь, а неверность теории – неверием. Неслучайно большинство гонимых еретиков в средневековой Европе составляют мнящие себя добрыми христианами теологи-рационалисты. Всемерное развитие «христианской учености» приводит в Западной Европе к ситуации, которую Франциск Ассизский предельно точно обозначил посредством максимы: *недопустимо, когда для спасения души необходимо знания латыни*.

Данная ситуация осмысливается христианской культурой именно в том аксиологическом ракурсе, который основан на презумпции неприкосновенности традиционных (в данном случае – христианских) ценностей.

Причем в мягком своем проявлении данная тенденция приводит к ограничению разрушающего воздействия тотального формализованного рационализма на сокровенное содержание веры: в средневековых университетах официально запрещаются диспуты между теологами и философами.

В наиболее радикальном своем выражении данная тенденция приводит к формированию в системе культуры альтернативного аксиологического вектора, выражающего себя в отторжении «книжной учености», раннефранцисканскому культивированию отказа от грамоты и т.п. В более поздних своих формах этот культурный вектор обретает черты идеализации традиционных форм жизни, общественной организации, ценностей, обрисовывая идилическое состояние общества именно как сугубо традиционное (*когда Адам пахал, а Ева пряла...*), наполняя новым, социальным, смыслом опять же традиционные, еще от Гесиода идущие представления об ушедшем в прошлое *золотом веке*.

3. Традиционные ценности этноса и проблема идентичности в современной культуре

Традиционная этика, определяющая себя как теория морали и видящая свою цель в обосновании модели достойной жизни, на протяжении всей своей истории практически выступала как обоснование той или иной конкретной моральной системы, фундированное конкретной интерпретацией таких понятий, как добро, зло, долг, честь, совесть, смысл жизни и т.д.

Нормативный характер этики эксплицитно постулируется кантовской рефлексией над теорией морали, – фактически этика всегда конституируется в качестве учения о должном, обретая характер практической философии.

Что же касается современной культуры постнеклассического типа, то ее исходное пафосное самоопределение основывалось на том, что в семантико-аксиологическом пространстве постмодерна этика – в традиционном ее понимании – вообще не может быть конституирована как таковая.

Тому имеется несколько причин:

1) Гомогенность ценностного пространства культуры постмодерна.

Парадигмальные сдвиги, характеризующие современный стиль мышления, приводят к тому, что культура постмодерна начинает рефлексивно осмысливать себя как программно релятивную. Прежние культурные традиции ретроспективно оцениваются как центрированные вокруг так называемых «метанарраций», то есть парадигмальных интерпретационных матриц, претендующих на

универсальность и осуществляющих своего рода «легитимацию» знания, социальных институтов, стиля мышления и т.п. (так, еретические учения не могут быть легитимированы в контексте «христианской метанаррации» западноевропейского средневековья, обскурантистские – в контексте «метанаррации Просвещения», диссидентские – в контексте «советской метанаррации» и т.д.).

Современная культура понимается постмодернизмом как культура «заката метанарраций», то есть радикального отказа от «метанарративов», претендующих на статус не только матриц семантико-интерпретационных и аксиологических процедур, но и нормирующих рамок всех типов поведения. В этом отношении само понятие ценностного приоритета может быть, по мысли Ф.Джеймсона, отнесено к «отвергаемым в современной теории», ибо в последней нет места делению на истинное и ложное, приемлемое и неприемлемое. В этом отношении культура предполагает возможность взаимодействия и диалога различных (не исключая альтернативных) традиций. Как отмечает Ж.-Ф.Лиотар, в постмодернистской культуре «все прежние центры притяжения, образуемые национальными государствами, партиями, профессиями, институциями и историческими традициями, теряют свою силу» [5]. По определению Ф.Гваттари, «все годится, все приемлемо» [1: 23].

Этика же не просто аксиологична по самой своей сути, но и программно нормативна, в силу чего не может быть конституирована в традиционном своем качестве в условиях мозаичной организации культуры. Д.Мак-Кенс постулирует в этом контексте возможность этики лишь в смысле «открытой» или «множественной», если понимать под «множественностью» не простой количественный плюрализм, но принципиальный отказ от возможности конституирования канона [см. 3].

2). Отказ от идеи бинарных оппозиций в культуре постмодерна. Все уровни системной организации этики как теоретической дисциплины фундированы принципом бинаризма: парные категории (добро – зло, должное – сущее, добродетель – порок и т.д.), альтернативные моральные принципы (аскетизм/гедонизм, эгоизм/коллективизм, альтруизм/утилитаризм и т.д.), противоположные оценки и т.п. – вплоть до необходимой для конституирования этики возможности бинарной оппозиции добра и зла. Между тем парадигмальные трансформации современного стиля мышления фундированы идеей многозначности эволюционных векторов («веер возможностей» развития) и в силу этого характеризуется программным отказом от самой идеи бинарных оппозиций. Именно отсюда и проистекает сложившаяся в ментальном пространстве постмодерна ситуация, в которой, по оценке Ж.Делеза и Ф.Гваттари, в принципе «немыслимы дуализм или дихотомия, даже в примитивной форме добра и зла» [см. 2].

3). Идиографический отказ от жесткого дедуктивизма. Современная культура характеризуется презумпцией идиографизма, то есть установкой на рассмотрение каждого единичного феномена в качестве события, адекватная интерпретация которого предполагает его рассмотрение в качестве неповторимо уникального, что в итоге означает финальный отказ от любых попыток формулировки универсальных закономерностей и аксиологических шкал.

В подобной системе отсчета этика, традиционно предполагающая подведение частного поступка под общее правило (кодекс) и его оценку исходя из общезначимой нормы, также не может конституировать свое содержание в прежнем статусе. Если традиционная этика интерпретирует регуляцию человеческого

поведения как должную быть организованной по сугубо дедуктивному принципу, то современная постнеклассическая культура ориентируется на альтернативные стратегии, предлагая модели самоорганизации человеческой субъективности как автохтонного процесса – вне навязываемых ей извне регламентаций и ограничений со стороны тех или иных моральных кодексов. С точки зрения М.Фуко, дедуктивно выстроенный канон, чья реализация осуществляется посредством механизма запрета альтернативных ему сценариев поведения, вообще не является и не может являться формообразующим по отношению к современной морали, – речь может идти лишь о своего рода «стилизации поведения». Аналогично Э.Джердайн делает акцент не на выполнении общего предписания, а на сугубо ситуативном «человеческом управлении собою» посредством абсолютно неуниверсальных механизмов.

Более того, сам «принцип стилизации» не является универсально необходимым, жестко ригористичным и требуемым от всех, но имеет смысл и актуальность лишь для тех, кто, по выражению М.Фуко, «хочет придать своему существованию возможно более прекрасную и завершенную форму» [см. 4]. Однако подобный отказ от презумпции ригористичной обязательности исполнения постулируемых моралью нравственных максим лишает их регулятивного потенциала и превращает в гипотетические вербальные структуры, чья модальность переходит из регистра действительности/действенности в регистр возможности/невозможности.

4. Традиционные этнические ценности и контуры будущего

В обрисованной системе отсчета традиционная этика, неизменно предполагающая подведение частной ситуации под универсальное правило, дедуктивное выведение сценария конкретного поступка из общего кодекса, а его оценку – из общезначимой нормы, не может сохранить прежний социокультурный статус.

Соответственно, современная философия артикулирует моральное поведение не в качестве соответствующего заданной извне норме, но в качестве продукта имманентной и строго индивидуальной творческой работы.

Фактически речь может идти о своего рода переходе от этики кодекса, предполагающей подведение частного случая в его уникальности под общее и потому не соответствующее ему правило, к этике творчества, ориентированной на выработку в каждом конкретном случае особого сценария морального поведения. Это предполагает новое понимание нравственного сознания и действия, трактуемого как результат имманентного творческого усилия человеческого сознания.

В качестве одного из наиболее рельефных примеров, демонстрирующих постнеклассическую попытку переориентации от этики кодекса к этике творчества может служить уже упоминавшаяся концепция «эстетик существования» М.Фуко. Оценивая тезис о том, что «мораль целиком заключается в запретах», в качестве ошибочного, М.Фуко ставит «проблему этики как формы, которую следует придать своему поведению и своей жизни», «в рамках этой этики необходимо создавать себе правила поведения, благодаря которым можно обеспечить... владение собой» [4: 319, 317]. Констатируя востребованность в современной культуре новых форм нравственного сознания (этики творчества взамен тради-

ционной этики кодекса), постмодернизм фактически выполняет исконную функцию философии, а именно – функцию рефлексивного осмысления культурой своих фундаментальных оснований и тенденций развития. И едва ли найдутся желающие оппонировать позицию М.Фуко применительно к той части его концепции, которая посвящена анализу статуса традиционной этики (этики нормы как этики запрета) в современной культуре. М.Фуко бесспорно прав, констатируя невозможность формирования духовности современного человека на основе усвоения лишь традиционных ценностей и идеалов и утверждая необходимость формирования этики самосозидания как этики нового типа, опирающейся не на дедуктивизм, но на постижение сущности каждого ситуативно уникального прецедента морального выбора.

Вместе с тем практические предложения, содержащиеся в этой концепции, более чем уязвимы для критики: она в принципе не может работать как практическая нравственная система. Это обусловлено с тем, что любая этика самосозидания, которая строится как этика творчества в противоположность этике кодекса, может иметь место в том и только в том случае, если опирается на четко осознанные аксиологические приоритеты, если сознание индивида, «практикующего себя», фундировано вполне определенными ценностными системами.

В противном случае, вне четко выстроенных аксиологических приоритетов, практики «творчества себя» становятся игрой без цели, превращаясь в бесконечный процесс примеривания на себя всех возможных моделей поведения, без оглядки на их приемлемость как для окружающих, так и самого индивида. Процесс самовыстраивания превращается в процессуальность самоварьирования как нерезультатирующуюся самооценку.

Это связано с тем, что этика по своей природе атрибутивно метафизична, ибо, как любая метафизика, предполагает ориентацию на поиск глубинных сверхчувственных оснований бытия (в данном случае – бытия морали). Тем более это касается этики творчества, не связанной с жесткой нормой и делающей акцент на мотивировке нравственного выбора, предполагающей свободу индивида в определении той ценности, во имя торжества которой он будет выстраивать свой нравственный поступок. – Собственно, этика творчества возможна в том и только в том случае, если конституируется как этика ценности. Иными словами, подобное нравственное самовыстраивание, творческий потенциал которого бесспорен и очевиден, возможно лишь в контексте наличия ценностей, метафизически (сверхчувственно) артикулированных для индивида и потому безусловных для него.

В силу этого попытки постмодернизма сформулировать основоположения новой морали в концептуальном пространстве постметафизического мышления остаются лишь оригинальным теоретическим экспериментом, мало что могущим дать для практической морали. И связано это не только и не столько с их эпатажной экстравагантностью, сколько с тем неумолимым обстоятельством, что вне глубинного – на уровне фундаментальных культурных ценностей – дистанцирования добра и зла нравственное сознание в принципе невозможно. И если культура постмодерна пытается формировать свою мораль на основе постметафизи-

ческого мышления, программно релятивизирующего рамки нравственного выбора и постулирующего любой его вариант как один из равно возможных и равно приемлемых, то она с неизбежностью приходит к осознанию тщетности этой попытки.

Теоретический тезис «не более так, чем иначе», изначально рассматривавшийся сугубо в плане стилистического плюрализма самотворчества (как своего рода маркер антидогматической установки сознания творящего себя субъекта), в массовом – и зачастую огрубляюще дилетантском – его прочтении воспринимается как снятие запретов с любых форм социального поступка. На практике обрисованная позиция оборачивается не чем иным, как нигилизмом и вседозволенностью: значимым оказывается не сам поступок, но изошренность его интерпретаций, которой владеет или не владеет совершивший его субъект. За множественностью разнообразных и взаимоисключающих трактовок сама суть поступка остается практически не подлежащей какой бы то ни было оценке, коль скоро этих оценок может быть – в различных системах отсчета – неограниченно много.

Однако подобный нравственный плюрализм, характеризовавший культуру постмодерна в течение нескольких десятилетий, в настоящее время подвергается радикальному переосмыслению, причем переосмыслению, имеющему очевидную ценностную артикуляцию. Рубежным моментом подобного поворота в культуре выступил феномен, который получил в современной культуре наименование «феномена 11 сентября» и под которым понимается наличная угроза существования современной цивилизации со стороны самой этой цивилизации. – Под давлением реалий внекультурного порядка современная культура пришла к осознанию того обстоятельства, что вне метафизически определенного дистанцирования добра и зла невозможным оказывается само существование человека как *homo culturis*.

В соответствии с этой тенденцией постмодернизм в описанном (классическом) его варианте сменяется в настоящее время пост-постмодернизмом, программно постулируя необходимость формирования своего рода «культурного классицизма», то есть «возврата утраченных значений» (М.Готдинер) для базовых мировоззренческих оснований культуры. В этих условиях парадигма постметафизического мышления практически оказывается исчерпанной, все более очевидно проявляет себя тенденцией своего рода возрождения метафизики, то есть возврата философии к общечеловеческим ценностям классической культуры.

Вместе с тем сформированная в современной культуре установка на понимание нравственного сознания как творческого (ориентированного не на дедуктивное исполнение кодекса, но на совершенствование личности в процессе нравственного творчества себя) отнюдь не изжила себя.

Таким образом, в контексте пост-постмодернистской культуры могут быть зафиксированы две взаимосвязанные тенденции: с одной стороны, доминирование постметафизического мышления и вырастающая из него эпатажная мода на

мораль всевозможности (вседозволенности) на сегодняшний день могут быть оценены как пройденный этап; с другой – возврат современного нравственного сознания к традиционной ригористической «этике кодекса» едва ли возможен.

В этих условиях в фокусе внимания современной культуры оказываются те сложившиеся в классической традиции философские и религиозные этические концепции, которые, будучи основанными на классической метафизике, тем не менее базируются на презумпции индивидуального внутреннего творчества, направленного на духовное самосовершенствование. Последнее может быть достигнуто лишь посредством внутренней работы нравственного субъекта с мотивом своего поступка, что, в свою очередь, возможно лишь при условии интериоризации индивидом определенных культурных ценностей, детерминирующих, в конечном итоге, его нравственный выбор. Отсюда вытекает особая акцентировка в современной культуре процесса воспитания как формирования индивида, способного к такой внутренней работе над собой, к напряженной и неустанной деятельности по самосовершенствованию.

Таким образом, на смену этике нормы как этике вынужденного выполнения общего предписания может придти лишь такая этика творчества, которая понимается как этика ценности, то есть свободной объективации в поступке сознательно избранного индивидом аксиологического идеала. Именно поэтому на смену связке этика кодекса – образование приходит новое единство: этика творчества – воспитание. И возможно это лишь на основе традиционных ценностей этноса.

Список использованной литературы:

1. [Гваттари, Ф.] Трансфер или то, что от него осталось, или Аналитик живет в постоянном страхе: Феликс Гваттари в беседе с Брахой Лихтенберг Эттингер // Кабинет: картины мира. Психогенез – Техногенез: коллекция perversus. Сборник статей. – СПб. : ИНАПРЕСС, 1998. – С. 21-28.
2. Делез. Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения: Анти-Эдип. – М. : ИНИОН, 1990. – 107 с.
3. Мак-Кенс Д. Этика в постсовременной перспективе // Философские науки. 1996. № 1-4.
4. Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. – М. :Касталь, 1996. – 447 с.
5. Lyotard, J.-F. The Postmodern Explained. – L. & Minneapolis : Inter-Science, 1993. – 271 p.

Морозикова Ирина Владиславовна (I. V. Morozikova), кандидат психологических наук, доцент; кандидат психологических наук, доцент Смоленский государственный университет; (Смоленск, Россия); irina_morozikova@mail.ru

Кузьмина Ксения Егоровна (K. E. Kuzmina), кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии Смоленского государственного университета; (Смоленск, Россия); kсениavorzanova@mail.ru;

УДК159.9, 316

МЕНТАЛЬНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ОБРАЗА СЕМЬИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ОРГАНИЗАЦИИ ПСИХОЛОГО - ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ С СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬЕЙ

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема организации психолого-педагогической работы с семьей с позиций научных подходов, изучающих явления ментальности и менталитета. Представлены сущностные характеристики, структура и уровни ментальности, ментальные факторы, анализируются механизмы их влияния на семейные отношения. Психолого-педагогическая работа с семьей будет успешной, если учитывать ментальные структуры, в которые входят не только представления и образы действительности, но и способы переживания событий.

Ключевые слова: ментальность; менталитет; семья; образ семьи; психолого-педагогическая работа.

MENTAL COMPONENTS OF THE IMAGE OF THE FAMILY AND THEIR SIGNIFICANCE FOR THE ORGANIZATION OF PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL WORK WITH THE MODERN FAMILY

Annotation. This article deals with the problem of organizing psychological and pedagogical work with the family from the standpoint of scientific approaches that study the phenomena of mentality and mentalities. The essential characteristics, structure and levels of mentality, mental factors are presented, the mechanisms of their influence on family relations are analyzed. Psychological and pedagogical work with the family will be successful if one takes into account mental structures, which include not only representations and images of reality, but also ways of experiencing events.

Keywords: mentality; mentalities; a family; family image; psychological and pedagogical work.

Проблема ментальности / менталитета получила особую актуальность в условиях быстрых социальных изменений, вызванных объективными факторами научно-технического прогресса и геополитики [5, 6].

Необходимость понимания механизмов личности, определяющих её идентификацию с разными, порой неожиданными, социальными субъектами и выбор принадлежности к определенным социальным группам, продиктована печальными реалиями сегодняшнего дня.

9 ноября 2022 года был издан Указ Президента РФ № 809 «Об Утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [11]. Он является документом стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, определяет систему целей, задач и инструментов реализации стратегического национального приоритета «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» в части касающейся защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Традиционные ценности, согласно этого документа, – это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство народов России.

К традиционным ценностям отнесены: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, служение Отечеству, высокие нравственные идеалы, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

Семья является важным социальным институтом, который транслирует ценности из поколения в поколение. Первоисточником ментальных представлений, образов мысли, оценок окружающего мира для ребенка становится семья. Говоря малышу, например, что так «некрасиво делать», «тетя будет ругаться», «дядя милиционер заберет», взрослый передает ребенку сложившиеся в обществе оценки событий. Ребенок запечатлевает эмоции и переживания родителей на различные социальные ситуации. Таким образом, происходит формирование представлений о явлениях и событиях и о способах их оценки (осознанной, или бессознательной, эмоциональной или когнитивной).

В современном обществе семья претерпевает существенные изменения. Наряду с традиционными семейными отношениями параллельно сосуществуют такие виды семей как приемная семья, замещающая семья, неполная, повторный брак, гостевой брак и др. Изменилось отношение к семье и её значимость в жизни современного человека. Это приводит к возникновению ряда серьезных демографических, социальных, социально-психологических проблем (макроуровень), а также психологических проблем на уровне личности (микроуровень).

Семья как социальный феномен в настоящее время находится в состоянии кризиса. Это связано с тем, что современные культурные тенденции, где находит свое отражение смещение традиционных и новаторских взглядов на построение семейных (и особенно супружеских) отношений, играют неоднозначную роль в развитии института брака.

Научное понимание и объяснение изменений и функционирования современного института семьи, как и понимание социальных, политических, культурных и др. событий, становится возможным только при обращении к научным категориям, отражающим наличие в психическом (в сознании) у представителей и малых, и больших социальных групп неких общих, исторически сложившихся, формирующихся в процессе жизни личности в конкретных социально-исторических и культурных условиях психических образований, структур, проявляющихся в рассуждениях, миропонимании, мироощущении, социальном поведении не только конкретной личности, но и целых обществ.

По мнению А.И. Кравченко [4], понятие ментальности символизирует глубинный уровень массового сознания, коллективные представления людей, их образ мира, ценности и образцы, которые определяют мысли, чувства и действия культурных индивидов и отражаются в материальных и духовных продуктах культуры, в том числе и в представлениях о семье, в её укладе, традициях, формах семейных отношений, в распределении семейных ролей. При этом менталитет и ментальности сами формируются в рамках определенных культур. Различные элементы культуры, будь то форма жилища или сказочные герои, несут в себе определенный опыт предшествующих поколений, опыт осмысления бытия, опыт чувств и мыслей, опыт познания и объяснения существующей реальности. Знакомясь с культурой своей страны, индивид не только приобретает знания о том, какой одеждой, посудой пользовались его предки, как создавали семьи, и как вели хозяйство, но и познает все то, что они пережили и испытали, как рассуждали и оценивали происходящее, к чему стремились, и что хотели передать следующим поколениям. При этом происходит формирование собственных способов познания, оценки и переживания действительности, поведенческие образцы транслируются в собственное поведение, а в целом формируется менталитет личности.

Для современного общества характерно то, что семьи часто создаются людьми разного социального положения, являющимися выходцами из разных культурных слоев (сельские и городские жители), а также разных национальностей. Кроме того, возникает феномен «подвижности семейных отношений»: браки быстро и легко заключаются, и так же быстро и легко расторгаются (в течение жизни человек меняет несколько семей). Одним из негативных последствий падения социального статуса семьи является рост социального сиротства.

Все это приводит не только к изменению и усложнению взаимоотношений между супругами, но и к изменениям детско-родительских отношений. На этом фоне широкое распространение приобретает практика усыновления, а также определения детей, оставшихся без попечения родителей, в замещающие, патронатные и др. семьи.

То новое, что вносит понятие ментальности в психологию семьи – это то, что возможность изучения психологических особенностей семьи с позиций ментальности и менталитета позволяет учитывать такие социальные факторы её развития и формирования как жизненное пространство, историческое время, материальная и духовная культура социальных общностей, в которые она оказывается включенной по объективным причинам. Основываясь на определении менталитета, сформулированном В.Е. Семеновым, как исторически сложившегося группового долговременного настроения, единства (сплав) сознательных и неосознанных ценностей, норм, установок в их когнитивном, эмоциональном и поведенческом выражении [9], можно выделить такие элементы психологии семьи как группы: стиль управления, традиции семьи, семейную перцепцию, психологический климат, систему семейных норм, санкций и одобрений, общение и общественное (семейное) мнение [1, 3, 8].

И. Мостовой и А. Скорик [7] выделяют в менталитете *поуровневую структуру*, в которую включают партикулярную культуру, духовную самость, социальный отклик, метасоциальный слой.

Важной в семейных отношениях является партикулярная культура, которая формируется преимущественно на уровне бессознательного, в нем заложены основы социокультурных архитипов данного локального общества. Наполнителями этого слоя являются привычные бытовые отношения, ритуалы, социальные нормы, ценности, оценки, отчасти неререфлексируемый обыденный мир социальных взаимодействий с устоявшимися традициями, своей социальной символикой, особым языком. Расхождение в партикулярных культурах представителей одной семьи может быть причиной непонимания, конфликтов, распада семейных отношений.

Духовная самость объединяет сознательное и бессознательное в личности; проявляется в особой разметке социального пространства. Она представляет «...некую предохраняющую от разрушения экологическую оболочку данного локального человеческого общества» [2, С. 23], которая изменяет его социально-психологический климат и во многом предопределяет общественные настроения, социальные ожидания. Путаница в системе семейных отношений приводит к сбою в социальных ожиданиях и общественных настроениях.

В.А. Сонин [10], рассматривая ментальность как форму социального мышления и поведенческих актов личности, группы, нации, общества, выделяет государственный (державный), национальный, семейный, профессиональный уровень.

Ментальность семейная определяется тенденцией личности выполнить свои полоролевые функции на основе полученных в общении с родственной средой представлений, знаний, умений, навыков, привычек. Атрибутирование личного отношения через сходство-несходство с родителями, сверстниками, коллегами, историческими личностями, героями, лидерами, аутсайдерами дает возможность

оценить ментальность в структуре личности как наследственный опыт, наполнителями которого является сама человеческая история, культура, этнос.

Выделяя основные ментальные факторы (чувства, симпатии, склонности, душевные предпочтения, экспектации, установки, принятие или отторжение от того, что не вписывается в систему эго или Суперэго, стремление, желание быть принятым группой, партнером, властью и т.д.) В.А. Сонин [8] подчеркивает, что закладываются они и получают свое дальнейшее развитие в семейных отношениях. Семья выступает своего рода посредником между личностью и обществом, транслятором ментальных образований и структур данного конкретного общества.

Все ментальные факторы взаимосвязаны и погружены в одно общее для них образование – ментальное пространство, являющееся для человека, средой и условием его самореализации. Осуществляя работу с семьями, необходимо учитывать особенности и влияние этого пространства на структуру и характер семейных отношений. Особенно это проявляется в случае замещающих, приемных семей, когда происходит взаимодействие родителей и детей, имеющих разный ментальный опыт.

К психологическим механизмам возможных трансформаций менталитета относятся: акцентуации, установки (экспектации), ценностные представления, идентификация, социально-ролевая реализация «Я». В них, как в особых формах личностного реагирования на индивидуально принимаемое ментальное пространство социума, проявляется специфика индивидуальных личностных параметров ментальности, реально входящих в субъективные отношения.

Обобщение представлений о ментальности и менталитете в психологии семьи позволяет выявить новые аспекты проблемы современной семьи. При организации психолого-педагогической работы с современной семьей необходимо учитывать:

1. Менталитет представляет собой интегральную характеристику психической жизни людей, принадлежащих к определенной культуре.

2. Менталитет детерминируется совокупностью природно-географических, социальных, экономических, исторических, семейно-бытовых факторов.

3. В ментальные структуры включены не только представления и образы действительности, но и эмоции, как способы переживания социальных событий.

4. Менталитет проявляется не столько в поведении конкретных представителей разных культур, сколько в способах оценки, категоризации явлений и событий.

Реализация организации психолого-педагогической работы предполагает взаимодействие администрации школы, учителей, психолога школы, родителей и детей. По нашему мнению, она должна включать следующие компоненты:

1. Выявление особенностей представления и образов действительности у членов семьи, определение проблемного поля.

2. Определение методов работы и разработка индивидуальной программы сопровождения.

3. Реализация программы.

4. Оценка эффективности, проведенных мероприятий.

5. Коррекция.

Реализация психолого-педагогической работы должна содержать следующие виды деятельности:

- психодиагностику;
- психологическое просвещение и обучение;
- коррекционно-развивающую деятельность;
- консультирование (учителей, родителей, детей).

В рамках психолого-педагогической работы необходимо использовать как групповые, так и индивидуальные формы. Такие как:

- тематические классные часы и родительские собрания,
- семинары, дискуссии, мини-лекции, беседы;
- тренинги;
- деловые игры;
- индивидуальное консультирование;
- составление памяток и рекомендаций;
- разработка индивидуального маршрута учащегося;
- тематические интернет-форумы, блоги.

При организации психолого-педагогической работы с семьей необходимо учитывать ментальные составляющие образа семьи, как у родителей, так и у учителей, психологов и социальных работников.

Психолого-педагогическая работа с семьей будет успешной, если учитывать ментальные структуры, в которые входят не только представления и образы действительности, но и способы переживания событий. Также важно, сопоставлять эти ментальные составляющие с эталонами семьи, которые являются частью семейной культуры.

Проблема научного изучения феномена ментальность/менталитет в семье и семейных отношениях является очень сложной и требует усилий различных научных дисциплин и научных школ.

Список использованной литературы:

1. Акопов Г.В., Иванова Т.В. Феномен ментальности как проблема сознания // Психологический журнал. – 2010, № 2. С. 20 -27.
2. Акопов Г.В. Сознание, ментальность, менталистика // Современные проблемы российской ментальности. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. Е.В. Семенов. – СПб.: Астерион, 2005. – 234 с.
3. Акопов Г.В. Язык, сознание, ментальность // Ментальность российской провинции. Сборник материалов по 4-й Всероссийской конференции по исторической психологии российского сознания 1-2 июля 2004 г. – Самара: СГПУ, 2005. – С.39-44.
4. Кравченко А.И. Культурология: учеб. пособ. для вузов. 4-е изд. М.: Академический Проект, Трикта, 2003. 343 с.
5. Кузьмина К. Е., Морозикова И.В. Проблема изучения ментальности / менталитета в современном обществе: актуальные направления (памяти В.А. Сониной) // Социально-психологические проблемы ментальности / менталитета: сборник научных статей / под ред. К.Е. Кузьминой, И.В. Морозиковой, Н.П. Сенченкова; Смоленский государственный университет. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2021. Вып.17. С. 5-11.
6. Морозикова И.В. Социально-психологические проблемы ментальности/менталитета: основные направления изучения // Социально-психологиче-

ские проблемы ментальности / менталитета. Сборник научных статей XII Международной научно-практической конференции / под ред. К.Е. Кузьминой, И.В. Морозиковой; Н.П. Сенченкова. Смоленск: СмолГУ, 2016. С. 181–184.

7. Мостовая И. В., Скорик А.П. Архитипы и ориентиры российской ментальности // Полис, № 1, 1996. С. 6-12.

8. Налчаджян А.А. Этническая характерология. – Ереван, 2001.

9. Семенов В.Е. Православие как имманентная национальная идея России // Современные проблемы российской ментальности. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. Е.В. Семенов. – СПб.: Астерион, 2005. – С.137-140.

10. Сонин В.А. Психолого-педагогические проблемы профессионального менталитета учителя. – Смоленск: СГПУ, 1997.

11. Указ Президента РФ о традиционных ценностях <https://57.mchs.gov.ru/deyatelnost/press-entr/novosti/4880370#:~:text=%> (дата обращения: 2.12.22)

Самуйлік Яраслаў Рыгоравіч (Yaraslau Samuilik), кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры беларускай і рускай моў Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага універсітэта (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь) (Brest, the Republic of Belarus); yaroslav551@rambler.ru

УДК 008:271.2(476.7)

СВЯТЫ ЗАСТУПНІК ЗЯМЛІ БЕРАСЦЕЙСКАЙ АФАНАСІЙ ФІЛПОВІЧ

Анатацыя. У артыкуле разглядаюцца жыццё і дзейнасць прападобнамучаніка Афанасія Філіповіча (Берасцейскага) і яго роля ў адраджэнні Праваслаўнай Царквы на Беларусі.

Ключавыя словы: святар, прападобны, Праваслаўная Царква, ігумен, манастыр, праваслаўнае брацтва, унія, сейм, дыярыуш.

SAINT ATHANASIUS OF BREST-LITOŪSK, THE PATRON SAINT OF THE BREST LAND

Annotation. The article examines the life and activities of the hieromartyr Athanasius of Brest-Litoŭsk (Afanasij Filipovič) and his role in the revival of the Orthodox Church in Belarus.

Keywords: priest, hieromartyr, Orthodox Church, hegumen, monastery, Orthodox brotherhood, Union, Sejm, diary.

Афанасій Берасцейскі (Філіповіч; каля 1595 г. або 1597 г. – 1648 г.) – святар Кіеўскай метраполіі, святы шэрагу Праваслаўных Цэркваў, публіцыст, пісьменнік-палеміст, кампазітар, вядомы грамадска-рэлігійны дзеяч, зацяты праціўнік рашэнняў Брэсцкага царкоўнага сабора 1596 г.

Афанасій Філіповіч аўтар “Дыярыуша” («Діаріушь албо список дехвъ правдивыхъ»), які змяшчае ўсю яго публіцыстыку і напеў гімнападобнага канта. Дыярыуш (ад лац. *diarium* ‘дзённік’) – жанр старажытнабеларускай літаратуры, у якім у храналагічнай паслядоўнасці перадаваліся падзеі грамадска-палітычнага ці прыватнага жыцця праз суб’ектыўнае ўспрыманне пэўнай асобы. Святар разглядаецца як адзін з апошніх прадстаўнікоў праваслаўнага (Кіеўская метраполія Канстанцінопальскага патрыярхату) напрамку ў палемічнай літаратуры XVII ст. і “апошні беларускамоўны пісьменнік” таго часу.

Дакладныя біяграфічныя звесткі пра жыццё Філіповіча да 1627 г. адсутнічаюць. Так, год яго нараджэння вагаецца недзе паміж 1595–1600 гг. У сваю чаргу, даследчыкі М. Пятроў і М. Жук у сваім артыкуле прыводзяць у якасці даты нараджэння прападобнага 1597 г., грунтуючыся, у прыватнасці, на паведамленні з “Дыярыуша” аўтара пра пострыг яго ў манахі ў 1627 г. Апошняе ў XVII ст. па статутным правіле ў Праваслаўнай Царкве дазвалялася толькі пры дасягненні трыццаці гадоў. У якасці дадатковага доказу аўтары артыкула ўказваюць на тое, што службу пры двары шляхты ў той час мог несці толькі чалавек старэйшы за дваццаць гадоў. Згодна з тым жа “Дыярыушам”, да 1620 г. Афанасій ужо меў такую пасаду.

Невядома таксама і дакладнае месца нараджэння Філіповіча. Так, адны даследчыкі мяркуюць, што ён нарадзіўся на Берасцейшчыне, іншыя – на Гарадзеншчыне. Зрэшты тое, што святар быў ігуменам Свята-Сімяонаўскага манастыра ў Берасці, сведчыць пра яго паходжанне з Берасцейшчыны, таму што па царкоўных правілах XVII ст. такі вялікі пост у праваслаўнай іерархіі мог займаць, за рэдкім выключэннем, толькі чалавек, які нарадзіўся на гэтай зямлі. Такое меркаванне пацвярджаюць радкі з эпітафіі на яго смерць: «забитый // В Берестю Литовском, на своей отчизни». Не існуе таксама звестак і пра свецкае імя Афанасія, як і пра тое, чым з’яўляецца імя “Філіповіч” – імем па бацьку ці прозвішчам.

А. Мельнікаў лічыць апошняе больш верагодным, бо манаскае імя Афанасій несумяшчальнае з імем па бацьку, у той час як прападобны нярэдка называе сябе «смирненным Афанасием Филипповичем». Падобнае спалучэнне духоўнага імя з фамільным было ў звычай ў той час. Паводле М. Пятрова і М. Жука, у такіх

крыніцах, як «Исторические документы Минской губернии и Литовской православной епархии», даволі шмат асоб, які адносяцца да дваранства і духавенства, носяць прозвішча «Філіпповіч».

Да таго ж існуе дзве гіпотэзы пра сацыяльнае паходжанне Філіповіча. Так, М. Кастамараў лічыў, што святар паходзіў з сям'і беднага шляхціца, таму што служыў пры двары гетмана Льва Сапегі хатнім настаўнікам. На яго погляд, такую магчымасць мелі толькі выхадцы са шляхты. Гэтай жа думкі прытрымліваюцца А. Мельнікаў, А. Цітавец, М. Пятроў і М. Жук, а таксама К. Тарасаў. Апошні лічыў, што чалавека без шляхецкага тытулу не запрасілі б у хатнія настаўнікі да «царэвіча». З другога боку, сам Афанасій у сваім «Дыярыушы» падкрэслівае, што ён «нендзны челоовек, простак, гарбарчик». Зыходзячы з гэтага, беларускі літаратуразнаўца А. Коршунаў лічыць, што прападобны паходзіў з сям'і гарадскога рамесніка-гарбара (такую ж магчымасць дапускае і А. Мельнікаў). Аднак гэтыя словы маглі быць сказаныя і ў адпаведнасці з перакананнямі манаха, які, жадаючы паказаць веліч Бога і Праваслаўнай Царквы і праявіць свае падданніцкія настроі і павагу да караля, павінен быў падкрэсліваць сваю «нэндзнасць» («нищету», «нужду»).

У дзяцінстве Філіповіч атрымаў даволі грунтоўную адукацыю, верагодна, у віленскай брацкай школе пры Свята-Духавым манастыры. Магчыма, пасля яе заканчэння, жадаючы прадоўжыць адукацыю, ён вучыўся ў Віленскім езуіцкім калегіуме. Афанасій добра ведаў багаслоўскую і гістарычную літаратуру, бліскуча валодаў польскай, лацінскай, грэчаскай, царкоўнаславянскай, старабеларускай мовамі. З маладых гадоў святар пачаў настаўнічаць «по науках церковно-русских», магчыма, у дамах праваслаўнай і каталіцкай шляхты.

З 1620 г. (паводле іншых пісьмовых крыніц – з 1622 г.) па 1627 гг. Філіповіч служыў пры двары канцлера Вялікага Княства Літоўскага Льва Сапегі, які запрасіў яго ў якасці «інспектара» (хатняга настаўніка) Яна Фаўсціна Лубы. Апошні быў прадстаўлены як «Дзмітравіч», рускі царэвіч Іаан, які нібыта з'яўляўся пляменнікам памерлага ў 1598 г. рускага цара Фёдара Іаанавіча і адначасова ўнукам Івана IV Грознага ад яго малодшага сына Дзмітрыя і Марыны Мнішак. Гэты «Дзмітравіч» сам з'яўляўся сынам аднаго з самазванцаў Ілжэдзмітрыя II, які дзейнічаў у 1607–1610 гг. На самай справе, Ян Фаўсцін быў сынам Дзмітрыя-Міхаіла Лубы, шляхціца з Падляшша, забітага ў Маскве пры мяцяжы супраць апалчэння Ілжэдзмітрыя I (часам указваецца Ілжэдзмітрый II), і жанчыны Марыі (ці Марыны), якая памерла ў зняволенні. Па іншай версіі Дзмітрый Луба быў забіты падчас Маскоўскага паходу, знаходзячыся ў складзе войскаў кароннага гетмана Жалкеўскага. Напачатку Афанасій быў упэўнены, што выхоўвае наследніка маскоўскага трона, і сваё запрашэнне да двара Сапегі разглядаў як акт перамогі Праваслаўнай Царквы. Праз пэўны час прападобны на падставе шэрагу фактаў здагадаўся пра паходжанне «царэвіча» і балюча перажываў свой нявольны грэх.

Неўзабаве Філіповіч, «зрозумевши омыльность света того», пакінуў службу пры двары канцлера і ў 1627 г. ад'ехаў ў Віленскі Свята-Духаў манастыр, дзе прыняў манаскі подстрыг ад ігумена Іосіфа (Бабрыковіча). Па блаславенні ігумена Іосіфа ён адправіўся на паслушэнства спачатку ў Куцеінскі манастыр пад Оршай, а потым – у Межыгорскі манастыр каля Кіева. Менавіта ўпамінанне ў

“Дыярыушы” межыгорскага ігумена Каментарыя і святара Самуіла Барэцкага, брата Кіеўскага мітрапаліта Іова Барэцкага, дапамагло дакладна датаваць знаходжанне прападобнага ў дадзеным манастыры 1627-м годам. З Межыгор’я Афанасій у 1632 г. (паводле іншых звестак – у тым жа 1627 г.) вярнуўся ў Вільню, дзе быў узведзены ў сан іераманаха.

У 1633 г. Філіповіч прыехаў у Дубойскі манастыр пад Пінскам, дзе стаў намеснікам ігумена Лявонція Шыціка. На працягу трох гадоў святар вёў упартую барацьбу за манастыр, аднак у 1636 г. намаганьнямі Альбрэхта Станіслава Радзівіла, заўзятага прыхільніка каталіцтва, праваслаўныя былі сілай выгнаны з манастыра, а сама абіцель з усімі яе пабудовамі і землямі была перададзена езуітам. Факт гвалтоўнага адабрання манастыра аказаў моцнае ўражанне на Афанасія. У сувязі з гэтым ён пісаў, «як в захвиценю яком будучи», бачыў на небе таямнічыя з’явы – «седм огнов пекелных», а ў пятым агні – «жаристом гневи» – трох асоб: папскага легата, караля польскага і вялікага князя літоўскага Жыгімонта Вазу і канцлера Льва Сапегу. Прападобны, спрабуючы ўтрымаць манастыр, склаў скаргу каралю польскаму і вялікаму князю літоўскаму Уладзіславу IV, дзе апісаў тое, што здарылася. Аднак нават пасля таго, як дакумент падпісалі многія праваслаўныя вернікі, станоўчых зрухаў не адбылося.

Затым Філіповіч пераязджае ў суседні Купяціцкі манастыр на Піншчыне да ігумена Іларыёна Дзянісавіча. Тут ён знаходзіць сябра ў асобе манаха Макарыя Такарэўскага. Апошні ў 1637 г. прывозіць ад мітрапаліта Пятра (Магілы) універсал з дазволам на збор ялмужны – ахвяраваньняў на аднаўленне Купяціцкай царквы. У лістападзе 1637 г. па блаславенні ігумена і парадзе браціі Афанасій адправіўся на збор гэтых ахвяраваньняў разам са сваім паслушнікам Анісімам Валкавіцкім. Увечары, за дзень да ад’езду, прападобны ў сваёй келлі пачуў словы: «Царь Московский построет мне церковь! Иди до него!». Перад паездкай падчас маленняў у царкоўным прытворы святар убачыў у акенцы абраз Божай Маці і пачуў голас, які сказаў, што ён ідзе з ім. Афанасій пабачыў таксама і вобраз памерлага перад гэтым дыякана Неяміі.

Пад выглядам збору міласціны Філіповіч праз Слуцк і Оршу накіраваўся ў Маскву шукаць абароны праваслаўнай веры ў расійскага цара Міхаіла Фёдаравіча. Прыбыўшы ў Слуцк, Афанасій сустрэўся з нечаканымі цяжкасцямі: архімандрыт Самуіл Шыцік пазбавіў яго ўніверсала на той падставе, што святар не меў права збіраць міласціню на тэрыторыі, якая не адносіцца да Луцкай епархіі. Калі ж у канцы студзеня 1638 г. канфлікт быў вырашаны, Афанасій са сваім спадарожнікам накіраваўся ў Куцейна прасіць ігумена Іаіля Труцэвіча, звязанага з найбольш вядомымі прадстаўнікамі расійскага духавенства, пасадзейнічаць у пераходзе мяжы ў Масковію (на мяжы быў узмоцнены нагляд з-за таго, што казакі, асцерагаючыся расправы пасля нядаўняга бунту, уцякалі з Рэчы Паспалітай у Расію).

Узяўшы ў ігумена Іаіля рэкамэндацыйныя лісты «карточек сведных о себе», – Філіповіч накіраваўся ў Копысь, Магілёў, Шклоў і зноў вярнуўся ў Куцейнскі манастыр, дзе намеснік Іосіф Сурта рэкамэндаваў пайсці ў Маскоўскае царства праз Трубчэўск. Збіўшыся з дарогі і ледзь не патануўшы у Дняпры, абрабаваныя і збітыя на адным з заезных двароў, вандроўнікі дабраліся, нарэшце, да Трубчэўска. Аднак і тут іх чакала няўдача: князь Трубяцкі катэгарычна адмовіўся выдаць ім пропуск, падазраючы ў іх шпіёнаў.

Вымушаны вярнуцца, Афанасій наведаў па дарозе Чоўскі манастыр, дзе адзін са старцаў параіў яму зрабіў спробу перайсці мяжу ў раёне Ноўгарад-Северскага пры садзейнічанні тамашняга ваяводы Пятра Песячынскага. Паломнік з падзякай прыняў добрую параду і перасек мяжу ў вёсцы Шэпелява. Неўзабаве на шляху ў Маскву Філіповіч пасварыўся са сваім паслушнікам, які перастаў верыць у поспех іх місіі.

Па прыбыцці ў Маскву вандроўнікі спыніліся ў Замаскварэччы, на Вялікай Ардынцы. Паколькі трапіць на прыём да цара, не маючы паўнамоцтваў і дакументаў пра сябе, было цяжка, то тут, у Маскве, у першым сваім публіцыстычным творы, спецыяльнай рэляцыі “Гісторыя падарожжа ў Маскву”, складзенай у сакавіку 1638 г., Афанасій апісаў цару мэты і гісторыю свайго нялёгкага падарожжа (апошнюю выклаў у выглядзе дзённіка). У рэляцыі, напісанай у своеасаблівай форме, з выкарыстаннем арыгінальных паэтычных прыёмаў, было паказана нялёгкае становішча ў Рэчы Паспалітай праваслаўных вернікаў Беларусі і Украіны і маліў заступіцца за апошніх. Філіповіч хацеў пераканаць Міхаіла Фёдаравіча пачаць вайну з Рэччу Паспалітай для абароны праваслаўнай веры, спасылаючыся на Багародзіцу, якая нібыта сказала яму: «О Афанасий! Иди до царя Михаила и рци ему: звитяжай неприятели наши, бо юж час пришел». Акрамя таго, святар раіў расійскаму кіраўніку зрабіць на харугвах выяву Купяціцкай Божай Маці, якая разам з запіскай была перададзена цару. Таксама ён паведаміў Міхаілу Фёдаравічу пра падрыхтоўку Ілжэдзітрыя. Прыняты ў Пасольскай хаце, Філіповіч, сярод іншага, паведамляе пра падрыхтоўку самазванца. У кветаносную, Вербную нядзелю Афанасій, сабраўшы шчодрыя ахвяраванні, пакінуў Маскву і 16 (26) чэрвеня 1638 г. прыбыў ў Вільню, а ў ліпені вярнуўся у родны (Купяціцкі) манастыр.

У 1640 г. ў Купяціцы паступіла прашэнне ад браціі Свята-Сімяонаўскага манастыра ў Берасці, якая страціла настацеля, блаславіць да іх ігуменам або Афанасія Філіповіча, або Макарыя Такарэўскага. У выніку на дадзеную пасадку быў абраны Афанасій. Тут ён апынуўся ў самым цэнтры барацьбы Праваслаўя з уніяй, бо Берасце быў горадам, у якім з’явілася на свет і як нідзе больш распаўсюдзілася “трэка-каталіцтва”. Яшчэ раней усе 10 праваслаўных храмаў горада былі пераўтвораны ва ўніяцкія, і толькі ў 1632 г. праваслаўнаму брацтву ўдалося вярнуць храм у імя Сімяона Стоўпніка з манастыром пры ім, а ў 1633 г. – царкву ў гонар Нараджэння Багародзіцы.

У мэтах абароны праваслаўных храмаў ад замаху уніятаў Афанасіем былі знойдзены і занесены ў гарадскія кнігі магдэбургіі шэсць дакументаў XV ст., якія адносіліся да берасцейскага Мікалаеўскага брацтва, што аб’ядноўвала манастыры Нараджэння Багародзіцы і Сімяона Стоўпніка. Знойдзеныя ігуменам паперы давалі падставы да юрыдычнага афармлення правоў брацтва Нараджэння Багародзіцы. Таму ў верасні 1641 г. святар прыязджае на Варшаўскі вальны сейм, дзе 13 кастрычніка яму ўдалося атрымаць у каралеўскай канцылярыі прывілей, які пацвярджаў ранейшыя граматы і правы братчыкаў і даваў дазвол на набыццё зямлі ў Берасці для пабудовы брацкага дома. Аднак канцлер Альбрэхт Радзівіл і падканцлер Трызна адмовіліся ратыфікаваць дакумент “нават за трыццаць цвёрдых талераў”, спасылаючыся на забарону папы рымскага распаўсюджваць далей праваслаўную веру. З асцярогі новых пераследаў праваслаўныя епіскапы, якія сабраліся на сейм, не змаглі дапамагчы Філіповічу.

У 1643 г. Афанасій зноў прыбывае ў Варшаву на чарговы вальны сейм. Адначасова з дьяканам Лявонціем Божжам, які прыехаў разам з ім, ён 10 сакавіка 1643 г. увайшоў у сенат і пасольскі двор. Перапыніўшы судовую справу, на якой прысутнічаў польскі кароль Уладзіслаў IV, святар раздае каралю і сенатарам спісы на палатне Купяціцкай іконы Божай Маці з надпісам-перасцярогай, якая сведчыць пра прыгнёт праваслаўных у Рэчы Паспалітай (тое ж зрабіў дьякан Божжа на пасольскім двары). Прападобны патрабаваў у караля «абы вера правдивая грецкая грунтоўне была успокоена, а унея проклятая вынешена и внивеч обернена», пагражаючы ў адваротным выпадку Божым Судом. На другі дзень кароль загадаў выдаць праваслаўным прывілей.

За гэты ўчынак вышэйшыя царкоўныя ўлады абвясцілі Афанасія вар'ятам і запатрабавалі з'явіцца на суд, дзе абвінавацілі яго ў тым, што ён самавольна, без іх парады і дазволу рызыкнуў з'явіцца на сейм і высоўваць ультыматыўныя ўмовы ад імя ўсёй Праваслаўнай Царквы. Пазней сам Філіповіч адзначаў: «Юж-юж и сами отцеве наши старшии в вере православной о помноженю хвалы бозское не дбают». Прысутныя на сейме праваслаўныя іерархі і ігумены буйных манастыроў баяліся наступстваў рэзкіх выказванняў і неардынарных паводзін святара. Таму, паводле іх распараджэння, прападобны быў пасаджаны пад варту разам са сваім паплечнікам дьяканам Лявонціем у доме каралеўскага брамніка Яна Жалязоўскага на некалькі тыдняў – аж да заканчэння сейма. У адказ на гэта 25 (4 красавіка) сакавіка 1643 г., на святкаванне Дабравешчання Прасвятой Багародзіцы, Афанасій збег са зняволення ў адных клябуку і парамандзе. Выдаючы сябе за юродзівага і выкачаўшыся ў гразі, ён, б'ючы сябе посахам, у такім выглядзе бегаў па ўсёй Варшаве з крыкамі: «Беда проклятым і неверным! *Vae maledictus et infidelibus!*».

Неўзабаве Афанасій ізноў быў узяты пад варту, а пасля раз'езду сейма – адданы царкоўнаму суду. Было прынята рашэнне часова пазбавіць яго іерэйскага і ігуменскага сану («сужоный, декретованный, з презвитерства и игуменства деградованный»). Філіповіч быў адпраўлены ў Кіеў на канчатковае разбіральніцтва кансісторыі. Падчас зняволення, у чаканні прыезду ўрадавага абвінаваўцы, ён напісаў на латыні “Тлумачальную запіску суду духоўнай кансісторыі”. Суд пад старшынствам рэктара Кіева-Магілянскай акадэміі Інакенція Гізеля пастанавіў, што Афанасій выкупіў свой “грэх” зняволеннем і што, такім чынам, яму павінна быць даравана свабода і вернуты сан святара. Мітрапаліт Пётр Магіла пацвердзіў гэта рашэнне і 20 чэрвеня накіраваў прападобнага ігуменам ў Свята-Сімяонаўскі манастыр з пасланнем, у якім прадпісвалася быць больш асцярожным і стрыманым у царкоўных справах.

Па вяртанні ў манастыр Афанасій пражыў “у супакоі нейкі час”. Аднак супакой гэты быў вельмі адносным, таму што не спыняліся бесперапынныя напады на манастыр езуіцкіх студэнтаў і ўніяцкіх святароў, якія абражалі і нават часам збівалі праваслаўных манахаў.

Спадзяючыся атрымаць падрымку ў наваградскага ваяводы Мікалая Крыштафа Сапегі, які лічыўся патронам Сімяонаўскага манастыра, і ў

спадзяванні на тое, што ён дапаможа выклапатаць ахоўную грамату для праваслаўных берасцейцаў, Філіповіч у 1644 г. адправіўся у Кракаў, збіраючы па шляху ахвяраванні для сваёй абіцелі. Аднак падтрымкі ў ваяводы знайсці не ўдалося, і прападобны накіраваўся да маскоўскага пасла князя Львова, які жыў у той час у Кракаве і займаўся расследаваннем спраў аб самазванцах. Сустрэўшыся з ім, Афанасій раскажаў пра сваё падарожжа ў Маскву, а таксама паведаміў мноства фактаў пра Яна Фаўсціна Лубу, прад'явіўшы адно з яго апошніх пасланняў, пэўныя фрагменты якога давалі падставы ўзбудзіць супраць самазванца судовое расследаванне.

Афанасій быў выкліканы з Кракава ў Варшаву лістом варшаўскага юрыста Зычэўскага, які паведамляў яму 3 мая 1644 г., што яго намаганнямі грамата, дадзеная Філіповічам для завярэння ў канцлера, забяспечана ўсімі неабходнымі пячаткамі. Юрыст патрабаваў выкупіць прывілей за шэсць тысяч злотых, аднак, прыехаўшы ў Варшаву, святар выявіў, што яго прывілей не занесены ў каралеўскую метрыку і не мае законнай сілы. Па гэтай прычыне ігумен адмовіўся выкупляць фіктыўны дакумент.

Вярнуўшыся ў Берасце з Варшавы, Афанасій замовіў у мясцовым бернардынскім манастыры копію Купяціцкай іконы Божай Маці і змясціў яе ў сваёй келлі. Натхнёны іконай, Філіповіч прыступіў да складання новай публічнай скаргі, з якой разлічваў выступіць на сейме 1645 г. Для гэтага ж ён падрыхтаваў некалькі дзясяткаў копій рукапіснай “Гісторыі падарожжа ў Маскву” з выявай Купяціцкай іконы Божай Маці.

Аднак за некалькі тыдняў да сейма летам 1645 г. у Берасці Афанасій быў арыштаваны як “дзяржаўны злачынца” і адпраўлены пад канвоем у Варшаву ў якасці закладніка за забранага ў Маскву Я.Ф. Лубу. Пра штодзённыя допыты і катаванні святара сведчыць ліст нейкага Міхаіла. Просьбы аб вызваленні не мелі выніку, нягледзячы на тое, што прашэннямі пасла Гаўрылы Сцямпкоўскага 23 ліпеня Я.Ф. Луба быў адпушчаны.

Знаходзячыся ў зняволенні каля паўгода, Афанасій напісаў шэраг артыкулаў: “Навіны” (з уласным духоўным вершам, пакладзеным на ўласную музыку), “Фундамент непарадку касцёла рымскага”, “Падрыхтоўка да суда”, “Парада пабожная”, “Пра фундамент царкоўны”, “Супліка трэцяя” (была пададзена прыхільнікам святара ў карэту караля пры яго выездзе), у якіх ён выклаў свае погляды на гісторыю Берасцейскай уніі і паказаў яе згубнасць для Праваслаўя і самой дзяржавы Рэчы Паспалітай. Тады ж Філіповічам была складзена “Праўда”, адрасаваная каралю Уладзіславу IV і пададзеная яму 29 чэрвеня 1645 г., дзе ён прапанаваў канкрэтныя шляхі “прымірэння Цэркваў” і дасягнення добрага ладу ў дзяржаве. У першую чаргу Афанасій раіў пазбавіцца ад уплыву езуітаў, звярнуцца праз лісты да пяці патрыярхаў Усходняй Царквы і на Саборы вярнуць законныя правы святога Праваслаўя ў Вялікім Княстве Літоўскім.

У творах, напісаных прападобным падчас знаходжання ў варшаўскай турме і адрасаваных каралю, зноў жа ўтрымліваецца крытыка тагачасных царкоўных іерархаў і свецкіх магнатаў, а таксама прапановы адраджэння Праваслаўнай

Царквы і заключэння саюза з Расіяй. Пры гэтым свой арышт Філіповіч лічыў палітычнай акцыяй і помстай за яго барацьбу ў абарону Праваслаўя.

Не паддаўшыся на правакацыі з уцёкамі з турмы, Афанасій чакаў свайго вызвалення, асабліва пасля распаўсюджвання чутак аб тым, што кароль хоча з ім асабіста сустрэцца. Чуткі, аднак, не спраўдзіліся, але ўжо 3 лістапада (13 лістапада) 1645 г. згодна з загадам каралеўскага ўніверсала Філіповіч у суправаджэнні канвою быў адпраўлены ў Кіеў пад нагляд мітрапаліта Кіеўскага Пятра (Магілы). Апошні пакінуў святара ў Кіева-Пячэрскай лаўры. Менавіта тут у 1646 г. Афанасіем быў створаны “Дыярыуш” у тым выглядзе, у якім быў пасля апублікаваны (акрамя апошняй часткі): усе свае артыкулы аўтар звёў у адну працу, забяспечыўшы раннія творы каментарыямі. Затым Філіповіч перадаў “Дыярыуш” Пятру (Магіле) з надзеяй на вызваленне, але апошняя не апраўдалася.

У сярэдзіне верасня 1646 г. у Пячэрскай манастырскай царкве Афанасій выступіў у вобразе юродзівага, каб нагадаць аб сваёй невінаватасці. Тлумачэнне гэтым дзеяннем ён выклаў у сваім апошнім артыкуле – «Причины поступку моего таковыя в церкви святой Пячаро-Киевской чудотворной на Воздвижение Честного Креста року 1646».

Пасля смерці мітрапаліта Пятра (Магілы) 1 студзеня 1647 г. Луцкі іерарх Афанасій Пузына, які прыехаў на яго пахаванне, забраў пры ад’ездзе з сабой Філіповіча і пасля просьбаў браціі дазволіў яму вярнуцца у Берасце. У сувязі з паўстаннем Багдана Хмяльніцкага ў 1648 г. супраць праваслаўных вернікаў узнялася новая хваля ганенняў. Па даносе капітана каралеўскай гвардыі Шумскага суботнім днём 1 ліпеня (10 ліпеня) 1648 г. прападобны быў арыштаваны адразу пасля Боскай літургіі ў храме Нараджэння Багародзіцы па абвінавачанні ў супрацоўніцтве з Б. Хмяльніцкім, нібыта за «посылане якіхсь листов и пороху до козаков». У адказ на абвінавачванні Афанасій запатрабаваў сведчанняў мытнікаў: «Нехай они признают, если я коли колвек куды порохи проводил. А стороны листов, нехай ми тут довод який на тое покажет, абым их посылал, яко поведает». Неўзабаве ў берасцейскім манастыры быў праведзены вобыск, які, аднак, не даў станоўчых вынікаў.

Тады ў віну Філіповічу паставілі тое, што «унею святую ганил и проклинал». У адказ на апошняе абвінавачванне Афанасій адказваў: «Проклятая есть теперешняя уния ваша. И ведайте о том запевне, если ей з панства своего не выкорените, а православной церкви восточней не успокоите, гневу божого над собой заживете». Суддзі пастанавілі, што Філіповіч заслугоўвае смяротнага пакарання, аднак для апошняга патрабавалася канчатковая санкцыя з Варшавы. Афанасія часова закавалі ў калодкі і кінулі ў цэйхгаўз. У ноч на 5 верасня, неўзабаве пасля таго, як святар пацвердзіў праклён уніі перад прыехаўшымі луцкім біскупам Гембіцкім і канцлерам Альбрэхтам Радзівілам, у яго келлю быў накіраваны студэнт-езуіт. Аднак спробы апошняга схіліць Філіповіча на свой бок былі няўдалымі. Неўзабаве Афанасія, папярэдне зняўшы з яго калодкі, прывялі да берасцейскага ваяводы А. Масальскага, які, не жадаючы браць яго да сябе,

сказаў: «По що-сте его до мене привели? Маєте юж в руках своих, чините ж собе з ним що хочете». Затым Філіповіча з абору ваяводы вывелі ў бор каля вёскі Гершановічы (пазней – вёска Гершоны; з 1 чэрвеня 2007 г. – у межах горада Берасця) і пасля катаванняў («там его напрод пекли огнем. И казали – мушкет набили двома кулями... И дол казали наготовили») салдаты берасцейскага ваяводы забілі святара. Паводле сведчанняў відавочцаў, паранены дзвюма кулямі ў лоб навывлёт, ён нейкі час стаяў, прыхіліўшыся да хвоі, пакуль не быў сапхнуты ў выкапаную магілу. Перад смерцю прападобны не адмовіўся ад сваіх слоў: «Што юж рекл, том рекл, и з тым умираю».

Толькі праз восем месяцаў, першага мая 1649 г., нейкі хлопчык паказаў манахам, дзе была магіла ігумена. Сёмага мая 1649 г. з дазволу палкоўніка Феліцыяна Тышкевіча манахі выкапалі цела і перанеслі яго рэшткі ў свой манастыр і з ушанаваннямі пахавалі ў склепе на правым клірасе ў храме святога Сімяона Стоўпніка.

Усё сваё свядомае жыццё Афанасій Філіповіч змагаўся з уніяй, за аб'яднанне праваслаўных народаў. Так, будучы заўзятым праціўнікам рашэнняў Берасцейскага сабора 1596 г., прападобны лічыў, што абвастрэнне сацыяльных і рэлігійных супярэчнасцей у дзяржаве стала непасрэднай праявай наступстваў уніі, якая закранула як свецкае, так і духоўнае жыццё Рэчы Паспалітай, прывяла да парушэння агульнапрынятых законаў і зневажання правоў народа.

З'яўляючыся, такім чынам, галоўнай прычынай рознагалоссяў у грамадстве і, на думку Філіповіча, навязанай народу (а значыць і незаконнай), унія павінна быць знішчана. Аднак у творах святара не ўтрымліваецца закліку да гвалту: аўтар, будучы добра падрыхтаваны юрыдычна, імкнецца дзейнічаць у рамках прававой сістэмы Рэчы Паспалітай. Так, добра ведаючы гісторыю Праваслаўнай Царквы разам з прававой базай, якая рэгулюе яе дзейнасць у дзяржаве, ён аргументавана выбудоўвае свае абвінавачанні. Акрамя таго, разглядаючы унію і яе перадгісторыю, Афанасій прыцягвае і цытаты з гістарычных хронік. На думку мысляра, неабходнымі ўмовамі вяртання міру ў грамадства Рэчы Паспалітай з'яўляюцца справядлівасць і недатыкальнасць законных духоўных інтарэсаў праваслаўных вернікаў. Усёй паўнатай заканадаўчай улады павінен валодаць не хто іншы, як кароль: менавіта апошні зможа вярнуць згоду ў грамадства. Астатнія ж органы ўлады – сенат, сінод і сейм – павінны валодаць толькі дарадчай функцыяй, інакш шляхецкая анархія ў дзяржаве працягнецца. Пры гэтым свецкая ўлада павінна прэтэндаваць толькі на зямны свет, у той час як духоўны застаецца ёй непадуладным, у тым ліку і папе рымскаму.

Ад іншых антыўніяцкіх пісьменнікаў-палемістаў Філіповіча адрознівала тое, што ў сваіх творах ён стараўся не закранаць царкоўна-дагматычнага багаслоўя. Дадзеная асаблівасць яго творчасці была заснавана на перакананні ў тым, што ў аснове імкнення і польскіх феадалаў, і Каталіцкай Царквы, якія заручыліся падтрымкай некаторых праваслаўных іерархаў, уніфікаваць абодва веравызнанні ляжалі палітычныя матывы, а зусім не рэлігійныя. Вынікам сталі не толькі крытыка Уніяцкай і Каталіцкай Цэркваў, але і выкрыванне кіруючых шляхецка-магнацкіх колаў Рэчы Паспалітай.

У сваю чаргу, у творах, напісаных Філіповічам у варшаўскай турме, адлюстравалася яго ўпартая барацьба за «грунтоўнае успокоенне православнага вероісповедання», за нармалізацыю адносін з Расіяй. Умацаванне апошніх ён абгрунтоўваў «волей Божией» і выступаў супраць вайны з гэтай дзяржавай.

Афанасій Філіповіч з’яўляецца аўтарам зборніка “Дыярыуш” («Діаріушъ албо список деhvъ правдивыхъ») – аднаго з першых літаратурных твораў (паводле М. Дабрыніна – аўтабіяграфічная палемічная аповесць, паводле С. Гараніна – споведзь-пропаведзь) аўтабіяграфічнага жанру і адзінай палемічнай аўтабіяграфіі ў беларускай літаратуры. Святар лічыцца таксама адным з апошніх прадстаўнікоў праваслаўнага напрамку ў палемічнай літаратуры таго часу, артыкулы якога змяшчаюць цікавыя звесткі па сучаснай аўтару царкоўнай гісторыі беларускіх земляў. Прападобны ўсё сваё жыццё прысвяціў змаганню за правы і прывілеі Праваслаўнай Царквы, таму грамадскае і асабістае ў яго зборніку цесна пераплецена.

“Дыярыуш” складаецца з сямнаццаці інфармацыйных фрагментаў, два з якіх напісаны пасля смерці Філіповіча. Тэкст самога святара складаецца з дзесяці самастойных артыкулаў, напісаных у 1638–1646 гг. і аб’яднаных пяццю ўстаўкамі.

У “Дыярыушы” аб’яднаны ў адно цэлае дарожныя і тлумачальныя запіскі аўтара, яго успаміны, дзённікі і аўтабіяграфічны нарыс пра пражытае і перажытае, розныя легенды і ўбачаныя містычныя вобразы, пасланні і лісты Філіповіча, яго выкрывальніцкія прамовы, канспектыўныя накіды асобных артыкулаў, філасофска-багаслоўскія трактаты, вершы, прысвечаныя барацьбе, і нават напеў (запісаны кіеўскай 5-радковай натацыяй) гімнападобнага канта – аднаго з найбольш ранніх нотных запісаў у беларускай музыцы.

Да таго ж, акрамя вышэйзгаданых артыкулаў Філіповіча, у дадатку да “Дыярыуша” змешчаны творы, напісаныя пасля смерці прападобнага манахамі берасцейскага Свята-Сімяонаўскага манастыра: “Пра слаўную смерць... Афанасія Філіповіча” і “Надгробак Афанасію Філіповічу”.

“Дыярыуш” Філіповіча стракаты па стылю – апавядальная манера змяняецца заклікавай публіцыстычнасцю, дакументальныя згадкі – містычнымі карцінамі і г. д. Святар выступае то прапаведнікам “разумнай мернасці” ў грамадстве, то ваяўнічым абаронцам “веры праўдзівай і царквы ўсходняй грэчаскай”.

У “Дыярыушы” Філіповіча няма кніжнай рыторыкі, да чаго часта звяртаўся ў творах яго сучаснік Мялеццый Смятрыцкі. Аўтар абапіраўся на ўласныя назіранні, на факты рэчаіснасці. Апантаны да фанатызму, надзвычай уражлівы, святар часам “бачыў” тое, што выходзіць за рамкі рэальнага. Так, у адной з частак “Дыярыуша” ён апісвае “борзо страшныя відокі на небы і зямлі”, убачанае ім не ў сне, а на яве і ў дзень. На небе – гнеўныя хмары з войскам, пастаўленым у строй, на зямлі – сем агнёў пякельных, прыгатаваных на сем смяртэльных грахоў. «З тых агнюв ... трох особ выразне видилем: нунциуша легата в короне папезской. Жигмонта кроля и Сапегу гетмана, за преследоване церкви восточной барзо смутно седячих». Поруч з гэтым у творы шмат дакладных

апісанняў і згадак: «Мещане зась убогие з Люблина, Сокаля, Орши, Пинска, Белска, Кобрыня, Берестя и з инших мест и местечек плачливе ляментуют, же юж не маюи и людей, з ким бы церквей своих доходити могли!.. Ах, беда ж! Креста не принявши детки, а дарослые без шлюбов живут, а умерлых в полях, в огородах и в пивницах потаемне в ночи погребают!.. Над турецкую неволю, тут в панстве христианском православные люде болшую неволю терпят и маюи! Бо оршане бедные за тое, што в братстве своем новую церков збудовали, двесте червоных золотых подканцлерому за печать давали...».

“Дыярыуш” Філіповіча напісаны ў пераходны і пераломны для рэлігійнай барацьбы час і знаходзіцца на памежжы палемічнай і мемуарнай літаратуры. Твор вызначаецца адкрытай тэндэнцыянасцю, палітычнай і рэлігійнай заостранасцю, пафаснасцю, ідэйнай насычанасцю. У “Дыярыушы” спалучаюцца элементы барока, гатычнай паэтыкі і рэалізму. Да таго ж неаднародная мова і кампазіцыя твора – месцамі амаль размоўная, месцамі ўскладненая і забытаная са шматлікімі паланізмамі і стараславянізмамі. Разам з тым мова твора – “сакавітая, прыгожая, мілагучная, мова беларуса, беларуса высокаадукаванага”. Аўтар лічыў, што яго “Дыярыуш” захавае актуальнасць і пазней, «у потомные часы».

Зберагліся два спісы “Дыярыуша” – адзін у складзе Тлумачальнага Псалтыра, які належаў мітрапаліту Дзімітрыю Растоўскаму (захоўваецца ў Маскве ў Дзяржаўным гістарычным музеі), і менш поўны спіс позняга паходжання са збору Расійскай нацыянальнай бібліятэкі (Санкт-Пецярбург).

Афанасій Філіповіч быў прызнаны святым неўзабаве пасля сваёй смерці (паміж 1658 і 1666 гг.). Ужо 5 студзеня 1658 г. Кіева-Пячэрскі архімандрыт Інакенцій Гізель і Ляшчынскі ігумен Іосіф Нелюбовіч-Тукальскі паведамілі цару Аляксею Міхайлавічу, што над мошчамі прападобнага нібыта неаднаразова ззяла цудоўнае святло.

Неўзабаве ў народзе было складзена паданне пра гібель Філіповіча і царкоўны спеў у яго гонар. Існуе таксама напісаны 30 жніўня 1819 г. архімандрытам Маркіянам кандак і трапар. Калі было устаноўлена афіцыйнае святкаванне – невядома, аднак Афанасій Берасцейскі называецца прападобным мучанікам, прылічаным да ліку кіеўскіх святых, яшчэ ў “Гісторыі пра унію” свяціцеля Георгія Каніскага.

Дваццатага ліпеня 1666 г. мошчы прападобнамучаніка Афанасія былі адкрыты. З гэтай нагоды ў Берасці было складзена “Жыціе” святога на польскай мове, у якім ігумен Афанасій называецца “святым і прападобнамучанікам”. У 1805 г. у Кіеўскай духоўнай акадэміі “Жыціе” было перакладзена на рускую мову. Захаваўся таксама дакумент, які распавядае пра смерць прападобнамучаніка: «О смерти славной памяти небожчика отца Афанасія Филиповича, игумена берестейского православного, повесть през послушников его списана, року 1648 стальной, под час бескрулевыя».

Напачатку верасня 1815 г. у выніку пажару ў Сімяонаўскай царкве медная рака з мошчамі святога Афанасія расплавілася. Пасля выяўлення на наступны

дзень часцінак мошчаў прападобнамучаніка святар Самуіл Лісоўскі паклаў іх на алавяны сподак пад алтаром манастырской трапезнай царквы. У 1823 г., калі адбылося прыняцце царкоўнай маёмасці новым настояцелем Аўтаномам, іх сапраўднасць засведчылі прысяжнымі паказаннямі сем жыхароў Берасця: яны ўваходзілі ў лік тых, хто ўдзельнічаў пасля пажару ў збіранні часцінак мошчаў. Неўзабаве па просьбе Аўтанома ад Мінскага архіепіскапа Анатоля паступіла распараджэнне: «положить мощи в ковчег и хранить оные в церкви с благоприличием».

У лістападзе 1856 г. каля каўчэга з мошчамі прападобнага Афанасія, дзякуючы дзеянню малітваў да святога, вылечыўся дзесяцігадовы сын памешчыка Паліванава, які быў вымушаны спыніцца ў Берасці з прычыны хваробы дзіцяці. У 1857 г. у падзяку за вылячэнне сына памешчык ахвяраваў для мошчаў каштоўны сярэбраны пазалочаны каўчэг (у 1894 г. над ім былі створаны шаты з выявай святога). Пасля закрыцця манастыра каўчэг быў перавезены ў Антырэлігійны музей мастацтваў, размешчаны ў Данскім манастыры, а адтуль у 1935 г. паступіў у Дзяржаўны гістарычны музей Расіі. Да 14 мая 1860 г. адносіцца таксама факт вылячэння смяротна хворага протаіерэя Васіля Салаўевіча.

Напрыканцы верасня 1893 г. у Гарадзенскім Барысаглебскім манастыры быў узведзены храм у імя святога прападобнамучаніка Афанасія Берасцейскага (на жаль, да нашых дзён не захаваўся). На мяжы XIX–XX стст. у вёсцы Аркадзія пад Берасцем (з 1 чэрвеня 2007 г. у межах горада) у памяць аб Афанасіі Берасцейскім, недалёка ад месца яго гібелі, была ўзведзена драўляная капліца – Свята-Афанасьеўская царква са званіцай на галоўным фасадзе. Яна ўяўляе сабой помнік народнага драўлянага дойлідства з рысамі рэтраспектыўна-рускага стылю. У 1998 г. капліца была абноўлена сіламі прыхаджан. Тут жа ў 1996 г. па блаславенні Свяшчэннага Сінода Рускай Праваслаўнай Царквы быў заснаваны Свята-Афанасьеўскі манастыр, у склад якога ўваходзіць і вышэйназваная царква.

Восенню 1893 г. часцінка святых мошчаў Афанасія Берасцейскага была перанесена ў Ляснінскі жаночы манастыр у Польшчы. У канцы Другой сусветнай вайны манастыр (разам са святымі мошчамі) спачатку пераехаў ў Сербію, а потым у Францыю. У 1995 г. частка мошчаў была прывезена ў Беларусь і перададзена ў берасцейскія Свята-Сімяонаўскі сабор, Свята-Афанасьеўскую царкву і Свята-Мікалаеўскі храм.

З 1996 г. Афанасій Берасцейскі з’яўляецца святым апекуном Люблінскай і Холмскай епархіі Польскай Праваслаўнай Царквы.

У 2006 г. у Берасці на праспекце Машэрава каля Свята-Сімяонаўскага сабора быў узведзены помнік “нябеснаму заступніку” Афанасію Берасцейскаму (Філіповічу) працы скульптара Алесі Гуршчанкавай. У 2010 г. Сінод Беларускай Праваслаўнай Царквы заснаваў ордэн прападобнамучаніка Афанасія Берасцейскага.

Памяць святога Афанасія Берасцейскага Руская Праваслаўная Царква ўшаноўвае некалькі разоў на год: 5 (18 паводле новага стылю) верасня – у дзень смерці, 20 ліпеня (2 жніўня) – у дзень знаходжання мошчаў, а таксама ў дзень Сабора Беларuskіх святых (3-я нядзеля па Пяцідзясятніцы).

Такім чынам, Афанасій Філіповіч (Берасцейскі) ахвяраваў сваім жыццём дзеля адраджэння, захавання і ўмацавання Праваслаўнай Веры на беларускіх і ўкраінскіх землях [1; 2, с. 450–451; 3–6; 7, с. 125; 8, с. 267; 9–14].

Спіс выкарыстанай літаратуры:

1. Аркадзія [Электронны рэсурс] // Вікіпедыя : свабод. энцыкл. – Рэжым доступу: <https://be-tarask.wikipedia.org/wiki/Аркадзія>. – Дата доступу: 10.11.2020.
2. Асветнікі зямлі беларускай, X – пачатак XX ст. : энцыкл. давед. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2001. – 492 с.
3. Афанасий Брестский [Электронный ресурс] // Википедия : свобод. энцикл. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Афанасий_Брестский. – Дата доступа: 10.02.2022.
4. Афанасій Брэсцкі [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: [https://smafc.org/wiki/Афанасий_\(Филиппович\)](https://smafc.org/wiki/Афанасий_(Филиппович)). – Дата доступу: 15.02.2022.
5. Афанасій Філіповіч [Электронны рэсурс] // Вікіпедыя : свабод. энцыкл. – Рэжым доступу: https://be.wikipedia.org/wiki/Афанасій_Філіповіч. – Дата доступу: 04.11.2020.
6. Афанасі Філіповіч [Электронны рэсурс] // Вікіпедыя : свабод. энцыкл. – Рэжым доступу: https://be-tarask.wikipedia.org/wiki/Афанасі_Філіповіч. – Дата доступу: 12.02.2022.
7. Беларуская энцыклапедыя : у 18 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1996–2004. – Т. 2 : Аршыца – Беларусцы. – 1996. – 480 с.
8. Вялікае Княства Літоўскае : ВКЛ : энцыклапедыя : у 2 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2005–2006. – Т. 1. – 2005. – 687 с.
9. Гершоны (Брэст) [Электронны рэсурс] // Вікіпедыя : свабод. энцыкл. – Рэжым доступу: [https://be.wikipedia.org/wiki/Гершоны_\(Брэст\)](https://be.wikipedia.org/wiki/Гершоны_(Брэст)). – Дата доступу: 10.11.2020.
10. Дыярыш Філіповіча [Электронны рэсурс] // Вікіпедыя : свабод. энцыкл. – Рэжым доступу: https://be.wikipedia.org/wiki/Дыярыш_Філіповіча. – Дата доступу: 10.11.2020.
11. Звышгодны мучанік Апанас, ігумэн Берасцейскі [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://baocinfo.blogspot.com/2011/09/blog-post.html>. – Дата доступу: 15.02.2022.
12. Кулажанка, Л. Святы прападобнамучанік Афанасій Брэсцкі [Электронны рэсурс] / Л. Кулажанка // Царкоўнае слова. – 2008. – 22 верас. – Рэжым доступу: <https://www.blagobor.by/article/saint/afanasiy>. – Дата доступу: 12.02.2022.
13. Луба, Ян Фаустин [Электронный ресурс] // Википедия : свобод. энцикл. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Луба,_Ян_Фаустин. – Дата доступа: 12.02.2022.
14. Преподобный Афанасий, игумен Брестский [Электронный ресурс] // Православный календарь. – Режим доступа: <https://days.pravoslavie.ru/Life/life6456.htm>. – Дата доступа: 22.03.2022.

ГЛ. 3. ПРАКТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ В КУЛЬТУРЕ СЛАВЯН

Беженару Людмила Ефимовна (L. E. Bezhenaru), доктор филологических наук, доцент Департамента иностранных языков и литератур, кафедра Славистики «Петру Караман», Ясский университет им.Ал.И.Кузы, Румыния, (Iasi, Romania); ludbejenaru@gmail.com

УДК 070/811.161.1

МНОГОЛИКИЙ ВЛАДИМИР: ИМЯ В УСТОЙЧИВЫХ СЛОВЕСНЫХ КОМПЛЕКСАХ И ФРАЗЕОЛОГИИ

Аннотация: Статья рассматривает имя *Владимир* в устойчивых словесных комплексах и фразеологии русского языка, и неологизмы, употребляемые русскоязычными СМИ в анализе различных сторон жизни российского общества. Базой для исследования послужили литературные тексты, интернет-ресурсы и СМИ.

Ключевые слова: имя *Владимир*, устойчивый словесный комплекс, СМИ, неологизм.

THE MANY-FACED VLADIMIR: A NAME IN STABLE VERBAL COMPLEXES AND PHRASEOLOGY

Abstract: The article examines the name *Vladimir* in stable verbal complexes and phraseology of the Russian language, and neologisms used by Russian-language media in the analysis of various aspects of the life of Russian society. The basis for the research was literary texts, Internet resources and mass media.

Keywords: *Vladimir*, stable verbal complex, mass media, neologism.

Личное имя собственное (далее ЛИС) играет важную роль в системе языка и культуры. С помощью ЛИС, являющихся компонентом истории, географии, культурологии, ментальности, социологии, психологии, лингвистики (фразеологии и паремиологии), а также художественного текста (*поэтической ономастики*),

можно выявить национально-культурные особенности определенной картины мира.

Имя и имя-нарекание, имя собственное, как специфическая и неотъемлемая часть культуры содержат в себе важные особенности реализации национальной и языковой картины мира. Эта особенность *имени собственного* связана с наличием у него лексического фона – комплекса исторических, национально-культурных, социальных и других ассоциаций, сопрягаемых носителем языка с языковой единицей. Из многообразия онимов национальной ономастики в национальных картинах мира преимущественно встречаются *антропонимы*: в русской языковой картине мира *личное имя собственное*, полученное человеком при рождении, его *отчество* – патроним или именование по отцу, деду, а также *фамилия* – родовое или семейное имя, являясь значимым элементом в составе фразеологии и паремиологии, а также в художественных текстах, способствует выявлению национально-культурных особенностей.

В лингвистике имена собственные разделяют на *общие* и *значимые/значащие (вымышленные)* или *смысловые, «говорящие»* (В. С. Виноградов).

Говорящие имена собственные выполняют не только номинативно-назывательную функцию, но и экспрессивно-оценочную стилистическую функцию.

Значимые имена собственные – это номинативно-характеристические имена, которые соотносятся к *конкретным личностям*, за которыми, в свою очередь, закрепляются определенные понятия, образы и представления (например, *Владимир Мономах, Владимир Маяковский, Владимир Высоцкий, Владимир Путин* т.д.).

К *смысловым* именам собственным можно отнести и различные *имена литературных героев, героев из мифов, топонимы*, в связи с тем, что они называют конкретные объекты и имеют национально-исторический оттенок. По мнению В. С. Виноградова, «*имя собственное – всегда реалья*» (*Владимир Красное Солнышко, он же Владимир Креститель, Владимир Мономах*), а феномен «говорящего» имени собственного, *смысловое имя* – это своеобразный троп, который, в известной степени, равнозначен метафоре или сравнению. Такие тропы используются авторами в стилистических целях для характеристики персонажа или окружающей среды. «Говорящие» имена собственные – это вымышленные имена, обладающие особой смысловой нагрузкой, содержащие оценочно-экспрессивные элементы и выполняющие характерологическую функцию в художественных текстах.

По своей содержательной структуре «говорящие имена» можно разделить на: *имена-символы, имена-характеристики* и *имена-портреты* [1]. В художественном произведении роль «говорящих» имен собственных выполняют *поэтонимы*.

Древнерусское имя *Володимѣръ*, церковнославянское *Владѣмиръ* – это популярное русское мужское имя *Владимир*, которое имеет смешанное, славянско-германское происхождение. Первая часть имени происходит от церковнославянского *владѣ* (владеть, обладать, господствовать) и «*власть*» (восходит к индоевропейской основе **wal-* со значением «сила»); вторая родственна готскому *-mērs* «великий», древневерхненемецкому *mâri* «знаменитый» и другим германским корням того же значения. Нехарактерный для славянских имен компонент *-мѣръ*

роднит имя *Владимир* с такими готскими именами, как *Теодемир*, *Видимир*, *Валамир*. В русском языке, согласно принципам народной этимологии, вторая часть имени (-мир) была переосмыслена под влиянием существительных мирь («спокойствие»), мирь («вселенная»), «мѣра» (мера, размеренность, упорядоченность), а всё имя, таким образом, стали понимать, как означающее «владеющий миром», иногда переводят также и как «знатный/славный властитель». [3].

Перевод имени *Владимир* на разных языках имеет иное значение и звучит по-иному. На украинском языке переводится как Володимир [Володымир], на белорусском языке: Уладзімір [Уладзимир], на польском языке: Włodzimierz [Влодзимеж], на чешском языке: Vladimír, на словацком языке: Vladimír, на болгарском языке: Владимир, на немецком языке: Waldemar, на датском языке: Valdemar. Имя Владимир в сербском языке имеет свои собственные формы: Владан, Владо. Эти имена различаются, но равны имени Владимир.

Хотя это имя редкое для нероссийского пространства и дается новорожденным в основном в Польше, Чехии, Болгарии, Сербии и на Украине, в румынской языковой картине мира имя *Vladimir* часто встречается у русских липован-старообрядцев, которые переселились в Румынию со времен Петра Первого, и изредка – у коренных жителей (румынский политолог еврейского происхождения *Vladimir Tismăneanu*, актер *Vladimir Găitan*). Очень популярна в Румынии первая часть имени, его краткая форма *Vlad*, которая существует как самостоятельное румынское мужское имя *Vlad*/ парное женское имя *Vlada*, и считается румынской ономастикой происходящим от славянского *владеть*. Немецкое *Walther* и английское *Walter* являются эквивалентами румынского имени *Vlad*. Имя *Vlad* встречается в основном в Румынии и Республике Молдова, а его самым известным носителем является Влад Цепеш. (Влад Дракула), один из семи правителей Цара Ромыняскэ, носящие имя *Vlad*. Считается одним из красивейших мужских имен румынской ономастики наряду с именами *Cătălin*, *Mihnea*, *Mircea*, *Ștefan*, *Horia* [10].

В славянской языковой картине мира языческое имя *Владимир* после Крещения Руси (988г.) князем Владимиром Святославичем было канонизировано, адаптировалось и было занесено в православный календарь.

Личное имя собственное *Владимир* и его дериваты формируют большую группу имя-наречений в ономастической системе русской культуры и в художественных текстах русской литературы.

В произведениях русской культуры нашел свою репрезентацию образ князя *Владимира Мономаха*. О Мономахе как о «главном герое книжной, летописной традиции» [7], как летописном идеале князя, рассказывает «Повесть временных лет», «Поучение» Владимира Мономаха, «Сказание о Борисе и Глебе», рассказы Киево-Печерского патерика, миниатюры Радзивилловской летописи и Лицевого летописного свода, содержащих изображения Владимира Мономаха [6].

В «Повести временных лет» *Владимир* предстает «как устроитель династического мира», и в этом смысле его можно ассоциировать с крестителем, устроителем христианской Руси Владимиром Святославичем.

Владимира Мономаха характеризует, прежде всего, стремление к миру, причём само имя, имеющее в своём составе корень – «миръ» «велит» ему быть мирным [8].

В составе фразеологических единиц эти собственные имена представляют собой значимый национально-культурный компонент (*Два Владимира, а оба не видят; Кто велик, яко бог наш Владимир Мономах*), а выражение *Поучение Владимира Мономаха* стало устойчивым.

У А. С. Пушкина три персонажа носят имя *Владимир*: Владимир Ленский (роман «Евгений Онегин»), Владимир Бурмин (повесть «Метель»), Владимир Дубровский («Дубровский»).

Краткие формы *Володя*, *Волька* и *Вовка* встречаются в рассказе Чехова «Мальчишки» – мальчик *Володя*, в повести Л. Кассиля и М. Поляновского «Улица младшего сына» – *Володя* Дубинин, в «Старике Хоттабыче» Лазаря Лагина (*Волька* Костыльков), в сборнике А.Барто «*Вовка-добрая душа*».

В мемуарной прозе «Рассказы старого трепача» и «Живая жизнь» [4]. Юрий Любимов создает правдивый портрет главного героя – *Владимира* Высоцкого, *Володи*, как он нежно, по-дружески и даже по-отцовски называет поэта-барда на страницах своих воспоминаний. Любимов описывает физический и психологический портреты, черты характера *Владимира* Высоцкого, его голос и походку. *Володя – поэт* и *Володя – актер*, поэзия *Владимира* Высоцкого и *песни Володи*, вмешательство партийных деятелей в судьбу Поэта, *похороны Володи* – ничего не ускользает от пристального взгляда режиссера «Таганки».

В мемуарах Любимов называет своего главного героя по-разному: «*Владимир* Высоцкий, *Высоцкий*, *Владимир*, *Володя*», но краткая форма *Володя* доминирует. С ее помощью в литературном тексте оформлены *окказионализмы*, например, индивидуально-авторские определения *Володя – поэт* и *Володя – актер*.

Высокохудожественным *окказионализмом* является, по нашему мнению, и название книги Марины Влади *Владимир или Прерванный полет*, которое вмещает в себе не только текстообразующий материал, но отличается исключительной семантической емкостью. Речевое новообразование является *устойчивым словесным комплексом*, в составе которого поэтоним/антропоним *Владимир* находится в прямой зависимости и дополняется названием песни *Владимира* Высоцкого *Прерванный полет*.

Первоначальное – «Грустная песня», как и варианты авторских названий – «Не до...», «Баллада о том, кто недожил», «Недолюбил», «Недожил», – это история о том, как убили молодого человека, не дав ему ничего получить от жизни, но и размышления о собственной творческой судьбе, своем поэтическом наследии, своем месте в мире.

Печальные поэтические образы указывают и на личную жизнь *Владимира* Высоцкого, которая оборвалась преждевременно и страницы которой Марина Влади издала, используя в названии *поэтоним/антропоним* и *прецедентное имя*.

Одна из явных тенденций современной российской и иностранной литературы – обращение к жанру политического романа и к образу президента России *Владимира* Путина. Политическая линия все чаще встречается в современном детективе, в сатирической прозе в духе Салтыкова-Щедрина, в исторической повести, в политической сказке. Внимание, которое современная литература уде-

ляет Владимиру Путину, объясняется тем, что он является характерным носителем типических черт нынешнего времени и своей среды. Именно этим образ Путина и оказался интересен авторам и читателям.

О Владимире Путине идет речь в художественных текстах Владимира Войновича (роман *Москва 2024* (1986), где «в усохшей постсоветской России правит бывший шпион КГБ, служивший прежде в Германии»), Александра Проханова (*Четыре цвета Путина*), и в эпосе Максима Кононенко / Mr. Parker (*Жизнь с президентом. Владимир Владимирович ТМ*), в котором автор предлагает называть героя *Избранным*; в литературных шаржах Натальи Тимаковой, Андрея Колесникова и Натальи Геворкян *От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным*, Андрея Колесникова *Я Путина видел!, Меня Путин видел!* и в *Евангелии от Соловьева* Владимира Соловьева; в новых русских сказках Дмитрия Быкова *Как Путин стал президентом США*, (2005), и в стихотворении *Путин и мужик*; в полумемуарных книжках Елены Трегубовой *Байки кремлевского диггера*; в аллегории о России и Путине *Священная книга оборотня* Виктора Пелевина или в романе Михаила Юрьева *Третья империя* (2006), описывающем правление *Владимира II Реставратора* ...и список можно продолжить. Отметим в рамках данной статьи, что многие авторы употребляют в названиях или на полях литературных произведений антропоним *Владимир*, его короткие формы *Володя*, *Вова*.

Образ Путина в литературе *многослойный*, потому что каждый автор пытается взглянуть на него со своей стороны: кто-то видит в нем политика, склонного прятаться за личинами, кто-то диктатора, кто-то – почти обычного человека, вдруг оказавшегося во главе страны, но не всегда способного к адекватным действиям, кто-то – доброго царя-батюшку, окруженного и обманываемого плохими боярами.

Одни писатели видят в нём *Избранного*, другие предлагают в нём видеть призрак Сталина. Он и серый волк, и дельфин, и ящерица, и жених для матушки России.

В британской и американской литературе образ Путина, в частности, появляется в «Бранденбурге/*Brandenburg*» британского журналиста Генри Портера (2006) как *человек КГБ*; с него списывал образ *президента Сергея Платонова* Чарльз Камминг в своём романе «Троица Шесть/*The Trinity Six*» (2011). В «Верховный Главнокомандующий/*Command Authority*» (2013) Тома Клэнси и Марка Грени Россия вновь приобретает статус злодея номер один, когда президентом становится бывший сотрудник КГБ Валерий *Володин*, намеренный восстановить контроль над государствами, ранее бывшими частью советской империи.

Некоторые авторы пишут о существовании «путинианского» течения в литературе.

СМИ (особенно западные) тоже часто эксплуатируют образ Путина; на обложках журналов он встречается (и) в карикатурном образе сотрудника КГБ, моряка, царя, силача, вампира, уголовника, танкиста, фигуриста, Джокера, Снегурочки, генсека Брежнева, Ленина, гангстера, Гитлера, дзюдоиста, *всемогущего властелина закулисья*. Популярность Путина западные наблюдатели определяют, как *социологический феномен*.

Хотя риторика российского и западного медиасообщества в отношении российского лидера и секрета его популярности среди граждан России со времён начала 2000-х годов претерпела разительные перемены, медийный образ главы российского государства и взаимосвязи личности российского президента с имиджем государства передаются в СМИ устойчивыми словесными комплексами *феномен Путина, режим Путина, мир Путина, бывший агент КГБ*, неологизмами *путиномания, путинизм, путинианство*.

Благодаря исследованию онимов в национальных картинах мира, имени собственного *Владимир*, в частности, можно проследить процесс формирования образов в коллективном сознании и мировосприятия нации в целом. Имя собственное *Владимир* в составе устойчивых словесных комплексов и фразеологизмов реализуют комплекс коннотаций, что влияет на характер выполняемых онимом функций.

Для имени *Владимир* в русской картине мира главной является *экспрессивная* функция, которая доминирует над коммуникативной, апеллятивной и дейктической. Это *имя-символ*, и символичность связана с российской историей. Степень экспрессивности имени *Владимир* зависит, в частности, от его *аксиологической ценности*. Актуализация экспрессивной функции компонентами-онимами в УСК и ФЕ способствует деавтоматизации восприятия информации, эмоциональной характеристике предмета/явления, выражению субъективной оценки, которая, как правило, всегда бывает разной.

Список использованной литературы:

1. Безрукова Л. Г. «Говорящие имена» собственные в немецком художественном тексте и их передача на русский язык // Вестник МГЛУ. – 2009. – № 561. – С. 20-30.
2. Виноградов В. С. Введение в переводоведение. Общие и лексические вопросы. – М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
3. Великое имя Владимир, <https://www.liveinternet.ru/users/4991716>
4. Любимов, Ю.П. Рассказы старого трепача : Сборник. Москва, Живая жизнь. – Москва: Московский рабочий, 1988. – С. 264-268.
5. Постовалова, В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека Текст. / В. И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М., Наука, 1988. –С. 8-69.
6. Ищенко, А.С., Владимир Мономах в русском общественно-историческом сознании: мифологический образ и историческая реальность, 2013, автореферат диссертации, <https://www.dissercat.com/content/vladimir-monomakh-v-russkom-obshchestvenno-istoricheskom-soznanii-mifologicheskii-obraz-i-is>
7. Ищенко, А.С., «Владимир Мономах в Повести временных лет: к вопросу о семантике летописного образа», *Палеороссия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях*, 2016, вып.6. – С. 332-352.
8. Хигир А. Энциклопедия имён. Имя, характер, судьба. – М.: Эксмо, 2006.
9. Успенский Л.В. Слово о словах. Ты и твоё имя. – М.: Детская литература, 1972.
10. Ionescu, Christian, Mică enciclopedie onomastică. Chişinău: ed., „Ştiinţa”, Publicaţie reprint după ediţia Editurii Enciclopedice Române, Bucureşti, 1975.

Годуйко Людмила Алексеевна (L. A. Goduiko), кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и русского языкознания Брестского государственного университета (*Брест, Беларусь*) (*Brest, Belarus*); god_lusi@mail.ru

УДК 81'367.622.12=133.1(045):811.161.3

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ АНИМАЦИОННЫХ ФИЛЬМОВ КАК СЛОЖНЫЙ ФЕНОМЕН: НОМИНАТИВНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация: на материале имен собственных анимационных фильмов подтверждается, что онимы – это многогранный, сложный феномен. Как языковые единицы кинономинации демонстрируют комплекс тематических мотивов, гетерогенность номинативных стратегий и тактик, способов и средств их реализации.

Ключевые слова: фильмоним; мотив, стратегия, тактика номинации; структура, тип языковой единицы, способ деривации.

PROPER NAMES OF ANIMATED FILMS AS A COMPLEX PHENOMENON: NOMINATIVE ASPECT

Abstract: based on the material of proper names of animated films, it is confirmed that onyms are a multifaceted, complex phenomenon. As linguistic units, film nominations demonstrate a complex of thematic motives, heterogeneity of nominative strategies and tactics, ways and means of their implementation.

Keywords: filmonym; motive, strategy, tactics of nomination; structure, type of linguistic unit, method of derivation.

Современный социум переживает непростые времена. В нем много противоречий, непонимания, неумения находить общий язык. Но строить поликультурный разговор надо... И помогают в этом вербальные и/или невербальные произведения искусства (ПИ), искусство как образное осмысление действительности. Одним из его видов является мультипликация, по образному определению В. И. Тарасова, «эсперанто всего человечества». Во-первых, это источник информации

(особенно для подрастающего поколения). И конечно же, ...эмоций. А также источник идей, мыслей, ...удовольствия, наслаждения. И средство лечения душевных ран, изживания комплексов. Т. е. анимация в наш напряженный век – еще и замена психоаналитика» [1, с. 105].

Знакомство с анимационным фильмом (АФ) начинается с названия. Для имен собственных (ИС) фильмов вслед Ю. Н. Подымовой используют термин «**фильмоним**». Киноназвание, как и заголовок иного текста (в широком семиотическом смысле), выполняет ряд функций: номинативную и параллельно с ней идентифицирующую (прямо отражать содержание фильма); коммуникативную (выступать связующим звеном между АФ и его зрителем), информативную, включающую функции рекламную (привлечь внимание) и прагматическую (воздействовать) [2, с. 9–11]; прогностическую (делать проекцию АФ, чему способствуют интра- и экстралингвистические факторы: лексическая семантика ИС, учет реакций целевой аудитории, способность вызывать у нее ассоциации, эмоции, побуждать к творческому мышлению); эстетическую (ПИ – художественное освоение мира [3, с. 7–8], предмет особого, эстетического восприятия); мемориальную и нек. др. Такая полифункциональность, с одной стороны, объясняется множеством требований (и имядателя, и зрителя) к киноназваниям; с другой, порождает разнообразие фильмонимов как знаков языка и культуры.

Материалом исследования выступили более 220 ИС мультфильмов (созданных, в первую очередь, на киностудии «Беларусьфильм») [4; 5; 6; 7].

Фильмонимы в номинативном аспекте объективируют комплекс **тематических мотивов**, основные из которых: 1) «герой»: «Дзед», «Котенок Филя и...», «Белоснежка и Алоцветик» (по сказке братьев Гримм) и др.; 2) «место»: «Волшебство в детском саду», «Ночь в театре» и др.; 3) «время»: «Как-то раз под Новый год...» и др.; 4) «тема»/«идея» (последняя нередко формулируется метафорически, символически): «Азбука опасностей», «Приключения реактивного поросенка. Как играть в книгу», «Просветленная ночь» (к человеку, не реализовавшему себя, не устоявшему перед испытаниями жизни и променявшему реальные ценности на ложные, приходит осознание этого), «Сквозь серый камень» (герой АФ, революционер-изобретатель Кибальчич, одержим идеей создания реактивного двигателя и даже в Петропавловской крепости продолжает свой кропотливый труд... Прогулка перед казнью, пустая камера. А душа Кибальчича вырывается «сквозь серый камень», заполняя ракетой весь экран) и др.; 5) «деталь»: «Золотые подковы» (эти подковы – и награда императорскому коню за спасение хозяина, и повод для зависти обитающего на конюшне жука-навозника); «Дверь» (в полу-разалившемся доме люди из-за сломанной двери живут своей странной, но привычной жизнью: чтобы попасть в квартиру или выбраться из нее, кто-то прыгает из окна, кто-то ползет по трубе... Однажды маленький мальчик смазал дверь, она стала открываться, и можно по лестнице попасть домой. Но привычка – вторая натура... [8]); 6) «жанр» (и вербальных, и невербальных текстов): «Притча о Гассане», «Святочные рассказы» (по стихотворению Саши Черного), «Нянюшкины сказки», «Баллада о трех апельсинах», «Выцінанка-выразанка» / «Бумажные узоры» (АФ снят в стилистике народного декоративного искусства вырезания ажурных узоров из белой/цветной бумаги) и др. Целую серию составляют «музыкальные» ИС, задающие определенный

настрой, помогающие понять авторский замысел: «*Рондо-каприччиозо*», «*Прелюдия и fuga*» и др. Вот что говорит режиссер-аниматор И. Волчек, получивший когда-то совет соединить кино с музыкой: «Что такое “музыкальные фильмы”, мастера мне не объяснили, и я пытался искать сам в этом направлении, чтобы их не разочаровывать. Стал давать фильмам музыкальные названия: “*Каприччио*”, “*Кончерто грассо*”, ... “*Пастораль*” и т. д. А потом выяснилось, что это был не совсем формальный подход и где-то на уровне подсознания такая форма соединялась с содержанием. Особенно я это почувствовал на “*Скерцо*”» [8].

Многие номинации мультфильмов объективируют сразу несколько тематических мотивов: «*Город мастеров*», «*Песенка для канарейки*» и др.

Для декодирования фильмонимов, погружение в называемые ими ПИ представляют интерес **номинативные стратегии**, ведущими из которых являются «информирование» и «определение, формирование и удержание целевой аудитории». Каждой стратегии свойствен особый **набор номинативных тактик** (НТ).

Первая стратегия нацелена на передачу важной информации об АФ и реализуется в тактиках «прямое называние», «называние-посвящение», «характеризующее называние» и «условно-символическое называние».

1) НТ «прямое называние» актуализирует в ИС героя, предмет, деталь, место, событие/действие, время, тему, жанр.

Главным героем кинотекста часто является человек, обозначенный по роду занятий, социальным отношениям, внешним признакам, действию: «*Никита*» (по мотивам рассказа А. Платонова), «*Сказки-небылицы деда Егора*», «*Мальчик и лучик*», «*Незнайка-поэт*», «*Непоседа*», «*Уцякач*» и др. В АФ создаются (и в названиях это объективирует онимная и апеллятивная лексика) образы животных, растений, вымышленных, сверхъестественных существ: «*Про вола*», «*Димка и Тимка*» (о дружбе медвежонка и котенка, живущих в одном доме), «*Пинчер Боб и семь колокольчиков*», «*Рыбка по имени Нельзя*» (золотистый карасик познает мир и поэтому часто задает вопрос: почему *нельзя* это делать?), «*Диди*» (фантастический персонаж появился на свет из семечка, найденного случайно в лесу компанией зверят; с ними Диди и делает свои первые открытия), «*Цмок*» и др.

Кинономинация может называть предмет, фактически являющийся одним из героев АФ: «*Игрушка*» (плюшевый заяц рассказывает об испытаниях, которые выпадают на долю его маленького хозяина во время войны), «*Боевая машина*» (произведение основано на реальных событиях и повествует, как в 1941 г. молодой танкист пробирается в оккупированный Минск к своей девушке), «*Сказки старого пианино*» (анимационный и образовательный проект более чем из десяти ПИ) и др.

Актуализация в названии (в самом кинотексте) некой детали, выразительной подробности позволяет раскрыть авторский замысел, создать емкий художественный образ, многое рассказать о персонаже, событии: «*Дудка-веселушка*» (по мотивам белорусских народных песен. В АФ селяне сначала не понимали увлечения одного из них музыкой, но она помогла и дружбе, и работе, сделала их жизнь *веселей*) и др.

Для указания на место событий кинотекста востребованы локативы в его заглавной позиции: «*Яма, танцы, четыре струны*» (скрипач после свадьбы возвращался темным лесом домой – и провалился в яму... Чтобы было не так страшно, начинает играть, а неожиданными любителями музыки оказываются медведь и крот, «*Тихое болото*» (медведю, живущему рядом с заповедным водоемом, стали мешать обитатели последнего: ночью лягушки спать не дают, днем комары донимают. И медведь осушил болото, превратил в пустыню – но не в радость наступившая тишина) и др.

К действию в АФ отсылают (с помощью глагольных форм, отглагольных дериватов) номинации «*Ковбойские игры*», «*Полет в страну чудовищ*», «*Кроки*», «*Как лягушка научилась квакать...*» и др.

Время объективируют языковые единицы (в т. ч. устойчивые) с темпоральным значением: «*Как-то раз под Новый год...*», «*Заўсёды*» и др.

Тема, вынесенная в заголовок мультфильма, вербализует жизненное явление – предмет художественного рассмотрения, раскрывает смысл ПИ: «*Про любовь*», «*Беларускія прымаўкі*», «*Последний шаг*» и др.

2) Эффективным средством воплотить НТ «название-посвящение», закрепить в заголовке кинотекста ИС память о важном, ценностном, выразить уважение, почитание выступают онимы, в частности, ИС достойных представителей культуры, исторических личностей: в рамках проекта «*Сказки старого пианино*» – мультфильмы «*Джордж Гершвин*», «*Штраус*», «*Роберт Шуман. Письма*», «*И. С. Бах*», «*Джоакино Россини. Записки гурмана*», «*Клод Дебюсси. Шу-Шу*» (жизнь и музыка Дебюсси показана глазами его маленькой дочери, которую прозвали Шу-Шу, а ее куклы выступили рассказчиками, наставниками), «*Чайковский. Элегия*» и т. д.; «*Магистр вольных наук Франциск Скорина*» и др.

3) НТ «характеризующее название» позволяет акцентировать важные стороны АФ, его образной системы: «*Приключения реактивного поросенка. Приключение четвертое. Как переждать непогоду*», «*Лагодны воўк*» (режиссер Н. Масло подчеркивает: «Это мультфильм о добре. В нем люди помогают волку, который вовсе не злой и не страшный» [9]) и др. Репрезентируют тактику прилагательные, оценочные существительные, сравнения: «*Сказка о веселом клоуне*», «*Последняя охота*», «*Моя мама волшебница*», «*Мальчик с пальчик*» (орфография номинаторов АФ) и др.

4) НТ «условно-символическое название» транслирует связь между фильмом и его заголовком косвенно, по смежности или по сходству: «*Бумажная сказка*», «*Класікі і шахматы*» (основанное на реальных событиях, ПИ посвящено 140-летию классиков белорусской литературы Янки Купалы и Якуба Коласа. Известно, что при встречах они любили играть в шахматы. АФ показывает своеобразный поединок, где каждый ход – это чтение поэтом фрагмента своего произведения. Видеосюжет О. Матяса о премьере фильма заканчивается эмоциональной дешифровкой его названия: «“Класікі...” – шах и мат. Купала и Колас – гроссмейстеры» [10]) и др. Метонимия/метафора в основе ИС может подвергаться символизации, становясь сложной, порождающей разные значения, ассоциация: «*Сновидения поздней осени*» (об одиноком старике) и др.

Стратегию определения, формирования и удержания целевой аудитории воплощают следующие тактики: 1) НТ «называние адресата»: «*Детский альбом*», «*Непоседа*» (на примере маленького крота, впервые попавшего в лес и делающего все невпопад, АФ учит зрителей – таких же *непосед* – слушаться старших) и др.; 2) НТ «апелляция к ценностям адресата», которая пронизывает ряд фильмонимов, наслаиваясь на иные тактики: «*Иван да Марья. Про любовь*», «*Старинная повесть о жизни и смерти и любви и прочих чудесах*» и др.; 3) НТ «создание мы-эффекта», реализуемая, в частности, через имитацию живой, диалогичной коммуникации: «*Осторожно! Караси!*», «*Ты меня не бойся*», «*Не шуршать!*», «*Капец конического всадника*» (разговорно-жаргонное *капец* отсылает ко взрослой аудитории: АФ входит в альманах «*Лабиринт 1*» (1990) и относится, наряду с остальными новеллами, к своеобразной анимационной публицистике, воплощая реакции художников на окружающую действительность) и др.; 4) «апелляция к фоновым знаниям», которая устанавливает, поддерживает рациональный, эмоциональный контакт с целевой аудиторией АФ и маркерами которой активно выступают прецедентные феномены (ПФ): «*Мюнхгаузен в России*», «*Взвейтесь, соколы, орлами (фантазии Сидорова)*» (в заголовок первая строчка русской народной солдатской строевой песни вынесена не случайно: рядовой Сидоров витает в мечтах, и одна из них – на крыльях подняться, *взвиться* в небо) и др.

В целом в роли ИС фильмов, других артионимов ПФ весьма эффективны, т. к. регулярно возобновляются в речи, известны «среднему» представителю национально-лингвокультурного сообщества и не требует дополнительной расшифровки: «*Прыгажун і пачвара*» (ср. с известным библионимом «*Красавица и чудовище*»); АФ рассказывает очаровательную историю о маленьком лягушонке с большим сердцем Аполлоне и его подруге – чудовище Лохнеске), «*Please, call back later*» / «*Пожалуйста, перезвоните позже*», «*Да здравствует свобода!*» и др.

Адресантов и адресатов фильмонима объединяют и ФЕ (в широком понимании данного термина, включая речевые штампы, клише, формулы речевого этикета): «*С днем рождения*», «*Два взгляда на одно и то же*» и др.;

5) НТ «установка на языковую игру» (преимущественно на лексическом, фразеологическом уровнях): «*Мышка*» (главная героиня наивно полагает, что ее жизнь невероятно однообразна и скучна (ср. с ФЕ *серая мышка*). Однажды, когда мама-мышь уходит по делам, маленькая непоседа отправляется в путешествие – на других посмотреть да себя показать), «*Труба*» (в данной социальной сатире лежащая во дворе нового дома огромная труба не столько «наследство» от строителей, сколько диагноз их работе: сразу вспоминается ФЕ *дело – труба*. И в конце фильма остается открытым вопрос: «Трубу убрали. Но куда? Во двор взгляните: *не она видна из вашего окна?*»), «*Звезды седьмого неба*» (ИС демонстрирует буквализацию ФЕ *на седьмом небе* и игру с прямым и переносным значениями слова *звезда*: в мультфильме – *семь небес*, а на последнем небе, на настоящих *звездах*, живут феи; Монстр обволакивает всю землю и закрывает ее шестью небесами, на каждом из которых селит своих подчиненных, Разлюляя, Великарла, Баюшку, Наглюка, Сытуху и Страх, превращая их в *суперзвезд*) и др.

Отмечена языковая игра и с ПФ: «*Тошка и его друзья. Есть контакт!*» (фраза, которую используют электрики после устранения неполадок, отлично характеризует наладившееся общение с незнакомцем с другой планеты: сначала

беседа не клеится, но искреннее желание помочь новому другу, а также спорт как универсальный язык помогают наладить межличностный контакт), «Сказки старого пианино. Сергей Прокофьев. *Четвертый апельсин*» (ср. с названием известной оперы композитора «Три апельсина»), «Сон в зимнюю ночь» (ИС перекликается с названием комедии В. Шекспира «Сон в летнюю ночь») и др.

Фильмонимы неоднородны в структурно-деривационном отношении. По количеству знаменательных компонентов номинации АФ распадаются на одно- и многокомпонентные.

Первые по типу языковой единицы представляют собой: 1) ИС-лексемы (имена в именительном падеже; с другой стороны, подобные кинозаголовки можно рассматривать и как невосклицательные повествовательные односоставные номинативные предложения): «Сороконожка», «Волчишко», «Куб» и др.; 2) ИС-предложения (разных типов): «Не шушать», «Про тигренка», «Кто?» (в неполных синтаксических конструкциях актуализированы члены предложения, важные для понимания смысла ИС, всего фильма) и др. Способы образования подобных названий – онимизация (чаще метонимическая либо метафорическая) и трансонимизация: «Птаха», «Клетка» (хомяк нашел в озере надежную клетку и гуляет в ней по лесу. Стал неуязвим для лисы да еще хомячиху с сусликом защищать начал... Вскоре все звери забрались в индивидуальные клетки. Однажды хомяк увидел свободного комара и задумался: зачем ему клетка, если все за прутьями... Таким образом, клетка становится метафорой выбора образа жизни), «Нестерка», «Покатигорошек» (оба АФ «оживляют» народные сказки) и др.

Многокомпонентные фильмонимы репрезентированы: 1) ИС на базе составных онимов разных разрядов (способ деривации – трансонимизация): «Белый клык» (по повести Дж. Лондона), «Очень старый человек с огромными крыльями» (по мотивам рассказа Г. Маркеса) и др.; 2) ИС – устойчивыми единицами (онимизация): «Горе луковое» (на значение ФЕ 'шутл. о незадачливом, нерасторопном человеке, нередко о ребенке, который по шалости или случайно что-то натворил' накладывается прямое значение прилагательного: юный герой АФ проводит время не за книжками-учебниками, а возле компьютера – потому и горе, потому и расстраивается дед-лук) и др.; 3) ИС-словосочетаниями (лексико-синтаксический способ) разных частеречных моделей, с разным видами подчинительной связи и синтаксических отношений: «Беларускія прымаўкі», «Золотой листок», «Необычный детский сад», «Прыгоды Несцеркі», «Родственник льва», «Девочка со спичками», «263 ночи» (по мотивам одноименного литературного произведения Б. Герстена. Это история о 26 евреях, которые, пытаясь выжить в тяжелые годы оккупации Минска и создания гетто, спрятались в подвале, где их ждала темнота и неизвестность... Вновь увидели дневной свет лишь 13 из них) и др.; 4) ИС-предложениями (лексико-синтаксический способ): «Жило-было дерево», «Сказка о веселом клоуне» (квалификация последнего примера с синтаксической точки зрения не однозначна: его можно рассматривать и как сложное словосочетание с атрибутивными отношениями, и как неполное, из-за пропуска сказуемого, предложение с атрибутивными и объектными отношениями: *о клоуне* – дополнение) и др. В качестве фильмонимов задействованы простые и сложные предложения, а также сочетания нескольких предложений.

ИС – простые предложения представляют собой конструкции дву- и одноставные, полные и неполные (актуализирующие действие, место, время, объект и т. д.): «Жила-была последняя мушка», «Он прилетал лишь однажды» (о пришельце из далеких миров), «Не боюсь тебя, мороз», «Однажды осенний фотограф...», «Вам старт», «На заре во дворе», «Про кота, Васю и охотничью катавасию» (АФ также демонстрирует фонетическую игру, базирующуюся на созвучии, рифмовке), «Про дружбу, Шарика и летающую тарелку» и др.

В сложных предложениях, предикативные части которых связаны бессоюзием или сочинением, перечисляются смысловые доминанты кинотекста: «Яма, танцы, четыре струны», «Дед и журавль», «Светлячок и росинка» и др. Сложноподчиненные предложения в качестве ИС представлены в неполном виде, без главной части (достаточно стандартизированной – что-то вроде «Сказка/повествование... о том...») – и потому не очень важной; более того, неполные конструкции в качестве АФ не громоздки, но информативно емки) либо с неполной главной частью (в ней актуализировано определяемое существительное): «Как дед за дождем ходил», «Как медведь друга искал», «Про рыцаря, который ничего не боялся» и др.

В фильмонимах, сочетающих в себе нескольких предложений, отношения между последними можно квалифицировать как родо-видовые, как уточняющие (по-разному) вынесенную в сильную позицию кинотекста информацию – название цикла АФ и одного из них; фамилия автора и ИС его произведение / героя произведения: «Optimus Mundus 15. Золотой листок», «Сказки старого пианино. Чайковский. Элегия», «Данте. Беатриче», «Иван да Марья. Про любовь» и др.

Таким образом, названия анимационных фильмов, созданных белорусскими художниками, еще раз подтверждают, что они – это «сплав» языка и культуры. Фильмонимы как языковые единицы демонстрируют комплекс тематических мотивов, гетерогенность номинативных стратегий и тактик, способов и средств их объективации. Имядатели художественных произведений реализуют широкий спектр номинативных потенциалов русского и белорусского языков, объединяют в данной онимической подсистеме имена прямые (описательные) и вторичные (что порождает новые значения, смыслы, в т.ч. культурные, ценностные); имена информирующие и оценивающие, ориентированные на языковую игру, побуждающие зрителя к декодированию фильмонима. Подобная «полифония» киноназваний обусловлена разными интенциями их создателей, отражает профессиональный и личностный опыт, языковой вкус каждого из них; учитывает особенности целевой аудитории, ее запросы, предполагаемые реакции, а в целом – отражает многообразие путей достижения поставленной цели в конкретной номинативной ситуации.

Список использованной литературы:

1. Тарасов, В. И. Мультипликация – это эсперанто всего человечества, искусство поколения «NEXT» / В. И. Тарасов // Художественное образование и современные художественные практики. – 2015. – С. 104–108.
2. Подымова, Ю. Н. Названия фильмов в структурно-семантическом и функционально-прагматическом аспектах : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ю. Н. Подымова. – Майкоп, 2006. – 25 с.
3. Бурмистрова, Е. А. Названия произведений искусства как объект ономастики : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. А. Бурмистрова. – Волгоград, 2006. – 20 с.

4. Республиканское унитарное предприятие «Национальная киностудия “Беларусьфильм”» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belarusfilm.by>. – Дата доступа: 20.11.2022.
5. Кино-Театр.РУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kino-teatr.ru/>. – Дата доступа: 30.10.2022.
6. Мой Иви. Мультфильмы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ivy.ru/animation>. – Дата доступа: 30.10.2022.
7. Мультфильмы. Беларусь [Электронный ресурс] // Кинопоиск. – Режим доступа: <https://www.kinopoisk.ru/lists/movies/genre--animation/country--69/?b=films-&>
8. Пепеляев, В. Режиссер-аниматор Игорь Волчек о массовом и элитарном искусстве [Электронный ресурс] / В. Пепеляев // СВ. Беларусь сегодня. – 18.12.2021. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/vsyu-zhizn-v-poiske.html>. – Дата доступа: 01.12.2022.
9. «Беларусьфильм» выпустит мультфильм по современной белорусской сказке [Электронный ресурс] // Звезда. – 13.0.2018. – Режим доступа: <https://zviazda.by /ru/news/ 20180813/1534166679-belarusfilm-vypustit-multfilm-po-sovremennoy-belorusskoj-skazke>. – Дата доступа: 01.12.2022.
10. Правила игры [Электронный ресурс] // Общенациональное телевидение. – Режим доступа: <https://ont.by/news/premera-animacionnoj-kartiny-klasiki-i-shahmaty-sostoyalas-v-stolbcah-multfilm-povestvuet-o-vstreche-kupaly-i-kolasa>. – Дата доступа: 01.12.2022.

Игнатьюк Татьяна Николаевна (Ignatyuk T.N.), старший преподаватель Брестского государственного технического университета (Брест, Республика Беларусь) (*Brest, Republic of Belarus*); tignatyuk@mail.ru

УДК 81'373.2

КАРТИНА МИРА В ЛЕКСИКЕ ПОСЛОВИЦ СБОРНИКА И.ИЛЛЮСТРОВА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ НА ОСОБЕННОСТЯХ ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА ПАРЕМИЙ

Аннотация: в статье рассматриваются тексты пословиц и поговорок, зафиксированные в "Сборнике российских пословиц и поговорок" И.Иллюстрова – из

дании 1903 года, которое в наши дни можно считать библиографической редкостью. Особое внимание уделяется лексике, представляющей человека в мире материальной культуры, в том числе устаревшей, а также выражающей ценностные приоритеты языковой личности. Проводится исследование особенностей лексического состава пословиц и поговорок сборника; типологии устаревшей лексики. Утверждается, что на основе анализа семантики лексического состава пословичных текстов можно сделать выводы о социальном статусе авторов пословиц, об отношениях русского человека и государства в предшествующие периоды, о характере трудовой деятельности и т.д.

Ключевые слова: паремия, картина мира, устаревшая лексика, историзмы, архаизмы.

THE PICTURE OF THE WORLD IN THE VOCABULARY OF PROVERBS OF THE COLLECTION BY I.ILLUSTROV AND ITS REFLECTION ON THE FEATURES OF THE LEXICAL COMPOSITION OF PAROEMIAS

Abstract: the article examines the texts of proverbs and sayings recorded in the "Collection of Russian Proverbs and Sayings" by I.Illustrov – a 1903 edition, which today can be considered a bibliographic rarity. Particular attention is paid to the vocabulary representing a person in the world of material culture, including outdated, as well as expressing the value priorities of a linguistic personality. The features of the lexical composition of proverbs and sayings of the collection and the typology of outdated vocabulary are investigated. It is argued that based on the analysis of the semantics of the lexical composition of proverbial texts, conclusions can be drawn about the social status of the authors of proverbs, about the relations of the Russian person and the state in previous periods, about the nature of work, etc.

Keywords: proverb, picture of the world, outdated vocabulary, historicisms, archaisms.

Пословицы, собранные И. Иллюстровым, – это воплощение многовекового опыта народа, его мудрости, его воззрений на различные стороны общественной жизни, права и быта. Материал, изданный И.Иллюстровым, ценен во многих отношениях. Составитель сборника выделяет в его содержании 15 тематических рубрик: о царе, чиновниках, о сословиях, о браке, семье, родне, о праве собственности и т.д.

Картина мира, представленная в пословицах, поражает своей всеохватностью: пословицы касаются всех областей человеческого бытия.

Следует ожидать, что в пословицах сборника представлена не современная составителю языковая картина мира россиянина, а более древняя, отдаленная от времени появления сборника, возможно, не одним веком. Ибо пословица – это изречение, прошедшее проверку временем, ставшее заветом, обретшее для потомков статус народной мудрости. Иллюстров пишет, что он – в числе других источников – использовал сборник 1769 года. Тем самым он подчёркивает древность материала, включённого в сборник, даже для его времени. От наших дней это издание отделено ещё сотней лет. Естественно, лексический состав паремий можно соотносить с языковой картиной наших предков, так как он существенно отдален от современности.

“Каждый язык в своей грамматической и лексической структуре влачит обрывки и клочья мировоззрений прошлого” – справедливо замечает В. Абаев. Вследствие отнесённости исследуемых паремийных текстов на 100-200 лет назад, в них тоже сохранились лексические богатства, ныне неизвестные, по разным причинам ушедшие из языка в пассивный его запас или даже совсем утраченные.

В наши дни вопрос об устаревшей лексике не вызывает у лингвистов противоречивых мнений. Устаревшие слова – слова, вышедшие из активного употребления, но сохранившиеся в пассивном словаре и в большинстве своем понятные носителям языка. В современной лексикологии существует стройная и научно обоснованная типология устаревшей лексики. Первым из лексикологов её разработал и опубликовал Н. И. Шанский. Он классифицировал устаревшие слова по степени и характеру архаизации, разграничил их в зависимости от причин ухода в пассивный запас; выделил три основных функции языковой архаики в художественной речи, разграничил архаизмы и историзмы стилистического употребления и архаизмы и историзмы времени [10, 27-33.]

Классификация устаревшей лексики у Н.И.Шанского, в первую очередь, базируется на принципе разграничения формы выражения и характера содержания слова. Именно этот фундаментальный принцип лёг в основу выделения архаизмов и историзмов, а затем предопределил выделение различных типов архаизмов в зависимости от устаревания семантики, звуковой оболочки, морфемного состава или грамматической формы слова.

В грамматическом плане устаревшая лексика пословиц разнообразна. Можно отметить преобладание в этих текстах архаичных существительных: *бердо, боярин, воевода, государь, дьяк, дышло, тягло, камка, кросна, кутейник, приказный, холоп, царь, ярыжка* и мн. др. *Царь щедр – отец есть всем* (69); *Воевода хоть не стоит лыка, а ставь его велико* (81); *Один Бог, один государь* (69); *За ярыжкою брань не пропадёт* (87); *Приказный – безотвязный: стоит над тобой как черт над душой* (86).

Реже отмечены глаголы: *баять, гонобить (старается), разгоревать, поводить, сряжаться, сягать, тужить, чваниться* и др.

Муж гонобит как бы хлеба добыть, а жена гонобит, как бы мужа избыть (147); *Царский глаз далече сягает* (71); *Милует бог, а жалует царь* (71);

Зафиксированы и другие части речи. Так, в пословичных текстах выделяются такие прилагательные, как *благонравна, богоданная, выморочное, вольный, кабальный, опойчата, оплошный, обжорный* (такой, где можно поесть), *постылое, поганая, праведный* (справедливый), *приказная, примацкая, утлая, худой* (плохой), *цеслявый*. *Судья праведный – ограда каменная* (83); *Не бранись с судьёю, приказной избою, а с третьей - тюрьмою.*(83); *Поп ждёт покойника богатого, а судья – тягуна тароватого.*(84); *Худая слава пройдёт, никто замуж не возьмёт* (130); *Постылое тягло на мир полегло.*(99).

Отмечены и наречия: *воложно (жирно), далече, даром (зря), оплошно, потуда, пуце, супротив, сяжно (любо, приятно), убого,* и др. *Зажить бы паном – всё придёт даром* (91); *Солоно воложно – за то жену не бить, а хлеба не станет, - мужа не бранить* (147); *Где кому сяжно взять, он тут и возьмёт* (136).

В зависимости от степени устарелости в лексиконе паремий выделяются:

а) слова, значение которых непонятно носителям современного языка без соответствующих лексикографических справок;

б) слова, понятные носителям языка, но находящиеся в составе пассивного словаря и употребляющиеся с определенными, прежде всего стилистическими, целями.

К первому типу устарелых слов в сборнике можно отнести такие лексемы, как *подружье* (супруг), *послух* (свидетель, который что-то слышал), *жуколица* (жу-желица), *ченци* (монахи), *коломарь* (чернильница), *брашно* (пища), *ярь* (яровое), *уповодки* (рабочее время), *кутейник* (церковный служитель, готовящий кутью на поминки; *тать* (вор), *колышка* (комок навоза), *обжа* (постромка у сохи) и др.

С подружьем и горе пополам разгорюешь.(150); *Не будет пахоатника, не станет и бархатника.*(241); *Медной посуды – крест да пуговица, рогатой скотины – таракан да жуколица.*(274); *Рыбки да рябки – потерять уповодки.*(262); *Какова пашня, таково и брашно.*(245); *Озимь – не ярь, парь да парь, запаришь, двои, соберёшь труды свои.*(245).

Ко второму типу иллюстрацией из сборника могут служить лексемы *царь*, *городовой*, *боярин*, *будочник*, *бурлак*, *подьячий*, *рекрутство*, *оброк*, *кросна* и многие другие. Некоторые из таких слов ушли из литературного языка, но известны в диалектах: *бобылка*, *деверь*, *золовка*, *свояк*, *сноха*, *сродник*, *старик*, *старец* (нищий), *шурин*, *голь* (беднота), *калика*, *лекарка*, *лекарь*, *ткач*, *шорник*, *ящик*, *бердо*, *гуж*, *дышло* и др. *Голь мудра, голь хитра, голь на выдумки пошла* (294); *Надсадно бурлаку, надсадно и лямке* (266); *Шорник – полковник, портной – майор, а сапожник грязь – так князь, а сухо – пали его в ухо* (266).

В зависимости от причин архаизации в лексиконе паремий можно выделить историзмы и архаизмы. В пословицах анализируемого сборника есть оба типа устарелых слов. К первому можно отнести такие лексемы, как *жуколица* (жу-желица), *чернеци* (монахи), *коломарь* (чернильница), *брашно* (пища), *ярь* (яровое), *уповодки* (рабочее время) и др. Ко второму типу иллюстрацией из сборника могут служить лексемы *царь*, *подьячий*, *рекрутство*, *оброк*, *деверь*, *шурин*, *пряслица*, *кросна* и многие другие.

То обстоятельство, что большая часть пословиц сборника Иллюстрова отражает древнюю языковую картину мира, что их прямой смысл во многом устарел, обуславливает в лексике наличие большого числа историзмов.

В текстовом материале исследуемых пословиц выявление историзмов требует специального подхода. Сборник И.Иллюстрова содержит ряд обозначений, отражающих социальное устройство России XIX века, т.е. общества, современного автору. Однако с точки зрения современности многие номинации, сохранившиеся в пословицах, устарели, стали историзмами. Поэтому многие лексемы были уже историзмами для времени И.Иллюстрова. Следовательно, историзмы являются преобладающим типом устарелых слов в пословицах. При этом необходимо различать два их пласта. Условно их можно разделить на 1) историзмы нашей эпохи и 2) историзмы "эпохи автора".

К первой группе отнесем слова, которые воспринимаются как устаревшие лишь для современного читателя, а для автора они были принадлежностью активного словарного запаса (*царь*, *боярин*, *вотчина*, *бурлак* *городовой*, *становой*,

писарь, дворянство, дядька, подьячий, рекрутчина, холоп и подобные). Анализ данных лексикографических справочников подтверждает это суждение.

Например, *бурлак* – бездомный, бессемейный человек, нанимающийся на сезонные работы; бродяга. Впервые в пословичных текстах эта лексема встречается в 1670 году [Барх., I, 356], однако на рубеже XIX-XX веков она еще была известна в значении "работник артели, который вместе с другими тянул бечевою суда против течения" [Рог., 76]. Лексема *городовой* в царской России называла низший чин городской полиции [Ож., 141], она стала принадлежностью пассивного запаса после революции 1917 года. Лексема *писарь* – должностное лицо, занимающееся перепиской и составлением канцелярских бумаг [Ож., 518] – впервые употребляется с 1499 года [Барх., XV, 51], но в начале XX века была актуальной.

Некоторые слова ныне устаревшие, в начале XX века еще были актуальными не в основных, а в переносных значениях. Так, лексема *подьячий* – мелкий чиновник, канцелярский служащий [МАС., II, с. 232] – относится к древнерусскому периоду, в памятниках отмечена с XIV в. (Она производна от *подьякъ* – помощник дьякона, является переоформлением заимствования из греческого языка (возможно через старославянское посредство) [КЭС, 348]. Однако в начале XX века это слово еще сохраняло значение "мелкий канцелярский чиновник, выполняющий частные поручения" [Рог., 382].

То же можно сказать о лексеме *холоп*, называющей в древней Руси лицо, находящееся в зависимости, по форме близкой к рабству; крепостной слуга [МАС., IV, 617]. Во время Иллюстрова она уже не называла крепостного, но как обозначение зависимости, близкой к рабству, еще сохранялась. Аналогично квалифицируем слово *ярыжка* – низший служащий полиции; пьяница, беспутный человек [Даль, IV, с. 679]. Эта собственно русская лексема появилась в XVI веке и имела сразу несколько значений: 1) представитель некоторых групп беднейшего населения России XVI-XVIII в., занимавшихся наёмным физическим трудом; 2) низший служащий в приказах XVI-XVIII в., исполнявший полицейские функции [МАС., IV, 785]. Последнее значение – «пьяница, беспутный человек», очевидно, развилось в народе из наблюдений над образом жизни ярыжек несколько позднее.

К историзмам такого рода можно отнести и слова *вотчина* – родовое имение крупного землевладельца, переходившее по наследству от отца к детям или ближайшим родственникам [Рог., с. 104]; *бархатник* – кто в шелка одевается, дворянин [Даль, I, 51]. Эта лексема представляет собой собственно русское образование, производное от заимствования бархат [КЭС, 37]. Эта лексема, однако, исчезла из языка лишь с исчезновением класса дворян.

Историзмы второго пласта были устаревшими и для И. Иллюстрова, так как называли понятия и реалии, ушедшие из общественной жизни. Например: *воевода, приказный, семибоярщина, однодворец, ярышка, послух* и др.

Так, слово *воевода* имело два значения: 1) воевода, начальник войска (с этим значением слово отмечено в 1380 г.); 2) управляющий городом или округом (с XVI по XVIII в.) [Барх., II, 261]. В XIX веке слово ушло из актуальной лексики. Устаревшей в начале XX века была и лексема *однодворец* – лицо из низшего разряда служилых людей, владевшее небольшим земельным участком без крестьян (1636 г., 1641 г.) [Барх., XII, 286]; Эта лексема относится к собственно русскому

образованию эпохи Московского государства. Олнодворцы – поселяне, считающие себя дворянами и владеющие людьми; из дворянских детей и служилых людей, поселены в XVII в. на Украине (границе), им даны некоторые права [Даль, II, с.653]. То же можно сказать о лексеме *дань*. В XIX веке уже не имеет значения "подать, взимаемая с подданных", а употребляется в значении: то, что следует воздать кому-либо; должное (*дань уважения*) [Рог., 136-137].

К этой группе могут быть отнесены и следующие слова. *Приказный* – служащий в приказе (государственное учреждение); мелкий чиновник [МАС., III, 413]. Лексема относится к суффиксальному собственно русскому образованию, которое производно от *приказ* – государственное учреждение – появившееся в XVI веке, и существовавшее до начала XVIII [Рог., 404-405; МАС., III, 412]. *Оброк* – номинация повинности при крепостном праве [Рог., 332]. Лексема *тягло* называла государственные повинности крестьян и посадских людей в русском государстве XV – начала XVIII века, а также при крепостном праве обозначала участок земли [Рог., 503]. *Дьяк* – это слово в русских письменных памятниках впервые упоминается, по материалам Словаря русского языка XI-XVII века, в Изборнике Святослава (1073) в значении "дьякон", т.е. помощник священника при совершении церковной службы. В этом же словаре приводятся и другие его значения "церковный чтец или певец" и "дьяк" в значении "письмоводитель" (с 1339 г). В этих трех значениях слово употреблялось примерно до XVI века. В дальнейшем, как отмечают исследователи, оно приобрело более высокое значение "должностное лицо в государственных учреждениях Древней Руси". В 1549 году в Москве был учрежден Посольский приказ, и дьяк стал заниматься в основном канцелярскими делами. Как отмечают исследователи, в то время дьяки относились к своим обязанностям с большой ответственностью. Это и подтверждается поговорками: *Быть делу так, как пометил дьяк* (85). В XVII веке их роль еще больше возросла, они руководили подьячими.

Слово это было в активном употреблении до конца XVII- начала XVIII века. При Петре I дьяки свои места уступили секретарям; "...термин дьяк перешел в пассивный словарь, и в результате на его месте появилось слово *секретарь*, активно употребляющееся и в современном русском литературном языке в разных значениях. [3, 132 – 135] .

Эти и другие историзмы могут, в свою очередь, разграничиваться по степени устарелости в зависимости от того, с картиной мира какого времени они соотносятся.

Мы разграничили историзмы в зависимости от степени их устарелости и выделили:

1) древнейшие историзмы, соотносимые с языковой картиной Древней Руси (*бояре, воевода* (в значении "*начальник войска*"), *тать, тягло, дань, терем, подружье, послух, холоп* и нек. др.). (Например, слова *верей* – столб, на который навешивается створка ворот [Барх., II, с.88]; *дань* – пошлина, побор любого вида [Барх., IV, с.170] авторы Словаря русского языка XI- XVII вв. относят к XII-XIII в.);

2) историзмы, представляющие языковую картину великорусской народности, эпохи Московского государства (*подьячий, дьяк, приказ, подать, тягло, барщина, семибоярщина, оброк, олдворец*) и некоторые др.

3) историзмы представляющие реалии России XIX века (*становой, псарь, городской, царь, писарь, барин, бурлак, дядька, подьячий, рекрутчина, холоп* и мн. др.

Необходимо заметить, что некоторые из этих слов не имеют четкой временной закреплённости и функционируют на разных исторических этапах. Например, слово *боярин* в Древней Руси называло феодала-землевладельца (отмечено с таким значением в 1344г.); а в русском государстве XV – XVII вв. – высший служебный чин, а также лицо, пожалованное этим чином. Однако так называли до революции родовитого дворянина, богатого барина [Рог., 69]. То же можно сказать о слове *терем*. Для составителя сборника пословиц оно было устаревшим, так как в древнерусском быту обозначало высокое, приподнятое жилище богатого человека. Как отмечает В.Г. Радунский, в памятниках письменности XV века высокий дом уже только сравнивался с теремом ("И обретет дом, акы *терем* высок"), следовательно, это слово было широко распространено в предшествующие, более ранние эпохи. Но и позже *теремом* в песенном фольклоре называют избу. Этим названием крестьянин стремился опозитизировать свое жильё, выражая мечту о самом лучшем и одновременно самом красивом доме" [7, 129]. Названия денег тоже отличаются давностью происхождения и длительностью функционирования. Так, слово *полушка* известно с XV века [Рог., 387], *алтын* – с начала XVIII века, *деньга (денга)* – с последней четверти XIV века [Рог., 144]. То же можно сказать и номинациях мер. Все они принадлежат к народной метрологии и являются старинными. Но они до сих пор используются в народной речи.

Второй тип устаревшей лексики – это архаизмы. *Архаизмы* – слова, называющие существующие реалии, но вытесненные по каким-либо причинам из активного употребления синонимичными лексическими единицами. Архаизмы тоже присутствуют в материале пословиц, например: *око* (глаз), *утлый* (ненадёжный), *гайтан* (шнурок для креста), *живот* (достаток; жизнь), *подружье* (супруга), *чахотка* (туберкулез), *чад* (угар), *старец* (старик), *утлый* (ненадёжный), *гайтан* (шнурок для креста), *зобня* (сума), *камочка* (тесьма) и другие.

В материале пословиц зафиксированы архаизмы разных типов: Выделяются два типа архаизмов. Первый – *лексические архаизмы*. К ним относятся:

а) слова, устаревшие целиком как определенные звуковые комплексы (*пестунья – няня, мизгирь – паук, подружье – супруг, супруга; тать – вор; челобитная – жалоба, мережа – невод, рель – виселица*):

С подружьем и горе пополам разгорюешь. (150);

Ладан на чертей, а тюрьма на татей. (358).

б) *лексико-словообразовательные архаизмы*, отличающиеся от синонимичного слова современного русского только словообразовательным элементом, чаще всего суффиксом (*сусек – засек; старец – старик, коврига – коврижка, рыбарь – рыбак, богачество – богатство, крупенья – крупеник, кокуй – кокошник, шкатула – шкатулка, варьга – варезка, сума – сумка*): *Вот тебе, девица, кокуй, с ним и кокуй.* (231); *По сусеку глядя, месяц квашиню.* (248).

в) *лексико-фонетические архаизмы*, отличающиеся от современных вариантов лишь несколькими звуками (*буки – буквы; град – город, зерцало – зеркало, жуколица – жужелица, нужда – нужда, одежа – одежда, норов – нрав, стуга – ступа, анбар – амбар*):

Что город, то нор; что деревня, то обрядня; что двор, то говор. (74).

г) лексико-грамматические архаизмы, отличающиеся от современных слов грамматическими характеристиками (*деньга – деньги*):

Солдату три деньга в день; куда хочешь, туда их и день (306).

Второй тип – семантические архаизмы – устаревшее значение существующих в активном словаре слов: *живот – жизнь, руда – кровь, мука – пытка, старец – нищий*:

Руду пустить – гвоздь в гроб вколотить (308).

Одним из архаизмов такого типа является лексема *живот*. В современном русском языке она принадлежит к соматической лексике, называет часть тела человека. Однако в истории русского языка древнейшим для названной лексемы было значение "жизнь, существование" (отмечена с таким значением в XI веке). Позже, начиная с XIII века, её семантическая структура обогатилась лексико-семантическими вариантами "период жизни", "животное", "имущество, нажитое" [СлДРЯ, III, 257-258]. В пословицах сборника это слово имеет значение "нажитое, собственность":

Животы у старца только плошка да ложка (274); *На думу животы не идут* (т.е думами денег не заработаешь) [И.И., 238].

К семантическим архаизмам следует отнести также слово *дядька*, которое в современной разговорной речи может иметь значение *дядя* или *мужчина*, а в пословицах выступает со значением "приставленный для ухода за ребенком" [Даль, I, 512].

Устаревшие слова различаются характером функционирования. Одни из них выступают как нейтральные номинации (*царь, воевода, боярин, батрак, приказный, подьячий* и др.). Другие имеют коннотативную окраску разговорности *ярыжка, крючкомворец, понаровицк, докащк, старья, сороковицы*.

Архаизмы обычно употребляются в художественном стиле только с определенными стилистическими целями: в исторических романах, повестях, для воссоздания реальной исторической обстановки и речи героев; в публицистической и художественной речи – для создания высокаторжественного стиля; для характеристики отрицательных явлений, как средство создания комического – иронии, сатиры, сарказма. Историзмы используются и как нейтральные слова – при необходимости назвать обозначавшиеся ими реалии.

В пословицах устаревшие слова выступают часто в обобщенном или переносном смысле, приобретая при этом стилистический оттенок шутовности, ироничности. Например: *Как лапотника не станет, так и бархатник не встанет* (241).

Анализ особенностей лексикона паремий убедительно показывает, что в этих текстах, автором которых является народ, отчетливо проявляются признаки коллективного творчества. На основе анализа семантики лексического состава пословичных текстов можно сделать выводы о социальном статусе авторов пословиц, об отношениях русского человека и государства в предшествующие периоды, о характере трудовой деятельности, о ремеслах, о семейном укладе, о быте, о характере питания, об одежде и т.д.

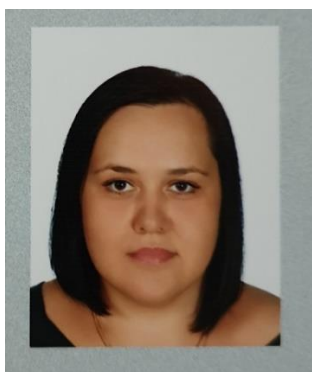
Лексикон паремий специфичен по составу, так как, во-первых, в нем представлена древняя языковая картина мира во многих фрагментах устаревшая, от-

даленная от времени появления сборника, возможно, не одним веком. Пословичные тексты при этом отражают главным образом мировоззрение крестьянина, человека из простонародья. Отмеченные обстоятельства обуславливают своеобразие лексического состава пословиц вообще и исследуемого сборника в частности.

Лексика пословиц не имеет четких временных и локальных "привязок". Пословицы сохраняют огромное количество устаревших слов разных эпох. Это дает основание утверждать, что история создания этих текстов длительна и непрерывна и возникать они могут на всем пространстве, где живет русский человек.

Список использованной литературы:

1. Барх. – Словарь русского языка XI-XVII вв. / Бархударов С.Г. Шмелев Д.Н., Богатова Г.А. и др. Вып. I–XV. – М.: Русский язык, 1975-1989.
2. Даль – Толковый словарь живого великорусского языка» В.И.Даля. В 4-х томах. – М.: Русский язык, 1989.
3. Кулмаматов Д.С. Дьяк – визирь. // Русская речь. – 1989. – № 4. – С.131-135
4. КЭС – Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. – М.: Просвещение, 1971. – 542с.
5. МАС – Словарь русского языка: В 4-х томах / Под ред А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981.
6. Ож. – Ожегов С.И. Словарь русского языка. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 19-е издание, испр. М.: Русский язык, 1987.
7. Пословицы, поговорки, загадки. – М., 1986 с. 9.
8. Рог. – Рогожникова Р.П., Карская Т.С. Школьный словарь устаревших слов русского языка: По произведениям русских писателей XVIII – XX вв. – М.: Просвещение: Учеб. лит., 1996. – 608 с.
9. СлДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.) / Под ред Р.И. Аванесова. Т. I – IV. – М.: Русский язык, 1988– 1990.
10. Федорова Н.В. Внезапное добрососедство: архаизмы в современной поэзии // Русская речь. 1980. № 2. С. 35-39.

Лавреенко Лариса Викторовна (Lavrinenko L. V.), кандидат исторических наук, учитель истории высшей категории ГУО «Средняя школа д. Скоки» Брестского района (Скоки, Брестская область); (Skokie, Brest region); lv.87@mail.ru

Шикель Татьяна Алексеевна (Shikel T. A.), учитель русского языка и литературы высшей категории ГУО «Средняя школа д. Скоки» Брестского района (Скоки, Брестская область) (*Skokie, Brest region*).

УДК 8; 82.02

ВОПРОСЫ КОМПАРАТИВИСТИКИ В ПЬЕСАХ А.С. ГРИБОЕДОВА «ГОРЕ ОТ УМА» И Ю.У. НЕМЦЕВИЧА «ВОЗВРАЩЕНИЕ ДЕПУТАТА»

Аннотация. Статья посвящена вопросам компаративистики в пьесах А.С. Грибоедова «Горе от ума» и Ю.У. Немцевича «Возвращение депутата». Осуществлен анализ идей, проблем, систем героев, сюжетов данных произведений, а также текстовых совпадений в них. Исследован вопрос о том, могла ли пьеса Ю.У. Немцевича «Возвращение депутата» стать литературным источником для комедии «Горе от ума» А.С. Грибоедова. Авторами выполнен подстрочный перевод с польского языка на русский текста пьесы Ю.У. Немцевича «Возвращение депутата». Сделаны выводы только о некоторых текстовых совпадениях в данных пьесах, что позволило говорить о творческом взаимодействии двух драматургов.

Ключевые слова: сравнительное литературоведение, компаративистика, компаративный анализ, пьеса, диалог культур.

QUESTIONS OF COMPARATIVE STUDIES IN THE PLAYS BY A.S. GRIBOYEDOV "WOE FROM WIT" AND YU.U. NEMTSEVICH "THE RETURN OF THE DEPUTY"

Annotation. The article is devoted to the issues of comparative studies in the plays of A.S. Griboyedov "Woe from Wit" and Yu.U. Nemtsevich "The Return of the deputy". The analysis of ideas, problems, hero systems, plots of these works, as well as textual coincidences in them is carried out. The question of whether Yu.U. Nemtsevich's play "The Return of the Deputy" could become a literary source for the comedy "Woe from Wit" by A.S. Griboyedov was investigated. The authors have made a subscript translation from Polish into Russian of the text of the play by Yu.U. Nemtsevich

"The Return of the Deputy". Conclusions are drawn only about some textual coincidences in these plays, which allowed us to talk about the creative interaction of the two playwrights.

Keywords: comparative literature, comparative studies, comparative analysis, play, dialogue of cultures.

В современном литературоведении одним из важнейших направлений является сравнительное и сопоставительное изучение литератур. Существует множество синонимов, обозначающих данное направление: сравнительно-историческое изучение литератур, сравнительное литературоведение, литературоведческая компаративистика.

Компаративистика – это общая научная дисциплина, в основе которой лежит сравнительный метод исследования литературных фактов и явлений [1, с.87].

Вопросы компаративистики в пьесах Ю.У. Немцевича «Возвращение депутата» и А.С. Грибоедова «Горе от ума» поднимались в литературоведении, но до сих пор не получили должного осмысления.

Первым исследователем влияния пьесы Ю. Немцевича «Возвращение депутата» на пьесу А. Грибоедова «Горе от ума» был учёный Н. Петровский, который впервые заговорил о сходстве двух комедий в 1916 г. В работе «Грибоедов и Немцевич» [2, с. 12–14; 3] исследователь при сопоставлении двух пьес отметил некоторые совпадения в сюжетных ситуациях комедий, характерах и даже в словах и выражениях главных героев. Н. Пиксанов в своём труде «Грибоедов и Мольер» [4, с. 30] подверг выводы Н. Петровского о сходстве данных комедий критике. Выводы Н. Пиксанова очень категоричны: он отрицает сходство персонажей и сюжета, которые определил Н. Петровский и говорил, что «...сближение двух комедий натянуто» [4, с. 31]. Польский исследователь В. Ледницкий поддержал Н. Петровского, высказав мысль о том, что А. С. Грибоедов во время военной службы в Брест-Литовске мог познакомиться с комедией Ю. У. Немцевича и даже обсуждать её с самим Ю. Немцевичем [5, с. 54,58; 6].

Сравнение данных двух пьес провела и С.В. Свердина. В своей работе «Грибоедов и Немцевич», вышедшей в 1994 г. автор фиксирует сходства двух комедий, но при этом отмечает, что влияния на А.С. Грибоедова пьеса Ю.У. Немцевича не оказала. В то же время, С.В. Свердина утверждает, что «Возвращение депутата» Ю.У. Немцевича является литературным источником для «Горя для ума» А.С. Грибоедова [3].

В 2020 г. сравнение пьес А.С. Грибоедова и Ю.У. Немцевича провела Т. Шахматова [7], которая сняла несколько частей видеоматериалов, посвященных проблемам компаративистики в данных пьесах. Помимо этого, автор выполнила полный подстрочный перевод с польского языка на русский пьесы Ю.У. Немцевича «Возвращение депутата», но данный перевод нигде не был опубликован. В своем исследовании Т. Шахматова приводит множество примеров, где она видит сходство в сюжете, в высказываниях героев двух пьес, указывает на прямые текстовые совпадения. Автор делает вывод, что комедия Ю. Немцевича «Возвращение депутата» явилась одним из важнейших литературных источников для создания А. Грибоедовым комедии «Горе от ума» [7].

А. Синицкая и Е. Лепишева в своих работах подтвердили высказывание Т. Шахматовой о влиянии пьесы Ю.У. Немцевича «Возвращение депутата» на

пьесу А.С. Грибоедова «Горе от ума», но отметили, что сам термин «влияние» очень широк и подразумевает разные формы взаимодействий, которые не сводятся к зависимости или плагиату. [7, ч.4]

Компаративный анализ – это сравнительно-историческое литературоведение, которое исследует общее и различное в художественных произведениях разных писателей, связи и влияние литератур разных стран и даже разных периодов друг на друга.

Сравнительно-сопоставительный метод имеет в своей основе теорию «заимствования» сюжетов, мотивов, образов и т.д., отслеживания их в литературах разных народов и эпох.

Главной особенностью любого анализа произведений, в том числе и компаративного, является составление и соблюдения плана анализа. В данной статье мы проведем сравнение двух пьес по следующим направлениям: смысл названия комедий; тема, идея, проблема двух комедий; система героев и образов; сравнение сюжетов комедий; текстовые совпадения и различия.

Название комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» отражает смысл жизненной драмы её главного героя – Чацкого. Ум не приносит Чацкому счастья: любимая девушка предпочитает ему другого, и общество его отвергает, да ещё и объявляет его сумасшедшим.

Конечно, А.С. Грибоедов ни в коем случае в своей пьесе не утверждал, что ум вредит человеку. Драматург показал, что высокий интеллект и просвещенность Чацкого задевают многих персонажей комедии, а вот Чацкий-сумасшедший обществу не страшен. Считать Чацкого здравомыслящим человеком означало бы признать его убеждения и идеи разумными. Не желая ничего менять в своем образе жизни и мышлении, обществу удобнее видеть в главном герое пьесы безумца, ведь тогда все столь правдивые слова его – только лишь результат помутившегося рассудка. То есть, уже название комедии Грибоедова настраивает на финал: ничем хорошим пьеса не закончится, финал не может быть благополучным. Это ли не мастерство Грибоедова-драматурга – уже самим названием пьесы заинтриговать читателя или зрителя и подвести, можно сказать, к драматическому финалу.

Название пьесы Ю.У. Немцевича «Возвращение депутата» также настраивает на определенного рода интригу, но совсем другого рода: откуда и зачем возвращается депутат, что происходит до и после его возвращения. Однако предположить, какого рода будет финал пьесы из названия нет никакой возможности.

Тема комедии «Горе от ума» – столкновения двух миров: старого аристократического, представителем которого является Фамусов, и нового, прогрессивного, в лице Чацкого.

На всем протяжении повествования Чацкий – личность образованная, ведет борьбу с отсталым крепостническим обществом. Столкновение этих людей, олицетворяющих собой два совершенно разных типа общества, предсказуемо и неизбежно, т.к. представители старого времени придерживаются старого уклада жизни, не принимают перемен, им комфортно и сытно и относительно других им нет дела. Общество нового поколения стремится к новой жизни, к развитию себя и своего государства.

Идея комедии состоит в том, что новые взгляды и помыслы Чацкого не вписываются в старые аристократические устои, и поэтому окружающее общество считает его безумным. Считать человека безумным намного проще, чем вносить в свою привычную жизнь перемены, ведь они не оставят без изменений ни одну из сфер человеческой жизни.

Проблемы, которые поднимает А.С. Грибоедов в своей комедии, – это проблемы столкновения «века нынешнего и века минувшего», жестокости крепостного права, чиновничества, а также проблема невежества. Но это, конечно, не все проблемы. Ещё проблемы любви и верности, пошлости, слепого подражания иностранцам, предпочтение красоты внешней, а не внутренней, наконец, ничьёмность и праздная жизнь чиновников и взяточничество. Именно благодаря данному многообразию проблем пьеса А.С. Грибоедова до сих пор не потеряла своей актуальности, хотя нет крепостного права, нет помещиков и их жестокости, чиновничество и угодничество практически искоренены из нашего общества. Но те проблемы общества, на которые указал Грибоедов, имеют место быть и сейчас.

Тема комедии Ю.У. Немцевича «Возвращение депутата» – это тоже столкновение двух миров: старого консервативного в лице старосты Гадульского и сторонника нового уклада Валерия. В этом столкновении и есть главная идея пьесы. Однако, на наш взгляд, проблемы, которые ставит в своей пьесе У.Ю. Немцевич, несколько уже, чем у А.С. Грибоедова.

Главная проблема пьесы «Возвращение депутата» – нежелание старосты Гадульского реформ и новых порядков. Помимо этого, в пьесе поднимаются проблемы крепостного права, невежества, человеческой подлости в лице Шарманского. Любовного треугольника, как у А.С. Грибоедова в «Горе от ума», здесь нет. Тереза верна Валерию. В финале нет ничего трагического, несмотря на идейные разногласия между отцом Терезы старостой Гадульским и Валерием, свадьба молодых людей состоялась. Противоборствующие стороны Гадульский и Валерий смогли договориться, победа разумного состоялась.

Система героев и образов в пьесе А.С. Грибоедова «Горе от ума» шире, чем у в пьесе «Возвращение депутата» Ю.У. Немцевича. У А.С. Грибоедова главные герои – Чацкий, затем управляющий в казённом доме Фамусов, его дочь Софья, секретарь Фамусова Молчалин, полковник Скалозуб, служанка Лизанька и большое количество второстепенных героев – Горичи, князь Тугоуховский и его жена, графини Хрюмины – бабушка и внучка и т.д. (всего 11 высокопоставленных дворян, а также их слуги и официанты). Зачем так много дворян, среди которых графы и князья? Грибоедов в комедии создал «фамусовское общество», которое во всём вторит взглядам Фамусова. Да ещё полковник Скалозуб, которые с Фамусовым мыслят практически одинаково [8].

В пьесе «Возвращение депутата» У.Ю. Немцевича герои – это староста Гадульский, его дочь от первого брака Тереза, Старостина, пан и пани Подкоможины, Шарманский, кавалер, рекомендованный старостой в женихи для Терезы, служанка Агатка и дворецкий Яков. Это все действующие лица в комедии Немцевича. Дворянское общество представлено отнюдь не так широко, как у А.С. Грибоедова. Взгляды старосты Гадульского не поддерживает даже его приятель пан Подкоможин. Шарманский вообще «тёмная лошадка», ясно только

одно, что он подлый и бесчестный человек, который может сделать или сказать всё, что угодно, ради своей выгоды. А выгода для Шарманского – это богатое приданое Терезы, ради которого он и старается угодить, понравиться Гадульскому. Планы Шарманского были раскрыты, и соответственно, он не получил желаемого [9].

Сюжет в комедиях А.С. Грибоедова и Ю.У. Немцевича действительно имеет некоторое сходство. Молодой человек и девушка, у А.С. Грибоедова – Софья и Чацкий, у Ю.У. Немцевича Валерий и Тереза, с детства воспитывались в одном доме, в одной семье. У А.С. Грибоедова – в доме Фамусова, видимо, после смерти отца Чацкого, у Ю.У. Немцевича – в доме родителей Валерия, после того, как у Терезы умерла мать. Молодых людей обоих авторов связывает дружба, первое юношеское чувство. Затем и Чацкий, и Валерий уезжают. Судя по тексту комедии «Горе от ума», Чацкий отсутствовал три года. В это время он занимался важными государственными делами, да, видимо, успехов на этом поприще не добился. Молчалин говорит Чацкому:

Татьяна Юрьевна рассказывала что-то,
Из Петербурга воротясь,
С министрами про вашу связь,
Потом разрыв... [8, с. 246]

Затем Чацкий ещё лечился, был на военной службе, путешествовал. Валерий уезжает из дома, чтобы, как и Чацкий, послужить Отечеству. Но отсутствовал он 2 года. После возвращения домой, Чацкий надеется жениться на Софье, которую знает с детства и в которую давно влюблен. Однако Софья влюблена в Молчалина и больше не хочет быть с Чацким.

В пьесе Ю.У. Немцевича «Возвращение депутата» Валерий, вернувшись домой, видит верность своей любимой девушки и хочет на ней жениться. В этом мы видим различие в сюжетах пьес.

Далее снова идёт сходство в сюжетах комедий: отец Софьи у А.С. Грибоедова хочет выдать свою дочь за старого, но состоятельного, да ещё и со связями, полковника Скалозуба, а староста Гадульский, в пьесе Ю.У. Немцевича, хочет выдать дочь замуж за прониривого Шарманского. Но, на наш взгляд, такое сходство не удивительно, ведь во времена, о которых идёт речь в пьесах, браки по расчёту были обычным делом.

А кто такие Молчалин в пьесе «Горе от ума» А.С. Грибоедова и Шарманский в пьесе «Возвращение депутата» Ю.У. Немцевича? Молчалин в сюжете пьесы А.С. Грибоедова играет не слишком важную роль. Это всего лишь секретарь Фамусова. В него влюблена Софья, которая, начитавшись французских романов, видит в Молчалине романтического героя.

Молчалин угождал Софье только потому, что она дочь Фамусова, но сам приставал с любовными излияниями к служанке Лизаньке. Шарманский, в пьесе Ю.У. Немцевича, богатый повеса, который хочет жениться на дочери старосты из-за богатого приданого. Шарманский хитёр, он так же, как и Молчалин, притворяется, например, сентиментальным, но не перед Терезой, которая на него не обращает внимания, так как верна Валерию, а перед Старостиной, чтобы та стала его союзницей и помощницей в притязаниях на Терезу. Шарманский не добился своего. В комедии А.С. Грибоедова притворство Молчалина было разоблачено,

Софья отвернулась от него. В пьесе Ю.У. Немцевича Шарманскому не повезло, его притворство не помогло, Терезу он не получил.

Чацкий и Валерий – главные герои комедий А.С. Грибоедова и Ю.У. Немцевича. Им в сюжетах комедий отводится главное место.

Значительное сходство в сюжетах комедий как раз и заключается в противоборстве взглядов Чацкого и Фамусова, Валерия и старосты Гадульского в вопросах политики, крепостного права, служению Отечеству. По большому счёту, это противоборство между старыми устоями и новыми прогрессивными взглядами. Но такое противоборство между главными героями мы можем встретить и в других произведениях. Например, у Д.И. Фонвизина, в комедии «Недоросль», Правдин и Стародум противостоят Простаковым и Скотинину [10]. Или, к примеру, у И.С. Тургенева, где в романе «Отцы и дети» Базаров отстаивает новые, в какой-то мере, прогрессивные взгляды, споря с братьями Кирсановыми [11]. У Ж. Б. Мольера, в его комедии «Мизантроп», которая, как говорится в учебниках, оказала влияние на Грибоедова, главный герой Альцест пытается уйти от ненавистного ему высшего света, вступая с ним в словесное противоборство [12].

Необходимо обратить внимание на различия в сюжетах этих двух пьес. Главное различие, на наш взгляд, – это «фамусовское общество», которое создал в пьесе «Горе от ума» А.С. Грибоедов, а также яростное осуждение крепостного права – узаконенного рабства. В этом проявился недюжинный талант А.С. Грибоедова. Ведь одному Фамусову Чацкий, может быть, ещё мог бы противостоять, но бороться со всем обществом, которое против тебя и твоих взглядов, нереально. Также тяжело шла борьба и с крепостным правом в России. Отсюда такой трагический финал пьесы «Горе от ума». А.С. Грибоедов ясно понимал, что никаких прогрессивных перемен в жизни государства не может произойти, если всё общество, все, кто может что-либо изменить, против каких-либо преобразований. В пьесе Ю.У. Немцевича «Возвращение депутата» восторжествовал здравый смысл, и все конфликты, которые были между героями, разрешились мирным путём, финал этой пьесы относительно благополучный.

Текстовые совпадения и различия

В пьесе «Возвращение депутата» мы видим разговор Якуба и Агатки. Вначале разговор идёт о повседневной рутине, но затем разговор переходит на обсуждение Шарманского, Старосты и Старостины. Агатка говорит о том, что Староста не заботится о своей дочери Терезе, вспоминает мать Терезы, которая очень любила свою дочь. Из-за сцены слышится звук охотничьего рога. Это Шарманский выезжает на охоту. Агатка говорит:

Ten sowizdrzał dom cały przewrócić gotowy (Этот повеса весь дом перевернуть готов) [9, s. 13]

Агатка даёт ёмкую характеристику Шарманскому, что он ходит от угла к углу, крутится, разговаривает без умолку. А когда Шарманский на лестнице внезапно поцеловал Агатку, она не растерялась и от злости схватила его за волосы. Шарманский, испугавшись, убежал. Агатка говорит, что Старостине Шарманский нравится и что старосте Гадульскому тоже. И замыслил Староста отдать Терезу за Шарманского. Якуб восклицает: *Któż by ją znowu oddał trzpiotowi takiemu? (Кто же её снова отдал бы такому ветренику?)* [9, s. 13]

Уже в первой сцене Ю.У Немцевич показывает Шарманского в очень неприглядном свете. Шарманский настолько хитер, что сумел обмануть и старосту Гадульского, и Старостину. Когда Старостина спрашивает у Шарманского: «Jakże ranna Teresa Waćpana znajduje?» (*Как же мисс Тереза сударя находит?*) [9, s. 61]. Он отвечает: «Kocha mię, ale tego nie dość pokazuje» (*Она любит меня, но этого недостаточно показывает*) [9, s. 61]. «... I cierpi na to dusza prawdziwie miłośna» (*Искренне любящая душа страдает от этого*) [9, s. 61]. И тогда Старостина, веря в искренность Шарманского, обещает похлопотать за него: «Bądź Waćpan pewien, że się konkurencja skróci» (*Будьте сударь уверены, что конкуренция сократится*) [9, s. 61].

Старостина видит в Шарманском романтического героя, она, убеждая старосту Гадульского в том, что Шарманский прекрасный жених для Терезы, рисует картину будущей жизни молодых:

On sobie w małej kabance osiedzie,
Na zielonym ryważu jasnego strumykart,
Słuchać będzie z Teresą tkliwego słowika.,
[...] W cichej solitudzie,
Żyć będą nie zważając, co powiedzą ludzie [9, s. 66].

*Он себе поселится в маленькой избе
на зеленом берегу звонкого ручья,
будет слушать с Терезой нежного соловья.
В тихом одиночестве
будут жить, не взирая, что скажут люди.*

Во второй сцене староста беседует с паном и пани Подкоможинами. Гадульский – «говорящая» фамилия, означает болтун. И вправду, староста Гадульский очень много говорил, рассуждая о политике, о войне, которая могла бы быть, а потом, когда все устанут воевать, всё опять вернулось бы на свои места. Он говорит о том, что раньше под указаниями прадедов они были могущественными:

Byliśmy potężnymi pod ich ustawami [9, s. 18] (*мы были могучими под их законами*)

А ещё, что человек ел, пил, ничего не делал, но у него всё было (было густо в кармане):

Człek jadł, pił, nic nie robił i suto w kieszeni [9, s. 18].

В пьесе А.С. Грибоедова «Горе от ума» Фамусов также говорит о том, что раньше были прекрасные времена, и нужно поучиться у отцов, как жить:

Учились бы, на старших глядя:

Мы, например, или покойник дядя,

Максим Петрович: он не то на серебре,

На золоте едал; сто человек к услугам [8, с. 214].

Однако, если словам Фамусова противоречит только Чацкий, то в пьесе «Возвращение депутата» старосту не поддерживает даже его приятель пан Подкоможин. Он упрекает Гадульского, что он думает о себе, но не думает о стране:

Myśleliśmy o sobie, a nigdy o kraju [9, s. 19] (*Думаешь только о себе, но никогда о стране*).

Далее Подкоможин говорит о том, что молодое поколение защищает страну, а староста – что это всего лишь красивые слова. Спор двух товарищей заканчивается тем, что рассерженный Гадульский восклицает:

A gdy zdanie Waćpana sprzeczne z mojem wszędzie,
Syn jego mojej córki pewnie mieć nie będzie [9, s. 23].
*A когда мнение сударя противоречит моему везде,
его сын с моей дочерью, вероятно, вместе не будут.*

Мы видим, что если у А.С. Грибоедова Фамусову противоречит только один Чацкий, то у Ю.У. Немцевича, напротив, с Гадульским не согласен даже его приятель пан Подкоможин. В пьесе Ю.У. Немцевича нельзя не обратить внимание на высказывание Гадульского о вреде книг:

*W księgach się tych dzikości wszystkich nauczyłeś,
W tych księgach, nad któremi już oczy straciłeś.
Ja, co nigdy nie czytam, lub przynajmniej mało,
Wiem, że tak jest najlepiej, jak przedtem bywało. [9, s. 19]*

*В книгах всей этой дикости научились,
в этих книгах, в которых уже глаза потеряли (попортили),
я никогда не читаю, или по крайней мере, мало.
Знаю, что так лучше, как прежде бывало.*

И ещё:

*[...] Ciało pewnie zdrowe,
Lecz te diabelskie książki bałamucą głowę,
Te was przenoszą w jakieś dziwaczne krainy,
I każą płakać, wzdychać, choć nie ma przyczyny.
Nie w takim matki nasze bałamuctwie żyły:
Przędły, piekły pierniki lub w krosienkach szyły;
Były przy tym wesołe, szczęśliwe i zdrowe,
Nie durzyły im głowy dymy romansowe [9, s. 64].*

*Тело, пожалуй, здоровое,
Но эти дьявольские книги кружат голову.
Они переносят вас в какие-то причудливые страны,
И заставляют плакать, вздыхать, хотя нет причины.
Не в такой наши матери путанице жили,
Пряли, пекли пряники или в пальцах шили.
Были при том веселые, счастливые и здоровые,
Не морочили им голову романтические думы.*

В пьесе «Горе от ума» Фамусов также называет книги злом: «Уж коли зло пресечь: Забрать все книги бы да сжечь...» [8, с. 272] или «И в чтеньи прок-то не велик...» [8, с. 192], «Ученье – вот чума, учёность – вот причина» [8, с. 271]

Однако, высказывания на эту тему уже встречаются в русской литературе, например, в произведении «Недоросль» Д.И. Фонвизина. Простакова говорит: «Без наук люди живут и жили» [10, с. 122]. А уж Митрофанушка и вовсе заявляет: «Не хочу учиться – хочу жениться» [10, с. 102].

Относительно пьесы «Возвращение депутата», то здесь пан Подкоможин гордится своим сыном:

*Synu mój, miło siebie nazwać tym imieniem:
[...]*

*Patrząc na cię, największy mam powód wesela
Że w synu moim widzę już obywatela [9, s. 37]*

*Мой сын, рад называть тебя тем именем:
[...]*

*Глядя на тебя, у меня есть величайший повод для радости,
Что в моем сыне вижу уже гражданина.*

Не только отец Валерия, пан Подкоможин, любит своего сына и гордится им, но и Тереза. У Грибоедова, наоборот, в пьесе нет ни одного героя, который бы с уважением и гордостью отзывался о Чацком.

В пьесе «Возвращение депутата» Валерий высказывает свои взгляды на то, каким должен быть настоящий гражданин:

*Kto snotliwie pracując, ludziom pożyteczny.
Ale go nie otrzyma, kto tylko próżnuje [9, s. 49]
Кто добродетельно работает, полезен людям,
Но его не получают, кто только тщеславен.
И ещё, Валерий говорит Шарманскому:
Pamiętać, żeś Polakiem, żeś obywatelem,
Żeś najpierwsze winien Ojczyźnie usługi [9, s. 48]
Помните, вы поляк, вы гражданин,
Вы в первую очередь должны Родине служить.*

На что Шарманский ему отвечает:

Łatwe do dostąpienia, gdy człek ma pieniądze [9, s. 49] (Легко все получить, когда человек имеет деньги)

Чацкий у Грибоедова также считает, что настоящий человек, гражданин, должен трудиться «...не требуя ни мест, ни повышения в чин» [8, с. 227], однако он «служить бы рад, прислуживаться тошно» [8, с. 214], «...в науки он вперит ум, алчущий познаний» [8, с. 227].

Необходимо обратить внимание на то, как выражает свои чувства, свою любовь в пьесе Ю.У. Немцевича Валерий:

*Ta nieprzytomność, co nas tak długo dzieliła,
Tereso, serca twego dla mnie nie zmieniła? [9, s. 42]*

*To otęstwo, что так долго нас разделяло,
Тереза, твое сердце мне не изменило?*

На что Тереза ему отвечает:

*Mógłżeś wątpić? Uczucia w dzieciństwie powzięte,
Dochowałam ci mimo przeszkody zawzięte [9, s. 42].*

*Мог сомневаться? Чувства, возникшие в детстве,
Я сохранила к тебе несмотря на ожесточенные препятствия.*

Валерий страдает от того, что староста не хочет отдавать Терезу за него за муж. Он восклицает:

*Jak się myli, jak krzywdzi me szczere płomienie!
Od wszystkich jego bogactw uczynię zrzeczenie,
Niech je zatrzyma, ale niech mi odda siebie [9, s. 43].
Как заблуждали, как притесняли моё чистое пламя!
От всех его богатств я сделаю отказ;
Пусть их оставит, но пусть мне отдаст тебя.*

У Грибоедова Чацкий также выражает чистые, искренние чувства к Софье, но его отношение к любви поменялось после предательства Софьи. Он чувствует боль и смятение:

Ах! тот скажи любви конец, кто на три года вдаль уедет. [8, с 220]

[...]

Смятение! Обморок!

Поспешность! Гнев! Испуга!

Когда лишаешься единственного друга [8, с. 231].

В пьесе «Возвращение депутата» Валерий и Тереза получают благословение старосты на свадьбу, а Чацкий у Грибоедова в комедии «Горе от ума» неизвестно, сможет ли забыть свою первую любовь и причиненную Софьей боль.

Оба героя, и Чацкий, и Валерий, искренне, горячо умеют любить – в этом их сходство. Различие в том, что Тереза верна Валерию, и их любовь получила прекрасное завершение, а Софья не оценила любви Чацкого и предала его.

Также в пьесе А.С. Грибоедова большое место в тексте занимают монологи Чацкого и Фамусова, главных героев комедии. Они очень ярко характеризуют героев-антиподов. Как раз в этих монологах можно увидеть мировоззрение представителей двух веков. В пьесе Ю.У. Немцевича тоже есть монологи героев, но они гораздо меньше по размерам и не такие яркие и эмоциональные, как у А.С. Грибоедова.

Кроме того, необходимо отметить, что А. С. Грибоедов служил в Брест-Литовске в 1813–1815 гг. Именно здесь началась литературная деятельность писателя. Он начинал как публицист, им была написана комедия «Молодые супруги», полемическое стихотворение «От Аполлона». В декабре 1815 г. А.С. Грибоедов подал рапорт об увольнении с военной службы [13]. В Брест-Литовске А.С. Грибоедов общался со множеством сослуживцев, которые впоследствии стали образами героев в комедии «Горе от ума». В усадьбе одного из них, С. Бегичева, как раз и было написано его произведение. Сам С. Бегичев оставил подробные мемуары и даже написал первую рецензию на комедию «Горе от ума», которая, к сожалению, осталась неопубликованной [13].

Остается не отвеченным вопрос: мог ли А.С. Грибоедов, начиная свою литературную деятельность в Брест-Литовске, не знать о Ю.У. Немцевиче?

Мы предполагаем, что нет. Ю.У. Немцевич был знаменит, им гордилась вся округа. Родовой особняк Немцевичей, находящийся недалеко от Брест-Литовска, в Скоках, был очень известен. Кроме того, Ю.У. Немцевич для А.С. Грибоедова был не просто представителем шляхты, но и знаком ему как писатель. Известно, что Грибоедов обращался к богатой польке, графине Оссалинской, с просьбой прислать книги местных авторов [14, с. 38]. И, конечно же, это в первую очередь книги А. Мицкевича и Ю.У. Немцевича. Тем более, что пьеса «Возвращение депутата» дважды издавалась отдельной книгой [14, с. 38].

Пьеса «Возвращение депутата» была написана на польском языке. Способности А.С. Грибоедова к языкам не подвергаются сомнению. С местной шляхтой он общался на польском языке, поэтому прочесть пьесу Ю.У. Немцевича он мог. Тем более, что интерес у А.С. Грибоедова эта пьеса могла вызвать тем, что в польском обществе она была очень популярна: в 1791 г. постановка пьесы Ю.У.

Немцевича сделала годовую вырубку Национальному театру Варшавы, имя Гадульского, одного из главных героев пьесы, стало нарицательным (по-польски *gadać* – болтать), над противниками реформ смеялось всё либерально настроенное польское общество [3]. Однако уже в 1793 г. произошел второй раздел Речи Посполитой, и Польша частично вошла в состав Российской империи, и, соответственно, «вольнодумная» пьеса Ю.У. Немцевича была запрещена цензурой [14, с. 38].

То, что сам А.С. Грибоедов не упоминал о Ю.У. Немцевиче, на наш взгляд, можно объяснить существованием именно данной цензуры. Имя Ю.У. Немцевича было связано с восстанием Т. Костюшко и тем фактом, что Польша поддерживала Наполеона. Помимо этого, необходимо отметить и цензурную судьбу комедии «Горе от ума» А.С. Грибоедова. О личном знакомстве этих двух драматургов ничего не известно, не найдены архивные документы, подтверждающие встречи этих выдающихся личностей [14, с. 38].

Таким образом, проведя компаративный анализ пьес А.С. Грибоедова «Горе от ума» и Ю.У. Немцевича «Возвращение депутата», мы определили сходство в идеях, проблемах, героях, сюжетах. Найдены также некоторые текстовые совпадения, однако полных текстовых совпадений в пьесах нами не выявлено. Определены различия и в идеях пьес, и в проблемах, а также героях и сюжетах. Учитывая эти различия, пьесу Ю.У. Немцевича «Возвращение депутата» мы не можем считать литературным источником для комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума». На наш взгляд, пьеса А.С. Грибоедова «Горе от ума» и пьеса Ю.У. Немцевича «Возвращение депутата» – это разные тексты, написанные в разных традициях, с разными задачами и уровнем мастерства. Каждый из авторов предсказал важные вехи в развитии своей страны. Однако, мы можем говорить *о творческом взаимодействии двух драматургов*, которое, по нашему мнению, заключается в том, что и А.С. Грибоедова, и Ю.У. Немцевича волновали схожие проблемы в обществе и государстве, которые и нашли отражение в данных пьесах.

Список использованной литературы:

1. Ключ, А.Г. Основные аспекты современной компаративистики как ведущей научной стратегии гуманитарного познания / А.Г. Ключ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – №8(26). – С. 87–89.
2. Петровский, Н.М. Грибоедов и Немцевич / Н.М. Петровский // Русский филологический вестник, Пг. – 1916. – С. 12–14.
3. Свердина, С.В. Грибоедов и Немцевич (из творческой предыстории «Горя от ума») [Электронный ресурс] / С.В. Свердина // Фундаментальная электронная библиотека. Русская литература и фольклор. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/griboed/critics/ptg/ptg-082-.htm>. – Дата доступа: 14.09.2021.
4. Пиксанов, Н.К. Грибоедов и Мольер (Переоценка традиции) / Н.К. Пиксанов. – М.: Государственное издательство, 1922. – 77 с.
5. Lednicki, W. Przyjaciele moskale / W. Lednicki. – Kraków, 1935. – 365 s.
6. Свердина, С.В. Грибоедов и ссыльные поляки / С.В. Свердина // А. С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции. – Л., 1977. – С. 212–234.
7. Выступление Т.С. Шахматовой [Электронный ресурс] // YouTube – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=TQf0rmuQfkE>. – Дата доступа: 15.09.2021.

8. Грибоедов, А.С. Драматические произведения: сост. Э.И. Липницкий. / А.С. Грибоедов. – Мн.: Ураджай, 1999. – 335 с.
9. Niemcewicz, J.U. Powrót Poła / J.U. Niemcewicz. – Warszawa, [s.n.]. – 91 s.
10. Фонвизин, Д.И. Комедии / Д.И. Фонвизин. – Мн.: Юнацтва, 1982. – 142 с.
11. Тургенев, И.С. Отцы и дети ; Накануне : [романы] / И.С. Тургенев. – М.: Издательство АТС, 2020. – 352 с.
12. Мольер, Ж.-Б. Мизантроп / Ж.-Б. Мольер ; [пер. с фр. Н. Холодковского]. – М.: РИПОЛ классик, 2021. – 184 с.
13. Рубашевский, Ю. Брестский сюжет для «Горя от ума» / Ю. Рубашевский // Вечерний Брест. – 2018. – № 38, 28 сентября. – С.3.
14. Синицкая, А. Александр Грибоедов и Юлиан-Урсын Немцевич: «Польско-русский» этюд на фоне архивов / А. Синицкая, Т. Шахматова // Свежая газета. Культура. – 2021. – №1-2, январь. – С. 38–39.

Рачэўскі Станіслаў Рыгоровіч (Stanislaw Rachewski), кандидат филологических наук, доцент кафедры профессионального развития работников образования ГУО «Брестский областной институт развития образования» (*Брэст, Рэспубліка Беларусь*) (*Brest, Republic of Belarus*); kafedra.boiro@yandex.ru

УДК 821. 161. 3

**ПРЭЦЭДЭНТНЫ ПАЭТЫЧНЫ ТЭКСТ А. РУСАКА
“БЫВАЙЦЕ ЗДАРОВЫ, ЖЫВІЦЕ БАГАТА!..”:
ЛЁС І ЛІНГВАКУЛЬТУРАЛАГІЧНАЯ ХАРАКТАРЫСТЫКА**

Анатацыя: У артыкуле вядомы на Беларусі і за яе межамі верш А. Русака пра ад’езд з гасцей характарызуецца як прадукт рэінтэрпрэтацыі, прасочваецца яго літаратурны лёс.

Ключавыя словы: тэкст, верш, песня, пераклад, пажаданне, развітанне.

PRECEDENT POETIC TEXT BY A. RUSAK "BE HEALTHY, LIVE RICHLY!.." : FATE AND LINGUISTIC AND CULTURAL CHARACTERISTICS

Annotation: in the article, A. Rusak's verse about the departure of guests, known in Belarus and abroad, is characterized as a product of reinterpretation, his literary fate is traced.

Keywords: text, verse, song, translation, wish, parting.

У культуры многіх народаў свету нацыянальным здабыткам з'яўляюцца прэцэдэнтныя, паэтычныя ці празаічныя, тэксты, якія з часам становяцца не толькі добра вядомымі і любімымі ў грамадстве, але і, як адзначае Д. Рудо, рэінтэрпрэтуюцца: выходзяць за межы слоўнага мастацтва, трансфармуюцца ў творах іншых відаў, не трацячы пры гэтым зыходнага зместу і па-ранейшаму адлюстроўваючы нацыянальныя рэаліі, светабачанне народа, ва ўлонні якога нарадзіліся [1, с. 92]. Да прэцэдэнтных і па-майстэрску інтэрпрэтаваных адносяць, напрыклад, тэксты шэкспіраўскіх п'ес (на іх аснове шэдэўры кінематографа стварылі Р. Козінцаў і Ф. Дзэфірэлі – пра Гамлета, караля Ліра, Рамэо і Джульету) “Войны и мира” Л. Талстога (аднайменнае адзначанае Оскарам кінапалатно пакінуў С. Бандарчук), “Прощание с Матёрой” В. Распуціна і “Хатынская аповесць” АА. Адамовіча (рэжысёр запамінальных кіналент “Прощание» і «Иди и смотри» Э. Клімаў), “Сотнікаў” В. Быкава (мастацкі фільм “Восхождение” па аповесці паспела зняць Л. Шэпіцька), “Людзі на балоце” І. Мележа (кінакласікай стаў аднайменны фільм В. Турава па тэксце рамана). П. Чайкоўскі захапіўся сюжэтам пушкінскай “Пікавай дамы” і напісаў геніяльную музыку аднайменнай оперы. Беларускі кампазітар І. Лучанок натхніўся тэкстам Купалавага “Кургана” і стварыў для мулявінскіх “Песняроў” рок-оперу “Гусляр”.

Дакладныя адзнакі прэцэдэнтнасці і рэінтэрпрэтацыі ёсць і ў верша беларускага паэта Адама Русака “Бывайце здаровы, жывіце багата!..” 1936 года напісання: тэкст прыняты культурамі многіх еўрапейскіх і азіяцкіх народаў, перакладзены на іх мовы і стаў папулярнай застольнай песняй. У 1940 годзе песня на гэты тэкст была галоўнай музычнай тэмай Фэстывалю беларускага мастацтва ў Маскве, у 1949 годзе загучала ў мастацкім фільме “Кубанскія казакі” (праўда, тэкст з лёгкасцю прыпісалі іншаму аўтару), потым папоўніла рэпертуар Леаніда Уцёсава, у наш час – Іосіфа Кабзона. У 1995 годзе ужо як шлягер песня завяршала музычны фільм “Старые песни о главном” на першым расійскім тэлеканале.

Здаралася, тэкст верша А. Русака перайначваўся, дапісваўся, як гэта было ў Вялікую Айчынную вайну [2], калі яго друкавалі на лістоўках вялікімі тыражамі на беларускай і рускай мовах і раскідвалі на акупіраваных тэрыторыях:

Вам песню мы нашу ўсім прысвячаем
І новых пабед вам ад сэрца жадаем.
Жадаем да смерці біць фрыцаў праклятых,
Каб беглі ад вас, як падмазаўшы пяты...

Будьте здоровы, живите богато,
Гоните проклятых фашистов от хаты.
Гоните бандитов, лупите их, бейте,
Снаряды и бомбы на них не жалейте!..

Існуе рукапіс верша Русака, захаваны дачкой паэта і размешчаны ў Інтэрнэце, але яго складана выкарыстаць цалкам для лінгакультуралагічнага разгляду: шмат правак і сказаў без знакаў прыпынку. Звернем увагу на канчаткова адрэдагаваны і скарачаны варыянт тэксту, што стаў асновай для перакладу М.Ісакоўскім на рускую мову:

Бывайце здаровы, жывіце багата,
Ужо ж паедзем дадому, дахаты!

У зялёнай дуброве мы начаваць будзем
І вашае ласкі вавек не забудзем.

У вашым калгасе шырокае поле,
Няхай жа на шчасце цвіце ваша доля.

На рэчках на ваших бурлілі каб воды,
Каб плавалі з крыкам гусей карагоды.

Каб жыта ў полі трубою вілося,
Каб сала ў хаце кубламі вялося.

Штодзень у капусце каб плавала шкварка,
Да шкваркі часінай вялася б і чарка.

Яшчэ вам жадаем прыбытку ў хаце,
Ні мала, ні многа – штогод па дзіцяці.

Не будзем у крыўдзе яшчэ і на тое,
Калі пашанцуе – на год і па двое.

Дарогу ж мы знаем да вас, ягамосьці,
І ездзіць мы будзем да вас часта ў госці.

Эх, хто на адведы, эх, хто на радзіны –
Вазіць караваі па дзве паўасьміны.

Не зважаючы на тое, што гэта не зыходны, 1936 года, тэкст А. Русака, тут ёсць што асэнсаваць, выясніць, якім чынам застольная песня стала мастацкай візітнай карткай беларусаў у свеце.

Колькі б ні рэдагавалі і не змянялі тэкст верша, ніхто не адважыўся карэктываваць пачатковае *Бывайце здаровы*, выключэннем стала толькі *Будьте*

здоровы М. Ісакоўскага. Такі пераклад, праўда, аддалена напамінае пажаданне паправіцца пры нездароўі. Дзеяслоўная форма *бывайце*, на наш погляд, ніяк не пашкодзіла б перакладзенаму рускамоўнаму тэксту: дзеяслоў *бывают* у значэнні *существовать*, *жить* не чужародны ў рускай мове (*бывают случаи; так не бывает; не раз я бывал в этом городе*). У вершы беларускага паэта словазлучэнне *Бывайце здоровы* набывае як пажадальны *жывіце ў здароўі*, так і развітальны сэнс, што ўзыходзіць да беларускіх народных маўленчых этыкем *Бывай!*; *Бывай жа!*; *Бывайце!* А ўвёў фразу Русак, ды яшчэ і з зычэннем багацця, у свой паэтычны зварот не адразу – спачатку, вярнуўшыся з Беларусі ў Ленінградскую кансерваторыю, у лісце да маці на развітанне выказаўся адной вершаванай страфой:

Бывайце здоровы, жывіце багата,
А я ўжо прыехаў дадому, дахаты...

Гэтая развітальная формула так спадабалася маладому паэту, што ён потым вырашыў пашырыць радкі да верша. Ісаак Любан, зямляк, параіў Русаку назваць тэкст “Вясельнае віншаванне маладых”.

Глянем на сэнсаўтваральную ролю дзеясловаў у Русаковым тэксце: многія з іх дапамагаюць уявіць, што развітанне адбываецца у канкрэтным, цяперашнім (пакуль госці не ад’ехалі) часе (*жадаем вам; дарогу знаем*); пэўныя намеры, абяцанні перадаюцца формай будучага часу (*наедзем дадому; начаваць будзем; ласкі не забудзем; не будзем у крыўдзе; будзем вазіць*). У сваю чаргу назоўнікавыя словазлучэнні *зялёная дуброва, ваш калгас, шырокае поле, вашы рэчкі, дарога да вас* і прыслоўі *дадому, дахаты* – паказчыкі дзеяння ў канкрэтнай прасторы.

У вершы надзвычай шырокі рад пажаданняў маладым і іх калгаснай брыгадзе, і ў многіх сказах набываюць тэкстаўтваральнае значэнне і развіваюць думку зачыны *каб* і *няхай*: *няхай на шчасце цвіце доля; каб бурлілі воды на рэчках; каб плавалі гусей карагоды; каб жыта вялося трубаю; каб сала вялося кубламі; каб плавала шкварка ў капусце; каб да шкваркі вялася чарка*.

З гэтых шматлікіх пажаданняў выглядаюць ментальныя рысы беларускага чалавека-вяскоўца: працалюбства, кроўная і кранальная, паводле У. Караткевіча, любоў да зямлі, шчодрасць, вынаходлівасць, “летуценнасць у марах” [3, с. 67–68].

А яшчэ і шчырасць пажаданага вясельнай пары і калгаснаму люду, амаль казачнае “з рога ўсяго многа”: *карагодаў гусей, кублоў сала, шкваркі ў капусце, чаркі да шкваркі* (у першапачатковым тэксце – *хлявоў жывёлы; кароў і коней; свіней і авечак; вазоў ячак; наедку з бацвіння, капусты; гароху з бульбай*). Такі фантазійны россып слоў-зычэнняў, а па сутнасці эскапізм (форма адыходу ад рэчаіснасці) студэнта-беларуса, селяніна па паходжанні – выразнік ідэалу людзей, што цяжка працуюць на зямлі: дастатку, прыбытку, ураджаю. Таго ідэалу, які фарміраваўся ў часы прыгону і капіталізму, быў разбураны падчас раскулачвання і пачаў ледзь-ледзь аднаўляцца ва ўмовах калгаснага жыцця.

Нам, сённяшнім, не дадзена як след ведаць тое, чым мы не жылі, што стала мінулым, – мы можам толькі яго інтэрпрэтаваць, супастаўляючы многія з’явы і факты. Прычыну “лакiраванасці” пажадальнага маўлення ў вершы трэба, на

нашу думку, бачыць у наступным: у 1930 – 1950 гадах XX стагоддзя актуальнымі ў савецкім мастацтве сталі тэмы сацыялістычнага будаўніцтва, паскоранай калектывізацыі і індустрыяльнага развіцця вялікай краіны, папулярнасць набывалі творы пра тое, як добра стала жыць простаму чалавеку.

Аптымізм выражала масавая думка: трэба трохі пацярпець, і жыць будзе яшчэ лепей. Па бадзёрай настраёнасці паэтычныя радкі пра ад’езд з вяселля супалі з многімі тагачаснымі творамі літаратуры, у прыватнасці – з вершамі “Ляўкоўскага цыклу” Я. Купалы, асабліва з “Вечарынкай” (1935), музыку да якой напісаў С. Палонскі:

... Прыйшлі з поля, з гаспадаркі,
Клуб запоўніўшы да краю,
Брыгадзіры і даяркі,
Брыгадзіркі і свінаркі,
А гармонік грае, грае...

Вesiaляся, ганарыся,
Мой “Чырвоны аратаю”!
Скварка плавае ў місе,
У шаўку скача Марыся,
І гармонік грае, грае...

Майстру слова, Янку Купалу ва ўмовах ужо запанаванага тады сацрэалізму давялося ў “Вечарынцы” трымаць складаную раўнавагу паміж рэальным жыццём на вёсцы (падгледзеў у ляўкоўскай гаспадарцы карціну калгаснага свята, вяселлі працаўнікоў) і мастацкім вымыслам: ці не перабольшанне – безупынныя (*А гармонік грае, грае...*) скокі *брыгадзірак, даярак, свінарак* пасля цяжкага працоўнага дня ў полі і ля жывёлы. Як і пазней у Русаковым тэксце, у місе *плавае скварка* (яркі сімвал заможнасці, выражаны назоўнікам з адценнем зборнасці), і Марыся скача не ў святочным ільняным уборы, а ў *шаўку*. “Гэта на паверхні, для масавага тагачаснага мыслення,” – адзначае А. Макарэвіч [4, с. 300]. Слоўная і інтанацыйная бравурнасць, маўленчы глянец, прыхарошванне ёсць і ў тэксце Русака, асабліва ў зыходнай, рукапіснай яго версіі: ... *Было ж нам нямала ўсяго, што хацелі; ... вазіць каравяі па дзве паўасьміны; ... людзі брыгады працаю рады.*

Затое праўдзіва, ад жыцця, выглядае ў песенным вершы пажаданне сапраўды значнага для тагачаснай вёскі *прыбытку ў хаце*, выражанае спалучэннямі *штогод па дзіцяці і на год і на двое*: калгаснае сялянства на той час не адыходзіла ад сацыяльнага стэрэатыпу, паводле якога шматдзетная сям’я, як бы ні складана было яе падняць, пракарміць, шмат і плённа можа папрацаваць на дабрабыт, устойлівасць сялянскай гаспадаркі.

Беларускі люд 30-х гадоў, як вынікае з тэксту, яшчэ не адышоў і ад стандартызаванай маўленча-этыкетнай формулы звароту: *Дарогу ж мы знаем да вас, ягамосьці...* Так у XIX і на пачатку XX стагоддзя звярталіся да вельмі паважанай асобы ці асоб. Вярбальнае выражэнне ветлівасці ўтрымлівае таксама абяцанне *І вашае ласкі вавек не забудзем*, сінанімічнае з такім жа беларускім *Дзякуй за ласку!* (харошае, паважлівае абыходжанне).

У паэтычным тэксце Адама Русака няма прыцягальных “красивостей” мастацкага пісьма ў выглядзе метафарычных радоў, яркіх параўнанняў, нетрадыцыйных азначэнняў, акрамя разгорнутай метафары – багацця, зычанага маладой пары і ўсяму гасціннаму калгасу, і ўнутры яе – сінекдатычнага пераносу назвы з аднаго прадмета на другі па колькасных паказчыках (*шкварка* замест *шкваркі*, *чарка* замест *чаркі*).

Гіпербалічна выглядае і абяцанне *вазіць караваі па дзве паўасьміны*: асьміна – старадаўняя мера ёмкасці для захавання сыпкіх цел; кожны такі каравай заважыў бы каля 28 кілаграмаў. *Па дзве паўасьміны* ўжыты ў тэксце, відаць, для захавання рытму ў страфе і рыфмы з назоўнікам *радзіны*. Вершаваны радок застольнай песні часта – простая канстатацыя фактаў ці намераў, злучэнне шчырых слоў: *у вашым калгасе шырокае поле; у дуброве начаваць будзем; будзем ездзіць у госці, на адведы, на радзіны; жадаем прыбытку ў хаце*. І гэта выглядае натуральна для маладога творцы, што на пачатку 30-х гадоў яшчэ не стаў майстрам, якому паддаецца выраб паэтычнай тканіны, не паспеў начытацца ўзораў мастацкай літаратуры. Намнога пазней ён стане аўтарам слоў такіх вядомых песень, як “Не за вочы чорныя...”, “Не шукай ты мяне”, “Ой, бярозы ды сосны” і песні з кінафільма “Гадзіннік спыніўся апоўначы”.

Паэтычны твор Русака, пакладзены на музыку, з часам набыў абрадавы характар: сітуацыя ад’езду з вяселля, з гасцявання, відаць, даўно чакала ў грамадстве заключнага акта, эмацыянальнага “клічніка”. Напеўнасць радкоў, лёгкая рытмічная аснова, аптымізм, якога бракавала ў тагачаснай сацыяльнай прасторы пасля столькіх рэвалюцыйных і ваенных страсэнняў і трагедый на пачатку ХХ стагоддзя, прыцягнулі ўвагу многіх музыкантаў, майстроў перакладу.

Так, пасля надрукавання ў “Праўдзе” (1937) мастацкі кіраўнік хору імя Пятніцкага У. Захараў, узрушаны прачытаным вершам, напісаў да яго сваю музыку, і песня ў выкананні вядомага калектыву загучала па радыё, стала набіраць папулярнасць. Перайначыў жа музычную аснову твора І. Любан, сябра аўтара: яму спатрэбіўся заключны радасны верш ў вакальнай кампазіцыі для хора, салістаў і аркестра “Старадаўні беларускі вясельны абрад”. На Беларусі першай выканала “Бывайце здаровы, жывіце багата!..” народная артыстка ССРСР, оперная спявачка Л.П. Александроўская і шмат паездзіла з песняй франтавымі дарогамі.

З перакладаў найбольш важны той, што належыць М. Ісакоўскаму. Паэт ашчадна аднёсся да кожнага слова і знака прыпынку ў беларускім тэксце і не адважыўся, як прызнаваўся, змяніць спецыфічна беларускую мадэль спалучэнняў *да дому, да хаты (А мы уезжаем до дому, до хаты...)*.

На паэтычна-музычным малюнку беларускай застольнай песні з’явіўся і нечаканы штрых: *Мы славно гулялі на прадзніке вашем, // Нигде не видали мы прадзніка краше...* Як і многія аналітыкі песеннага мастацтва, перакладчык скептычна паставіўся да радкоў арыгінала пра слаба матываваны начлег гасцей *у зялёнай дуброве*. Яго новая думка пра яркасць, незабыўнасць свята толькі ўзмацніла характарыстыку беларускага вяселля як адметнага.

Даўні пераклад М. Сысойлава на ўкраінскую мову прывёў да таго, што беларускую песню многія ўкраінцы лічаць сваёй народнай (хоць Русаку, а пазней

і яго бліжкім неаднаразова давялося даказаць і удалося пераканальна даказаць аўтарства):

Бувайте здорові, живіть багато,
Ми ідемо, любі, до рідной хати.
В зелених садочках ми будемо грати
І ваші всі ласки в піснях пам'ятаті.

У вашім колгоспі шырокае поле,
Нехай же на щастя цвіте ваша доля.
У річці у вашій хай повняцца води,
Каб плавали з криком гусей хороводи...

Вядомая застольна-развітальная песня перайначваецца і на сучасны – жартоўны – рускамоўны лад:

Будьте здоровы, живите богато,
Насколько позволит вам ваша зарплата.
Но знайте, зарплаты всегда не хватает,
Просите у предков – они вам добавят...

Але такая рэінтэрпрэтацыя толькі на карысць твору, век якога і праз больш як 80 гадоў не завяршыўся, дадае яму знанасці, жывучасці.

Тэкст Адама Русака, безумоўна, заслугоўвае аднясення да звязных выказванняў, вартых лінгвакультуралагічнага аналізу ці глыбокага філалагічнага разгляду ў ВНУ і школе, паколькі адлюстроўвае адну са старонак гісторыі народа і яго культуры, у ім – багацце культураносных слоў, мясцін “с культурным кампанентам значэння, ключевымі словамі культуры, фонавой лексикой” [5, с 10].

Спіс выкарыстанай літаратуры:

1. Руто, Д.Л. Белорусские прецедентные тексты на занятиях РКИ / Д.Л. Руто // Третьи чтения, посвященные памяти профессора В.А. Карпова: сборник научн. статей. – Минск: БГУ, 2009.
2. Лукьянчик, И. “Бывайце здаровы, жывіце багата...” Как родилась одна из самых популярных застольных песен / И. Лукьянчик // Школа жизни. ру: познават. журнал . – 2013, 7 октября.
3. Караткевіч, У. Зямля пад белымі крыламі: нарыс / У. Караткевіч. – Мн.: Нар. асвета, 1992.
4. Макарэвіч, А.М. “Ляўкоўскі цыкл” Я. Купалы ў кантэксте гістарычнай рухомасці твораў / А.М. Макарэвіч // Творчасць Івана Навуменкі: славянскі, еўрапейскі, сусветны кантэкст: Рэсп. навук. канферэнцыя – Мінск, 2010.
5. Писарук, Г. Лингвистический анализ текста в вузе и школе: учебно-методич. пособие / Г.В. Писарук, Т.М. Лянцевич. – Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина, 2021.

Синельникова Лара Николаевна (L. N. Sinelnikova), доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского государственного педагогического университета (Луганск, ЛНР, Россия) (*Lugansk, Russia*); prof.sinelnikova@gmail.com

УДК 81'38

НЕДЕЛИМОЕ «МЫ» В ПОЭЗИИ КАК ОСНОВА РУССКОГО КУЛЬТУРНОГО КОДА

Аннотация. В статье описан ряд характерных для поэзии когнитивно-дискурсивных моделей представления общности (совместности, единства) с помощью местоимения мы, инклюзивная семантика которого проявляет особенности русского культурного кода. Особое внимание автор обращает на роль поэзии в установлении и закреплении преемственных связей между поколениями.

Ключевые слова: общность, совместность, местоимение мы, инклюзивность, концептуальные репрезентации.

THE INDIVISIBLE "WE" IN POETRY AS THE BASIS OF THE RUSSIAN CULTURAL CODE

Abstract. The article describes a number of cognitive-discursive models of representation of community (compatibility, unity) characteristic of poetry with the help of the pronoun we, the inclusive semantics of which shows the peculiarities of the Russian cultural code. The author pays special attention to the role of poetry in establishing and consolidating continuity between generations.

Keywords: community, compatibility, pronoun we, inclusivity, conceptual representations.

*И во внезапной схожести с людьми
Открыл такое счастье единенья,
Что защемило сердце от любви,
Любви, похожей на благодаренье.
(В. Соколов)*

Поэтика местоимений сложилась в русле описания общих законов поэтического мышления и текстопорождения. В лирическом тексте местоимения могут самостоятельно формировать коммуникативно-прагматическую рамку, варьируя пространство взаимодействия лирического героя с разными объектами и субъектами. Выбор местоимений, их расположение в тексте, повтор, включение в структуры контраста или, напротив, использование для снятия смысловых противоречий – все это составляет содержание местоименной поэтики в её когнитивных характеристиках.

Каждый разряд местоимений обладает смыслообразующими возможностями, которые реализуются в целостности стихотворной структуры и проявляют себя в эмоционально-оценочной сфере поэтического дискурса. Когнитивная гибкость указательных местоимений ощутима в организации незаметного перехода от видимого к его перцептивной обработке, от физически очерченного пространства к бесконечному метафизическому.

Когнитивная значимость неопределенности организуется неопределенными местоимениями, с помощью которых проявляются разные виды знания о мире: недостаточно сформированное знание, скрываемое знание, знание без узуального языкового оформления.

С познавательной сферой связана семантика отрицательных местоимений, и лирический герой с их помощью может реализовать как состояние абсолютного отказа, так и состояние поиска новых смыслов.

Притяжательные местоимения представляют широкий круг принадлежности, маркируют социально и культурно значимые для лирического героя связи с миром людей и с миром вещей.

Основная когнитивная закономерность состоит в том, что лирическая дейк-тичность уравнивает материальные и идеальные сущности. (Подробное описание когнитивных моделей исходных местоимений в поэтическом дискурсе см. [5].)

Местоимение *мы* в системе личных местоимений занимает особое место: с его помощью реализуется когнитивно-этическая установка на общность, совместность, нераздельность как в межличностном общении, так и в общечеловеческом миропребывании. Представление об устойчивой общности определяется национальными традициями, особенностями национального характера. Лирический герой в поэтическом дискурсе проявляет себя как инклюзивная личность, то есть личность, реализующая все возможности взаимодействовать с Другим и Другими [7]. Местоимение *мы* обеспечивает в стихотворении культурно акцентированную инклюзивную среду.

Отношение к местоимению *мы* как к концепту основывается на понимании осуществляемого в стихотворении движения от значения к смыслу, к знанию о некой сущности, выходящей за пределы лексико-грамматической квалификации.

Любой концепт, будучи когнитивной структурой, формируется длительно, в нем в свернутом времени присутствует прошлое, с опорой на прошлое формируется настоящее и планируется будущее, обусловленное желанием не потерять достигнутое знание. Поэзия как носитель универсального кода памяти призвана передавать экзистенциально-жизнеустойчивое знание от стихотворения к стихотворению, от одного поколения к другому.

В русскую национальную культуру встроено представление о совместности, и общность воспринимается как естественное свойство бытия. Когнитивный модус времени в поэзии можно определить формулой И. Бродского: «...настоящему, чтоб обернуться будущим, требуется вчера».

В русле нашей темы подтверждением значимости «вчера» может быть «Словарь живого великорусского языка» В. И. Даля.

Словопроизводство – один из способов закрепления знаний человека об окружающем мире. У Даля морфема *со-* представлена во множестве слов, каждое из которых включает сему неделимой общности: *собеседовать* (“быть обще с кем, чем-либо”), *соболезновать* (“сострадать, сочувствовать в горе, жалеть кого, сожалеть о ком, болеть сердцем”), *совозвышать* (“возвысить вместе”), *совоздвигать* (“воздвигнуть вместе”), *совозлежать*, “сопировать, сидеть за одной трапезой”), *сорыдать* (“рыдать или плакать вместе, по участию в горе), *сорадоваться* (“радоваться вместе, сообща”), *сострадать* (“страдать вместе, переносить муки сообща”). Некоторые значения исчезли, устарели, но приставка *со-* завоевала свою семантическую нишу в ценностной картине русского мира.

В лингвистической науке местоимению *мы* уделено значительное внимание. По названиям публикаций последнего времени можно судить о расширении аспектов рассмотрения этого прономена через актуализацию коммуникативно-прагматического подхода [3; 4], через применение когнитивно-дискурсивного анализа [6], апробацию методов интегрального описания русских местоимений [2]. В большинстве случаев типичные модели организации общения с помощью местоимения *мы* выявляются на основе текстов художественной прозы и публицистики. Специфика поэтического дискурса проявляется в референциальной непрозрачности местоимений, и местоимение *мы* в стихотворении может соотноситься с неограниченным и неопределенным числом референтов, что соответствует неисчислимости составляющих понятия «общность».

Над миром и над ближним прудом,
Над миром и за поворотом...
Нет, **мы** не думали про чудо,
Мы лишь предчувствовали что-то. (Л. Владимирова)

Только в поэзии возможно самореферентное описание местоимения, конструирование его семантики на основе личного рефлексивного опыта:

Что же такое
«мы»?
Мы – из лесов безбрежных.
Мы –
из блокадной тьмы.
Мы –
из стихов сгоревших.
Из невысоких изб.
Песенного всесилья.
Мы – из бессмертья.

Из
плоти твоей,
Россия!

.....

Глядя в лицо огня,
я говорю тревожно:
можно убить
меня.

Нас
убить невозможно! (*Р. Рождественский. Что же такое «мы» ?..*)

Концептуальные репрезентации *мы (нас)* в этом стихотворении представлены в виде предикативных структур, фиксирующих события из памяти в их образно-метафорическом выражении. *Мы* обеспечивает высокий уровень узнавания связей, на основе которых формируется общность. Стилистическая «высокость» языковых средств поддерживает экзистенциальную значимость совместности.

Поэзия фиксирует и закрепляет множество видов общности. Назовем наиболее частотные.

Мы событийное представляет группу людей (в том числе и самого лирического повествователя), испытывающих похожее эмоциональное состояние. Совмещающая дейктичность и обобщенность, местоимение *мы* способствует переходу от фиксации события к его оценке, которая воспринимается как истинная именно благодаря семантике общности – «мы все»:

Мы стихли, покоренные картиной,
Нас увлекла запутанная нить...

.....
Мы целым залом дружно негодуем.
Мы за добро! **Мы** вместе –
против зла!

.....

О, как **мы** вдруг всем залом
задрожали,
Когда на плот вскочил он:
ведь вовек
В толпе вот этой в темном кинозале
Плохой не находился человек. (*Е. Винокуров. Благородство*)

Для поэзии характерна антиномичность временного и вечного, и местоимение *мы* маркирует переход от сенсорной модальности к ментальному обобщению, которое объединяет всех:

Деревья растут в обе стороны –
кроной в небо
и корнями в глубь земли.
И **мы** привыкли к одной их половине...

Как много **мы** знаем о жизни
ветвей!
Как мало **мы** знаем о жизни
корней... (З. Валиев. *Корни и крона*)

Модальный сдвиг обобщения в сторону назидания переводит местоимение *мы* в дидактическую коммуникативную ситуацию, основанную на передаче собственного опыта лирического повествователя: «Ненадобно желать свиданий с теми, / Кого любили **мы** давным-давно» (И. Снегова).

Без объединяющего *мы* трудно представить возможность текстовой реализации многих культурных концептов. В когнитивную модель концептов «любовь» и «дружба» входят понятия «взаимность», «взаимодействие», «нераздельность», и местоимение *мы* оказывается базовым репрезентантом этих понятий. *Мы* в лирических стихах о любви – своеобразный путеводитель по пространству жизни и души лирического героя, наполненного любовью, помнящего любовь, находящегося в состоянии любви, переживающего окончание любви и многое другое:

Мы ведь друг друга пока не забыли.

Мы ведь друг друга еще не любили. (В. Костров. *Песня моя начинается молча*)

Мы расстаемся – и одновременно
овладевает миром перемена... (Б. Ахмадулина)

Мы, объединяющее двух любящих людей, чаще всего включается в перфектное лирическое описание, в котором *мы* из событий жизни переносится в «события» памяти, увеличивающие синергию духовности:

Позади, впереди и вокруг
Никого не докличешься... Что ж!
Острой свежестью прошлых разлук
День сегодняшней так же хорош.

И когда тебе скажут, что нет
Ни меня, ни тебя, ты не верь:

Мы с тобой выходили на свет

Через черные двери потерь. (Л. Владимирова. *Позади, впереди и вокруг...*)

Особой формой проявления общности являются адресованные поэтические жанры. В адресованном жанре посвящения местоимение *мы* организует семантику совместности на основе общей памяти, которая может включать события, оценка которых ретроспективно проявляет уровень близости людей. При этом смысловая совместность поддерживается эмоционально окрашенными языковыми средствами:

Туда, где росли **мы**, туда, где смотрели
в один застоявшийся воздух свирели,
туда, где услышать **мы** были должны
одну тишину от струны до струны...» (О. Седакова. *Сестре*)

Мы в иносказательном лирическом сюжете, оказываясь включенным в виртуальное событие, возможное в будущем, но представленное как свершившееся, оказывается носителем планируемой совместности. В стихотворении Ю. Кузнецова «*Фаэтон*» описывается общее для всех свершившееся будущее:

Планета взорвана – от ужаса
Мы разлетаемся во мрак.
Но все, что падает и рушится,
Великий ноль зажал в кулак.
Свистит былое и грядущее
В сосредоточенной горсти.
Он держит взорванное сущее
И голоса: – Не отпусти!

Высокой степенью инклюзивности обладает *мы*, включающее всех людей, живущих на земле:

Молчаливы иль языкаты,
За машинкою иль с пером,
Прокуроры и адвокаты,
Мы на этой земле живем. (Е. Винокуров. *Молчаливы иль языкаты...*)

Присоединяемая к *мы* выделительная частица *-то* подчеркивает общность «своего круга», обладающего неким знанием, которое достигнуто опытным путем и преподносится как непререкаемое:

Уж **мы-то** знаем: власть пуста, как бочка
с пробитым дном. Чего туда не лей,
не сыпь, не суй – не сделаешь полней
ни на вершок. Хоть полстраны – в мешок
да в воду, хоть грудных поставь к болванке,
хоть полпланеты обойди на танке – покоя нет.
Не снится ей покой. (О. Седакова. *Элегия, переходящая в реквием*)

Общность в русской культуре всегда коннотируется положительно. Эта этическая и мировоззренческая установка поддерживается в стихотворной речи стилистически, и инклюзивное *мы*, как правило, находится в окружении стилистически «высоких» слов:

...С приходом над дремным простором,
где в детстве крестили тебя,

и тамошним аввою в створах
таинственного алтаря,
со льдом иссякающих рек
мы связаны общею чашей
и общей просфорой навек. (Ю. Кублановский. *Когда роковая блещит...*)

Мы инклюзивное входит в экзистенциальные суждения, основывающиеся на архетипах, символических предикатах и других способах проявления философски отмеченной мысли лирического героя: «**Мы** у вечности в гостях / Ставим избу на костях» (Л. Миллер). «**Мы** – Пимены, хотя и с опозданием, /и воссоздание всех прошедших лет / не меньше, чем истории создание (Е. Винокуров).

Время как социальный и жизненный ресурс включает поколенческую измеримость – деление общества на поколения. 20-й век поименован консолидирующими людей десятилетиями: шестидесятники, семидесятники, восьмидесятники. Местоимение *мы* в каждом из десятилетий выступает в роли ценностного идентификатора времени. Стихотворение Лидии Григорьевой «Дебютанты семидесятых» – пример применения поэтического метода метафор, с помощью которого эмоционально-чувственное трансформируется в когнитивно значимое, и время событий превращается во время эпохи, и ключевую фразу «Мы жили в эпоху подтекста» можно считать эпитафией, объективирующей время:

Коль круто замешено тесто,
вовек калача не испечь.
Мы жили в эпоху подтекста:
натужна ненужная речь.
Поэзия стала бесцельной,
обильной, как хлеб дармовой.
Мы были как голос за сценой,
едва различимый, живой.
Стою я в рядах поредельх
ровесников в бедных пальто.
Свободны вполне. Но в пределах...
Безвестны пока. Но зато
ни горя, ни лесоповала,
уверенность в завтрашнем дне...
И «гибель всерьез» миновала.
И жизнь миновала вполне.

В современном социуме отношения между поколениями приобретают острый характер. Не случайно изучение проблем возрастной общности происходит в широком междисциплинарном контексте: биологи, антропологи, психологи, культурологи, акмеологи, социологи рассматривают разные подходы к теории поколения, анализируют условия межпоколенческих взаимодействий и причины конфликтных разрывов. Формируется исследовательское направление, связанное с оценкой поколенческих циклов как групп со своими ценностными ориентациями и жизненными стилями.

Мы поколенческое – социально значимый хронотоп. Граница между *мы* и *они* на определенном историческом этапе может приобретать признаки смены эпох, их культурного, мировоззренческого, этического и даже языкового наполнения [1]. В ситуации драматической смены культурного кода сохранную миссию выполняет поэзия, оставляющая память об уходящем поколении:

Летит душа за облачной грядюю,
Земля зовет, покоем плоть дразня...
А ведь **мы** были рощей молодою,
Мои подруги и мои друзья.
Как **мы** росли! Как **мы** листвою кипели!
В ответ на звук как были **мы** легки!
В ветвях у нас хмельные птицы пели.
В ногах у нас звенели родники.
Неправда! **Мы** не строились в колонну.
Мы жили разноцветьем душ и глаз.
Я потому вас помню поименно
И буду помнить, покидая вас.
Как много **мы**, родные, проглядели,
Как много **мы** предвидеть не смогли.
Нас вырубают. Как **мы** поредели,
Как медлит в капиллярах ток земли.
Но, устремляясь к вечному покою,
Не прокляну борения свои.
Мы были, были рощей молодою,
На наших ветках пели соловьи.
И эти песни **мы** не позабыли
На вырубке, где крик ночной совы.
Мы верили, боролись и любили.
И были **мы** счастливее, чем вы. (В. Костров. *Летит душа за облачной грядюю...*)

В поэзии базовые национальные ценности представлены в варианте «Мы вместе». Поэты призывают относиться к прошлому не как к ушедшему навсегда образу жизни, а как к жизненно важному и глубоко содержательному. *Мы* поколенческое объединило поэтов «обоймы военной» (А. Межиров), и диалог поэтов с молодым поколением организуется на основе памяти, которая, по условиям национального культурного кода, должна быть общей. Лирические сюжеты с таким *мы* воплощают ценности, ставшие для поэтов этого времени мерой вещей, критерием нравственности, носителем идеологии людей, для которых героизм, долг, способность к самопожертвованию были и остаются непререкаемой нормой. Поколенческое *мы* оказалось самым интимным хронотопом, свидетельствующим об общности людей, переживших то, что объединяет на всю жизнь:

Моего поколения люди, –
Сколько боли, потерь и утрат!..

И глаза, словно капельки ртути,
Все на месте никак не стоят.
Вот седины, вот мощные плечи...
Моего поколения люди,
Мы ушли, отработав, в запас.
Я чего-то стыжусь, а по сути
Мне бы надо гордиться за вас.
Мы сидим словно перед заданьем...
И как в муке кричим родовой.
Так давайте же песню затынем –
Этот хриплый припев фронтовой.
Мы бывали пьяны и тверезы:
Сколько чаш – этих горьких цыкут!..
Мы поем, и серьезные слезы
По серьезным морщинам текут. (*Е. Винокуров. Моего поколения люди...*)
Мы – последние этого века.
Мы великой надеждой больны.
Мы – подснежники.
Мы из-под снега,
Сумасшедшего снега войны.
Доверяя словам и молитвам
И не требуя блага взамен,
Мы по битвам прошли,
Как по бритвам,
Так что ноги в рубцах до колен.
Но в конце прохрипим не проклятья –
О любви разговор поведем.
Мы – последние века.
Мы – братья
По ладони, пробитой гвоздем.
Время быстро идет по маршруту,
Бьют часы, отбивая года.
И встречаемся мы на минуту,
А прощаемся вот навсегда.
Так обнимемся.
Путь наш недолог
На виду у судьбы и страны.
Мы – подснежники.
Мы из-под елок,
Мы – последняя нежность войны. (*В. Костров. Мы – последние этого века*)

В воспитательном отношении речь идет не о принудительном приобщении молодого поколения к прошлому, а о привлечении поэзии как аргумента к тезису о том, что духовная связь между поколениями не может быть прерванной. Именно эта связь обеспечивает прочность русского культурного кода, основанного на общности.

Итак, процесс моделирования структуры лирического героя осуществляется в неразрывности *я* и *мы*. Лирическое *мы* являет высокую степень общности людей, сформировавшуюся в физическом мире. Но синергетика этой общности столь велика, что *мы* физическое неизбежно трансформируется в *мы* этическое, мировоззренческое и – главное – передающее идею единения как высшую ценность человеческих взаимоотношений. Хочется надеяться, что неделимое *мы* останется в составе русского культурного кода, и поэзия продолжит быть гарантом его сохранения.

Список использованной литературы:

1. Борисова, Е.Г. Трансформация ценностно-смыслового кода в языке молодежи / Е.Г. Борисова // Верхневолжский филологический вестник. – 2019. – № 2. – С. 138–143.
2. Гранева И.Ю. Русские личные местоимения в свете интегрального описания языка: коммуникативно-прагматические, лингвокультурологические и когнитивно-дискурсивные аспекты: дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / И.Ю. Гранева. – Нижний Новгород, 2022. – 498 с.
3. Норман Б.Ю. Русское местоимение *мы*: внутренняя драматургия / Б.Ю. Норман // Russian linguistics. – 2002. – № 26 (2). – С. 217–234.
4. Норман Б.Ю., Плотникова А.М. Конструкции с местоимением *мы*: формирование актуальной или окказиональной коллективной идентичности / Б.Ю. Норман, А.М. Плотникова // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2016. – № 6 (34). – С. 126–138.
5. Синельникова Л.Н. Дискурсивная семантика русских местоимений. Коммуникативные сценарии в прозе и в поэзии / Л.Н. Синельникова. Издательство: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. – 452 с.
6. Синельникова Л.Н. Дискурсивная семантика личных местоимений / Л.Н. Синельникова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2020. – № 2. – С. 21–28.
7. Яковлева Е.Л. Опыт философского осмысления инклюзивного человека / Е.Л. Яковлева // Карельский научный журнал. – 2015. – № 4 (13). – С. 12–15.

ГЛ.4. ПРОБЛЕМЫ ОСМЫСЛЕНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА СЛАВЯНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ШКОЛ И ВУЗОВ

Акушэвіч Андрэй Аляксандравіч (A. A. Akushevich), кандыдат філалагічных навук, загадчык кафедры рыторыкі і методыкі выкладання мовы і літаратуры філалагічнага факультэта БДУ (г. Мінск, Рэспубліка Беларусь) (Minsk, Republic of Belarus); a.akuszevicz@gmail.com

ШЛЯХІ ПРЭЗЕНТАЦЫІ АСОБЫ І ТВОРЧАЙ СПАДЧЫНЫ ФРАНЦЫСКА СКАРЫНЫ ДЗІЦЯЧАЙ АЎДЫТОРЫІ

Анацыя. Разглядаюцца некаторыя шляхі прэзентацыі асобы і творчай спадчыны Францыска Скарына дзіцячай аўдыторыі: выкарыстанне літаратурных мастацкіх твораў пра аўтара, зварот да кінематографа і драматургіі, конкурсная дзейнасць і іншыя. Выяўленыя шляхі могуць быць карыснымі пры прасоўванні аўтараў даўняй беларускай літаратуры, у працэсе вывучэння творчасці пісьменнікаў ва ўстановах агульнай сярэдняй адукацыі.

Ключавыя словы: Францыск Скарына, старажытная беларуская літаратура, прэзентацыя, прасоўванне, метадыка выкладання беларускай літаратуры, дзіцячая аўдыторыя.

THE WAYS OF PRESENTATION OF FRANCYSK SKARYNA'S PERSONALITY AND CREATIVE HERITAGE TO CHILDREN'S AUDIENCE

Abstract. The separate ways of presenting Francysk Skaryna's personality and creative heritage to the children's audience are considered: the use of literary works about the author, the appeal to cinema and drama, the competitive activities and others. The revealed ways can be useful in the promotion of Belarusian ancient authors, in the process of studying the writer's work in the schools.

Keywords: Francysk Skaryna, old Belarusian literature, presentation, promotion, methods of teaching Belarusian literature, children's audience.

Трансляцыя культурнай спадчыны дзецям з'яўляецца важным пытаннем для грамадства. У тым ліку дзякуючы знаёмству кожнага новага пакалення з аўтарамі і творами, што набываюць статус класічных, адбываецца дыялог паміж традыцыяй і навацыямі, закладваюцца адпаведныя культурныя коды, узнікае агульная для пэўнага народа культурная прастора, прадстаўнікі якой могуць больш глыбока разумець адзін аднаго. Чым раней дзіцячая аўдыторыя пазнаёміцца са здабыткамі сваёй Айчыны, тым хутчэй стане адчуваць сваю далучанасць да яе.

Вялікая плынь размаітай інфармацыі, якая абрыньваецца на сённяшняга выхаванца ці вучня, прымушае задумвацца аб актыўным прасоўванні якасных літаратурных тэкстаў. Разам з тым, варта памятаць, што дзіцячая аўдыторыя (ад 0 да 18 гадоў) не аднастайная: тое, што лёгкаўспрымальна і цікава для чатырнаццацігадовых падлеткаў, як правіла, з'яўляецца цяжкадаступным для шасцігадовых першакласнікаў. Дадзеную акалічнасць фіксуе і вопыт кнігавыдавецкіх прадпрыемстваў: удакладненне ўзроставай катэгорыі патэнцыяльных чытачоў кнігі, распрацоўка рэкламных кампаній і афармлення выданняў з улікам псіхалагічных адметнасцей абранай мэтавай аўдыторыі і г. д.

Існуюць навуковыя і вучэбныя публікацыі, якія разглядаюць праблему менавіта з гэтага боку [1]. У практычнай дзейнасці неабходныя шляхі

прэзентацыі мусяць выбірацца ў залежнасці ад узросту, падрыхтаванасці і іншых характарыстык канкрэтнай групы, на якую накіравана адпаведная праца.

Асобныя гістарычныя постаці прадстаўляюць краіну і на міжнародным узроўні, выступаюць яе своеасаблівым брэндам. Такую ролю адыгрывае Францыск Скарына, уклад якога ў развіццё ўсходнееўрапейскага кнігадрукавання цяжка пераацаніць. Менавіта на прыкладзе папулярызацыі ведаў пра славу тага асветніка ніжэй вылучаны некаторыя шляхі прэзентацыі яго творчасці, якія могуць быць задзейнічаны падчас прадстаўлення і іншых твораў (як старажытных, так і сучасных).

Адразу трэба падкрэсліць, што работа з даўняй беларускай літаратурай мае сваю спецыфіку. Дадзеныя тэксты адрозніваюцца па стылі, тэмах, патрабуюць рознага роду каментароў, звароту да гістарычнага кантэксту, тлумачэння пэўных рэалій, часам вымушаюць праводзіць дадатковую працу з матывацыяй да чытання і г.д. Гэта, з аднаго боку, накладвае абмежаванні, з іншага – адкрывае новыя гарызонты.

1. Падручнікі, вучэбныя дапаможнікі.

Пазіцыянаванне Францыска Скарыны ў вучэбных дапаможніках для ўстаноў агульнай сярэдняй адукацыі выступае неад’емным складнікам прэзентацыі вобраза першадрукара перад дзіцячай аўдыторыяй. Усе вучні краіны праچытаюць пра славу тага асветніка на ўроках літаратуры, гісторыі і мастацтва [2; 3; 4; 5] і атрымаюць базавыя веды з пазіцыі розных навук (дысцыплін). Напрыклад, у вучэбным дапаможніку па літаратуры для 9 класа напісана: «Асобу Францыска Скарыны можна супаставіць толькі з тытанамі Адраджэння» [3, с. 23], «Цяжка паверыць, што ўсё здзейсненае ім зрабіў адзін чалавек. Сапраўды, Францыск Скарына – усходнеславянскі першадрукар. Ужо адным гэтым ён мог бы навечна застацца ў гісторыі славянскай культуры» [3, с. 26]. Вучэбны дапаможнік для 7 класа па гісторыі сцвярджае: «Цэнтральнай постацю Адраджэння на Беларусі быў Францыск Скарына (каля 1490 – каля 1551). Аднак гэтая асоба мае значэнне не толькі ў межах Беларусі. Скарына – постаць агульнаеўрапейскага маштабу. Гэта не толькі беларускі, але і ўсходнеславянскі першадрукар. Ён быў пачынальнікам друкарскай справы ў Вялікім Княстве Літоўскім» [4, с. 40–41]. Працытаваныя вышэй словы дапамагаюць вучням сфарміраваць адпаведныя адносіны да славу тага асобы.

2. Біяграфічныя па змесце праяўныя творы, цэнтральнай фігурай якіх выступае пісьменнік.

Творы, якія па-мастацку паказваюць жыццё і творчасць пісьменніка, яго характар, эпоху, могуць быць цікавыя дзецям як узоры для пераймання, як прыклады паспяховых стратэгий, што варта выкарыстаць, як арыенціры для пастаноўкі доўгатэрміновых мэт і задач. Традыцыйна вучням прапануюцца пазнаёміцца з кнігамі А. Лойкі «Францыск Скарына, або Сонца Маладзіковае» [6], «Скарына на Градчанах» [7], А. Клышкі «Францыск Скарына, альбо Як да нас прыйшла кніга» [8], М. Садковіча, Я. Львова «Георгій Скарына» [9]. Пры гэтым важна разумець, што ў такіх творах прысутнічаюць аўтарскія інтэрпрэтацыі, мастацкія дапушчэнні, расказваецца пра факты, якія сучасная навука не прызнае, заўважаюцца пэўныя ідэалагічныя ўстаноўкі.

3. Творы з персанажам-літаратарам, напісаныя адмыслова для дзяцей.

У мастацкіх выданнях для дзяцей Францыск Скарына можа станавіцца літаратурным персанажам, напрыклад, у наступных кнігах: Е. Нэмм «У гасцях у Францыска Скарыны» [10], С. Клімковіч «Скарбы першадрукара» [11]. Зразумела, што перад чытачамі ўжо не строга гістарычная асоба, а вобраз (часта казачны). Аднак такі падыход выклікае цікавасць у дзяцей і можа падштурхнуць да вывучэння сапраўднай біяграфіі пісьменніка-персанажа. Да таго ж, першадрукара можа выступаць і персанажам коміксаў, як аматырскіх, так і змешчаных у друкаваных выданнях, што блізка пэўнай частцы разглядаемай мэтай аўдыторыі.

4. Драматургічныя тэксты.

Жыццёвы шлях Францыска Скарыны традыцыйна звяртае на сябе ўвагу драматургаў (гл.: [12] і інш.). У 2017 годзе па выніках адпаведнага конкурсу пабачыў свет зборнік новых п'ес пра першадрукара «Францыск Скарына і сучаснасць» [13]. П'еса пра пісьменніка, увасобленая на сцэне, застанецца ў памяці юнага глядача і паспрыяе знаёмству з творчасцю аўтара.

5. Энцыклапедыі для дзяцей, навукова папулярныя выданні.

Энцыклапедычныя выданні дазваляюць сістэмна пазнаёміцца з творчасцю пісьменніка. Пра першадрукара такую энцыклапедыю падрыхтаваў А. Суша [14]. Навукова-папулярныя выданні дапамагаюць у больш даступнай форме данесці патрэбныя пра гістарычную асобу звесткі. У ролі такога выдання пра Францыска Скарыну доўгі час выступала праца М. Прашковіча [15].

6. Мастацкія фільмы.

Мастацкія фільмы пра пісьменнікаў выклікаюць попыт з боку аматараў кінематографа. Знаёмства з творчасцю аўтара праз экранныя вобразы нярэдка стымулюе продажы яго кніг, запуская новую хвалю папулярнасці літаратара. У сувязі з гэтым узгадваецца фільм «Я, Францыск Скарына...» (1969, «Беларусьфільм», рэж. Б. Сцяпанаў) [16]. Аднак варта ўлічваць, што дадзены твор абапіраўся на навуковыя звесткі свайго часу. Скарыназнаўства ж пайшло далей, таму зараз наспявае час для новага біяграфічнага мастацкага фільма пра беларускага першадрукара.

7. Дакументальныя фільмы, тэлеперадачы.

Дакументальныя фільмы (тэлеперадачы) дапамагаюць за доволі кароткі час пазнаёміць з жыццёвым шляхам пісьменніка, паказаць шматлікі ілюстрацыйны матэрыял, меркаванні экспертаў, данесці нестандартны погляд. Пра Францыска Скарыну існуе немалая колькасць такіх праектаў. Для прыкладу назавём наступныя: «Францыск Скарына: чытаючы гравюры...» (2017, рэж. А. Лявай) [17]; «Цікавыя факты жыцця славітага асветніка Беларусі Францыска Скарыны» (2016) [18]. Неабходна памятаць, што часам відэапрадукты могуць прапаноўваць ненавуковыя погляды на рэчаіснасць, абапірацца на міфы і забабоны, таму абавязковымі з'яўляюцца папярэдні адбор і аналіз фільмаў (тэлеперадач) перад прадстаўленнем іх вучням.

8. Мультыплікацыя.

Значны патэнцыял ў прэзентацыі пісьменніцкай працы дзецям мае мультыплікацыя. Пры вывучэнні спадчыны Францыска Скарыны можна звярнуцца да мультыплікацыйнага фільма «Магістр вольных мастацтваў» (2018,

«Беларусьфільм», рэж. А. Пяткевіч) [19]. Пазітыўную ролю можа адыгрываць і мультыплікацыя, змешчаная ў інтэрнэт-прасторы (у тым ліку аматарская).

9. Праекты ў перыядычных выданнях.

Стымуляваць цікавасць да чытання канкрэтных аўтараў могуць літаратурныя праекты ў перыядычных выданнях. Напрыклад, часопіс «Вясёлка» (<https://www.veselka.by>) размяшчаў матэрыялы для сваіх чытачоў з нагоды 500-годдзя беларускага кнігадруку. Інтэрактыўныя праекты бываюць, як правіла, больш эфектыўнымі. Яны таксама моцна залежаць ад характарыстык аўдыторыі выдання.

10. Літаратурныя конкурсы.

Літаратурныя конкурсы (вышэй ўжо узгадваўся драматургічны конкурс) заахвочваюць дзяцей да творчасці. Калі конкурс прысвечаны пісьменніку, гэта прымушае пазнаёміцца з яго ўкладам у культуру. Конкурсы можна праводзіць і ў межах ўстановы адукацыі (класа). Заданне можа быць, напрыклад, такім: «Напішыце кароткае апавяданне (да 2000 знакаў з прабеламі), галоўным героем якога будзе Францыск Скарына».

11. Дзіцячыя праекты.

Праекты, выканаўцамі якіх з'яўляюцца дзеці, дазваляюць ім узаемадзейнічаць са спадчынай пісьменніка, пераасэнсоўваць яе. Напрыклад, можна прапанаваць вучням: 1) стварыць партрэтную галерэю Францыска Скарыны; 2) выбраць 10 найбольш адметных кніг пра першадрукара і напісаць на іх водгук; 3) скласці каталог дакументальных фільмаў пра асветніка і г.д. Выдатныя ідэі праектаў могуць сыходзіць і ад саміх дзяцей.

12. Нефармальныя адукацыя, гурткі, аб'яднанні, вечарыны, канферэнцыі.

У межах пазаўрочнай работы ёсць магчымасць эфектыўна вывучаць творчую спадчыну беларускіх пісьменнікаў. Напрыклад, літаратурныя, творчыя і навукова-даследчыя гурткі, краязнаўчыя аб'яднанні вывучаюць у тым ліку і гісторыю кнігадрукавання. Пры Нацыянальнай бібліятэцы Беларусі працуе «Клуб кніжных прафесараў» [20]. На вечарынах і канферэнцыях вучні могуць падзяліцца сваімі напрацоўкамі. На падобныя мерапрыемствы нярэдка запрашацца эксперты (пісьменнікі).

13. Выставы.

Шматлікія выставы ў розных установах, прымеркаваныя да Дня беларускага пісьменства і іншых дат, звязаных з дзейнасцю Францыска Скарыны, канцэнтруюць увагу чытачоў на значэнні адпаведных культурных скарбаў. Выставу кніг можна арганізаваць сумесна з вучнямі на базе бібліятэкі ўстановы адукацыі.

14. Выкарыстанне вобраза пісьменніка і яго твораў у дызайне прадукцыі, пры распрацоўцы брэндаў і інш.

Наяўнасць партрэта Францыска Скарыны, яго шрыфтоў, тэкстаў на разнастайнай прадукцыі (кнігах, нататніках, кашулях, кубках і г.д.) нагадвае (у якасці медыятэксту) усім, хто сутыкаецца з такімі аб'ектамі, пра ролю гэтай асобы ў грамадстве, адсылае да першакрыніц, якія падаюцца як у перапрацаваным (матэрыял, кропка адліку для работы), так і ў арыгінальным выглядзе (фактычна, цытата). Спадчына першадрукара можа прымяняцца пры распрацоўцы пазнавальных брэндаў.

15. Цытаты (афарызмы) аўтара.

Цытаты пісьменніка могуць набываць самастойнае жыццё. Выслоўе Францыска Скарыны «Понеже...» было перакладзена на шматлікія мовы свету [21]. Цытаты могуць трывала ўваходзіць у мову, культурную прастору і пры ўзнаўленні накіроўваць да іх аўтара. Зразумела, што можна прадставіць пісьменніка праз яго словы, найбольш удалыя фрагменты тэкстаў, аднак трэба памятаць пра пэўныя праблемы, звязаныя з цытаваннем, што ўзнікаюць, як у вусным маўленні, так і ў друкаваных выданнях, інтэрнэце (напрыклад, гл.: [22]).

16. Факсімільныя выданні.

Факсімільныя выданні дазваляюць часткова «дакрануцца» да спадчыны аўтара, паказаць, як выглядала кніга раней. Гэта дапамагае заахоціць пэўную частку дзіцячай аўдыторыі да працы са старажытнымі тэкстамі. Вялікае значэнне мае факсімільнае ўзнаўленне выданняў Францыска Скарыны [23].

17. Падрыхтоўка тэкстаў аўтара для чытання дзіцячай аўдыторыяй.

Старажытныя тэксты часта неабходна адаптаваць, перакладаць на сучасную мову, таксама да іх бывае мэтазгодна распрацоўваць каментарыі, бо ў арыгінальным выглядзе яны цяжкадаступныя для чытання дзецьмі. Пры сутыкненні вучня са спецыяльна падрыхтаваным «прыгожым пісьменствам» некаторыя бар'еры могуць здымацца. Напрыклад, тэксты Францыска Скарыны пераклаў і адрасаваў «шырокаму колу чытачоў» І. Саверчанка [24]. Такі шлях прэзентацыі не варта недаацэньваць.

18. Кнігі, прысвечаныя пісьменніку, тэксты-прысвечэнні.

Славутым пісьменнікам прысвечваюць кнігі і літаратурныя творы. Іх наяўнасць указвае на прызнанне аўтара, на магчымасць шырокага вывучэння яго спадчыны ў грамадстве. Францыску Скарыну неаднаразова прысвечалі свае тэксты іншыя творцы (напрыклад, гл.: [25]). Аўтара карысна прадстаўляць праз творчасць іншых літаратараў, бо гэта падкрэслівае яго ўплыў на далейшае развіццё літаратуры.

19. Прасоўванне аўтара ў інтэрнэт-прасторы.

Прысутнасць пісьменніка ў інтэрнэт-прасторы з'яўляецца сёння амаль абавязковай. Не выключэннем выступаюць тут і старажытныя аўтары. Запыт «Францыск Скарына» ў пошукавых сістэмах дае вялікую колькасць спасылак, у тым ліку на такія рэсурсы, як Вікіпедыя, Нацыянальная бібліятэка Беларусі і інш.

20. Гульні, квэсты, вэб-квэсты.

Знаёмства з аўтарам у гульнівай форме дазваляе стварыць вакол яго пазітыўную атмасферу. Віктарыны, гульні, квэсты, вэб-квэсты могуць быць моцнымі інструментамі ў папулярнага творчасці, напрыклад: [26]. Элементы гульні нярэдка выкарыстоўваюць на сутрэчах з чытачамі дзіцячыя пісьменнікі.

21. Музейныя заняткі.

Музейная педагогіка мае сур'ёзныя магчымасці, якія далёка не поўна выкарыстоўваюцца ў прасоўванні і навучанні (гл.: [27]). Работа ў антуражы экспанатаў выклікае больш яркія эмоцыі, дазваляе рознабакова ўплываць на чытача падчас прэзентацыі і г. д. Зараз прапаноўваюцца музейныя заняткі ў тым ліку і па творчасці Францыска Скарыны [28].

22. Радыёперадачы.

Знаёміць з літаратурай можна і праз радыёперадачы. Значная колькасць людзей добра апрацоўвае інфармацыю праз слыхавы канал. Работа з

аўдыёматэрыяламі можа ісці паралельна з механічнымі дзеяннямі чалавека (напрыклад, па дарозе ва ўстанову адукацыі, падчас выканання хатніх абавязкаў). Радыёперадачы пра пісьменнікаў і радыёпастаноўкі патрабуюць больш актыўнай рэкламы сярод вучняў.

23. Пісьменнік (яго тэксты) у творах іншых відаў мастацтва.

Асоба пісьменніка, яго творы, героі, біяграфія кладуцца ў падмурак твораў розных відаў мастацтва (разам са згаданымі вышэй): музыка, жывапіс, графіка і г. д. Францыск Скарына часта выступае крыніцай натхнення для творцаў, што зноў жа паказвае ўключанасць аўтара ў культурную прастору.

24. Стварэнне дзецьмі ўласных твораў.

Важным пры прасоўванні творчасці аўтара выяўляецца стварэнне магчымасці для ўласнай творчасці чытачоў-дзяцей. Напрыклад, вучням можна прапанаваць наступныя заданні: «Намалюйце партрэт Францыска Скарыны, на якім адлюстраваны яго дасягненні. Прарэкламуйце свой твор перад аднакласнікамі»; «Выкарыстайце шрыфт Францыска Скарыны пры афармленні вокладкі свайго любімага твора».

Такім чынам, усе акрэсленыя вышэй шляхі прэзентацыі асобы і творчай спадчыны Францыска Скарыны маюць дастаткова высокі патэнцыял, што паказвае і практыка звароту да іх. Натуральна, прыведзены пералік не вычарпальны і можа быць пашыраны. Эфектыўнасць прымянення кожнага з прапанаваных варыянтаў у значнай ступені залежыць ад канкрэтнай мэтавай аўдыторыі. Вынікі дадзенага даследвання могуць быць паспяхова выкарыстаны ў працэсе папулярызацыі аўтараў і іх твораў.

Спіс выкарыстанай літаратуры:

1. Шишкина, Н. И. Реклама и продвижение книжных изданий: учебное пособие для студентов учреждений высшего образования по специальности «Издательское дело» / Н. И. Шишкина. – Минск : Республиканский институт высшей школы, 2021. – 335 с.

2. Беларуская літаратура: вучэб. дапам. для 10-га кл. устаноў агул. сяр. адукацыі з беларус. і рус. мовамі навучання (з электр. дадаткам для павыш. узроўню) / пад. рэд. А. П. Бязлепкінай-Чарнякевіч, І. Д. Воюш. – Мінск : Нац. ін-т адукацыі, 2020. – 294 с.

3. Беларуская літаратура: вучэб. дапам. для 9 кл. устаноў агул. сярэд. адукацыі з беларус. і рус. мовамі навучання / пад рэд. В. У. Праскаловіч, В. П. Рагойшы. – Мінск : Нац. ін-т адукацыі, 2019. – 286 с.

4. Гісторыя Беларусі, XVI—XVIII стст. : вучэб. дапам. для 7-га кл. устаноў агул. сярэд. адукацыі з беларус. мовай навучання / пад рэд. В. А. Вароніна, А. А. Скеп'ян. – Мінск : Выд. цэнтр БДУ, 2017. – 214 с.

5. Искусство (отечественная и мировая художественная культура): учебное пособие для 8 кл. учреждений общего среднего образования с русским языком обучения (с электронным приложением) / под ред. С. И. Колбышевой. – Минск : «Адукацыя і выхаванне», 2018. – 191 с.

6. Лойка, А. Францыск Скарына, або Сонца Маладзіковае : раман-эсэ : для сярэд. і ст. шк. узросту / А. Лойка. – Мінск : Мастацкая літаратура, 2009. – 366 с.

7. Лойка, А. Скарына на Градчанах : апавесць : для мал. і сярэд. шк. узросту / А. Лойка ; маст. В. Мікіта. – Мінск : Юнацтва, 1990. – 111 с.

8. Клышка, А. Францыск Скарына, альбо Як да нас прыйшла кніга : для малод. і сярэд. шк. узросту / А. Клышка. – Мінск : Беларусь, 2016. – 125 с.
9. Садкович, М. Георгий Скорина : исторический роман : для ст. шк. возраста / М. Садкович, Е. Львов. – М. : Детская литература, 1988. – 382 с.
10. Нэмм, Е. В гостях у Францыска Скорины : сказка / Ева Нэмм ; худож. Е. Першина. – Минск : Звезда, 2016. – 48 с.
11. Климкович, С. В. Сокровища первопечатника: приключенческая повесть: для мл. и ср. шк. возраста / С. В. Климкович. – Минск : Книжный Дом, 2017. – 286 с.
12. Скобелев, Э. Сыны Отечества. Исторические драмы : для ст. шк. возраста / Э. Скобелев. – Минск : Беларусь, 1999. – 302 с. – (Школьная библиотека).
13. Францыск Скарына і сучаснасць : зб. п'ес / Нац. б-ка Беларусі, Рэсп. тэатр беларус. драматургіі, Цэнтр беларус. драматургіі. – Мінск : Нац. б-ка Беларусі, 2017. – 334 с.
14. Суша, А. А. Францыск Скарына : у 3 ч. / А. А. Суша. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2016. – (Беларус. дзіцячая энцыкл.).
15. Прашковіч, М. І. Францішак Скарына – беларускі першадрукар / М. І. Прашковіч. – Мінск : Народ. асвета, 1970. – 93с. – (Школьнікам – аб гісторыі БССР).
16. Я, Францыск Скорина... [Электронны рэсурс] // Кинопоиск. – Режим доступа: kinopoisk.ru/film/475983/. – Дата доступа: 1.12.2022.
17. Францыск Скарына: чытаючы гравюры... | ЗАПІСКІ НА ПАЛЯХ [Электронны рэсурс] // Беларусь 3: youtube-канал. – Рэжым доступу: <https://www.youtube.com/watch?v=ZQuVKUCIYro>. – Дата доступа: 1.12.2022.
18. Цікавыя факты жыцця славутага асветніка Беларусі Францыска Скарыны [Электронны рэсурс] // СТВВУ: youtube-канал. – Рэжым доступу: <https://www.youtube.com/watch?v=qJlqVj2K9tc>. – Дата доступа: 1.12.2022.
19. Магістр вольных искусств (2018) [Электронны рэсурс] // Кинопоиск. – Режим доступа: <https://www.kinopoisk.ru/film/4535994/>. – Дата доступа: 1.12.2022.
20. Клуб кніжных прафесараў [Электронны рэсурс] // Нацыянальная бібліятэка Беларусі. – Рэжым доступу: <https://www.nlb.by/by/paslugi/satsyukulturnyya-paslugi/praekt-u-gostsi-da-knig/klub-knizhnykh-prafesara/>. – Дата доступа: 1.12.2022.
21. Францыск Скарына на мовах народаў свету / уклад., паслясл. А. Карлюкевіча. – Выд. 3-е, дап. – Мінск : Паліграфкамбінат, 2018. – 143 с.
22. Акушэвіч, А. А. Цытаты Францыска Скарыны ў інтэрнэт-прасторы / А. А. Акушэвіч // Скориновские чтения – 2021: роль книги в современном обществе: материалы V Междунар. форума, 07–08 окт. 2021 г. / под ред. В. И. Куликовича. – Минск, 2021. – С. 186–189.
23. Кніжная спадчына Францыска Скарыны : у 20 т. / Нац. б-ка Беларусі. – Факс. узнаўл.– Мінск : Нац. б-ка Беларусі, 2013–2017.
24. Скарына, Ф. Выбраныя творы / Ф. Скарына ; уклад, прадм., пер. на беларус. мову І. В. Саверчанкі. – Мінск : Беларус. навука, 2008. – 110 с.
25. Слаўны сын Беларусі. Кніга пра Скарыну : для сярэд. і ст. шк. узросту / прадм. А. І. Мальдзіса ; уклад. і пасляслоўе С. С. Панізніка ; маст. Р. У. Кондрад. – Мінск : Юнацтва, 1994. – 254 с. – (Школьная бібліятэка).

26. Казачэнка, І. Дарогамі першадрукароў : вэб-квэст (9 клас) / І. Казачэнка // Роднае слова. – 2017. – № 5. – С. 67–68.

27. Шляхтина, Л. М. Музейная педагогика : учебно-методическое пособие / Л. М. Шляхтина. – СПб. : СПбГИК, 2021. – 60 с.

28. Музейныя заняткі [Электронны рэсурс] // Музей беларускага кнігадрукавання. – Рэжым доступу: <http://book.polotsk.museum.by/be/node/49796>. – Дата доступу: 1.12.2022.

Габдулхаков Валерьян Фаритович (V. F. Gabdulkhakov), доктор педагогических наук, профессор, руководитель НОЦ педагогических исследований Казанского федерального университета (*г. Казань, Республика Татарстан*), pr_gabdulhakov@mail.ru

Зиннурова Альфия Фидаиловна (A. F. Zinnurova), кандидат педагогических наук, доцент Казанского государственного архитектурно-строительного университета (*г. Казань, Республика Татарстан*)

УДК 159.922.5

МАНКУРТИЗМ В ЭТНИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ УЧАСТНИКОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Аннотация. Цель статьи – показать особенности проявления манкуртизма в сознании участников образовательного процесса. Манкуртизм понимается как отрыв личности от этнических корней. Это явление сейчас не только социальное, культурное, но и

психолого-педагогическое, актуальное для современного школьного и высшего образования. Диагностическое исследование проходило на базе школ и университетов Татарстана в 2021-2022 гг. При этом была использована база архивных материалов и цифровых ресурсов. В ходе исследования было установлено, что манкуртизм характерен для большинства участников образовательного процесса и имеет свои особенности, положительные и отрицательные. Эти особенности необходимо учитывать при построении педагогических систем, направленных на воспитание гражданственности, патриотизма, на формирование норм межкультурного общения в школе и вузе.

Ключевые слова: манкуртизм, этническое сознание, образовательный процесс, школьники, студенты, педагоги.

MANCURTISM IN THE PARTICIPANTS' ETHNIC CONSCIOUSNESS EDUCATIONAL PROCESS

Abstract. The purpose of the article is to show the peculiarities of the manifestation of mancurtism in the minds of participants in the educational process. Mankurtism is understood as the separation of personality from ethnic roots. This phenomenon is now not only social, cultural, but also psychological and pedagogical, relevant for modern school and higher education. The diagnostic study was conducted on the basis of schools and universities of Tatarstan in 2021-2022. At the same time, a database of archival materials and digital resources was used. In the course of the study, it was found that mancurtism is characteristic of the majority of participants in the educational process and has its own characteristics, positive and negative. These features must be taken into account when building pedagogical systems aimed at fostering citizenship, patriotism, and the formation of norms of intercultural communication at school and university.

Keywords: mancurtism, ethnic consciousness, educational process, schoolchildren, students, teachers.

Манкуртизм как явление социальное, поликультурное, межэтническое замечали и разъясняли многие культурологи, философы, социологи, писатели, публицисты. Наиболее образно и точно это явление описал Чингиз Айтматов [1]. В современном понимании манкуртизм как самосознание личности означает отрыв (отказ) этой личности от истории, культуры, языка народа, к которому она генетически, исторически, этнически принадлежит.

В период обострения политических, экономических, межэтнических отношений манкуртизм одними воспринимается как положительное явление, другими как отрицательное. К примеру, современные сепаратисты, националисты, неонацисты к манкуртам относят всех, кто не говорит на родном (с точки зрения этнической принадлежности) языке, не разделяет или равнодушен к националистической интерпретации истории, культуры, языка, традиций и т.д. В этом случае манкуртизм приобретает нарицательный смысл и звучит в националистической публицистике как оскорбительное слово и ассоциируется чаще со словом *предательство*.

В образовательной практике школ и университетов Татарстана манкуртизм как понятие или социальное явление звучит крайне редко. Однако количество людей (школьников, родителей, студентов, педагогов), обладающих не татарским, а русским национальным самосознанием, растёт. Это не радует идеологов, публицистов национальной (или националистической) ориентации.

Исторический экскурс

На поляризацию людей одной национальности (по принципу – манкурт или не манкурт) влияет знание истории происхождения и развития этноса и, конечно, разная интерпретация истории и культуры. Согласно принятым сейчас историческим данным, казанские татары происходят из Волжской Булгарии (и назывались в прошлом булгарами), в средние века Булгария оказалась в юрисдикции Золотой Орды и развивалась как Казанское ханство, после взятия Казани Иваном Грозным постепенно превратилась в Казанскую губернию и булгар в итоге стали называть татарами, после Октябрьской революции 1917 г. Булгария (в прошлом) стала Советской Татарией (автономной республикой в составе РСФСР), а население стало официально называться татарами, после распада СССР Булгария стала Республикой Татарстан, сохранив прежнюю автономию (по отдельным направлениям суверенитет) в составе России [4, 5, 6].

Взятие Казани Иваном Грозным произошло при помощи касимовских татар (представителей Касимовского ханства, располагавшегося по соседству с Москвой на территории современной Рязанской области). Они смогли сломить сопротивление горожан и генуэзцев (наёмных итальянцев). Последние традиционно составляли личную охрану казанских ханов.

И до, и после взятия Казани булгары служили как в русских, так и литовских, польских и других дружинах, вступали в смешанные браки, становились дворянами, князьями, полководцами, иногда помнили, иногда забывали свои этнические корни.

Результаты исследования

В 2021-2022 гг. мы провели исследование «Манкуртизм в этническом сознании участников образовательного процесса». Респондентам (348 педагогов, 654 старшеклассника, 322 студента разных университетов) предлагалось назвать 20 известных представителей русской национальной культуры, которых они знают и считают представителями не только русского, но и татарского этноса. При этом сами респонденты – этнические татары – обладали русским национальным самосознанием, говорили на русском как на родном, татарским языком владели больше на уровне понимания, а не говорения.

Респонденты назвали около 100 имён. Мы отобрали 20 имён, набравших не менее 30% опрошенных. Среди них оказались Годунов, Пожарский, Нарышкин, Суворов, Кутузов, Ушаков, Державин и др. (см. табл. 1).

Этническое восприятие этих людей как представителей двух этносов (булгаро-татарского и русского) среди педагогов, студентов и старшеклассников оказалось разным (см. табл. 1).

Таблица 1. Манкуртизм в этническом сознании участников образовательного процесса (в %)

№	Названные имена	Педагоги	Студенты	Старшеклассники
1.	Годунов	76	54	66
2.	Пожарский	56	42	40
3.	Нарышкин	35	48	27
4.	Суворов	75	69	43
5.	Кугузов	79	62	41
6.	Ушаков	31	22	15
7.	Державин	85	90	64
8.	Карамзин	73	54	35
9.	Мусины-Пушкины	52	37	22
10.	Огарев	25	12	10
11.	Чаадаев	23	18	15
12.	Радищев	26	19	14
13.	Аксаков	92	84	45
14.	Шишкин	67	59	40
15.	Колчак	45	28	11
16.	Булгаков	86	75	32
17.	Бунин	67	62	24
18.	Рахманинов	51	32	13
19.	Ахматова	95	89	78
20.	Машков	34	27	15

Как видим, среди названных педагогами, студентами и старшеклассниками имён есть известные исторические деятели, полководцы, писатели, художники, музыканты, артисты – символы русской национальной культуры, имеющие, по данным разных источников, болгаро-татарское происхождение [2, 3, 4, 5, 6, 7].

Вопрос, который был задан респондентам, конечно, провокационный: ортодоксальные татары националистической ориентации не относят эти имена к татарскому этносу и считают их или русскими, или манкуртами. Наши же респонденты, осознавая своё болгаро-татарское происхождение, увидели в названных ими представителях символы русской национальной культуры, пережили гордость за их причастность к двум культурам – болгаро-татарской и русской.

Анализ полученных результатов показывает (см. табл. 1), что манкуртизм (как нигилизм или равнодушное отношение к своим корням) больше характерен для педагогов, в меньшей степени для студентов и еще меньше для старшеклассников. В то же время надо признать, что в среднем более 50% опрошенных респондентов-татар, действительно, обладают русским национальным самосознанием, эта часть опрошенных гордится людьми, которые являются символами и гордостью России.

В этот список не попали известные в современной России деятели культуры, театра и кино Чулпан Хаматова, Марат Башаров и мн. др., так как они на самом деле татарского происхождения, не скрывают этого и своим творчеством на глазах у всех интегрируют русскую и татарскую культуры.

На предложение указать документальные основания для своих утверждений (см. табл. 1), многие респонденты назвали популярную в Татарстане книгу Альфреда Халикова «500 русских фамилий болгаро-татарского происхождения» [2] и электронные ресурсы в Интернете [3, 4, 5, 6, 7].

В результате получилась такая персонифицированная портретная таблица (см. табл. 2).

Таблица 2. – Документальные сведения об этнической родословной известных людей России

Портреты	Генеалогические сведения
	<p>ГОДУНОВ. Через брак своей сестры и царевича Феодора Чета-мурза, более известного под именем Бориса Годунова, породнился с царем. Последний из Рюриковичей царь Феодор царствовал 14 лет и умер в 1598 году, не оставив наследника. Власть полностью перешла татарину царю Борису Годунову, который фактически уже правил с 1587 года. По завещанию царя Бориса Годунова, московский трон перешел к его сыну, татарину Феодору Годунову. Однако, молодой царь не смог удержать власть в своих руках и был убит боярской группировкой. В продолжение традиций Иоанн Грозный женил своих сыновей на татарках – старшего Ивана на Евдокии Сабуровой, а младшего Феодора на Ирине Годуновой. (Электронный ресурс).</p>
	<p>ПОЖАРСКИЙ. Князь Дмитрий Михайлович Пожарский (1548 — 1642 гг.) был сыном урожденной Беклемишевой, т.е. имел тюркское происхождение (РБС, XVII, с. 220-221). (Электронный ресурс).</p>
	<p>НАРЫШКИН. Бразды правления до совершеннолетия сына Петра взяла в свои руки Наталья Нарышкина, женщина нового времени, образованная, умная и властная. Именно с этого времени во главе государства становится прогрессивный крымско-татарский клан Нарышкиных. Петр Первый Алексеевич был очень привязан к своей татарской родне. Он доверил своему дяде Льву Кирилловичу Нарышкину во время своих европейских вояжей управление Россией. (Электронный ресурс).</p>

СУВОРОВ.

Суворовы происходят из рязанских дворян и находятся в родстве с Измайловыми, Сунбуловыми и Коробьинными. Все эти фамилии имеют тюркское происхождение. Поэтому следует полагать такое же происхождение и для Суворовых, что подтверждает тюркской основой прозвища Сувор «наездник» (Баскаков 1979, с. 84-85). (Электронный ресурс). Выходцы из деревни Сувар.

КУТУЗОВ.

Под 1448 годом отмечен Василий Фёдорович Кутузов (ПСРЛ, 25, с. 267), а также другие Кутузовы с именами тюркского происхождения, например, Булыга, Бурдук и др. (Веселовский 1974, с. 174). (Электронный ресурс). Для современных татар – Кутуз абый (дедушка Кутуз).

УШАКОВ.

Основа рода выводится к тюркоязычному князю Касуйской Орды Редега, два сына которого, в крещении принявшие имена Юрий и Роман, перешли на киевско-славянскую службу. Праправнук Романа Редегича Григорий Слепой имел сына Ушака, от которого пошли Ушаковы (ОГДР, VIII, с. 9). Фамилия Ушаков имеет в своей основе тюркское слово Ушак «малый, невысокий человек» (Баскаков 1979, с.71). (Электронный ресурс).

ДЕРЖАВИН.

Г. Р. Державин вел род от татарского мурзы Багрима (XV век), который выехал из Большой Орды и поступил на службу к великому князю московскому Василию II. Державиным в Казанской губернии принадлежали земельные владения по реке Мёша (ныне Лаишевский район). В 1758–1761 гг. Г. Р. Державин учился в Казанской первой мужской гимназии. Гимназистом участвовал в археологической экспедиции в Булгар и составлении плана города Чебоксары. (Электронный ресурс).

КАРАМЗИН.

В официальном родословии отмечается происхождение фамилии от татарского мурзы по имени Кара Мурза (ОГДР, V, с. 62; РБС, VIII, с. 500). В XVI веке его потомки уже носили фамилию Карамзин, например, Василий Карпович Карамзин в 1534 году под Костромой, Фёдор Карамзин в 1600 году в Нижегородском уезде (Веселовский 1974, с. 134). Жалованы поместьями, т.е. переведены в дворяне в 1606 году. Этимология прозвища фамилии Карамза — Карамурза достаточно прозрачна: Кара «чёрный», Мурза — мирза «господин, князь» (Баскаков 1979, с. 178; Гафуров 1987, с. 166).

В потомках — великий Н.М.Карамзин — писатель, поэт, историк. (Электронный ресурс).

МУСИНЫ-ПУШКИНЫ.

В ОГДР (I, с. 17; IV, с. 22) записано, что фамилия происходит от Мусы, ушедшего на Русь в 1198 году. В таком случае это может быть только болгарский исход. С.Б.Веселовский (1969, с. 39-87) и А.А.Зимин (1980, с. 162-165) оспаривают дату, но не выход. Первый предполагает, что Мусины-Пушкины, находящиеся в родстве с Пешковыми и Сабуровыми, происходят от Мусы Пушкина Михаила Тимофеевича, жившего во второй половине XV века (Веселовский 1974, с. 208). Одновременно он считает возможным наличие и других родов Мусиных, например, Дмитрия Мусина-Телегина, отмеченного под 1569 годом в Новгороде (Веселовский 1974, с. 314). Мусины-Пушкины родственники Пушкиных, а впоследствии — учёные, писатели, генерал-губернатор Казанской губернии и т.п. (Электронный ресурс).

ОГАРЁВ.

От мурзы Кутлумамета Огара из Золотой Орды, вышедшего к Александру Невскому и принявшего при крещении имя Пантелеймон (ОГДР, V, с. 20; БК, II, с. 6). Фёдор Огарёв - посол Ивана IV в 1537-1538 гг. в Казань (ПСРЛ, 29, с. 29). По Н.А.Баскакову (1979, с. 172-173), фамилия от тюркского Огар «высокий». В потомках Н.П. Огарёва — друг А.И.Герцена. (Электронный ресурс).

ЧААДАЕВ.

(ЧАГАДАЕВЫ, ЧЕГОДАЕВЫ).

От тюрко-монгольского прозвища Чагатай – храбрый (Баскаков 1979, с. 223). Имя появляется среди других русских ещё в XV веке, например, Василий Чегодай с землями около Муром (Веселовский 1974, с. 348), Возможно, предки связаны с Казанью, т.к. здесь под 1568 годом отмечен Чаадаев Суббота Григорьев, стрелецкая голова (ПКК, с. 29, 38 — 41). В дворянство Чаадаевы записаны в 1621 году (ОГДР, IX, с. 42). В потомках – известный русский мыслитель П.Я.Чаадаев. (Электронный ресурс).

РАДИЩЕВ.

В 1604 и 1627 гг. в Малом Ярославце упоминается крещёный татарин Кунай Радищев (Веселовский 1974, с. 265), возведённый в дворянский чин (ОГДР, V, с. 61). Имя от тюркского слова Кун «день, солнце, радость» (Баскаков 1979, с. 258). (Электронный ресурс).

АКСАКОВ.

В середине XV века Аксаковым дано село Аксаково на р. Клязьме, в конце XV века «испомещены в Новгороде». Эти Аксаковы от Ивана Аксака (внуки его — Иван Шадра и Иван Обляз), праправнука Юрия Грунка, тысяцкого Ивана Калиты (Зимин 1980, с. 159-161). По Бархатной книге (БК, II, с. 296, № 169), Иван Фёдоров по прозвищу «Оксак» был сыном Вельямина, вышедшего из Орды (Веселовский 1974, с. 11). Аксаковы были в Литве, где они появились в конце XIV века (w.d, 1986, st. 22). Аксаковы — писатели публисты, учёные. В родстве с Воронцовыми, Вельяминовыми (РБС, I, с. 96-107). От тюрко-татарского Аксак, Оксак «хромой». (Электронный ресурс).

ШИШКИН.

Очень русская фамилия, дворяне с 1586 года (ОГДР, III, с. 43). Но Шишкины — активные фамилии XVI века, имевшие дело с тюркским миром, т.е. хорошо ещё знавшие тюркские языки: Шишкин Иван Васильевич, в 1549 - 1550 гг. сидевший в Казани и в 1550 году посланный в Москву (ПСРЛ, 29, с. 62), Шишкин Русин Никитич, посол в Ногаи в 1566 году к Урус мурзе (ПСРЛ, 29, с. 350). Н.А.Баскаков (1979, с. 123-124) считает, что фамилия происходит от тюркского прозвища *Шишка* с присоединением русского суффикса ин «опухший». (Электронный ресурс).

КОЛЧАК.

Колчак – предком которого был крымско-татарский военачальник Илиас Колчак-паша, комендант крепости Хотин, взятый в плен фельдмаршалом Х. А. Минихом. После окончания войны Колчак-паша поселился в Польше, а в 1794 году его потомки переселились в Россию. (Электронный ресурс).

БУЛГАКОВ.

Выходцы с сыном Мамай Мансур — Киятом в Литву в конце XIV века (В.,D., 1986, st. 22). В 1408 году часть из них в свите Свидригайлы выехала на Русскую службу, где получила земли под Новгородом и Москвой (ОГДР, I, с. 2 — 3). В XV веке известны как бояре, в 1481 году отмечен наместник в Новгороде (Веселовский 1969, с. 30-34). Фамилия первых, как и остальных, от тюрко-татарского Булгак «гордый человек» (Баскаков 1979, с. 49-50). (Электронный ресурс).

БУНИН.

От Бунина Прокуды Михайловича (умер в 1595 году), дед которого, вышедший из Орды к рязанским князьям, получил земли в Рязском уезде (Веселовский 1974, с. 260). Из среды Буниных — известные учёные, государственные деятели, писатели, в том числе и лауреат Нобелевской премии И.А.Бунин. (Электронный ресурс).

РАХМАНИНОВ.

От Рахмана из Орды (БК, II, с. 369). Фамилия от арабомусульм. Рахман «милостивый» (Гафуров 1987, с. 87, 181). О тюркоязычном выходе, возможно, из казанской среды, свидетельствует и то, что в последующих поколениях нередко встречаются Рахманиновы с тюркскими именами, например, Муралей (от искажённого и очень распространённого в Казани имени Нур Али) Рахманинов, помещик в Рязани под 1597 годом (Веселовский 1974, с. 208). Из этого рода выдающийся российский композитор Сергей Васильевич Рахманинов. (Электронный ресурс).

АХМАТОВА.

В малом собрании сочинений, 2015 года издания, читаем: «Назвали меня Анной в честь бабушки Анны Егоровны Мотовиловой, ее мать была чингизидкой, татарской княжной Ахматовой, чью фамилию, не сообразив, что собираюсь стать русским поэтом, я сделала своим литературным именем». В другом месте то же издание приводит ее следующие слова: «Моего предка хана Ахмата убили ночью в его шатре подкупленный русский убийца, и этим, как повествует Карамзин, кончилось на Руси монгольское иго. Этот Ахмат, как известно, был чингизидом». (Электронный ресурс).

МАШКОВ.

От татарина Машкова Юшка, перешедшего в середине XVI века на русскую службу и бывшего в 1555 году послом Ивана Грозного в Крыму (ПСРЛ, 29, с. 246, 252).

В XIX -XX вв. известные учёные, деятели культуры (ЭС, 1987, с. 776). (Электронный ресурс).

На третий вопрос нашей анкеты, какая культура – татарская или русская – у вас вызывает интерес, уважение, любовь, ответы респондентов разделились (см. табл. 3).

Таблица 3. Уважительное отношение к национальной культуре (в %)

Виды культур	Педагоги	Студенты	Старшеклассники
только к татарской	12	14	11
только к русской	13	15	10
и к татарской, и к русской	43	39	40
к другой (зарубежной)	21	28	34
ко всем одинаково	11	4	5

Как видим (табл. 3), манкуртизм в сознании респондентов проявляется по-разному: обладая русским национальным самосознанием и не владея татарским языком, уважительное отношение и к татарской, и к русской культуре испытывает большая часть опрошенных (43% педагогов-татар, 39% студентов-татар, 40% старшеклассников-татар).

В то же время часть респондентов настроена ортодоксально: проявляет уважительное отношение только к одной культуре – или только к татарской, или только к русской, или только к зарубежной (западной, американской).

Ко всем одинаково положительно относятся только 11% педагогов-татар, 4% студентов-татар, 5% старшеклассников-татар.

Выводы

Результаты проведенного исследования говорят о том, что манкуртизм существует не только как явление политическое, социальное, культурное, но и как явление психолого-педагогическое, актуальное для участников современного образовательного процесса.

Его необходимо учитывать при построении поликультурного образования на уроках обществознания, истории, литературы в школе, при изучении дисциплин общекультурного блока в вузах и центрах повышения квалификации и переподготовки работников образования.

Современная система воспитания гражданственности, патриотизма должна учитывать сложность межэтнических отношений и пагубность влияния на эти отношения некоторых средств массовой информации, социальных сетей, русофобских цифровых ресурсов, экстремистских центров дезинформации.

Список использованной литературы:

1. Айтматов, Чингиз. И дольше века длится день: Буранный полустанок. - СПб, 2012. – С. 153-167.
2. Халиков, Альфред. 500 русских фамилий болгаро-татарского происхождения. Казань, 1992. [Электронный ресурс] URL: https://www.reme-zovi.ru/site/?page_id=325 (дата обращения 25.10.2022).
3. Кадыров, О.Х. Татарский фельдмаршал. Газета «Звезда Поволжья». – Казань, 2014.
4. Татарские корни Анны Ахматовой. URL: <http://tnc-mo.ru/3113-tatarskie-korni-anny-akhmatovoj>
5. Татарика: Онлайн-энциклопедия Tatarica [Электронный ресурс] URL: <https://tatarica.org/ru/razdely/kultura/literatura/personalii/derzhavin-gavriil> (дата обращения 25.10.2022).
6. Крымская жемчужина бухарского эмира. [Электронный ресурс] URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20190806/tatari-na-russ-kom-prestole-kto-iz-russkih-tsarei-bil-tyurkskogo-proishozhdeniya> (дата обращения 25.10.2022).
7. Татары на русском престоле. [Электронный ресурс] URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20190806/tatari-na-russ-kom-prestole-kto-iz-russkih-tsarei-bil-tyurkskogo-proishozhdeniya> (дата обращения 25.10.2022).

Гетманская Елена Валентиновна (E. V. Getmanskaya), доктор педагогических наук, профессор Института филологии, МПГУ (г. Москва, Российская Федерация) Getmel@mail.ru

УДК 372.882

РУССКАЯ КЛАССИКА: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЗА РУБЕЖОМ

Аннотация. В статье рассматривается методология американского школьного учебника по литературе в аспекте изучения творчества Л. Н. Толстого. Приёмы работы с художественным текстом писателя-классика связаны в учебном пособии с применением специальных стратегий чтения и оригинальной типологией заданий для самостоятельной работы учащихся.

Ключевые слова: учебник по литературе, реализм, творчество Л. Н. Толстого, стратегии чтения.

RUSSIAN CLASSICS: PROBLEMS OF STUDYING ABROAD

Abstract. The article discusses the methodology of the American school textbook on literature in the aspect of studying the works of Leo Tolstoy. The methods of working with the literary text of the classic writer are connected with the use of special reading strategies and the original typology of tasks for independent work of students in the textbook.

Keywords: literature textbook, realism, L.N. Tolstoy, reading strategies.

Анализ учебной книги, предпринятый в статье, является редкой возможностью представления национальной системы обучения литературе в США, опирающейся на традиционный печатный учебник. В центре рассмотрения – учебник «Мировая литература» известного издательства «Холт Макдугал Литтелл» (2008 г.). Пособие создано в рамках углублённой программы (Advanced Placement), освоение которой даёт дополнительные кредиты при поступлении в университет. Advanced placement является определённым аналогом российских программ углублённого изучения литературы. Цели программы: стимулирование

интереса учащихся к литературоведению и к литературе вообще; достижение читательского удовольствия в результате чтения по мере того, как учащиеся:

- читают широкий тематический спектр программных и самостоятельно выбранных художественных произведений;
- погружаются во взаимодействие с большим объёмом художественных текстов и развивают свои способности творческого реагирования на произведения;
- эффективно применяют свои знания в области литературного анализа и оценки прочитанного;
- исследуют контекст и интерпретации художественных произведений.

Объём учебника (1616 страниц) ограничивает автора в выборе конкретных тем для рассмотрения; исходя из этих самоограничений, статья сосредоточена на темах «Реализм в литературе» и «Изучение творчества Л. Н. Толстого». Как учебник подводит учащихся к реализму в литературе XIX века? В начале модуля даются идеи, открытия и изобретения этого периода: рентгеновские лучи, появление сети железных дорог; описывается тяжёлое положение рабочего класса, движение суфражисток, возведение Эйфелевой башни, отмена крепостного права в России. Политическая мысль в учебнике представлена идеями марксизма, научной теорией дарвинизма. Движение литературы от романтизма к реализму в учебнике показывается в характерных социологических реалиях: «Писатели-реалисты восстали против романтизма как слишком эмоционального и идеалистического направления. С возникновением фотографии и достижений в естественных науках писатели пристально, как фотографы, стали смотреть на окружающих их людей – крестьян, шахтёров, клерков, жён представителей среднего класса, сироты и воров» [1, с. 938]. Определение в учебнике реалистического направления подводит к тому, что изобретение фотографии – один из возможных триггеров возникновения реализма в литературе. Мысль, возможно, и верная, но объяснение нового явления в искусстве возникновением новых технических устройств в определённом смысле снижает самооценку движения художественной мысли. Можно предположить, что такое упрощение рассчитано на аудиторию старшеклассников, оно адаптирует для них противоречия историко-литературного процесса и помогает определить доминанты литературного процесса на простых взаимосвязях.

Следует отметить тот факт, что субъектность представления в учебнике реалистических персонажей (женщины, клерки, крестьяне) сопрягается с точкой зрения американского исследователя Джеймса Кракрафта на субъектность героев Л. Н. Толстого. «Толстой выдвигает на первый план вопросы, вызывающие постоянную озабоченность общественности, в том числе часто противоречивые требования к личности – особенно к женщинам – семьи и общества; легитимность насилия, преследующего политические цели; проблема бедности; роль правительства в социальной реформе; и место религии как в общественной, так и в частной жизни» [2, с. 115]. Сопоставление текста учебника и литературоведческой позиции Дж. Кракрафта говорит о сложившемся консенсусе американской методики и теории литературы по поводу оценки Л. Н. Толстого для «прогрессивной эры Америки» (по определению Дж. Кракрафта).

В короткий список гениев-реалистов XIX века учебник включает Оноре де Бальзака, Гюстава Флобера и Эмиля Золя во Франции; Джорджа Элиота в Вели-

кобритании; Льва Толстого и Фёдора Достоевского в России. В учебнике непременно соблюдается принцип преемственности историко-литературного процесса: значение реализма как литературного течения раскрывается в учебнике отдельной рубрикой «Связь с современностью». Основная мысль этой рубрики – неразрывная связь сегодняшнего дня с идеями и социальными устремлениями XIX века: «в XXI веке мы все ещё живём идеями и перспективами, возникшими во второй половине XIX века» [1, с. 939]. Методическим достоинством учебника является продуманный выбор средств для представления сложных литературоведческих терминов и понятий, к которым можно отнести вопросы стилей, связанных к различным литературным направлениям.

Авторы учебника прописывают конкретные стратегии, которые необходимы при чтении реалистических произведений. В их число входит сосредоточение внимания учащегося на конкретных деталях для получения информации о персонажах; на значении символов и их противоречивом содержании; на определении причин жизненной неудачи персонажа; на понимании правды жизни, представленной автором в тексте. Данные стратегии укладываются в короткий ряд таких понятий и заданий, как: предсказание, визуализация, выявление деталей для формирования общего впечатления от персонажа, вопросы к тексту, оценка прочитанного [1, с. 943]. Подобная номинация стратегий чтения, а также их привязанность к конкретному роду литературы – явление неожиданное (на взгляд отечественного методиста), в то же время аналогии, возникающие в современной российской методике, говорят о том, что наша школа на сегодняшний день может пойти вслед за западной методологией.

Анализ зарубежного учебника для российской и белорусской аудитории логично сосредоточить на литературном материале, модели изучения которого хорошо известны методистам в России и в Белоруссии. Репрезентативным материалом для российской аудитории являются разделы, освещающие творчество русских классиков мирового масштаба, и, прежде всего, наследие Л. Н. Толстого. В учебнике два русских писателя XIX века изучаются текстуально: Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский. В номере газеты «Гардиан», посвящённом столетию Л. Н. Толстого, писатель Люк Хардинг выражает своё отношение к гениальности Толстого, сопоставляя его с Достоевским: «Достоевский сосредотачивает своё внимание на болезненных проблемах, на темной стороне человеческой души. Толстой, напротив, защищает такие фундаментальные ценности, как любовь, дружба и семейные отношения. Он даёт положительные ответы на вопросы, которые задаёт человечество. В этом смысле он даёт больше надежды» [3]. Схожая оценка писательского гения Толстого представлена и в учебнике. Творчество Л. Н. Толстого изучается в шестом модуле учебника («Европейская литература XIX века»), где рассматривается *возникновение реализма как литературного направления*. В эту часть, помимо поздних рассказов Л. Н. Толстого, входит рассказ Ги де Мопассана «Верёвочка», который, по нашим наблюдениям, может стать предметом компаративного школьного анализа с рассказом А. П. Чехова «Смерть чиновника». Нелепая, неоправданная смерть главных персонажей связывается и у Чехова, и у Мопассана с неверной системой ценностей, заложенной в самих персонажах. Учебник построен по принципу, приближённому к хрестоматии: в разделе, посвящённом реализму, даётся полностью рассказ Ги де Мопассана «Верёвочка», рассказы Л. Н. Толстого «Чем люди живы?», «Много ли человеку земли нужно?»

В разделе по Л. Н. Толстому последовательно представлены:

- биография;
- рассказ «Много ли человеку земли нужно?» (1885);
- письмо Льва Толстого Н. А. Некрасову (18 ноября 1852 года), в котором он обвиняет Некрасова в несогласованной с ним правке романа «Детство», вышедшего без его ведома в «Современнике»;
- рассказ «Чем люди живы?» (1881);
- две записи из дневника Софьи Андреевны Толстой от 1866 года. Одна запись – о тщательном переписывании ею романа «Войну и мир», о переменах в ней самой по ходу переписывания текста, о том, как прислушивается к её суждениям Толстой. Вторая – о работе Толстого над сюжетом «Анны Карениной»;
- раздел под названием «Авторский стиль», в котором рассматривается различия стилистики Толстого в «Войне и мире» и в его поздних рассказах;
- авторский исследовательский проект (творческая работа учащихся).

Проект в данном случае – это задание по составлению фото-биографии Л. Н. Толстого, в которой отражались бы основные вехи его жизненного пути как великого писателя и как человека. Такое задание, безусловно, далеко от прямого размышления и погружения в толстовский текст. Исследуя в своих прошлых работах подходы к анализу текста в западной школе, мы не раз задавались вопросом: «Не растворяется ли [при подобном подходе] литература в визуальных искусствах и дизайне, уходя на практике в общий гуманитарный контекст? Эти вопросы встают сегодня и перед российской методикой» [4, с. 75]. Присутствует ли в учебнике эпопея «Война и мир»? Присутствует. Но как? О поэтике и содержании романа в учебнике дано семь строк. Цитируем: «“Война и мир” признана многими современными писателями величайшим романом в мире. Действие происходит с 1805 по 1820 год и повествует о пяти аристократических семьях во времена войны Наполеона против России. С огромным размахом романа и сотнями персонажей в “Войне и мире” есть всё – героизм и злодейство, история и философия, невинность и зрелость, батальные сцены и любовные истории. И всё это сплетено воедино в безупречном повествовательном стиле Толстого – как если бы жизнь писала сама себя, по словам одного критика» [1, с. 957]. Достаточную ли осведомлённость учащихся о «Войне и мире» обеспечивают эти семь строк? Ответ очевиден. В то же время мы далеки от мысли о том, что роман Л. Н. Толстого остаётся за пределами внимания американской методики: в США издаётся серия методических пособий «Supersummary», в которых объёмно разбираются вершинные произведения мировой классики. В руководстве из этой серии по «Войне и миру» содержится краткое текстовое содержание романа, анализ сюжета и персонажей, важные цитаты, основные темы, символы, мотивы, а также темы школьных эссе [5]. Заметим только, что это пособие не обязательно к использованию в школьном курсе изучения писателя.

Каким же текстам Л. Н. Толстого отдаётся предпочтение в анализируемом учебнике? Как уже было сказано выше, в нём текстуально изучаются два поздних рассказа писателя. Рассмотрим систему заданий и вопросов по рассказу «Чем люди живы?». По сюжету семья бедного сапожника приютила странного бродягу, который оказался ангелом, наказанным богом за непослушание. В конце рассказа, пожив у Семёна и Матрёны, ангел сумел ответить на вопрос, так мучивший его – чем же люди живы? И мы все знаем ответ на этот вопрос: по Толстому мы живы любовью. Работа над рассказом представлена двумя рубриками:

найди связи со своей жизнью и фокус на чтении. В первой рубрике учащимся предлагаются следующие вопросы и задания: Вы бы отдали свой последний доллар другу? Незнакомцу? Обсудите идею пожертвования со своими одноклассниками. Затем сформулируйте моральные принципы, которые люди могли бы использовать при принятии решений о пожертвованиях [1, с. 976]. Последний вопрос примечательный: в нём всё же слишком много *рацио*. Какими принципами мы руководствуемся, жертвуя? Конечно, состраданием. Принцип ли это? Нет. Это движение души. Здесь же авторы учебника предлагают опереться на разум.

Рассмотрим вторую рубрику – фокус на чтении, где «вступают в работу» стратегии чтения реалистических произведений. В качестве одной из стратегий рассматривается *предзнаменование*. Указывается, что предзнаменование – это использование писателем намёков или подсказок для того, чтобы предположить, что произойдёт позже. Предлагается читать и искать подсказки, которые предвещают то, что должно произойти. Интерактивное чтение предполагает также практику *прогнозирования*. Цитируем: «предсказывание того, что произойдёт дальше, поможет вам увидеть предзнаменование. Используйте свои знания о Л. Толстом, чтобы попытаться предсказать развитие сюжета» [1, с. 995]. Считаем объединение предзнаменования и предсказания в один ряд стратегий чтения неудачным, т. к. эти понятия имеют некоторые смысловые пересечения, и ученику будет трудно разделить данные категории.

В подрубрике *тетрадь читателя* представлена работа по творческой переработке текста Л. Н. Толстого: «в рассказе присутствуют странные события, которые не объясняются вплоть до конца истории. Когда вы, по мере чтения, столкнётесь с таким событием, сформулируйте вопрос к нему, а затем дайте краткое предсказание, которое могло бы ответить на ваш вопрос» [1, с. 976]. В качестве примера предлагается вопрос: «Кто этот незнакомец, который появляется в I-й части рассказа?» Далее следует записать собственное предсказание или возможное объяснение этого события.

Парадоксально, но учебник, не давая материала по текстуальному изучению романа «Война и мир», предлагает сопоставление стилистики романа и поздних рассказов писателя. Надо отметить, что в учебнике сложные вопросы стилистики, философии писателя оформляются простыми, неосложнёнными предложениями, возможно несколько схематизированными, но доходчивыми. Так, например, по проблеме контрастности стилей Толстого читаем следующий текст: «Стиль ранней художественной прозы Л. Н. Толстого и его великих романов был назван насыщенным реализмом, потому что эти произведения так полно впитывают реальность жизни. Однако в своих более поздних произведениях он был озабочен, прежде всего, передачей ясного и простого морального послания» [1, с. 996]. Ниже в учебнике даются ключевые стилистические характеристики реалистических романов Толстого и его нравоучительных рассказов.

В реалистических произведениях Толстого главными считаются: беспристрастный или непредвзятый тон, в котором нет осуждения; яркая характеристика, раскрывающая сложные эмоции; тщательно подобранные детали для визуализации сцены, раскрытия эмоций или выражения мысли с абсолютной ясностью; плавное повествование, которое, кажется, течёт естественно.

Стиль нравоучительных рассказов опирается на чёткие сообщения или темы, которые передают моральную истину; простой, прямой выбор слов, который все

могут понять; незамысловатые персонажи и сюжет, которые нравятся широкому кругу читателей. По коротким фрагментам из «Войны и мира» и рассказа «Чем люди живы» учащимся предлагается найти стилистические отличия романа и нравоучительных рассказов, а также найти элементы реалистической стилистики в данном нравоучительном рассказе. Из «Войны и мира» для этого предлагается лишь эпизод первого боя Николая Ростова: «Вот опять кричат что-то, и опять все побежали куда-то назад, и я бегу с ними, и вот она, вот она, смерть, надо мной, вокруг меня... Мгновенье – и я никогда уже не увижу этого солнца, этой воды, этого ущелья...» [6, с. 51]. Из рассказа предлагается сцена, где ангел первый раз улыбнулся Матрёне в ответ на её милосердие к бродяге.

В учебнике системно используется рубрика «Практическое применение». Она опирается на три традиционных для западной методики процесса, присутствующих при анализе текста: *письмо, говорение и слушание*. Задание по тренингу письменной речи предполагает запись учащимися отрывка из «Чем люди живы?» в реалистическом стиле «Войны и мира». Говорение и слушание сосредоточено на следующих вопросах и заданиях: «Как вы думаете, каким образом Семён и Матрёна в свои более поздние годы могли описывать свою жизнь с ангелом Михаилом? Представьте, что вы – Матрёна или Семён и расскажите свою историю, используя стиль оригинального текста рассказа Толстого или стиль его реалистических романов» [1, с. 996]. Таким образом, работа над стилистикой писателя основывается на разнообразных и трудоёмких заданиях, связанных с письмом, слушанием и говорением; в то же время существенной ошибкой этой методологии можно считать крайний недостаток самого текста толстовской эпопеи несмотря на то, что учебник выстроен по принципу хрестоматии. В целом творчество Л. Н. Толстого представлено в учебнике как «иллюстрация» к развитию реализма в литературе. В пособии текстуально изучаются компактные прозаические тексты писателя; значимая часть методологии изучения русского классика фокусируется на стратегиях чтения реалистических произведений, включающих такие составляющие как предсказание, визуализация, связь с личным опытом читателя.

Завершая анализ общей структуры учебника и традицию представления в нём объёмных монографических тем (в нашем случае это – творчество Л. Н. Толстого), следует обозначить ряд ключевых методологических установок пособия, которые выявляют особенности национальной методики обучения литературе. К ним относятся:

- константное применение культурологического принципа при изложении материала. При описании того или иного периода развития литературы авторы учебника представляют широкие социологические, технологические, и общекультурные обоснования;

- системное использование принципа визуализации содержания: книга насыщена живописными и графическими иллюстрациями, в частности в разделе о Л. Н. Толстом используются картины М. Шагала, Н. Гончаровой, И. Левитана;

- включение в процесс знакомства с судьбой писателя его личных писем, выдержек из дневников, отдельных документальных свидетельств;

- знакомство с творчеством писателей-классиков на основе произведений малых жанров. Крупная романная форма остаётся «за кадром»;

- учебник строится по принципу хрестоматии: изучаемые текстуально произведения даются без фрагментации, целиком;
- художественные вершинные тексты трансформируются в учебнике в средство социального становления учащегося, с сохранением, прежде всего, коммуникативной доминанты при изучении классики.

Список использованной литературы:

1. Student Edition World Literature. 1st Edition. McDougal Littell Literature. - Illinois, Boston, Dallas, 2008. 1616 p.
2. Cracraft J. Two Shining Souls: Jane Addams, Leo Tolstoy, and the Quest for Global Peace. – Lanham: Lexington, 2012. 179 pp.
3. Harding L. Leo Tolstoy: The Last Station // The Guardian. 2010. Jan.06. [Electronic resource]: – URL: <https://www.theguardian.com/books/2010/jan/06/leo-tolstoy-the-last-station> (date of request: 15.11.2022).
4. Гетманская Е. В. Литературное образование в контексте STEAM-подхода (по материалам западных исследований) // Литература в школе. 2020. № 6. С. 64–76.
5. SuperSummary. Literature Guide. War and Peace. Leo Tolstoy [Electronic resource]. – URL: <https://www.teacherspayteachers.com/Product/War-and-Peace-Literature-Guide-7975101?st=e8856f949eb1c64acf1c53f5edbdd9fe> (date of request: 15.11.2022).
6. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 тт. М.: «Художественная литература», 1937. Т.1, 504 с.

Коханова Валентина Александровна (V. A. Kokhanova), кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и методики преподавания филологических дисциплин, профессор ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет» (Москва, Россия)
kokhanova_55@mail.ru

УДК 372.882

ИЗУЧЕНИЕ РОМАНА М. А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА» В ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ КЛАССАХ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. В статье описаны методы изучения романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» в полиэтнических классах в условиях цифровой образо-

вательной среды. На примере одной из учебных тем представлен вариант изучения романа на основе сочетания концептного и коммуникативно-группового методов. Автор уделяет отдельное внимание потенциальным возможностям цифровой образовательной среды в изучении романа М.А. Булгакова.

Ключевые слова: полиэтнические классы, учащиеся-инофоны, концептный метод, коммуникативно-групповой метод, цифровая образовательная среда.

THE STUDY OF M. A. BULGAKOV'S NOVEL "THE MASTER AND MARGARITA" IN POLYETHNIC CLASSES IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Abstract. The article describes the methods of studying M. A. Bulgakov's novel "The Master and Margarita" in polyethnic classes in a digital educational environment. On the example of one of the educational topics, a variant of studying a novel based on a combination of concert and communicative group methods is presented. The author pays special attention to the potential of the digital educational environment in the study of the novel by M.A. Bulgakov.

Keywords: polyethnic classes, foreign language students, conceptual method, communicative group method, digital educational environment.

Роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», который несколько десятилетий назад вошел в программы российского школьного литературного образования, вызывает неизменный интерес у старшеклассников и одновременно трудности в преподавании у учителя, поскольку это произведение отличается философской глубиной, содержит множество символов, аллюзий, реминисценций, позволивших писателю выразить собственное представление о мироздании. С определенными сложностями сталкивается учитель и в моноэтническом классе, где учащиеся охотно читают роман и хорошо понимают язык автора, еще больше вопросов возникает в классах полиэтнических.

Проблеме изучения романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» в полиэтнических классах с учетом условий цифровизации современного образования посвящена данная статья.

Описанию специфики изучения творчества писателя в школе посвящены труды В. Г. Боборыкина, О. Ю. Богдановой, И. В. Великановой, М.П. Жигаловой, Е. В. Карсаловой, А. К. Киселева, В. П. Крючкова, Н. И. Ласкиной, В. Г. Маранцмана, Н. П. Ягуповой и др., диссертационные исследования Т. А. Баранниковой, Л. А. Забродиной, Т. В. Рыжковой, К. С. Саввиной и др.

Все вышеназванные авторы едины во мнении: изучение произведений Булгакова требует системности в характеристике мировосприятия писателя и его роли в развитии русской и мировой литературы. Булгаковское творчество нужно рассматривать как продолжение традиций классической литературы, как поединок между атеизмом и верой в сознании писателя, которому выпало жить в трагическую эпоху социальных потрясений.

Если проблема изучения творчества М. А. Булгакова в русской школе получила определенное освещение, то в национальной она почти не разработана. Исключением является диссертация К. С. Саввиной, посвященная преподаванию

произведений Булгакова в якутской школе и пособие М. П. Жигаловой для учителей общеобразовательной белорусской школы, рекомендованное Центром учебной книги и средств обучения Национального института образования Беларуси [8, с. 7 – 90], в котором монографическая тема «М.Булгаков» целостно представлена для изучения в 11 классе на пяти уроках.

Между тем, как показывают исследования М.П.Жигаловой [8], А. Д. Жижинной, Д. А. Клумбите, З. С. Смелковой, Л. В. Тодорова, М. В. Черкезовой и др., нерусские учащиеся, воспитанные на традициях родной культуры (в том числе литературы), труднее воспринимают художественную систему русской литературы, основанную на другой культурно-исторической традиции. Поэтому методисты подчеркивают необходимость учета особенностей восприятия нерусскими учащимися произведений русской литературы в процессе их преподавания в национальной школе.

В полиэтнических классах, в условиях многонациональности ученических коллективов большинства московских школ, явившихся следствием миграционных процессов, сложность задачи еще более возрастает. Это связано, прежде всего, со специфическими особенностями полиэтнических классов. В соответствии с разработками современных методистов, полиэтничный класс – это коллектив учащихся, в состав которого входят ученики, принадлежащие разным национальностям, языкам, культурам и конфессиям. Полиэтническими условно можно считать классы, в составе которых не менее 20-25% учащихся-инофонов, для которых русский язык не является родным. Учителям-словесникам, работающим в таких классах, нельзя не считаться со следующими обстоятельствами:

- ученики являются представителями какого-либо этноса, следовательно, помимо индивидуально-психологических особенностей, обладают и специфическими этнопсихологическими характеристиками, которые влияют на восприятие и усвоение получаемых знаний, на степень эффективного приспособления обучающихся к учебному процессу;

- каждый ученик изначально воспитывается в семье, а у каждой семьи есть своя система воспитания, которая имеет свои этнопедагогические особенности;

- в условиях полиэтнического коллектива обучающийся находится на рубеже различных культур и перед ним встают две узловые лично значимые проблемы: обретение и/или сохранение своей этнической идентичности и адаптация в этой среде.

В связи с этим возникает серьезная необходимость выбора содержания, методов и средств изучения художественных произведений русских писателей XX века, которые, используя различные художественные приемы, зашифровали содержание своих книг, противоречивших государственной доктрине в период их создания, однако продолживших лучшие традиции русской и мировой литературы. Кроме того, учителю-словеснику необходимо обеспечить для обучающихся в классах с многонациональным составом условия, связанные с развитием читательского восприятия, литературных и лингвистических способностей, формированием читательских и речевых умений и навыков.

Если взять за основу классификации способы работы с текстом художественного произведения, то в современной практике преподавания литературы в школе наибольшее распространение получили следующие методы: проблемно-

тематический; аналитический; интерпретационный; исследовательский; интертекстуальный; интегрированный; синтетический [1, с. 142-143].

Очевидно, что далеко не все из них подходят для классов с многонациональным коллективом учащихся. С определенной долей условности можно обосновать целесообразность выбора проблемно-тематического, аналитического, интерпретационного и интегрированного методов. Именно полиэтничный состав класса диктует необходимость обращения к таким подходам и методам, которые позволили бы, прежде всего, не подчеркивать этническую разницу между обучающимися, принадлежащими разным национальностям, конфессиям, культурам, а, напротив, содействовали осознанию их общности, а также дали бы учителю возможность учитывать сложность восприятия ими изучаемого материала. Следовательно, многие хорошо зарекомендовавшие себя в моноэтническом классе методы и приемы теряют для учителя свою привлекательность и эффективность. При этом такие методы, как концептный, коммуникативно-групповой, интегративный, метод диалога культур, а также цифровые технологии позволяют учитывать вышеназванную специфику.

Так, в частности, изучение романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» на уроках литературы в 11 классе может осуществляться с использованием на некоторых уроках концептного метода, который относится к числу личностно-ориентированных. Теоретическим фундаментом концептного метода [2, с. 180] явилась разработанная лингвистами, культурологами и литературоведами теория концептов. Центральной в данной теории является категория концепта.

В трактовке Ю. С. Степанова, «концепт – это смысл слова», а также «концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [3, с. 42-48]. Индивидуальные знания человека о мире организуются в концептуальную систему. Знания организуются вокруг концептов, с каждым из которых ассоциирована возможная информация. Общеизвестным является тот факт, что человек мыслит концептами, комбинируя их и формируя новые в ходе мышления. Мышление – это и есть оперирование концептами как единицами структурного знания. Следовательно, в основе мировоззрения каждого человека лежит определенная система концептов. Они формируются в сознании человека: из его непосредственного чувственного опыта, восприятия действительности органами чувств; из непосредственных операций человека с предметами, из его предметной деятельности; из мыслительных операций человека с другими, уже существующими в сознании концептами - такие операции могут привести к образованию новых концептов; из языкового общения (концепт может быть сообщен, разъяснен человеку в языковой форме, например, в процессе обучения, в образовательном процессе; из самостоятельного познания человеком реальности [4, с. 35].

Кроме того, поскольку, по мнению Д. С. Лихачева, «художественный мир воспроизводит действительность в некоем «сокращенном», условном варианте», то «...можно говорить о «художественном мире» как системе «концептов» в творчестве данного автора (или данной эпохи)» [5, с. 283]. Концепты представляют собой «...некие подстановки значений, скрытые в тексте «заместители», некие «потенции» значений...» [6, с. 76].

Таким образом, работа по выявлению смысловых уровней концептов на уроках литературы может способствовать их переосмыслению и насыщению но-

выми значениями в сознании каждого ученика. Для работы подобного рода особенно значимым является положение теории концептов, в котором утверждается представление о сложной природе концептов, включающей ряд элементов или ряд уровней: универсального, общенационального, группового и индивидуального. Это означает, что выявление различных смысловых «этажей» концепта будет не только обогащать индивидуальное сознание учащегося на уровне его личного мировоззрения, но и расширять границы его представлений о важнейших национальных, бытийных, философских, религиозных, общечеловеческих концептах – от узколичных значений до универсальных, а работа по осмыслению ключевых концептов произведений литературы, изучаемых в школе, может повлиять на становление ценностно-смысловой сферы учащихся.

Среди концептов, которые могут быть рассмотрены в процессе изучения романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», условно можно выделить несколько групп:

- бытийные, или универсальные концепты (*мир, жизнь, смерть, бессмертие, истина, Бог, дьявол*);
- социальные концепты (*конфликт, преступление, наказание, власть, общество, человек, семья*);
- этические концепты (*добро, зло*).

Логическая последовательность работы над концептами может выглядеть следующим образом. На первом этапе обучающимся предлагается задание сформулировать определение концепта как понятия, отталкиваясь от уровня собственного понимания. Затем свое определение ученики сравнивают со словарным определением концепта, осмысливая его. На следующем этапе обучающимися выявляется интерпретация концепта в тексте изучаемого произведения. Вслед за этим проводится сопоставительный анализ трактовки концепта в понимании данного автора с позицией других писателей (современников, предшественников или последователей), после чего осуществляется осмысление концепта в процессе устного обсуждения. Завершающим этапом является целостное осмысление концепта с учетом предшествующей работы во время написания письменного сочинения-эссе.

Данный вариант работы разумно сочетать с коммуникативно-групповым методом, при котором обучающихся можно организовать в малые группы (по 4-5 человек) и предложить им следующие задания.

Группа «*лингвистов*» должна подобрать различные варианты трактовки понятий «добро» и «зло», опираясь на толковые словари.

Группа «*литературоведов*» – подобрать примеры из текста романа «Мастер и Маргарита», где данные концепты содержат различные варианты значений, и выделить уровни их смыслов в тексте М. А. Булгакова.

Группа «*социологов*» – проводит анкетирование одноклассников, друзей, родителей и наблюдение за современным употреблением концептов «добро» и «зло» в речи.

Группа «*биографов*» анализирует биографические сведения о М. А. Булгакове, его дневниковое и эпистолярное наследие, обращается к обзору творчества и делает заключение об авторском понимании смысла концептов «добро» и «зло».

Группа «*психологов*» – прослеживает, как изменялось представление о концептах «добро» и «зло» у героев М. А. Булгакова, и пытается объяснить причины этих изменений.

Свою работу обучающиеся могут выполнять на двух спаренных уроках литературы под руководством учителя.

Результаты проведенной работы одиннадцатиклассники должны представить в двух вариантах: устном и письменном. Они обязательно готовят краткое и точное устное сообщение для выступления от группы на уроке не более чем на 5-7 минут и сопровождают его наглядностью в форме компьютерной презентации (публикации) или в виде письменного отчета (в тетради, на листе ватмана, на альбомных листах, на доске). Для краткости и точности могут быть использованы таблицы, схемы, рисунки с подписями и пр.

Понятие «концепт» не вводится учителем на уроке, для обучающихся это работа над словом в тексте, которая позволяет глубже понять его смысловое наполнение. При этом работа в составе групп позволяет учащимся разных национальностей активно участвовать в эффективной коммуникации, способствующей пониманию и межкультурному диалогу.

В связи с этим «особыми возможностями для решения вышеназванных проблем обладает информационная образовательная среда, которая в последние годы внедряется в образовательные организации города Москвы, так как она предоставляет дополнительные возможности для выбора содержания, методов и технологий, которые может использовать учитель-словесник в процессе изучения русской литературы» [7, с. 246].

Информационная образовательная среда столичных школ, созданная как результат внедрения интернет-платформы «Московская электронная школа» (МЭШ), действительно обладает значительными электронными ресурсами. Кроме того, московские школы оборудованы интерактивными панелями, WiFi-точками, серверами, ноутбуками для учителей. Важно подчеркнуть, что Библиотека МЭШ доступна для учителей России в любое время. Сервисы «Московской электронной школы» включают электронный дневник и журнал, электронные учебники, интерактивные тесты, мультимедийные сценарии уроков и др.

Все эти компоненты информационной образовательной среды открыли новые возможности для учителя, который вместо обычного экрана получил оборудование, объединяющее в себе рабочую поверхность для записей, кинозал для демонстрации видео и фотоматериалов, цифровых образовательных ресурсов, подобранных для урока, и браузер для выхода в интернет. Важно и то, что цифровые сервисы МЭШ доступны онлайн независимо от местонахождения учителя, родителя и обучающегося с любых электронных устройств.

С помощью атомарного контента Московской электронной школы учитель может подобрать аудио и видеозаписи, иллюстративный материал, на основе которого могут быть разработаны и проведены уроки. В Библиотеке МЭШ довольно много готовых сценариев уроков литературы. Приведу примеры сценариев, разработанных учителями-словесниками: «Ершалаимские главы романа М. А. Булгакова "Мастер и Маргарита". Понтий Пилат и Иешуа Га-Ноцри. Нравственно-философские проблемы», автор: Ищенко И. В.; «Бал у сатаны. Анализ эпизода. Роман М. Булгакова "Мастер и Маргарита"», автор: Кондрашкина Е. В.; «Сатирическое изображение литературного мира на страницах романа "Мастер

и Маргарита"», автор: Касьяненко Т. В.; «Образ Дома в романе М. Булгакова "Мастер и Маргарита"», автор: Кочетова О. А.; «Смысл многомирия в романе М. А. Булгакова "Мастер и Маргарита"», автор: Кузнецова М.Б.; «Добро и зло на страницах романа "Мастер и Маргарита"», автор: Круглова И. В. и др. Данные сценарии могут использоваться в существующем, либо в доработанном виде. Не затрачивая много времени, учитель может также подобрать разнообразный иллюстративный и диагностический материал в Библиотеке МЭШ. Использование цифровых образовательных ресурсов Московской электронной школы предоставляет учителю возможность применять на уроках литературы интеграционные технологии, нацеленные на формирование эстетического вкуса и становление ценностных установок обучающихся.

Наличие электронных ресурсов в сочетании с информационной образовательной средой Московской электронной школы позволяет учителю быстро найти необходимый для учебного процесса материал и экономично по времени использовать его при проведении уроков.

Таким образом, сочетание концептного и коммуникативно-группового методов, применение интеграционных технологий, а также использование образовательного потенциала цифровой среды при изучении романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» дают учителю-словеснику возможность решать не только учебные, но и воспитательные задачи в классах с многонациональным составом обучающихся.

Список использованной литературы:

1. Коханова В.А., Жигалова М.П., Колышева Е.Ю., Михайлова Н.С. Технологии и методики обучения литературе: Учебно-методическое пособие/ под редакцией В. А. Кохановой – М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. (2-ое издание, стереотипное) – 248 с.
2. Зинченко, В. Г., Зусман, В. Г., Кирнозе, З. И. Методы изучения литературы. Системный подход: Учебное пособие. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2002. – С. 180.
3. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2004. – 992 с.
4. Зусман, В. Г. Диалог и концепт в литературе. - Н.Новгород: Деком, 2001. – 168 с.
5. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста. Антология / Под общей редакцией д.ф.н., проф. В.П. Нерознака. – М., 1997. – 486 с.
6. Лихачев, Д. С. «Внутренний мир художественного произведения» // Вопросы литературы. № 8. 1968. – С. 76-82.
7. Коханова, В.А. Преподавание родной (русской) литературы в условиях цифровой образовательной среды // В сборнике: Родные языки народов России в системе образования: современное состояние и перспективы развития. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Белгород, 2020. – С. 245-248.
8. Жигалова, М.П. Русская литература XX века в старших классах: *пособие для учителей* общеобразовательной школы. *Рекомендовано Центром учебной книги и средств обучения Национального института образования.* Мн.: «Аверсэв», 2003. – 220с.

Критарова Жанна Николаевна (Zh. N. Kritarova), кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник лаборатории филологического общего образования ФГБНУ «Институт стратегии развития образования РАО» (г. Москва, Россия) (*Moscow, Russia*) kritarova@rambler.ru

УДК 373

ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. БЫКОВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ШКОЛЕ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы актуализации воспитательного потенциала литературных произведений в связи с утверждением обновленных вариантов федеральных государственных образовательных стандартов основного общего и среднего общего образования, а также внедрения в образовательный процесс российской школы примерных рабочих программ по литературе. Формирование гражданского и патриотического воспитания на уроках литературы возможно и необходимо, в первую очередь, на основе произведений о Великой Отечественной войне, в данном случае на примере изучения повестей белорусского писателя В. Быкова «Сотников» и «Обелиск».

Ключевые слова. Воспитание, ФГОС, Великая отечественная война, гражданственность, патриотизм, Василь Быков.

COMPREHENSION OF V. BYKOV'S WORKS IN THE MODERN RUSSIAN SCHOOL

Abstract. The article deals with the issues of updating the educational potential of literary works in connection with the approval of updated versions of federal state standards of basic general and secondary general education, as well as the introduction of exemplary work programs in literature into the educational process of the Russian school. The formation of civil and patriotic education in literature lessons is possible and necessary, first of all, on the basis of works about the Great Patriotic War, in this case by the example of studying the stories of the Belarusian writer V. Bykov "Sotnikov" and "Obelisk".

Keywords. Education, FGOS, the Great Patriotic War, citizenship, patriotism, Vasil Bykov.

Современное общество пожинает плоды, как сегодня принято говорить, «педагогической диверсии» против патриотического и духовно-нравственного воспитания молодого поколения, будущих граждан многонациональной России. Около тридцати лет общеобразовательная школа была лишена одного из основных направлений своей деятельности – воспитания. А свято место, как известно, пусто не бывает. Поэтому на наших детей обрушилась масштабная и бесцеремонная атака извне, целью которой стало разрушение национальных ценностей, приобщение к западным, т.е. отрыв от родных корней, от семьи. Такие основополагающие понятия для каждого россиянина, как «Родина», «Отечество», «патриотизм» стали размываться и терять свою значимость. В связи с возникшими проблемами в области воспитания был принят ряд нормативных актов, среди которых программа воспитания [1], федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (ФГОС ООО) [2] и среднего общего образования (ФГОС СОО) [3].

Среди личностных результатов во ФГОС ООО важное место занимают основные направления воспитательной деятельности: патриотического воспитания («осознание российской гражданской идентичности в поликультурном и многоконфессиональном обществе, проявление интереса к познанию родного языка, истории, культуры Российской Федерации, своего края, народов России»); гражданского воспитания («готовность к выполнению обязанностей гражданина и реализации его прав, уважение прав, свобод и законных интересов других людей»; «неприятие любых форм экстремизма, дискриминации»; «готовность к участию в гуманитарной деятельности (волонтерство; помощь людям, нуждающимся в ней)»); духовно-нравственного воспитания («ориентация на моральные ценности и нормы в ситуациях нравственного выбора; готовность оценивать свое поведение и поступки, а также поведение и поступки других людей с позиции нравственных и правовых норм с учетом осознания последствий поступков; активное неприятие асоциальных поступков, свобода и ответственность личности в условиях индивидуального и общественного пространства») [4].

В достижении этих направлений воспитания огромную роль играет литература о Великой Отечественной войне, на произведениях которой воспитывалось ни одно поколение школьников. Осознание важности патриотического и гражданского воспитания учащихся способствовало расширению списка произведений о ВОВ в примерных рабочих программах по литературе как для основной школы, так и для старшей [5, 6].

В настоящее время наряду с монографическими темами на уроках литературы особую значимость приобретают обзорные темы, так как, в соответствии с главной идеей федерального государственного образовательного стандарта, они призваны формировать способы эффективного и самостоятельного овладения знаниями, умения применять полученные знания в разнообразных учебных и жизненных ситуациях.

В примерной рабочей программе по литературе для 10-11 классов о ВОВ наряду с монографическими включены обзорные темы:

Проза о Великой Отечественной войне (по одному произведению не менее чем двух писателей по выбору) Например, В. П. Астафьев «Пастух и пастушка»;

Ю. В. Бондарев «Горячий снег»; В. В. Быков «Обелиск», «Сотников», «Альпийская баллада»; Б. Л. Васильев «А зори здесь тихие», «В списках не значился», «Завтра была война»; К. Д. Воробьев «Убиты под Москвой», «Это мы, Господи!»; В. Л. Кондратьев «Сашка»; В. П. Некрасов «В окопах Сталинграда»; Е. И. Носов «Красное вино победы», «Шопен, соната номер два»; А. А. Фадеев «Молодая гвардия» и др.

Поэзия о Великой Отечественной войне. Стихотворения (по одному стихотворению не менее чем двух поэтов по выбору). Например, Ю. В. Друниной, М. В. Исаковского, Ю. Д. Левитанского, С. С. Орлова, Д. С. Самойлова, К. М. Симонова, Б. А. Слуцкого и др.

Драматургия о Великой Отечественной войне. Пьесы (одно произведение по выбору). Например, В. С. Розов «Вечно живые» и др.

Для изучения обзорных тем на уроке литературы учитель сам вправе выбрать автора и произведение. Традиционно для чтения и анализа среди произведений писателей-фронтовиков зачастую выбирается проза белорусского писателя Василя Быкова. И это не случайно, так как Белоруссия, как и Украина первыми приняли на себя удар фашистской агрессии и вражеской оккупации.

Биография В. Быкова во многом совпадает с судьбой поколения, на чью долю выпал добровольный уход на фронт со студенческой скамьи. Уроженец Витебской области, с 1941 года студент Витебского художественного училища, Василь Быков прошел всю войну, от старшего лейтенанта, командира взвода полковой, затем армейской артиллерии, и встретил ее окончание в Австрии. Завершил военную службу Быков в 1955 году майором-артиллеристом. Творческий человек, которым был В. Быков, не мог не написать о своих впечатлениях и переживаниях.

Первой книгой В. Быкова стал сборник сатирических рассказов «Ход конем». Однако военная тема не отпускала писателя и в начале шестидесятых и позже стали появляться его рассказы и повести на военную тему: «Третья ракета», «Мертвым не больно», «Атака сходу». Наибольший читательский интерес вызвали книги Василя Быкова «Круглянский мост», «Сотников», «Обелиск», «Альпийская баллада», «Знак беды», «Пойти и не вернуться», «Дожить до рассвета». В. Быков всегда болел за свою родину, жил ее проблемами, поэтому совсем не случайно появление книги о Чернобыле «Волчья яма». Произведения о войне поставили В. Быкова в один ряд с выдающимися мастерами военной прозы XX века. Творчество писателя отмечено Ленинской и Государственной премий, ему присвоено звание Героя социалистического труда.

Только незаурядный человек мог создать выдающиеся произведения, которые не просто рассказывают о военных буднях, о жизни солдат на фронте, а, в первую очередь, про людей. В любое время, и в военное в том числе, человеку приходится решать проблему нравственного выбора. Душевные терзания героев произведений В. Быкова заставляют читателя задуматься над такими важными в жизни человека нравственными категориями как совесть, ответственность, предательство, любовь к Родине. Именно это делает творчество В. Быкова актуальным и востребованным сегодня.

В жизни писателя были разные ситуации, связанные с его непростыми отношениями с правящей властью. Однако В. Быков, как истинный гражданин своей

страны, всегда оставался верен ей. После отъезда из страны писателю неоднократно предлагалось поменять гражданство, и в этом случае у него появилась бы возможность получить Нобелевскую премию по литературе. Однако В. Быков не мог допустить даже мысль, что он станет гражданином другой страны. Все переживания последних лет жизни В. Быкова нашли отражение в автобиографической повести «Долгая дорога домой», где он писал: «Я не лидер и не "совесть нации", я простой, измотанный жизнью белорус, который хочет одного - остаться честным» [7, с.102]. И это Быкову удалось. И даже день смерти писателя выпал на особый для каждого фронтовика день - 22 июня. «После нескольких лет полудобровольной жизни в Германии, Чехии и Финляндии он приехал домой, в Минск, умирать. Многие близкие Василия Владимировича знали, что он был "похоронен" однажды в Кировоградской области, в братской могиле, в 44-м. Даже фамилия его была выбита на обелиске. Лейтенант Быков остался жить, чтобы стать одним из самых сильных военных писателей» [8].

Доподлинно известно, что начинающего писателя-фронтовика В. Быкова поддерживал А.Т. Твардовский, публикуя в «Новом мире» его честные и бескомпромиссные рассказы и повести, которые писатель сам переводил с белорусского языка. В книгах В. Быкова рассказывается не столько о прошлом, сколько о сегодняшнем дне, о необходимости в любых условиях сохранить в себе человека, о гуманизме по отношению к своим близким и согражданам. Не случайно в повести «Облава», опубликованной в журнале в 1990 году, В. Быков напишет: «Яблони, как и цветы, без человеческой ласки расти не будут» [9, с.4].

Для чтения и изучения на уроке литературы чаще всего выбор падает на повесть В. Быкова «Сотников», написанную в 1969 году и опубликованную в журнале «Новый мир» в 1970 году. В 2014 году, к 90-летию писателя, повесть впервые была издана в Минске без цензуры под первоначальным авторским названием «Ликвидация». А также на повесть

«Обелиск», созданную в 1971 году, за которую, вкуче с повестью «Дожить до рассвета», писатель получил Государственную премию СССР.

В основу содержания повести «Сотников» писатель взял подлинную историю, связанную с неожиданной встречей с бывшим однополчанином, сдавшимся в плен немцам и оказавшимся во власовской армии, утешая себя надеждой перебежать к своим в удобный момент. «...Неумолимая сила военных обстоятельств вынудила каждого сделать самый решающий в человеческой жизни выбор — умереть достойно или остаться жить подло. И каждый выбрал свое». «...Уж такова логика фашизма, который, ухватив свою жертву за мизинец, не остановится до тех пор, пока не проглотит ее целиком», - писал позже В. Быков. [10, с.6]. Этот урок судьбы спустя четверть века привел писателя к осознанию нравственной идеи, положенной в основу повести «Сотников», побудил напряженно доискиваться в ней ответа на два главных вопроса: «Что такое человек перед сокрушающей силой бесчеловечных обстоятельств? На что он способен, когда возможности отстоять свою жизнь исчерпаны им до конца и предотвратить смерть невозможно?» [11]. По мнению литературного критика Е. Сидорова, «это история про человека, который мог быть рождён на 30 лет раньше, который попал в известную всем нам трагическую ситуацию, прошёл через все испытания, сам погибал, сам предавал, сам выживал, сам вычислял для себя формулу бессмертия и сам приходил к тем открытиям, к которым пришёл Сотников» [12].

На добровольную гибель пошел и герой повести «Обелиск». Учитель Мороз, находящийся в партизанском отряде, добровольно сдался немцам, чтобы спасти своих учеников, совершивших покушение на немцев и полицаев. Он понимал, что его жертва не поможет ребятам, но в беде учитель должен быть вместе с учениками. И это нравственный выбор сильного духом учителя Алеся Мороза. Повесть «Обелиск» не только о войне, но и о жизни в целом. О том, как важно всегда оставаться человеком, быть честным перед самим собой. Не всегда окружающие могут адекватно оценить нравственный выбор человека, как это произошло с героем повести «Обелиск», когда односельчане так и не смогли ответить на вопрос: герой Алесь Иванович или предатель?

На уроке литературы, анализируя художественные тексты В. Быкова, можно, конечно, использовать самые разные современные формы работы и виды деятельности, однако самым результативным из них является осознание слова писателя. Медленное чтение отдельных фрагментов повести, обсуждение, дискуссия по поставленному автором вопросу нравственного выбора перед лицом опасности – сможет разбередить душу ребят, заставить учащихся по-настоящему понять и почувствовать литературное произведение. Если учителю удастся это сделать, то цель урока будет достигнута. Так считал и сам В. Быков, когда писал, чтобы никогда не черствели сердца к завоеваниям и ранам войны, что нельзя строить будущее без памяти о прошлом.

Сегодня время и социально-политические события в стране требуют, чтобы произведения о Великой Отечественной войне получили новое дыхание, изучались на уроках литературы с современных позиций, способствовали формированию истинных граждан своей страны и воспитанию в молодом поколении качеств высокой нравственности и патриотизма.

И на это есть все основания, о которых провидчески писал В. Быков еще в 1972 году в статье «Колокола Хатыни»: «Гитлеровский фашизм разгромлен в открытом бою, человечество победило самого заклятого своего врага. Но ядовитые семена реванша еще не уничтожены. Затаившись на Западе, спокойно благоденствуют постаревшие палачи Хатыни и сотен других белорусских, русских и украинских сел. В тиши респектабельных кабинетов они осмысливают свои промахи в прошлой войне и планируют новые «блицы» на новой технической основе. В сокрушительном разгроме сорок пятого уцелели и некоторые из немецких пособников, тщящиеся нравственным и правовым камуфляжем прикрыть свои уголовные преступления в годы войны. Но не будет оправдания их злодеяниям, как и не будет прощения. То, что сотворено ими на белорусской земле, невозможно простить» [13].

Список использованной литературы

1. Примерная рабочая программа воспитания для общеобразовательных организаций (одобрена решением ФУМО по общему образованию от 23 июня 2022 г. № 3//22). URL: <https://fgosreestr.ru/poop/primernaia-rabochaia-programma-vospitaniia-dlia-obshcheobrazovatelnykh-organizatsii> (дата обращения: 02.11.2022).
2. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования. Приказ Минпросвещения России от 31.05.2021 № 287 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта

основного общего образования» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 05.07.2021 № 64101). URL: [238eb2e61e443460b65a83a2242abd57.pdf](https://fgosreestr.ru/238eb2e61e443460b65a83a2242abd57.pdf) (fgosreestr.ru) (дата обращения: 15.10.2022).

3. Приказ Министерства просвещения РФ от 12 августа 2022 г. № 732 «О внесении изменений в федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования, утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 мая 2012 г. № 413». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202209120008> (дата обращения 04.11.2022).

4. Методические рекомендации. «ДЕТЯМ СВОИМ РАССКАЖИТЕ О НИХ ЧТОБ ЗАПОМНИЛИ!..» ПРОИЗВЕДЕНИЯ О Великой Отечественной войне в школьном изучении. URL: https://edsoo.ru/_DETYaM_SVOIM_RASSKA-ZhITE_O_NIH_ChTOB_ZAPOMNILI_PROIZVEDENIYa_O_VELIKOJ_OTECHESTVENNOJ_VOJNE_V_ShKOL_NOM_IZUCHENII_Metodicheskie_.htm (дата обращения: 20.11.2022).

5. Примерная рабочая программа основного общего образования. Одобрена решением федерального учебно-методического объединения по общему образованию, протокол от 27 сентября 2021 г. № 3/21. URL: <https://fgos-reestr.ru/oop/pri-mer-naia-rabochaia-programma-osnovnogo-obshchego-obrazovaniia-literatura> (дата обращения: 24.11.2022).

6. Примерная рабочая программа учебного предмета «Литература» (базовый уровень) для 10-11 классов общеобразовательных организаций. Одобрена решением федерального учебно-методического объединения по общему образованию, протокол от 29 сентября 2022 г. № 7/22. URL: <https://fgosreestr.ru/oop/pri-mer-naia-rabochaia-programma-uchebnogo-predmeta-literatura-bazovyi-uroven-dlia-10-11-klassov-obshcheobrazovatelnykh-organizatsii> (дата обращения: 23.11.2022).

7. Быков, В. Долгая дорога домой. – М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2005. – 448 с.

8. Юферова, Я. Василий Быков не отказался от родины даже за «Нобелевку»/ Российская газета. 06.03.2008.

9. Быков, В. Облава: Повести / Василь Быков. – М.: Дружба народов, 1991. – 399 с.

10. Быков, В. Собрание сочинений: В 4-х т. Т. 4. Повесть. Рассказы. Публицистика / Худож. Ю. Боярский. — М.: Мол. гвардия, 1986. — 448 с.

11. Худолеева, Л. Урок внеклассного чтения по повести В. Быкова «Сотников» /Л. Худолеева //Литература в школе. – 2004, № 5. – С. 43-44.

12. Сидоров, Е. Необходимость поэзии: Критика. Публицистика. Память. — М.: Гелеос, 2005. — 512 с. — С. 180.

13. Быков, В. Дожить до рассвета. Сотников. Обелиск. Журавлиный крик. Знак беды. — М.: Эксмо, 2010. — 765 с. (Библиотека всемирной литературы).

Маранцман Елена Константиновна (E. K. Marantsman), доктор педагогических наук, профессор кафедры начального образования и художественного развития ребенка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (*г. Санкт-Петербург, Россия*) elena.marantsman@mail.ru

Кузнецова Наталия Петровна (N. P. Kuznetsova), доктор экономических наук, профессор кафедры управления рисками и страхования Санкт-Петербургского государственного университета (*г. Санкт-Петербург, Россия*). nataliakuz2010@yandex.ru

Золотова Инна Алексеевна (I. A. Zolotova), учитель русского языка и литературы ГБОУ гимназия №166 Центрального района г. Санкт-Петербурга (*г. Санкт-Петербург, Россия*).

УДК 372.8

РОССИЙСКОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ЭПОХУ ПРОТИВОСТОЯНИЯ СМЫСЛОВ ОСОБЕННОЙ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЗАПАДНОЙ УТОПИИ ПОСТКАПИТАЛИЗМА

(В статье использованы материалы гранта РФФИ Проект 21-510-92001 «Расширение доступа России и Вьетнама на мировые рынки в контексте влияния рисков экосистемных финансовых конгломератов и перехода национальных экономик к Индустрии 4.0»)

Аннотация: В статье рассматривается проблемы гуманитарного образования в современной школе, ретроинновационные решения которых

можно найти в традиционной методике XX века. Смена стратегических ориентиров в образовании заставляет вырабатывать новые механизмы устойчивого поступательного развития ученика (студента) не на уровне использования технологических новаций в обучении, а опираться на духовно-нравственный потенциал общества. Предложены варианты решения системных проблем в процессе реформы гуманитарного образования. Представлены материалы исследования студентов педагогического Вуза по вопросу включенности их в ценностный контент современности.

Ключевые слова: учитель, ценности, ретроинновации, цифровизация, претворение литературных произведений в разных видах искусства.

RUSSIAN HUMANITARIAN EDUCATION IN THE ERA OF MEANINGS OF SPECIAL SLAVIC CULTURE CONTRAST TO THE WESTERN UTOPIAN POST-CAPITALISM

Abstract: The article deals with the problems of humanitarian education in a modern school, retro-innovative solutions of which can be found in the methodology of the twentieth century. The change of strategic orientations in education makes it necessary to develop new mechanisms for the sustainable progressive development of a student (student) not at the level of using technological innovations in education, but to rely on the spiritual and moral potential of society. The variants of solving systemic problems in the process of humanitarian education reform are proposed. The materials of a study of students of a pedagogical university on the issue of their inclusion in the value content of modernity are presented.

Keywords: teacher, values, retro-innovations, digitalization, the implementation of literary works in different types of art.

Сегодня наша страна переживает этап ностальгии по СССР, который связан с системным кризисом, порожденным ориентацией на ментальность и техногенный характер рациональной индивидуалистической западной цивилизации. Но Россия никогда не стремилась только к материальному результату, она всегда была открыта для нравственного самоусовершенствования и гармонии с окружающим миром. Образование, экология, медицина, технология, искусство – всё было связано с тонким внутренним, эмоционально-энергетическим уровнем развития человека, с его Духом. Это и определяет в настоящее время восстановление преемственности в сфере образования и культуры, появление ретроинноваций, которые, по мнению М. В. Богуславского, «возвращают страну к тому, что было, но уже на совершенно ином уровне».

Что касается образования, нам есть что заимствовать из советской школы 1970–80-х годов XX века. «Если говорить о ретроинновациях в образовании, то мы сейчас движемся в двух направлениях. Первое – это техническое оснащение школ, желательно, на самом современном уровне, второе – в значительной степени возврат к советской системе образования..., то есть позиции, вынутые из системы российского образования в начале девяностых, сегодня в школу постепенно возвращаются...» [1, с.25].

Уже существует запрос о пересмотре линии развития страны и стратегии образования не только в педагогических кругах, но и во всем обществе независимо от возраста и профессии. Такой ситуацией можно и должно воспользоваться методическому сообществу! Нужно лишь понять, какой период истории методики взять за образец, что из прежнего опыта может работать сегодня в условиях цифровизации всех сторон жизни. Согласимся с В.М. Богуславским, что пик методических разработок, которые реализовались в создании разных линий учебников для школы, пришелся на восьмидесятые-нулевые годы XX столетия. Эти разработки завершили весь методический цикл – от идеи до ее воплощения. И УМК тех лет, действительно, отличались не только текстами, но и механизмами методических инвариантов, заложенных в систему заданий в учебниках и методических рекомендаций для учителя.

Рассмотрим подробнее обстоятельства, заставившие обратиться к ретроинновациям в образовании:

практическое уничтожение педагогических ВУЗов, механическое соединение их в классические университеты с размыванием профессиональной ориентации студентов.

Наши студенты не имеют опыта самоорганизации, выявления личностных приоритетов в условиях ЕГЭ. Университетское образование в бакалавриате не позволяет студенту осознанно выбрать поле своей будущей деятельности потому, что у него нет навыка этой деятельности.

Учитель должен готовиться в тесной связи теории с практической составляющей – просмотр и анализ уроков, создание и реализация собственных занятий (уроков) в школах, под патронажем наставников: методистов и лучших учителей.

Всего этого нет в классическом образовании, там на методику преподавания предмета отводится от 36 до 72 часов.

Как следствие – общество получает некомпетентных педагогов, которые готовы брать уроки из интернета,¹ не задумываясь о системности преподавания, об основной идее обучения и пр.

В настоящее время произошел разрыв в логистической цепи ценностей и

¹ Такую позицию поддерживает и издательство «Просвещение» и Сбербанк. «Обогащение» реформы идеей отрыва образования от воспитания, сокращение школьных и университетских программ, дающих мировоззренческую гуманитарную прежде всего литературно-историческую основу идеологии Нового просвещения – центральную идею 40-го доклада Римского Клуба «Come On! Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты», приуроченного к полувековому юбилею создания Клуба. Эта программа для России губительна, чтобы не сказать убийственна, противоречит ООНовской концепции построения Экономики Знаний – как важнейшего элемента устойчивого развития. К сожалению, Г.О. Греф – не последний человек в управленческой иерархии страны (хотя не более, чем просто высокопоставленный, публичный чиновник с бухгалтерским сознанием главы крупнейшего банка страны, который прославился имплементацией идеи создания первой с России финансовой экосистемы [6]) несамостоятелен, действует по наводке извне и внешне манипулируем, хотя бы потому, что 40% свободных акций Сбера принадлежит англо-саксам - США, а 30% - Великобритании. Все это вызывает большой шум в сетях и возмущение общественного мнения, безусловно, вредительской ролью крупнейшего банка России. Наиболее ярким примером неоднозначной позиции Сбера явился выбор банком нового молодежного лица банка, финансировавшего Петербургский Международный Экономический Форум 2021 г. Им оказался не образованный, не победитель всероссийских и международных чемпионатов, конкурсов или олимпиад по физике, математике, гуманитарным дисциплинам, или талантливый финансист, молодой выдающийся менеджер (которых в России несть числа), а одетый в женское белье и крутящий всеми частями тощенного тельца тик-токер с лицом порочного олигофрена - Дания Милохин. Это «юное дарование» 19 лет от роду выступило на ПМЭФ в качестве наставника и маститых, и подающих надежды предпринимателей, от лица Сбера, обучал молодых людей тому, как лучше невежественное создание без образования, с ущербным мышлением и неразвитой плохо артикулированной речью может заработать миллионы. Сбер, внедряя эти низкопробные стратегии в молодежное сознание через бездарное новое Сберовское лицо, отвлекает внимание молодежи на «ничтожный объект», использует естественное стремление молодых людей хорошо жить, не прикладывая особых усилий. Позиция сберовских «изобретателей» методики продвижения убогих мелкотравчатых бизнес-мыслишек убивает нашу молодежь – а, следовательно, и само будущее страны.

смыслов существования «офукуямленных»² поколений. А доказательством того, что такая угроза уже существует в стране является надвигающаяся опасность уничтожения (под видом реформирования-оптимизации-инновации начальной-средней и высшей школы) системы образования. Двухуровневая западная система высшего образования обеспечивается центральной обучающей идеей, которая облечена в технологию обучения выбора пути. К чести сегодняшней системы российского среднего образования в Федеральном государственном образовательном стандарте (ФГОС) прописано, что слаженная триада Учитель-Родитель-Ученик разрабатывает индивидуальный образовательный маршрут ребенка, но сам механизм реализации этого маршрута ни одна из сторон не может осуществить, что и показал опыт дистанционного обучения во время самоизоляции. Дети и родители оказались без педагогического сопровождения во время пандемии.

На наш взгляд, цифровизация в образовании станет благом только тогда, когда внутри триады Учитель-Родитель-Ученик будет реализовано реальное полноценное диалоговое обучение, где каждый участник образовательного процесса может и должен стать лидером в любой момент обучения. Однобокая и несистемная цифровизация, которую мы наблюдаем в настоящее время в образовании приводит лишь к «уплощению» и так ущербного, суженного гаджетами сознания обучающегося, который видит только одну сторону задачи, а целое от него ускользает. Это особенно обидно сегодня, когда прорывные открытия происходят на стыке наук, а они требуют универсальности знаний и синтетичности мышления. Бездумное использование цифровизации обесмысливает благороднейшую профессию учителя, лишая его высокого статуса служения, жертвенности и творчества, превращая учеников в дрессированную стаю технически выученных, но психически и творчески дегенеративных адептов цифры, имеющих зияющие лакуны основополагающих знаниях по истории, литературе, культуре.

Эту тенденцию ярко проявил профессиональный конкурс «Учитель года» 2019, победителем которого стала молодая дама Лариса Арчашвили, учитель русского языка и литературы из волгоградской школы [2].

Впечатление от этой победы и её урока было очень неоднозначное. Если учитель глубоко образован и его ценностные приоритеты связаны с учениками,

² Прогрессивная в конце XX века на весь мир работа Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории» провозгласила конец двухполюсного мира, ликвидацию экономики централизованного планирования и административно-хозяйственного управления и превращение всей мировой экономики в экономику рыночную, где интерес-прибыль-материальное благосостояние-либеральная система ценностей становятся единственно допустимыми и приемлемыми. «Человечество приближается к концу тысячелетия, и кризисы-близнецы авторитаризма и социалистического централизованного планирования оставили на ринге соревнования потенциально универсальных идеологий только одного участника: либеральную демократию, учение о личной свободе и суверенитете народа». По мнению Фукуямы либеральная идеология превзошла и обескровила всех серьёзных политических противников, дав гарантии, что представляет собой кульминацию в истории человечества, которую воспринимает всё больше стран, в то время как её критики не в состоянии предложить последовательную альтернативу [8]. Однако славянской культуре свойственно другая точка зрения - сегодня мировоззренческая история мира доказывает необходимость и возможность иной «экономической и идеологической парадигмы, обладающей особыми ценностями и смыслами, отличными от пост-постлиберальных, свойственных утопии/сказке всеобщего благодетельного потребительства посткапитализма, позволяющего манипулировать растленным, расчеловеченным, невежественным потребителем.

с их обучением и восприятием, то он может научить их говорить на своем языке, заставить думать, расширяя их лексический запас, поскольку сегодняшний ученик, как правило, косноязычен!

А обратный процесс – попытка учителя «опуститься» на уровень ученика, подладиться под молодежный стиль, кроме сочувствия в профессиональной среде ничего не вызывает. Чтобы цифровизация в обучении была плодотворной, она должна опираться на адекватную этой задаче психолого-педагогическую теорию. В качестве такой теории может выступить теория диалога культур в процессе анализа художественного текста, развиваемая в течение многих лет в научной школе В.Г. Маранцмана [3,4].

Еще одно обстоятельство, заставляющее обращаться к ретроинновациям, это быстрое старение учительства в России. Достаточно проанализировать этот график [проект]

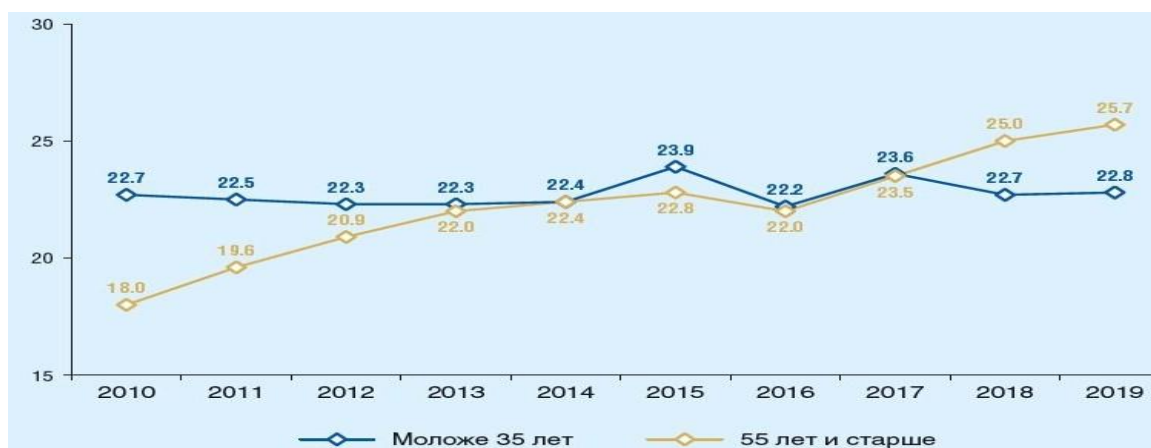

Рисунок 1 – Доля учителей в возрастах до 35 лет и 55 лет и старше (в процентах от общей численности учителей)

По данным официальной статистики, доля молодых (до 35 лет) учителей в России в последние несколько лет относительно стабильна, но при этом становится все больше учителей в возрасте 55 лет и старше. Рассматриваемая возрастная граница в 55 лет до недавнего времени определяла начало пенсионного возраста. По статистике TALIS-2018 (Teaching and Learning International Survey, Международное исследование учительского корпуса по вопросам преподавания и обучения), средний возраст учителей в России – 46,3 года.

Эти системные проблемы заставляют нас серьезно задуматься над непростыми вопросами: что же можно сделать в сегодняшней ситуации? Как вернуть былое величие методики преподавания предметов в школе и ВУЗе, какие идеи методики прошлого взять на вооружение и трансформировать в связи с задачами сегодняшнего дня?

1. Возврат цели подготовки учителя для школы на разных уровнях – общеобразовательная, гимназия, лицей.
2. Подготовка специалиста – магистратура по методике преподавания предмета со специалистами по профилю.
3. Увеличение календарных часов (теоретических и практических) на подготовку студента педагогических специальностей.

4. Пересмотр системы повышения квалификации учителей – только в профильном учебном заведении.

Для осуществления такого плана понадобится много квалифицированных методистов. И тогда необходимо будет возродить весь спектр их подготовки, начиная от диссертационных советов по узкой специальности – 5.8.2, и заканчивая большими полномочиями всех институтов усовершенствования учителей, где должны работать только дипломированные по этой специальности люди.

Для возрождения педагогического образования в ВУЗах, даже в классических университетах нужны кафедры методики преподавания всех дисциплин, которые будут обеспечены профильными специалистами. Это дело не одного года, но уже сегодня нужно начинать.

И, конечно, более ответственно подходить к процессу дополнительной профессиональной подготовки учителей, не отдавая весь педагогический спектр предметов общей педагогике. Особенно опасна современная тенденция превращения институтов развития образования в инструмент, обслуживающий ВПР, ЕГЭ, ГИА. Вместо обучения, наставничества, профессионального сопровождения учителей эта структура превратилась в формальный орган контроля. Таким образом, учителей не учат нигде – ни в ВУЗе, ни в системе повышения их квалификации.

Что можно предложить на современном этапе для шадящей реформы гуманитарного образования?

1. Ввести устные экзамены по литературе, истории, обществознанию, которые не являются обязательными для всех выпускников, а лишь дают им право поступления в профильные ВУЗы. (Это легко сделать сегодня под аудио или видеозапись). Таким образом, мы обеспечим ВУЗу возможность увидеть гуманитарный потенциал абитуриента, что крайне важно в создавшиеся ситуации формализованного экзамена.

2. В системе педагогического образования наряду с ЕГЭ сделать обязательным устное собеседование абитуриента с группой методистов и учителей, работающих или сотрудничающих с данным ВУЗом. Заинтересованный и ответственный диалог с абитуриентом позволит выявить зрелость его мотивации, определить его потенциал в освоении профессии учителя. Это можно сделать и в системе профильного педагогического образования в школе, где происходит профильная ориентация учеников в Педвузы своих и обеспечивает учителям возможность их курирования на протяжении всего обучения школа-ВУЗ-школа.

Такая практика позволит более осознанно подходить к выбору профессии и абитуриентам, и учителям, системно готовить их на всех уровнях образования.

И все же, несмотря на все негативные тенденции в образовательном процессе в школе и ВУЗе, запрос на учительскую профессию сегодня есть. Причем он не столько формальный, потому что продиктован рядом льгот, в частности, стабильной зарплатой, а более всего – и ценностными ориентирами.

В наших исследованиях 2021-2022 годов, проведенных в Российском государственном педагогическом университете имени А.И.Герцена, мы затрагивали эти темы. Вот данные опросов студентов 1 курса Института детства.

Таблица 1 – Мотивационные вопросы/ схема ответов

<i>Я ориентируюсь на своего учителя начальных классов</i>	4,2%
<i>Я ориентируюсь на своего учителя в средней/профильной школе</i>	81,3%
<i>Я хочу стать учителем независимо от своего опыта ученичества</i>	8,4%
<i>Меня устраивают функциональные показатели – оплата труда, график работы и пр.</i>	6,1%

Такие показатели привели нас к необходимости конкретизировать мотивационные запросы студентов. (См.: Табл.2 Профессиональные Мотивационные запросы студентов – будущих учителей). Проанализировав ответы студентов, мы разбили их на условные рубрики и результаты показали, что большинство студентов-первокурсников ориентируются на своих учителей средней/профильной школы.

Таблица 2 – Профессиональные Мотивационные запросы студентов – будущих учителей

<i>Мои учителя были для меня примером жизни независимо от предмета, который они преподавали.</i>	60, 2%
<i>Я про этот вид деятельности больше всего знаю</i>	5.8 %
<i>Я хочу строить новую Россию</i>	15,3 %

Полученные данные показывают стремление студентов первого курса к благородным целям, реализацию которых они видели у своих учителей уже в осознанное время жизни в старшей школе. При этом предметная область играет второстепенную роль, так как ценностный контент превалирует.

Что касается профильного образования, то сегодня уже сложился принцип отбора кадров в конкретных школах по основным профильным специальностям. Так в Центральном районе Санкт-Петербурга данные по качеству образования такие:

Таблица 3 – Типичные результаты качества образования школ Центрального района Санкт-Петербурга (%)

Номер/статус школ Центрального района	Средний балл по ОГЭ	Средний балл ЕГЭ	Квалификация учителей (процент учителей высшей категории в профильных классах)
166 гимназия	71	85	90
214 лицей	74	82	92
155 гимназия с углубленным изучением французского языка	79	87	95
Школа № 207 с углубленным изучением английского языка	81	89	95
210 общеобразовательная школа	61	71	50

Источник: Составлено авторами

Эти данные показывают, как выстроена современная школа, как плодотворно сказывается ранняя специализация учеников на результатах образования. Причем, именно широкая специализация, а не узкое направление на один предмет. Это видно и по квалификации педагогов, сегодня высшую категорию учитель зарабатывает не только стажем своей работы, но и показателями достижений своих учеников – участие и победы в конкурсах разного уровня.

Одним из результатов такой подготовки учителей можно считать качественный анализ ответов учеников 11 классов, проведенный в 2021 году в двух разных школах Санкт-Петербурга – в гимназии № 166, ориентированной на системное культуротворческое образование школьников [5, с.132-148], и учеников школы № 210. Выпускникам предложили продолжить высказывание: «**Петербург для меня – это...**».

Таблица 4 – Примеры культуротворческого образования в гимназии № 166 и в общеобразовательной школе № 210 (11 класс)

166 гимназия	210 школа
Голос. Он может создать атмосферу как для таинственной прогулки, так и для веселой обстановки	Место, которое позволяет мне открывать свои таланты
Библиотека имени В.В.Маяковского. Эти стены и своды породили меня с городом	Начало пути, откуда я пойду во взрослую жизнь
Стена у квартиры Анны Ахматовой, которая полностью исписана стихами...	Обучаясь в школе, я становлюсь ее частью и частью истории моего города. Петербург – это я!

Высказывания выпускников в гимназии №166, смогли появиться вследствие гармоничной работы всех участников образовательного процесса. Директора гимназии – Учителя года 2009, учителей гуманитарных предметов высшей квалификации и преподавателей системы дополнительного образования. Здесь работает «команда» во главе с директором, который не только великолепный организатор педагогического процесса, но еще блистательный учитель, который сам всегда проводит открытые уроки. И самое главное, директор – человек высочайшей культуры. Это передается и учителям, и детям.

Концепция культуротворческой школы в 166 гимназии входит органично в учебный процесс и создает такую образовательную среду, которая дает высокие количественные, а главное, качественные показатели обучения. Ученики же 210 школы также показали осмысленное и неформальное отношение к вопросу, который был задан. Однако в их ответах явно недостает культурной составляющей, которая встроена в их систему ценностей. Они не приводят примеров своих любимых культурных объектов, с которыми ассоциируется город.

Подводя итог сказанному, хочется надеяться, что в современной России на основе становления многонациональной, многоконфессиональной и мультикультурной идеологии Нового просвещения, сочетающего через ретроиннова-

ции смыслы преемственности и инновационности с принципами историзма, гуманизма и альтернативности, реформа образования станет более «человечной», менее формализованной. Возрастет доверие к Учителю, он обретет былой статус Властителя дум, носителя духовных ценностей и в профессии, и в поведении, и в глазах учеников и их родителей.

Список использованной литературы:

1. Богуславский М.В. Инновационные и ретроинновационные волны в современной российской образовательной политике: потенциал и риски. «Народное образование» выпуск №6/ 2018 С.25.
2. Арачашвили Л. «Долина знаний». mk.ru/social/2019/10/04/...Дата обращения 12.08.2021.
3. Методика преподавания литературы в двух частях. Ред. Богданова О.Ю, Маранцман В.Г. «Просвещение», 1995.
4. Методика обучения литературе. XXI век. Учебное пособие под ред. Е.К.Маранцман. СПб, Издательство ВВМ, 2019 – 239 с.
5. Валицкая А.П.«Теория образования в контексте современности. СПб, «Астерион» 2014. С.132-148.
6. Проект «Мониторинг экономики образования» Высшей школы экономики (ВШЭ): Материалы к докладу «Педагогический корпус в России: дефицит кадров» zen.yandex.ru Яндекс.Дзен...pedagogicheskij-korpus-v-rossii-deficit-kadrov... Дата обращения: 19.09.2021
7. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. — 1990. — № 3. — С. 84—118.

Статкевич Елена Васильевна (E.V. Statkevich), преподаватель филиала БрГТУ «Пинский индустриально-педагогический колледж» (Пинск, Республика Беларусь) CNFNRTDBX@yandex.by

УДК 37.015.31:7.01-057.874

ЛИЧНОСТНЫЕ ОБРАЗЦЫ В ФОРМИРОВАНИИ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Аннотация. В статье отмечается, что в формировании личности значительную роль играют ценности, в числе которых особое место занимают эстетические ценности. В данном ключе обосновывается роль личностного образца в формировании эстетических ценностей.

Ключевые слова: ценность; ценностное отношение; эстетическая ценность; красота; гармония; эстетический идеал; старшеклассник; личностный образец.

PERSONAL PATTERNS IN THE FORMATION OF AESTHETIC VALUES OF HIGH SCHOOL STUDENTS

Abstract: The article notes that values play a significant role in the formation of personality, among which aesthetic values occupy a special place. In this way, the role of the personal sample in the formation of aesthetic values is substantiated.

Keywords: value; value attitude; aesthetic value; beauty; harmony; aesthetic ideal; high school student; personal sample.

Происходящие в современном обществе процессы гуманизации связаны с возрастанием роли личности, обращением к ее внутреннему миру, представленному ценностями и смыслами.

Мир ценностей – это «сфера духовной деятельности человека, его направленного сознания, его привязанностей – тех оценок, в которых выражается мера духовного богатства личности» [2, с. 160].

По сути, ценность – это то, что человек считает значимым для себя. Как отмечает Н.О. Лосский, «ценность есть то, что определяет смысл всего: личности, общества, поступка, события» [5, с. 29]. С точки зрения В. Г. Алексеевой, система ценностных ориентаций – это «основной канал усвоения духовной культуры общества, превращения культурных ценностей в стимулы и мотивы практического поведения людей» [1, с.356].

Ценностные ориентации выступают основой выбора стратегии и смысла жизни. «Это то, что желаемое делает действительностью, что мобилизует и направляет психологическую энергию человека, различные формы его социальной и духовной активности» [3].

Формирование эстетических ценностей у старшеклассников проявляется в выработке у них личностных предпочтений и ценностных ориентаций в соответствии с критериями красоты, гармонии и идеала. Характер проявления эстетической ценности зависит как от субъекта восприятия (объективная характеристика), так и его субъективной установки в конкретной сфере деятельности. Эстетические ценности, ставшие достоянием индивидуального сознания старшеклассников и ассимилированные в их опыте, меняют их отношение к выбору целей и способов своей активности в основных сферах жизнедеятельности.

Побудить учащихся к формированию эстетических ценностей позволяет деятельность, которая заключается в целенаправленном осмыслении и оценке с позиции эстетических ценностей событий жизнетворчества известных, выдающихся персон и в формировании в этой связи личностных смыслов.

Личностный смысл рассматривается как осознаваемая значимость (ценность) для субъекта тех или иных объектов и явлений действительности, определяемая их истинным местом и ролью в жизнедеятельности, их жизненным смыслом для него.

Развитие и функционирование систем личностных смыслов и ценностных ориентаций носит взаимосвязанный и взаимодетерминирующий характер.

Как отмечает Д. А. Леонтьев, «личностные ценности одновременно являются и источниками, и носителями значимых для человека смыслов» [4].

Изменение личностного смысла объектов и явлений возможно лишь путем переосмысления их места и роли в жизни субъекта, включения их в более широкий контекст смысловых связей с более разнообразными мотивами, потребностями и ценностями либо в результате перестройки самих мотивов и ценностных ориентаций.

В мировой культуре насчитывается множество персон, признанных неординарными, выдающимися в истории человечества благодаря их яркой незаурядности жизни и творчества, достижениям, личному вкладу.

Имена людей, которые оставили след в духовной культуре, являют собой часть истории. Человек, его образ жизни, поиск истины, преодоление себя, борьба за свободу и справедливость, воплощение созидательных возможностей в творчестве – все это вплетено в историю и составляет ее содержание. В культуре человечества из поколения в поколение запечатлеваются и передаются образцы восхождения личности к духовным ценностям, их отстаивания и защиты.

На примере жизни выдающихся людей (ученых, поэтов, музыкантов, художников, летчиков, инженеров, педагогов, писателей и др.), вошедших в историю отечественной и мировой культуры, мы предлагаем учащемуся яркий, значимый в культуре образец-эталон и побуждаем к его духовному освоению.

Представленный в качестве примера образец помогает учащемуся в ценностном освоении мира. При этом ценности культуры и путь восхождения к ним предстают для него в расшифрованном, распределенном виде, как конкретный пример жизненного и профессионального выбора, поиска смысла жизни, ответственного поступка, отношения к познанию, людям, труду, способа разрешения возникающих ситуаций.

Таким образом, в процессе формирования эстетических ценностей учащихся личностные образцы призваны выступать в роли ориентиров на пути самоопределения и самореализации личности с позиций красоты, гармонии, идеала.

В соответствии с задачами, обозначенными в Концепции непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь [7], личностные образцы призваны облегчить восхождение к эстетическим ценностям. Включение конкретных персоналий в воспитательный процесс формирования эстетических ценностей учащихся осуществляется для:

- приобщения к ценностям отечественной и мировой культуры как источнику формирования эстетических ценностей личности, сохранения и приумножения этих ценностей;
- стимулирования и развития процессов самопознания, самоактуализации и самореализации учащихся в опоре на их интересы и потребности;
- становления в сознании личности идеала, побуждающего к самовоспитанию и актуализации потребности в самопознании;
- формирования системы знаний учащихся об эстетических ценностях красоты, гармонии, идеала, их сущности и роли в системе ценностей человека;
- формирования умений определять жизненные ценности и ориентиры, осмысливать жизнь в ее многомерности и глобальности, расширять горизонты индивидуального мировосприятия с позиций эстетических критериев;

- формирования аналитических умений учащихся в целях поиска личного смысла и осознания общечеловеческого значения эстетических категорий красоты, гармонии, идеала в жизнедеятельности человека (поиска смысла жизни, выбора жизненной стратегии);
- стимулирования у учащихся мотивации к художественно-творческой деятельности;
- наращивания способности к самовыражению в различных видах художественно-творческой деятельности;
- активизации развития эстетических и познавательных интересов и потребностей, ассоциативно-образного мышления;
- развития способностей оценивать различные явления, объекты, предметы действительности с позиций эстетических критериев красоты, гармонии, идеала;
- развития эмоциональной отзывчивости, сопереживания, милосердия, дружелюбия, готовности прийти на помощь другому;
- воспитания творческой активности учащихся в различных видах художественно-творческой деятельности, их стремления созидать по законам красоты;
- содействия самовоспитанию учащихся, формированию качеств личности, осознающей эстетические ценности, стремящейся к эстетике в жизни, в быту, к эстетике отношений, имеющей развитое творческое начало.

Предполагаемым результатом выступает воспитание личности:

- духовной, стремящейся к познанию, поиску смысла жизни, цельности; со сформированными представлениями о красоте, гармонии, идеале как эстетических критериях оценки во всех сферах жизнедеятельности;
- творческой, стремящейся к эстетике в жизни, в быту, к эстетике отношений;
- гуманной, стремящейся к миру и гармонии с окружающим миром, милосердию, доброте, способной к состраданию и оказанию помощи;
- способной сохранять культурные традиции.

Формирование эстетических ценностей учащихся может осуществляться посредством:

- разнообразных форм «диалога с Другим»: известными персоналиями в мировой и отечественной культуре, героями художественных произведений, учителями, родителями, с самим собой, сверстниками и т. д.;
- ценностного осмысления роли и значения красоты, гармонии, идеала в основных сферах жизнедеятельности человека («Что это дает?»);
- анализа своих чувств и отношений к эстетическим ценностям в основных сферах жизнедеятельности («Что я переживаю?»);
- самопознания мотивов и предпочтений в выборе средств и способов общения с эстетическими ценностями в основных сферах жизнедеятельности («Зачем, для чего мне это надо?»);
- анализа своих успехов и неудач с позиций эстетических критериев в общении, взаимодействии, деятельности в основных сферах жизнедеятельности и их причин;
- рефлексии взаимосвязи процесса и результатов взаимодействия, общения, отношений, деятельности с позиций эстетических критериев в основных сферах жизнедеятельности со своими личностными особенностями (предпочтениями, ценностями, мотивами, привычками и т. д.);

- оценки и характеристики качественных изменений, приращений (личных достижений) во всех структурных компонентах личности;
- сравнения себя «вчера» и «сегодня» (своих знаний, умений, предпочтений) в конкретных ситуациях в учебно-профессиональной, досуговой, общественной и межличностной сферах;
- социального сравнения (сопоставления собственного мнения о себе с представлениями о себе других людей).

Методы и технологии, используемые в формировании эстетических ценностей, направлены на активизацию эстетического сознания учащихся, интенсификацию их эмоционально-оценочной активности и обогащение опыта деятельности и рефлексии в основных сферах их жизнедеятельности.

Для этого могут быть использованы активные и интерактивные методы:

- методы формирования эстетического сознания: информационно-коммуникативные (*групповая дискуссия, диспут, решение ситуаций, эвристическая беседа, метод ИКТ*), проблемное изложение материала, метод эстетического убеждения, аксиологическая рефлексия;
- методы стимулирования и мотивации: наглядные методы (*показ репродукций, прослушивание произведений, инсценировка*), метод синтеза различных видов искусства, игрового проектирования, метод создания воспитывающих ситуаций, ассоциативное сопоставление и сравнение, эмоционально-оценочная рефлексия;
- методы обогащения опыта: метод проектов (*образовательных, литературных, музыкальных, художественных, социальных*).

Эффективными формами являются те, которые способствуют развитию субъектной позиции учащихся. Большим воспитательным эффектом в данном направлении обладают презентации, защиты проектов, дискуссии, диспуты, выступления и др.

Важным фактором в формировании эстетических ценностей учащихся являются методы и приемы интерактивного обучения: мозговой штурм, аквариум, дерево решений, дебаты, тренинги и др. [6]. Являясь диалоговыми по своей природе, они создают условия для взаимообмена идеями, смыслами, запускают рефлексивные размышления.

Восприятие мира через призму жизни великого человека, с его идеалами и ценностями формирует внутреннюю позицию личности учащегося по отношению к ценностям красоты, гармонии, идеала. Они приобретают жизненный ориентир: к чему стремиться, на кого равняться, чего добиваться в жизни. Это находит подтверждение в их эстетических предпочтениях и вкусах, отражающихся во внешнем облике, поведении, общении, деятельности.

Однако демонстрируемый образец становится личностным достоянием только в том случае, если учащийся начинает его оценивать и придавать ему личностный смысл. «Личностный смысл представляет собой индивидуализированное отражение действительности, выражающееся в отношении личности к тем объектам, ради которых разворачивается ее деятельность и общение» [1, с. 63].

В данном контексте осмысление, преломление и оценивание внешнего опыта взаимодействия с миром осуществляется сквозь призму внутреннего «я», где основное место занимает позиция субъекта. Смыслы человек порождает сам в

своих переживаниях, оценках, выборах, творчестве и др. смысловых единицах жизни. Благодаря внутренней активности личности старшеклассники заново открывают для себя окружающий мир, тем самым формируют, корректируют свою систему ценностных ориентаций. На примере образцов, взятых из жизни А.П.Чехова, мы покажем, как рождается собственный смысл эстетической ценности, который будет определяющим фактором дальнейшей ее реализации в различных сферах жизни и деятельности учащихся колледжа.

Антон Павлович Чехов родился 29 января 1860 года, в г. Таганроге, в многодетной семье купца третьей гильдии, владельца бакалейной лавки. Начальной грамоте он учился в школе вместе с детьми ремесленников, матросов, портовых грузчиков. В 1868 году Антоша поступил в подготовительный класс Таганрогской гимназии. В свободное от уроков время он должен был помогать отцу, «приучаться к торговле». А по вечерам петь в церковном хоре. Кроме того, каждый ребенок в семье должен был выучиться какому-либо купеческому делу. Чехов учился портняжному ремеслу. Но это занятие вовсе его не привлекало.

Чехов рос живым, остроумным мальчиком. Он увлекался театром и сам разыгрывал перед братьями и знакомыми целые сцены. Особую радость ему доставляли забавные рассказы, которые он читал прямо-таки мастерски. «Талант в нас от отца, а душа – от матери», – говорил Чехов.

В 1876 году Чеховы разорились, продали лавку и переехали в Москву. Антон Павлович остался в Таганроге заканчивать гимназию. Отец не мог помочь юному Антону, так как служил конторщиком, и Чехову пришлось самому зарабатывать на жизнь уроками. Так прошли три года.

Обучение протекало не очень гладко, так как в школе царил жестокость. Из-за малейшего проступка учеников били линейкой. Но, несмотря на это, после окончания восьми классов учебного заведения учащиеся могли поступить в любой институт. Именно в школьные годы юноша стал много читать и увлекаться литературой. В это время начинается литературная деятельность Чехова. Он пишет юмористические рассказы под псевдонимом Чехонте. После окончания гимназии Антон Павлович приехал в Москву и по совету матери – «непреренно по медицинскому факультету иди, уважь меня, самое лучшее занятие...» – поступил на медицинский факультет Московского университета.

А. П. Чехов усердно изучал медицину, аккуратно посещал лекции и практические занятия и успешно сдавал экзамены. Студенческой вольницы, о которой так любят вспоминать вчерашние выпускники, Чехов практически не ощутил, поскольку любую свободную минуту он посвящал дополнительным заработкам. С третьего курса он начал ассистировать докторам во время операций, но это не приносило больших денег. В этот период литературный труд становится для Чехова основным источником заработка.

После окончания университета (1884) Чехов, работая уездным врачом, продолжал писать. «Не сомневаюсь, – писал Чехов, – занятия медицинскими науками имели серьезное влияние на мою литературную деятельность; они значительно раздвинули область моих наблюдений, обогатили меня знаниями...».

До последнего Антон Павлович старался совмещать оба важных для себя занятия – медицину и литературу.

Им написано более 900 различных произведений, некоторые из них переведены на 100 и более языков [8].

ДЕРЕВО ЦЕЛЕЙ

Антон Павлович Чехов писал: «Я не знаю, почему нельзя гнаться за двумя зайцами даже в буквальном значении этих слов? Были бы гончие, а гнаться можно...».

1. Как вы понимаете эти слова А. П. Чехова?
2. Какие цели в своей жизни ставил А. П. Чехов?
3. Как вы думаете, что помогло А. П. Чехову в достижении целей: воспитание в семье, учеба в гимназии, учеба на медицинском факультете университета, индивидуальные качества А.П. Чехова?
4. В чем, по-вашему, А. П. Чехов видел красоту учения? В чем ее видите вы?
5. Где именно вы видите возможности для реализации своих способностей в будущем?
6. Постройте «дерево» целей на ближнюю перспективу и проанализируйте свои шансы в ее достижении.
7. Что для вас является идеалом в учебно-профессиональной сфере?

Объектом рефлексивной деятельности учащегося при этом выступают эстетические ценности и формы их проявления в основных сферах его жизнедеятельности, а средством – «желаемое будущее», описанное системой этих ценностей и воспринимаемое учащимся как образец.

Следствием аксиологической рефлексии является «выход» учащегося на уровень критического осмысления эстетических ценностей красоты, гармонии, идеала в основных сферах жизнедеятельности.

В результате устанавливается тождество с самим собой и определяются формы и способы своего развития.

Таким образом учащиеся учатся видеть, дифференцировать красоту, гармонию, идеал в различных сферах жизнедеятельности человека и использовать как критерий жизненного и профессионального самоопределения.

Список использованной литературы:

1. Алексеева, В. Г. Ценностные ориентации как фактор жизнедеятельности и развития личности / В. Г. Алексеева // Психологический журнал. – 1984. – Т. 5. – № 5. – С. 63–70.
2. Асмолов, А.Г. Психология личности / А.Г.Асмолов. – М.: МГУ, 1990. – 367 с.
3. Левко, А.И. Проблема ценности в системе образования / А. И. Левко, Л. В. Ахмерова. – Минск : НИО, 2000. – 311 с.
4. Леонтьев Д. А. Внутренний мир личности // Психология личности в трудах отечественных психологов. — СПб.: Питер, 2000. — С. 372-377.

5. Лосский, Н.О. Ценность и бытие: Бог и царство Божие как основа ценностей / Н.О. Лосский. – Харьков; М.: Фолио; АСТ, 2000. – 861 с.
6. Кашлев, С. С. Современные технологии педагогического процесса: пособие для педагогов / С. С. Кашлев. – Минск : Университетское, 2000. – С. 34–37.
7. Концепция непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adu.by/ru/homepage/obrazovatelnyj-protsess-2021-2022-uchebnyj-god/organizatsiya-vospitaniya-2021-2022.html>. – Дата доступа 08.03.2022.
8. Кузичева, А. Чехов: жизнь «отдельного человека»: к 150-летию со дня рождения А. П. Чехова / А. Кузичева. – Москва : Молодая гвардия, 2010.– 844с.

Тоболевич Татьяна Леонидовна (Т.Л. Tabalevich), старший преподаватель кафедры белорусского и русского языков Брестского государственного технического университета (*г. Брест, Республика Беларусь*)

Щерба Оксана Викторовна (O.W. Shcherba), старший преподаватель кафедры белорусского и русского языков Брестского государственного технического университета (*Брест, Республика Беларусь*) shchierba77@mail.ru

УДК 37.011.31

УЧИТЕЛЬ ТОТ, К КОТОРОМУ ИДУТ

Аннотация. В статье авторы рассматривают проблему предназначения, миссии педагога в современной высшей школе, роли личности учителя в образовательном процессе и стремительно изменяющемся мире на примере профессиональной и творческой деятельности Потолкова Юрия Васильевича.

Ключевые слова: миссия педагога, научная и общественная деятельность, мироощущение, теория литературы, перформанс, творческий потенциал, теория малых дел.

A TEACHER IS THE ONE PEOPLE GO TO

Abstract: The article reviews a problem of teacher's mission in a modern higher education establishment, the role of teacher's personality in the educational process and in the fast-changing world on the example of professional and creative activity of Yury V. Potolkov.

Keywords: teacher's mission, scientific and social activities, world perception, theory of literature, performance, creative potential, theory of small deeds.

Известно, что профессия педагога всегда имела жизненно важное значение. Роль его велика и в современном обществе. Об этом пишут многие учёные, отмечая значимость профессии педагога. По определению, например, В.Г. Онушкина и Е.И. Огарева, учитель – это лицо, передающее другим освоенные им знания, умения, приобретенный опыт, свое понимание жизни и отношение к ней. О становлении личностных и личностно-деловых качеств педагога писали М.П.Жигалова [3], С.Б. Елканов, В.Г. Маралов, Э.Ф. Зеер, Л.М. Митина, Л.Ф. Обухова и др.

Конечно, нельзя не согласиться с исследователями, которые отмечают, что настоящий педагог-мастер всегда выступает в качестве модератора для передачи интеллектуальных традиций и коммуникативных навыков. А это, безусловно, требует от него, как утверждает М.П.Жигалова, “постоянной работы над собой, творчества, огромной душевной щедрости, любви к обучаемым, безграничной верности своему делу” [4, с. 102-107]. Потому педагог всегда оказывает большое влияние на общество, в котором он живет, а значит, и на отдельного человека в частности.

На нашем жизненном и педагогическом пути встречались Учителя, которые вдохновляли нас становиться лучше. Но был тот, к кому хотелось идти и общаться, учиться и творить...

О такой личности педагога и пойдёт речь в нашей статье.

11 декабря 2021 года исполнилось 80 лет филологу, педагогу, ученому, поэту и нашему коллеге Юрию Васильевичу Потолкову.

Скромно, в кругу семьи и коллег, Юрий Васильевич отметил эту круглую дату. Однако, его юбилей не остался незамеченным, несмотря на то, что он уже несколько лет не преподавал и активно не работал. В брестской газете «Заря» вышла статья Михаила Стрельца о юбиляре «Сегодня исполняется 80 лет ученому, педагогу, публицисту брестчанину Юрию Потолкову».

Более торжественно и публично отметить юбилей не позволило слабое здоровье Юрия Васильевича и душевное состояние после потери самого близкого и родного человека – жены Марии Петровны, с которой он прожил душа в душу более полувека. Конечно, юбиляру желали здоровья, долгих лет жизни, вдохновения, творчества, но ... 22 февраля 2022 года Юрий Васильевич ушел из жизни.

40 лет Юрий Васильевич проработал преподавателем русской литературы в Брестском государственном университете им. А.С. Пушкина, вел активную научную и общественную деятельность. Среди его учеников, а точнее сказать – учениц, которых он ласково называл «мои филологини», тысячи учителей русского языка и литературы. Сам Юрий Васильевич определял свое призвание следующими словами:

Учитель – это тот, к которому идут,
Идут за правдой и за покаяньем.
Учитель – это тот, которого зовут
На милосердьи и на состраданье.

Такая уж судьба: людское искупать,
Увязывать в одно оборванные нити.
Уснувших – пробуждать, забытых – воскрешать
И вечно рифмовать: Учитель и Спаситель.

В беседе с автором этой статьи выпускницы филологического факультета БрГУ им. А.С. Пушкина Демина Елена, Кобелева Юлия, Сахончик Татьяна, Третьяк Наталья, окончившие университет более двадцати пяти лет назад, отмечают, что прекрасно помнят Юрия Васильевича, который выделялся своей эмоциональностью, оригинальностью, необычайной эрудированностью.

Он, как преподаватель, отличался от своих коллег нестандартными формами ведения занятий, чем опережал свою эпоху. Часто «грешил» отступлением от темы лекции, что и было так привлекательно для молодых свобододлюбивых людей, не терпящих никаких рамок.

Студенты чувствовали в нем своего человека, равного им по возрасту и мироощущению. Неистово любя поэзию, этим чувством он заражал всю аудиторию. И студентки с трепетом и восторгом слушали стихи В.Маяковского, А. Блока, О. Мандельштама, стихийно врывавшиеся в сухую теорию литературы.

Юрий Васильевич читал стихи самозабвенно, активно жестикулируя. Он никогда не стоял за кафедрой, отделяя себя от студентов, а двигался между партами, всматриваясь в глаза слушательниц, искал отклика.

Можно сказать, что занятие Юрия Васильевича всегда было нейким перформансом. Его «филологини» постигали литературу, в первую очередь, не

умом, а сердцем и душой. И такая форма проведения лекций, конечно, была приемлема не для всех. Но она была востребована студенческой средой, так как такие занятия пробуждали творческий потенциал многих студентов, побуждали их к реализации своих талантов, часто спящих и не находивших выхода. Тем не менее, нельзя допустить мысли о том, что тема занятия была упущена или отведена на второй план. Юрий Васильевич был довольно требовательным преподавателем: теорию литературы нужно было знать хорошо.

«Непонятный многим, не разгаданный никем, самый эмоциональный, необыкновенно талантливый, искренне влюбленный в литературу и преданный своему предмету преподаватель», – такие определения подобрали студенты Юрия Васильевича Потолкова 1999 года выпуска.

Не раз приходилось слышать из уст Юрия Васильевича рассуждения о «теории малых дел». Теория малых дел – это политическая концепция, возникшая в России в 1880-х годах в среде народнической интеллигенции как реакция на неудачу «хождения в народ» и разгром правительством «Народной воли». Сторонники теории призывали молодежь к работе учителями, агрономами, врачами в земствах, чтобы служить народному благу. Сторонники движения проповедовали «тихую культурную работу», видя в малых делах «один из путей облегчения положения трудящихся» [1].

«Теория малых дел» и сегодня актуальна. Однажды Юрий Васильевич спросил нас о том, считаем ли мы, что спасая одного человека, спасешь весь мир... Несмотря на свои большие заслуги в педагогике, литературоведении, общественной работе, главной своей целью в жизни он считал заботу, поддержку и, без преувеличения, спасение свое жены Марии Петровны Потолковой.

Состояние здоровья Марии Петровны многие годы требовало постоянно ежеминутного внимания, материальных затрат и физических усилий. Юрий Васильевич с огромной любовью заботился о своей жене. Много лет мы с четой Потолковых жили по соседству и часто видели, как бережно он относится к супруге. Ежедневно мы имели удовольствие наблюдать эту трогательную пару, прогуливающуюся и о чем-то беседующую.

Как отмечает Т.А. Гераськина, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания, преподаватель БрГУ им. Пушкина и коллега Юрия Васильевича, «...чета Потолковых – чудесная пара. Они создали семью, рядом с которой тепло и уютно. Юрий Васильевич – любящий муж, сердечный друг своей очаровательной супруги» [2, с. 149].

Мария Петровна всегда была не только Музой, но и первым критиком творчества мужа. Ей он посвятил одно из своих стихотворений:

Маринушка моя! Кровинушка моя!
С тобою мы смеёмся и вздыхаем.
И в горестях живем, и в радостях живем,
На все вопросы вместе отвечаем.
Как труден наш простор! Как хрупок разговор!
Мир соткан из таких противоречий!
А мы – в своем пути. И все хотим найти
Святой совет в раскатах Божьей речи.
Живешь на свете ты – травиночка мечты –
Тревожно, словно капля дождевая.

С рождением тебя, судьбинушка моя!

Я так люблю тебя, моя родная!

Само слово Любовь для Юрия Васильевича было значимым и важным, потому что оно в его лексиконе неординарное, а вбирает в себя глубокий смысл и большую энергию, способную объединить, породнить и сблизить людей. Так и получилось в жизни этой семьи: супруги родились в один год и ушли друг за другом.

Последние одиннадцать лет перед уходом на заслуженный отдых Юрий Васильевич Потолков работал в Брестском государственном техническом университете преподавателем русского языка как иностранного. Благодаря ему, иностранные студенты из Китая, Туркменистана и других стран узнали и полюбили русский язык, русскую литературу и русскую культуру.

Юрий Васильевич всегда был заинтересован в выявлении творческих личностей среди студентов, вдохновлял их на написание стихов, эссе и рассказов на русском языке. Усилиями Юрия Васильевича в газете «Брестский вестник» появилась рубрика «Брест глазами иностранных студентов», в которой периодически появлялись стихи и статьи иностранных студентов, для которых Брест не без помощи Юрия Васильевича стал вторым родным городом.

Всем запомнилась удивительная китайская девушка, Чжан Пэйюань, студентка Потолкова Ю.В., написавшая стихотворение «Влюбленная в город».

Я всегда мечтала попасть в такой город,
Где можно работать, учиться и дружить,
Где весной поют птицы и растут травы,
Летом расцветают цветы, осенью идут дожди,
Зимой выпадает снег,
Где улицы удобны,
А деревья веют свежестью,
Где голубое небо,
Желтые почвы,
Чистые воды,
Слабый ветер,
Где нет шума,
Но нет и безжизненности,
Где живут счастливые, сильные, уверенные люди.
Моя мечта сбылась:
Я живу в Бресте.

В этих стихах, немного наивных, но написанных от души, видно отношение к Беларуси, к городу Бресту, которое воспитал в своих учениках Юрий Васильевич.

Юрий Васильевич был и прекрасным коллегой. Он всегда поддерживал, поощрял и хвалил нас. Он посвящал нам прекрасные стихи.

Родная кафедра моя!
Я много жил и много вижу.
Судьба не пестила меня:
Бывало всяко: выше, ниже...
Мне с вами хорошо сейчас,
И признаюсь: молю я Бога,
Чтоб дольше длилась среди вас
Моя рабочая дорога.

Юрий Васильевич был не только исследователем русской литературы, но и сам со временем стал объектом исследования как поэт, философ, литературовед и педагог.

Свои статьи ему посвятили М.П. Жигалова [4, с. 102-107], С.А. Королевич [4, с. 11-14], О.Б. Переход и Е.И. Абрамова [4, с. 114-115], Т.А. Гераськина [4, с. 50-51], Н.Н. Борсук [4, с. 73-81], Н.И. Мищенко [4, с. 89-91] и др.

Они рассказали о личности Ю.В. Потолкова, его индивидуальности, обаянии, педагогическом мастерстве в книге «Идея, ставшая судьбой» [4], опубликованной в 2016 году.

Таким образом, мы видим, как много в человеческой судьбе значит личность настоящего педагога, который умеет творить и мотивировать своих обучаемых к творчеству, вечному двигателю прогресса.

Список использованной литературы:

1. ru.m.wikipedia.org
2. Гераськина, Т. А. Яркая личность / Т.А. Гераськина // Прикосновение к будущему / Брест. гос. ун-т им. А.С. Пушкина ; редкол.: Л.А. Годуйко, А.Ю. Яницкая ; под общ. ред. О. Б. Переход. – Брест : БрГУ, 2015. –148 с.
3. Жигалова, М.П. Педагогическое образование и личность учителя XXI века (по материалам II Международного форума по педагогическому образованию) // Адукацыя і выхаванне, № 10, 2016 – С. 3-8; Адукацыя і выхаванне, № 11, 2016 – С. 3-8.
4. Борсук Н.Н. Идея, ставшая судьбой / авт.-сост.:Н.Н. Борсук, М.В. Стрелец. – Брест : БрГУ, 2016. – 149 с.

Чагайда Юлия Николаевна (Yu.N. Chagaida), кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусского и русского языков УО «Брестский государственный технический университет» (*Брест, Республика Беларусь*); chagaida@lenta.ru

УДК 378.25(09)(476.7)

ПРОФЕССОР М.П. ЖИГАЛОВА – ПЕДАГОГ И УЧЕНЫЙ ПО ПРИЗВАНИЮ

Аннотация: В статье описывается творческий путь Марии Петровны Жигаловой как ученого и педагога. Рассматриваются основные труды и направления сотрудничества с различными университетами и научными центрами.

Ключевые слова: педагог, ученый, профессор, сотрудничество.

PROFESSOR M.P. ZHIGALOVA – TEACHER AND SCIENTIST BY VOCATION

Abstract: The article describes the creative path of Maria Petrovna Zhigalova as a scientist and teacher. Examines the main works and areas of cooperation with various universities and research centers.

Keywords: teacher, scientist, professor, cooperation.

Имя Марии Петровны Жигаловой широко известно в научных и педагогических кругах. Ее, талантливого ученого, доктора педагогических наук, Заслуженного учителя Беларуси, автора более 400 научных трудов, знают в Беларуси и России, в Украине и Польше, в Германии и Румынии, Иране и Таджикистане, Японии и США. Ее многолетняя и многосторонняя научная и педагогическая деятельность заслужила всеобщее признание и уважение.

Научно-педагогическому сообществу повезло, когда в 1984 году Мария Петровна начала сотрудничать с Брестским педагогическим институтом и работать в качестве преподавателя-совместителя. К этому времени у М.П. Жигаловой была уже хорошая научная база и опыт управленческой и педагогической деятельности. Она создала музей имени А. С. Пушкина в Ореховской средней школе Малоритского района, которому в 1988 году было присвоено звание «Отличный школьный музей» [11, с. 238].

В Брестском педагогическом институте (с 1995 года – Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина), куда она пришла в 1993 году, Мария Петровна прошла путь от рядового преподавателя до профессора кафедры и директора Института повышения квалификации и переподготовки БрГУ.

Годы работы в данном учебном заведении являются насыщенными и плодотворными. Так, уже в 1995 году М.П. Жигалова защитила в Москве кандидатскую диссертацию «Литературное краеведение при изучении славянских писателей» в Институте национальных проблем образования. В 1998 году Мария Петровна получила в Беларуси звание доцента по специальности «литературоведение». В 2002 году ей было присвоено звание члена-корреспондента Академии педагогических и социальных наук Российской Федерации, а в 2008 году – действительного члена Академии.

В 2005 году М.П. Жигалова защитила в Москве в Российской Академии образования докторскую диссертацию и получила диплом доктора педагогических наук. В 2005–2006 годах Мария Петровна работала заведующей кафедрой теории и истории русской литературы Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина. А в 2007 году была избрана профессором этой же кафедры.

Её организаторские способности и жизненная активность были замечены ректором университета М.Э. Чесновским, который с 2012 года назначил её директором Института повышения квалификации и переподготовки УО «БрГУ имени А.С. Пушкина».

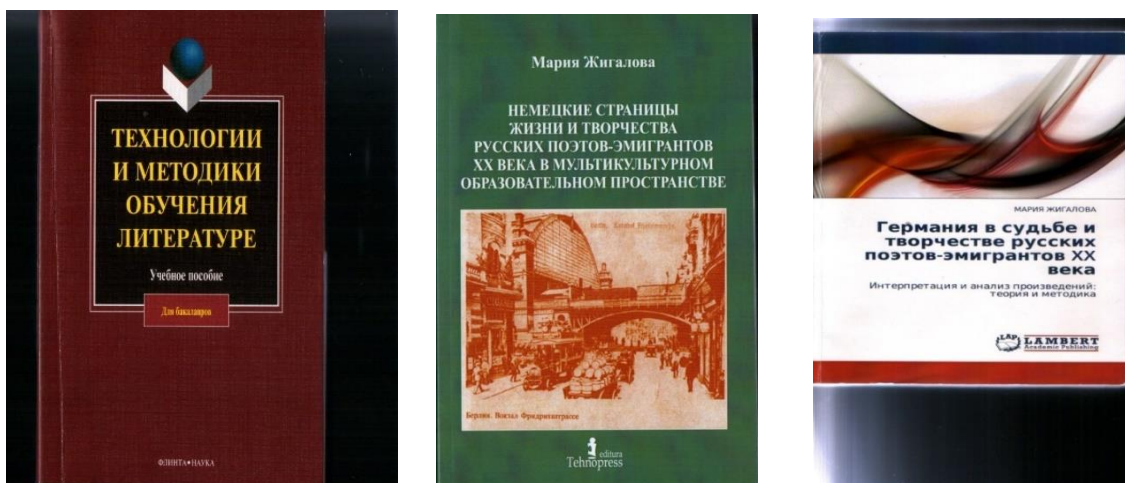
За время работы в Брестском государственном университете имени А.С. Пушкина (а это 23 года) Марией Петровной были написаны и опубликованы такие книги, как «Античная литература в средней школе» [3], «Русская литература

XX века в старших классах» [4], «Типология анализа произведений русской литературы» [5], «Методология познания зарубежной классики» [6] и др. Многие научные и методические издания М.П. Жигаловой вышли с грифом научно-методического центра и Министерства образования Беларуси. Дважды переиздавалась её монография [7; 8] по интерпретации и анализу художественного произведения, которая и сегодня востребована педагогами средней и высшей школы стран СНГ, учёными мира.

Главы по изучению в 11 классе творчества Анны Ахматовой и Марины Цветаевой, написанные для школьного учебника [9], дали возможность учителям и учащимся качественнее вести подготовку к урокам и познавать творчество поэтов.

Данные достижения Марии Петровны – это «результат уникальных способностей, большого труда, неординарности, способности постоянно развиваться, жить и думать, опережая время» [11, с. 237].

Мария Петровна участвовала во многих международных научных и образовательных проектах, в ходе которых были написаны и опубликованы книги в разных государствах мира.

Книги, изданные в России (Москва), Румынии (Яссы), Германии (Берлин)

Среди наиболее значимых из них – выполнение совместного с Россией международного образовательного проекта по преподаванию русского языка на филологических специальностях вузов стран СНГ (2007 г.).

С октября 2008 года по июль 2009 года М.П. Жигалова проходила постдокторскую стажировку в университете имени Гумбольдта (Берлин, Германия). А в 2013 году участвовала в качестве международного эксперта в европейской образовательной программе «Лингвистическое образование в Европе» (Австрия (Венский университет), Чехия (Пражский университет), Германия (университет им. Гумбольдта в Берлине), Польша (Варшавский университет)). Её книги экспонировались на международной выставке «Expolingua, Berlin, 2013».

Мария Петровна успешно сотрудничает многие годы с университетами Ирана, России, Польши, Германии, Австрии, Чехии и др. . Участвует в международных научных конференциях, пишет отзывы на кандидатские и

докторские диссертации, работает с магистрантами, рецензирует статьи во многих журналах.

Выступление М.П. Жигаловой в Москве, 2012 г.

С 2016 г. М.П. Жигалова работает профессором кафедры белорусского и русского языков Брестского государственного технического университета.

Особое доверие к Марии Петровне как ученому и педагогу вызывает тот факт, что на протяжении многих лет она активно внедряет свои научные идеи в педагогическую практику, выступает научным консультантом различных учреждений и проектов, активно участвует в подготовке квалифицированных педагогических и научных кадров.

Более того, она многие годы сотрудничает с Брестским областным Институтом повышения квалификации и переподготовки. Много лет ежегодно для учителей и работников сферы образования организовывались авторские курсы Марии Петровны Жигаловой, а также курсы лекций, которые проходили при высокой активности и заинтересованности слушателей (см. фото ниже).

Особенно востребованными на протяжении долгого времени являются такие темы, как «Новые темы в курсе школьной программы», «Анализ художественного произведения как межкультурного универсума», «Типология анализа произведений различных жанров», «Современный урок литературы и основные требования к нему», «Исследовательская работа учащихся: подготовка и написание».

Многие аспекты концептуальных идей Марии Петровны внедрялись в практику работы учителей-филологов через проблемные и базовые курсы: «Психологический анализ на уроках литературы», «Филологический анализ в школе», «Культуроведческий анализ и формы работы с ним», «Проблемы школьного анализа», «Современные подходы к изучению художественных произведений в старших классах», «Интертекстуальность в творчестве писателей 20 века и способы включения её в школьный анализ».

Авторские курсы и лекции позволяют повысить качество преподавания, использовать различные инновационные формы, методы обучения и организации учебной деятельности учащихся, с учетом их индивидуальных возможностей,

склонностей, способностей, что требует от учителя высокой степени профессиональной подготовки, создания условий для дальнейшей научно-исследовательской работы учителей-филологов, а также приобщения их к творческой деятельности.

М.П. Жигалова с учителями-филологами в РЦНК в Бресте во время вручения ей почётной медали Ф.М. Достоевского, 2022 г.

Активно сотрудничает М.П. Жигалова многие годы и с Российским центром науки и культуры в Бресте. Организует и проводит международные научные конференции, выступает на семинарах для учителей, участвует в работе «круглых столов» и конкурсов, проводит мастер-классы.

Учёные Беларуси, России, Украины, Польши, Румынии, Молдовы на конференции «Этносы и судьбы в современном мире» (г. Брест, 2018 г.)

Участники Международной научной конференции «Род, человек, человечество», посвящённой Ф.М. Достоевскому, 2021 г.

На протяжении своего профессионального пути М.П. Жигалова инициирует создание творческих коллективов по разработке актуальных тем. Так, в 2015-2016 годах она являлась соруководителем европейского проекта, проводимого совместно с учеными Люблинского университета Марии Кюри-Склодовской, который был направлен на исследование песенного творчества пограничья. С белорусской стороны участвовали учёные из двух университетов Брестчины.

По его результатам была издана коллективная монография: *Gdzie bije zrodlo...: Piesni ludowe pogranicza Polski i Bialorusi/ redakcja: Feliks Czyzewski, Agnieszka Dudek-Szumigaj, Marija Zygalova; Transkrypcja: Anna Michalec, Lidija A.Zacharczuk. – Lublin – Wisznice, 2015. – 288 s.*

Коллектив ансамбля Малоритчины «Рыцки куфэрак» с руководителями проекта: проф. из Польши Ф.Чижевским и проф. из Беларуси М.П. Жигаловой, 2015г.

В январе 2017 года при кафедре белорусского и русского языков Брестского государственного технического университета была создана научно-исследовательская лаборатория по социокультурным проблемам пограничья, которую возглавила Мария Петровна Жигалова. Под ее руководством проводятся фундаментальные исследования, направленные на решение социокультурных проблем Брестчины, расширение деятельности по сотрудничеству с международными организациями и зарубежными странами, национальными организациями и учреждениями в рамках как многосторонних, так и двухсторонних соглашений и проектов в области изучения историко-культурной жизни поликультурного пространства региона.

Многие годы она является членом жюри Международного конкурса молодых поэтов, организуемым РЦНК в Бресте, «Русским обществом», Брестским отделением Союза писателей Брестчины.

Международный конкурс молодых поэтов в Бресте, 03.12.2021

«Филолог-русист с 50-летним стажем и исследователь-интерпретатор М.П. Жигалова в своих работах анализирует произведения малоизученных авторов, используя не только сухие факты биографии художников слова, но и собственный жизненный опыт; старается уловить основной психологический настрой души и творческое вдохновение каждого поэта, проникнуть в его духовный мир, осмыслить прочитанное, заглянуть в творческую лабораторию писателя» [1, с. 35].

За время многолетней деятельности взгляды М.П. Жигаловой прошли определенную эволюцию и сложились в педагогическую систему, которая включает в себя значимые положения и структурные компоненты. «Тут мы найдем четко оформленные целевые установки, концептуальные дидактические подходы,

очерченные стратегии по организации и содержанию обучения, ценностные ориентации, советы по развитию мотивационного и творческого потенциала личности, решение культурно-образовательных, воспитательных задач и др. Одним из наиболее значимых положений в этой системе М.П. Жигаловой занимает идея соотношения мультикультурного, полиэтнического и национального, регионального в современной парадигме образования и литературы» [2, с. 123].

Эта система активно внедрена в практику средней и высшей школы, отражена и в методических рекомендациях, предназначенных для работы с иностранными студентами. Она была представлена на Республиканской выставке методических работ в 2019г., где удостоена диплома II степени.

М. Жигалова (в центре) на Республиканской выставке методических работ, 2019г.

В своих работах Мария Петровна использует такой социокультурный подход, как этновитализм, в основе которого лежит идея о национальной культуре как способе реализации творческих сил конкретного народа или этнического сообщества, как важное условие выявления и развития личности в конкретном жизненном и культурном пространстве.

Поликультурное и региональное стало основной идеей монографии Марии Петровны «Полиэтническая литература Малоритчины: интерпретация и анализ произведений» [6], в которой впервые проанализировано творчество региональных художников слова.

На протяжении многих лет М.П. Жигалова исследует творчество русскоязычных писателей Беларуси, описывает мультикультурную модель брестско-подлясского пограничья (монография “Этновитальность и мультикультурность в литературе”, 2012).

Литература Брестчины многие годы функционирует в социуме и успешно развивается в научных кругах в условиях поликультурности благодаря

серьезному ее изучению М.П. Жигаловой и внедрению её исследований в реальную практику работы школ, библиотек и университетов.

Оценку деятельности учёного дали многие её коллеги из разных стран в коллективной монографии [10]. Вот что написала её бывшая студентка Зухра Ускинбаевна Братчук: «Мария Петровна всего добивается сама, своим трудом и терпением, силой духа и воли. Это удивительная и обаятельная женщина, заботливая и любящая мать, талантливый учёный и преподаватель. В ней гармонично сочетаются эти три образа, и в каждом из них она достигла совершенства. Слушая её рассказы о поездках в Москву на 18 съезд профсоюзов СССР или об участии в 7 съезде учителей Беларуси, где она была удостоена звания Заслуженный учитель Беларуси, о новых её научных проектах, о книгах, которые выходят в разных странах на фарси, польском и немецком языках, задаюсь вопросом, как и когда она всё это успевала. И сама же отвечаю на свой вопрос. Она не могла иначе. Чем больше трудностей вставало на её пути, тем радостнее был миг победы.

Я знаю, что всё в жизни неслучайно. И наша встреча дала мне возможность найти себя в учительстве. После окончания педагогического университета вот уже 19 лет я работаю в школе. И когда я придумываю новые творческие проекты или засиживаюсь с учениками допоздна, потому что они меня попросили помочь, я знаю, почему я это делаю с радостью и желанием. Потому что я, как и мой Наставник, не могу иначе...

Есть люди как звёзды...

Это значит, что они во Вселенной

Человеческих судеб мерцают...

Дарят миру талант свой бесценный.

Притяженьем своим удивляют.

В них, как в космосе столько загадок.

Столько тайн, неизведанных прежде.

И в хаосе житейском – порядок,

И в душе Вера вместе с Надеждой.

Есть люди как Солнце...

Это значит, их энергия жизни

Во стократ превышает земную.

Они в вечном полёте над мыслью

И победно над мраком ликуют. [10, с. 250]

Безусловно, достижения Марии Петровны Жигаловой – это результат уникальных способностей, большого труда, преданности профессии, неординарности, способности постоянно меняться и развиваться, жить и думать, опережая время.

Это подтверждают и её коллеги-учёные. Вот что отметил в её характере Отличник просвещения СССР А. Г. Королёв: «Мария Жигалова – это элегантная Женщина, с тонкой ниточкой броскости, которая делает её еще более привлекательной. Её умение одеваться, её прическа... низкий бархатный голос с хрустящим оттенком, огромная внутренняя энергия, сопровождающая все ее движения и ее речь, делают её неповторимой.

Риторство Марии Петровны безукоризненно, речитатив отшлифован, слова моментально связываются в снежинки фраз и словосочетаний; мысль работает с невероятной скоростью, и Мария Петровна мгновенно ее озвучивает с непревзойденным мастерством и талантом оратора.

Да, она, действительно, обладает необычайным и редким даром ратора...

Мария Петровна строго следит за тематикой и логикой своих мыслей, что делает ее речь целенаправленной, а богатый внутренний мир, научные знания и лексический запас – искусной в языковом оформлении, доступной и понятной собеседнику.

Всё это позволяет ей быть весьма коммуникабельной личностью, умеющей притягивать к себе внимание окружающих, а также умеющей убеждать и побеждать» [10, с. 180-192].

Волевой характер и целеустремленность М. П. Жигаловой отметила и доцент кафедры общего и русского языкознания БрГУ им. А. С. Пушкина Станислава Антоновна Королевич в своём стихотворении «У-У-У-У-У-У, какая Женщина!!!» (У – умная! У – учёная! У – упорная! У – увлечённая! У – успешная! У – удивительная!) [10, с. 103]:

*Созданы Богом всецедрым, Вы в мир разноликий явились,
Полной счастливых задатков, к тому же с рожденья,
Роскошью разных талантов родители Вас наделили,
Ангелы Вас одарили упорством, и редким терпеньем.
“Збуража малого дочь рождена для немалых свершений”, –
Добрый оракул пророчил тогда, и пророчил правдиво.
Неисчислимы они и достойны любых прославлений,
Ими сегодня пусть будет увенчано Ваше чело справедливо.
Красит Вас ум, трудолюбие, твёрдость и воля,
Оды достойна настойчивость Ваша, и стойкость, и сила,
Мужество Ваше снискать может зависть Эллады героя,
Мастер Вы в деле любом, и везде совершенства достигли.
Асом-учителем стали, снискав всевозможны награды,
Рукопись каждая к вам возвращается книгой весомой,
И – что прекрасно – по-прежнему планов громады,
Ясные, яркие цели, вихрь вдохновенья знакомый...
Поиск научный заслуженно ВАК оценила в России,
Есть к рубежу юбилейному всякие – все аттестаты,
Титулы, званья, признанье, успехи, труды – всё красиво!
Радуют Ваши и Брест, и Москву, и Европу таланты.
О, неуёмная! Дай Вам Бог сил и здоровья на долгие годы!
Всяких удач и успехов и близким, и детям, и внукам!
Новых идей, и свершений, и истин, а также конкретных доходов,
Академических званий ещё всевозможных по нашим наукам!!!*

Таким образом, мы видим, что судьба М.П.Жигаловой – это судьба белорусской Женщины-матери, вырастившей и воспитавшей троих детей; Женщины-профессионала, которая отдала служению педагогике более 50 лет; Женщины-учёного, который внёс значительный вклад в изучение русской литературы и методики её преподавания в средних и высших учебных

заведениях, демонстрируя эффективность более чем тридцатилетнего тесного сотрудничества с российскими учёными; Женщины-пропагандиста русско-белорусской культуры не только в белорусском социуме, но и за рубежом; Женщины-патриота своего Отечества, деятельность которой все эти годы была направлена на развитие образования в родной Беларуси.

Список использованной литературы:

1. Беженару, Л. Е. Этновитальность и мультикультурность в литературной парадигме концептуального пространства «малой родины» / Л. Е. Беженару // Под звездой великого Пушкина : жизненный и творческий путь Марии Жигаловой. – Брест : Изд-во БрГТУ, 2019. – С. 35.

2. Бельскі, А. І. Мультикультурнае і нацыянальнае ў сістэме педагагічных поглядаў М. П. Жыгалавай / А. І. Бельскі // Под звездой великого Пушкина : жизненный и творческий путь Марии Жигаловой. – Брест : Изд-во БрГТУ, 2019. – С. 123.

3. Жигалова, М. П. Античная литература в средней школе / М. П. Жигалова. – Минск: Мастацкая літаратура, 2000. – 480 с.

4. Жигалова, М.П. Русская литература XX века в старших классах / М. П. Жигалова. – Минск : Аверсэв, 2003. – 222 с.

5. Жигалова, М. П. Типология анализа произведений русской литературы / М. П. Жигалова. – Брест : БрГУ, 2004. – 300 с.

6. Жигалова, М.П. Полиэтническая литература Малоритчины: интерпретация и анализ произведений: монография. – Брест: Издательство БрГТУ, 2017. – 240с.

7. Жигалова, М.П. Интерпретация и анализ в литературе: теория и методика: монография /М.П.Жигалова. – Брест: БрГУ имени А.С.Пушкина, 2008. – 225с.;

8. Жигалова, М.П. Интерпретация и анализ в литературе: теория и практика: монография. / М.П.Жигалова; Брест. гос. ун-т имени А.С.Пушкина. – 2-е изд., доп. – Брест: БрГУ, 2011. – 269с.

9. Жигалова, М.П. Анна Ахматова. Марина Цветаева. В кн: Русская литература: Учебное пособие для 11 кл. учреждений, обеспечивающих получение общего, среднего образования с белорусским и русским языком обучения с 11-летним сроком обучения / Под ред. Мищенчука Н.И., Мушинской Т.Ф. Гриф «Допущено Министерством образования Республики Беларусь». – Мн. : НИО, 2004. – С. 343-360;435-448.

10. Под звездой великого Пушкина: жизненный и творческий путь Марии Жигаловой: коллективная монография / Сост. Д.Л. Назарук-Смит, Дм. Л. Назарук, Р.В.Марченко, В.И. Жигалова, С.В. Жигалова, В.И. Жигалов, В.В. Жигалова. – Брест : Изд-во БрГТУ, 2019 – 315 с.

11. Чагайда Ю. Н. Мудрый наставник и учёный / Ю. Н. Чагайда // Под звездой великого Пушкина : жизненный и творческий путь Марии Жигаловой. – Брест : Изд-во БрГТУ, 2019. – С. 237.

Научное издание

ЭТНОСЫ И СУДЬБЫ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Коллективная монография
Ч. 2.

*Текст печатается в авторской редакции,
орфографии и пунктуации*

Ответственный за выпуск: Жигалова М. П.
Редактор: Митлошук М. А.
Компьютерная вёрстка: Вашкевич Ю. А.

Издательство БрГТУ.
Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/235 от 24.03.2014 г.,
№ 3/1569 от 16.10.2017 г.
Подписано в печать 02.05.2023 г. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Бумага «Performer». Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 13,02. Уч. изд. л. 14.
Заказ № 505. Тираж 100 экз.
Отпечатано на ризографе Учреждения
образования «Брестский государственный
технический университет».
224017, г. Брест, ул. Московская, 267.

ISBN 978-985-493-584-3

